

Жилин В.И.

Законы диалектики: иллюзия истины

Жилин В.И. Законы диалектики: иллюзия истины — М.: Русайнс, 2016. — 263 С.

Законы диалектики, сформулированные некогда Гегелем в рамках «объективного» идеализма, вошли в «генетику» штампов мысли советских и постсоветских выпускников вузов. Почему-то считается доказанным, что количественные изменения переходят в качественные (и наоборот), мир развивается «по "спирали», т.к. отрицание отрицается, а противоположности, борясь друг с другом, образуют единство.

Автор не только ставит под сомнение справедливость этих "законов", но и приводит убедительные аргументы, которые разрушают идеологемы диалектики.

Warrax:

Отличная книга! Не просто указывает на, гм, специфику «логики» диалектики, но показывает, как к диалектике «подтягивали» ранних философов, как диалектика создавала проблемы в СССР и т.д. Очень впечатлило, что проблемы с формальной зубрёжкой как методом обучения были следствием не лени педагогов, а имели диалектическое обоснование: количество повторений должно было переходить в качество понимания.

Из недостатков отмечу, что автор явно не понимает скептицизм, а также местами сомнительно трактует Гераклита (причём использует, пожалуй, худший перевод из имеющихся), а также, похоже, считает Сталина верным ленинцем. Но это всё частности, которые не влияют на общий смысл великолепного разбора диалектики как системы специфических обоснований, при использовании которых диалектик всегда и при любом исходе событий оказывается прав с т.з. диалектики. Очень мощное оружие для запудривания мозгов и манипуляций людьми.

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. Закон единства и борьбы противоположностей.....	7
§1. Гераклит Эфесский в марксистско-ленинской истории диалектики	8
§2. Категория «противоположности» в античной философии	22
§3. Категория «противоположности» в философии Возрождения и Нового времени.....	32
§4. Диалектика «противоположностей» в философии И. Канта	49
§5. Категория «противоположности» в немецкой диалектике XIX века	69
§5. Легитимация агрессивности — предельное основание закона единства и борьбы противоположностей	78
§6. Единство и борьба противоположностей в живой природе	91
§7. Война как диалектическое средство утверждения справедливости и истины	102
Глава 2. Закон перехода количественных изменений в качественные и обратно.....	114
§1. Трансформация категории «количество» в диалектике	114
§2. Трансформация категории «качество» в диалектике	123
§3. Категория «мера» в материалистической диалектике	134
§4. Скачок — методологическое чудо материалистической диалектики	140
§5. Факты «классической» науки против спекуляций диалектики ...	152
§6. Взаимосвязь количества и качества в живой природе	170
§7. Диалектическая связь количества и качества в обучении.....	184
Глава 3. Закон отрицания отрицания	208
§1. Циклы Гераклита в марксистско-ленинской истории диалектики	208
§2. О всеобщности диалектического закона отрицания отрицания.	217

§3. Отрицание отрицания в живой природе	229
§4. Идеальная диалектика «снятия»	239
§4. Общественный прогресс: диалектический закон или идеологическая уловка?	248

Примечание: текст собирался из двух файлов, в первом было две главы с явно недоделанным последним параграфом; его и третью главу пришлось брать из явно распознанного текста, причём автоматом перекинутого в HTML, с местами запутавшимися сносками. Но это не критично, просто у часто цитируемых источников могли сбиться страницы, если ссылки идут подряд.

Введение

Русские философы, причём не только марксисты, всегда относились с пристрастием к Гегелю (см., например, статью П.П. Гайденко¹). Однако особые отношения с философией Гегеля сложились именно у советских философов-марксистов. Особенность этих отношений заключалась в том, что они были не только явными, выраженными в принятии логики и методологии диалектики и отторжении идеализма. Не менее объёмными эти отношения были и в своей латентной части. Отторгая идеализм Гегеля открыто, советские философы-марксисты (а за ними и представители предметных областей познания) исподволь и под прикрытием материалистической терминологии вводили в философский и научный обиход ту идеальную «объективность» и так, как её понимал Г.В.Ф. Гегель. Иначе и быть не могло, ведь метод разрабатывался Гегелем для определённых целей и его нельзя искусственно оторвать от них. А признание тождественности бытия и ничто ко многому обязывает, причём не только в методологии и гносеологии, но и в онтологии. Диалектика в исполнении советских философов-марксистов продолжала приносить свои многочисленные плоды. Методология, совершенно оформленная Гегелем, оказалась чрезвычайно эффективной (для целей идеологии тоталитаризма) и оттого востребованной в сфере управления (манипулирования) сознанием.

Б. Рассел, описывая учение Гегеля в его связи с политическими и социальными условиями, замечает, что это такое «учение, которое, если его принять, оправдывает всякую внутреннюю тиранию и всякую внешнюю агрессию, которую только можно вообразить»². При этом Б. Рассел обращает внимание на то, что построения Гегеля не принадлежат истории, они актуальны здесь и сейчас. «Даже если (как я сам полагаю) почти всё учение Гегеля ложно, — признаёт Б. Рассел, — оно ещё сохраняет значение, которое не просто принадлежит истории, так как оно наилучшим образом представляет определённый вид философии, которая у других менее согласована и менее всеобъемлюща»³.

К. Поппер, говоря о чрезвычайно большом влиянии Гегеля на жизнь идей

¹ Гайденко П.П. Искушение диалектикой: пантеистические и гностические мотивы у Гегеля и Вл. Соловьева / Вопросы философии. — 1998. — №4. — С. 75-93.

² Рассел Б. История западной философии и её связи с политическими и социальными условиями от Античности до наших дней. — М.: Академический Проект; Деловая Книга, 2008. — С. 888.

³ Ibid, С. 874.

и жизнь людей в XX веке, отмечает: «Это прежде всего касается философов, занимающихся историей, политикой и образованием. В политике влияние Гегеля наиболее отчётливо проявляется в том, что и марксисты, занимающие крайне левую позицию, и консервативный центр, и фашисты, занимающие крайне правую позицию, — все они основывают свою политическую философию на Гегеле»⁴.

Трудно не согласиться с этими высказываниями Б. Рассела и К. Поппера, и особенно трудно это в России, в стране, где гегельянство, ранее поставленное К. Марксом и Ф. Энгельсом «на ноги», вошло в «генетику» штампов мысли. И до сих пор (на календаре 2-ое десятилетие XXI века) выпускники российских общеобразовательных учебных заведений объясняют, «используя учение Дарвина», длинную шею жирафов тем, что «нижние листочки на деревьях были объедены, и жирафам приходилось тянуть свои шеи всё выше и выше, что и передалось по наследству».

Не менее настойчивы и выпускники вузов, уяснившие себе «всеобщий» статус «закона единства и борьбы противоположностей». В результате борьба (распра, война, драка) стала пониматься ими как единственное средство достижения не только цели, но и истины. Поэтизируя гераклитовское утверждение о роли войны в установлении справедливости, сторонники диалектики до сих пор полагают, что только в борьбе обретёшь ты и право своё, и счастье. «Борьба необходима, борьба абсолютна, именно в борьбе, — по утверждению А.Н. Аверьянова, — и реализуются идеи единства»⁵.

Почему же диалектика не отпускает умы российской интеллигенции до сих пор? На этот вопрос есть разные ответы. Я приведу лишь один, данный К.Н. Вентцелем ещё в первой трети XX века, но который, с моей точки зрения, и через сто лет сохраняет свою актуальность: «Диамат есть философская система, которая является особенно пригодной для тех политических партий, деятельность которых носит противоречивый характер. Никакая другая философия не может в такой мере оправдать деятельность этого рода политических дельцов, как именно философия диамата. Это также объясняет, почему партия, которая получила господство в нашей стране, так держится за эту философию, базируется на ней и стремится сделать её основой

⁴ Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т.2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. — М.: Феникс, Культурная инициатива, 1992. — С. 39.

⁵ Аверьянов А.Н. Системное познание мира: Методологические проблемы. — М.: Политиздат, 1985. — С. 130.

политического и морального воспитания молодёжи»⁶. Думаю, что диамат, истмат и просто диалектика будут держать человечество в своём плену ещё долго, по крайней мере, до тех пор, пока хитрости не будет поставлен надёжный заслон. Ведь хорошее не может существовать без плохого, доброе без злого, дурное без умного, и мир без войны. А раз так, то и мир может быть установлен лишь посредством развязывания войны, хорошее будет множиться, если дать свободу плохому, а из наших учебных заведений будет выходить всё больше умных людей, если целенаправленно увеличить количество «дурных» выпускников. Вероятно, и извечные беды России могут быть решены с опорой на диалектику единства и борьбы противоположностей. При этом партия, которая поставила диалектику себе на службу, не ограничена членами КПСС или КПРФ. Эта партия значительно шире формальной принадлежности к тому или иному политическому союзу. Имя этой партии — лицемеры.

⁶ Цит. по: Дружников Ю.И. Явная и тайная жизнь Константина Вентцеля // Вопросы философии. — 1996. — №4. — С. 119.

Глава 1. Закон единства и борьбы противоположностей

Закон единства и борьбы противоположностей является ядром диалектики, в том числе и материалистической. По утверждению Ф. Энгельса «объективная диалектика царит во всей природе, а так называемая субъективная диалектика, диалектическое мышление, есть только отражение господствующего во всей природе движения путём противоположностей, которые и обусловливают жизнь природы своей постоянной борьбой и своим конечным переходом друг в друга»¹. Можно много спорить о значении этого закона для поиска истины. Так оно и было, начиная с первых его формулировок, сделанных Гераклитом². Аристотель, как известно, довольно едко высмеивал этот диалектический закон. С его точки зрения, «люди, выставляющие это положение (утверждающие возможность противоречия), уничтожают сущность и суть бытия»³. А советские марксисты считали закон единства и борьбы противоположностей ядром диалектики. Э.В. Ильенков в этой связи признавал: «Противоречие как конкретное единство взаимоисключающих противоположностей есть подлинное ядро диалектики, её центральная категория. На этот счёт среди марксистов не может быть двух мнений»⁴.

Однако следует отметить, что и среди советских философов не было единого взгляда на этот закон. Хотя, уже приняв диалектику как метод и мировоззрение, советские философы не дискутировали о допустимости противоречия в природе и мышлении. Противоречивым должно быть всё. И всё зиждется, движется и развивается на основе противоречий. Поэтому разногласия между советскими философами были иными: одна партийная фракция настаивала на ортодоксальном принятии противоречия («противоречия одновременно истинны»), идущем в разрез с формальной логикой, другая — предлагала некую редакцию, которая позволяла включать в рассуждения противоречия, но так, чтобы не нарушать закона (не)противоречия формальной логики.

¹ Энгельс Ф. Диалектика природы. — М.: Политиздат, 1982. — С. 180.

² Гераклит так не глючил, у него взгляд с разных сторон, а не «единение противоположностей». Кратко см.: <http://warrax.net/2021/2/heraclithml.html> — Warrax

³ Аристотель. Метафизика. — М.-Л.: ОГИЗ, 1934. — С. 65.

⁴ Ильенков Э.В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. — М.: Либроком, 2012. — С. 257.

В.В. Черников в этой связи отмечал: «В советской философской литературе отсутствует единое мнение по отдельным вопросам проблемы, даже по такому узловому вопросу, как понимание сущности диалектического противоречия. Многие авторы (Н.В. Андреев, Э.В. Ильенков, З.М. Оруджев, М.М. Розенталь, А.И. Шептулин и др.) рассматривают диалектическое противоречие как отношение противоположностей, взятых в одном и том же отношении, в одно и то же время, в одном и том же месте. Противоположную точку зрения высказывают Е.К. Войшвилло, И.С. Нарский, В.И. Свидерский и др.»⁵. Однако «отсутствие единого мнения» на «диалектическую» сущность закона единства и борьбы противоположностей не привело советских философов к забвению самого закона, как это почти произошло с приоритетом Гераклита в области диалектики по причине отсутствия «сколько-нибудь общепринятого понимания» его учения. Но и это отсутствие единодушия также способствовало утверждению дела диалектики, ведь, опираясь на этот закон, оказывается возможным объяснить и оправдать всё, любую нелепицу и любой абсурд, т.к. он (этот закон), в силу своей «всеобщности», не только «объясняет» происхождение, движение и развитие природы и общества, но и упраздняет законы формальной логики — и закон тождества, и закон (не)противоречия.

§1. Гераклит Эфесский в марксистско-ленинской истории диалектики

Начало диалектики уходит ко времени 69-ой олимпиады, когда свои многозначные и недружелюбные по отношению к людям высказывания изрекал в Эфесе Гераклит по прозвищу Тёмный.

Открытая ненависть к окружающим (простым труженикам Эфеса) основоположника диалектики в советской («гуманистической») философии не афишировалась. Более того, и само имя Гераклита не особо упоминалось в фундаментальных основах марксизма. Так, С.Н. Муравьёв в Философском энциклопедическом словаре 1983 года в статье, посвящённой Гераклиту, отмечал: «Гераклит (Ηράκλειτος) из Эфеса (ок. 520 — ок. 460 до н.э.), древнегреческий философ, один из ионийских философов. От сочинений

⁵ Диалектическая логика / Под ред. З.М. Оруджева, А.П. Шептулина. — М.: Изд. Мск. ун-та, 1986. — С. 167.

Гераклита, названных позднее “О природе” или “Музы”, сохранилось ок. 150 фрагментов, а также несколько сот свидетельств об учении, подражаний и т.д. Ввиду огромных трудностей филологического восстановления буквы и смысла дошедших текстов до сих пор нет сколько-нибудь общепринятого понимания учения Гераклита¹. Удивительно, но взять в качестве фундаментальной основы своего учения о развитии (материалистической диалектики) идеи философа, а потом сказать, что «до сих пор нет сколько-нибудь общепринятого понимания» этих идей, выглядит, по меньшей мере, странно.

В этом же словаре, но в статье о диалектике, А.Ф. Лосев и А.Г. Спиркин всё же признавали: «Наиболее яркое проявление античной диалектика получила у Гераклита, согласно которому мир, находящийся в постоянном потоке, внутренне противоречив и мыслится в вечном становлении, движении, в единстве противоположностей»². Но далее, вероятно, тоже принимая во внимание отсутствие «сколько-нибудь общепринятого понимания учения Гераклита», авторы вынуждены отделить зёरна от плевел, и не допустить смешения идей «одного из ионийских философов» с незапятнанным и единственно верным учением Маркса-Ленина. Решая эту партийную задачу, А.Ф. Лосев и А.Г. Спиркин конкретизировали: «На основе философии Гераклита и элеатов возникла отрицательная диалектика софистов, которые отойдя от диалектики бытия натурфилософов, привели в бурное движение человеческую мысль с её противоречиями, неустанным исканием истины в атмосфере постоянных споров. Однако, гипертрофируя относительность человеческого знания, они дошли до релятивизма, доведя диалектику до крайнего скептицизма»³. Интересный поворот истории: Гераклит оказывается уже не предтечей диалектики Гегеля и, соответственно, материалистической диалектики; на основе философии Гераклита возникла лишь отрицательная диалектика софистов, релятивизм и скептицизм — течения философской мысли, чуждые марксизму, с которыми советским философам приходилось вести непрестанную идейную борьбу. Более того, непосредственно А.Ф. Лосев в капитальном труде по истории античной эстетики высказывает, опираясь на своё представление о сути философии, сомнение в том, что Гераклит вообще философ: «Если философию понимать как оперирование отвлечёнными

¹ Муравьёв С.Н. Гераклит / Философский энциклопедический словарь. — М.: Сов. энциклопедия, 1983. — С. 109.

² Лосев А.Ф., Спиркин А.Г. Диалектика / Философский энциклопедический словарь. — М., 1983. — С. 154.

³ Лосев А.Ф., Спиркин А.Г. Там же. — С. 154.

терминами и понятиями, то Гераклит совсем не философ»⁴. Интересный поворот истории философии.

Несколько «странные» отношение советских философов к Гераклиту не могло в те времена быть спонтанным, непродуманным. Истоки такого отношения к любому философу обязательно «проистекали» из трудов «классиков» материалистической диалектики.

Впервые на некоторую странность по отношению к Гераклиту обратил внимание ещё В.И. Ленин. Конспектируя «Лекции по истории философии» Гегеля, он заметил, что автор почему-то меняет местами Зенона и Гераклита. Гераклит идёт позже, но слова, сказанные Гегелем в его адрес, В.И. Ленин выделяет: «Здесь перед нами открывается новая земля; нет ни одного положения Гераклита, которое я не принял бы в свою Логику»⁵.

В истории философии хорошо известно, что Гегель, по большому счёту, «воздорил» Гераклита после более 2000 лет забвения, которое было обусловлено разгромной критикой со стороны Аристотеля. При этом, к некоторому удивлению В.И. Ленина, Гегель в «своей» истории философии ставит Зенона впереди Гераклита. И данная реконструкция истории, можно предположить, обусловлена не только схемой Гегеля, согласно которой диалектика идёт от «беспорядочного рассуждения, в котором не растворяется сама душа вещей» («внешняя диалектика»), к «имманентной диалектике», имеющей место в размышлении субъекта, и заканчивается диалектикой Гераклита — «объективной диалектикой». Историческая реконструкция, с моей точки зрения, используется Гегелем и как трюк, позволяющий наглядно продемонстрировать методологическую эффективность диалектики. Ведь Зенон, провозглашённый Гегелем в «обновлённой» им же истории «родоначальником подлинно объективной диалектики»⁶, мог в «обновлённой» истории своей философской доктрины, отрицающей движение, навредить диалектике. А изменив порядок исторических событий, который странным образом не соответствовал логике развития Абсолюта, Гегель не только привёл мир в надлежащий порядок, он ещё дал возможность Гераклиту высказать торжествующее послесловие к «диалектическим» возражениям Зенона по поводу диалектики. Ведь, с точки зрения Гегеля,

⁴ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранняя классика. — М.: ООО «Издательство АСТ», Харьков: Фолио, 2000. — С. 378.

⁵ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.29. Философские тетради. — М., 1977. — С. 234.

⁶ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 1. — СПб., 2006. — С. 273.

«Зенон выразил бесконечное лишь с его отрицательной стороны, признал его вследствие его противоречивости неистинным»⁷. Но, как известно из истории философии, Зенон, отстаивая воззрения своего учителя Парменида, демонстрировал абсурдность идей Гераклита. Гераклит же не имел возможности возразить. Но Гегель довольно легко эту «несправедливость» исправил. Ведь именно Гераклит — вершина античной философии, полагает Гегель. И, поясняя свой взгляд на Гераклита, Гегель утверждает: «У Гераклита же мы видим завершение предшествовавшего сознания, завершение идеи, её развитие в целостность, представляющую собою начало философии, так как он выражает сущность идеи, понятие бесконечного, в себе и для себя сущего, как то, что оно есть, а именно как единство противоположностей»⁸. И всё встало, согласно Гегелю, на свои места. Круг замкнулся. Гармония восстановилась.

«Возрождая» Гераклита, Гегель вместе с тем принимает как основополагающие в свою систему и все положения его учения. При этом диалектика самого Гегеля входит составной частью в материалистическую диалектику. Но далее уже советские марксисты говорят, что «до сих пор нет сколько-нибудь общепринятого понимания учения Гераклита», а трудности восстановления смысла дошедших текстов «огромны». Некоторые, носящие характер гипотезы, разъяснения, предваряющие такую осторожность советских философов, можно найти у Ленина в «Философских тетрадях» в конспекте книги Лассаля «Философия Гераклита Тёмного». Уличая Лассаля в списывании Гегеля по поводу цитат из Гераклита и о Гераклите, В.И. Ленин, вместе с тем, отмечает: «Лассаль совершенно не знает чувства меры в этом сочинении, прямо-таки топя Гераклита в Гегеле. Это жаль. Гераклит в меру, как один из основоположников диалектики, был бы архиполезен: из 850 страниц Лассаля надо бы сделать 85 страниц квинтэссенции и перевести на русский: “Гераклит как один из основоположников диалектики (по Лассалю)”. Могла бы выйти полезная вещь!»⁹. Гераклита на русском языке (т.е., для русских) надо в меру. В.И. Ленин знает, что говорит и что делает: людей, и особенно русских, необходимо информировать в меру; в меру, которую знает лишь авангард рабочего класса. Интересная забота о русских. Похоже, что именно это замечание Ленина о соблюдении меры в подаче для русских цитат из

⁷ Ibid. — С. 289.

⁸ Ibid. — С. 289.

⁹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.29. Философские тетради. — М., 1977. — С. 308.

Гераклита и сведений о нём превратило в дальнейшем усилиями советских философов-энциклопедистов основоположника диалектики в «одного из ионийских философов», который в образной форме «гармонии лиры и лука» обнаружил противоречие. Лениным было сказано, что из 850 страниц «цитат из Гераклита и о Гераклите» надо оставить 85, но каких именно — он не указал, а потому, смею предположить, и возникли во второй половине XX века «огромные трудности филологического восстановления буквы и смысла дошедших текстов» Гераклита.

И уже далее, по согласованному мнению советских философов, оказывается, что не Гераклит ввёл в философию идею изменчивости. При этом и образ реки, на который ссылаются все философы, пишущие о диалектике, соединяя в себе мысль о текучести и становлении бытия, не может служить веским аргументом в диалектическом приоритете Гераклита. А.Ф. Лосев по этому поводу разъясняет: «В последующие времена, когда у греков развилась тончайшая диалектика становления, образ реки и многие другие яркие символы Гераклита были очень удобными тезисами для философских построений, равно как и прекрасной мишенью для диалектических ниспровержений. Этим, вероятно, и объясняется огромная популярность и невероятная раздутость гераклитова символа реки. Однако нет никаких филологических оснований приписывать определённое логическое содержание данному выражению и выставлять этот символ, да и вообще учение о текучести как что-то основное, подавляющее, специфическое для Гераклита»¹⁰. Интересное замечание. Хотя, с моей точки зрения, дополнительные филологические основания особо и не нужны для того, чтобы приписать образу реки определённое логическое содержание. А.Ф. Лосев проводит свою точку зрения далее: «Наоборот, если всерьёз относиться к образности языка дошедших до нас фрагментов Гераклита, то a priori сомнительно, чтобы он с этим образом связывал какие-нибудь отвлечённо-диалектические построения». Вполне возможно и допустить вслед за А.Ф. Лосевым, что Гераклит не связывал с образом реки «отвлечённо-диалектические построения»; однако, такое допущение не исключает, что именно образ реки привёл и самого Гераклита, и его последователей к определённым «отвлечённо-диалектическим построениям». И более того, конкретное, воплотившееся в образе, превратившись в образ, не может не

¹⁰ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранняя классика. — М., 2000. — С. 381.

быть абстрактным. А если принять во внимание, что Гераклит использует и образ реки, и образ огня в одном и том же смысле — как выражение тотального изменения (на тождественность отвлечённо-диалектических смыслов этих метафор обращает внимание и М.К. Мамардашвили¹¹), то принять пунктуальную точку зрения филологов становится почти невозможно.

Складывается впечатление, что А.Ф. Лосев в своём видении творчества Гераклита исходит из своеобразного понимания художественного творчества, согласно которому художественный образ не возникает в творческом акте художника, а является лишь воплощением в чувственно-конкретной форме уже готовых (кем-то подготовленных) понятий — «каких-нибудь отвлечённо-диалектических построений». И это недоверие к идейной самости художников является довольно распространённым в среде интеллектуалов, обладающих, согласно самооценке, способностью к «отвлечённо-диалектическим построениям». Возможно, и распространённым, но не общепринятым. Полагаю, что есть разные художники. При этом переносить творческие приёмы «художников», обладающих технологиями художественной обработки идей, глубокомысленных интеллектуалов, на познавательное творчество Гераклита, как минимум не корректно.

Так, П.В. Копнин, описывая становление и развитие художественного образа, настаивает, в частности, на том, что научное познание и познание художественное лишь специфичны, и не являются двумя различными видами познания. В отличие от авторов, считающих художественный образ первосозданием готовых абстракций, П.В. Копнин утверждает: «Образование художественного образа происходит действительно по общим законам движения познания. А если так, то художник исходит не из готовой идеи, которую воплощает потом в чувственный образ, а из эмпирического материала, из наблюдений над жизнью людей в природе и обществе. Далее он идёт к обобщениям, к познанию сущности явлений, которое имеет свою специфику. Наука от чувственно-конкретного через абстрактное идёт к конкретному в мышлении, к познанию целого в абстракциях, искусство не порывает с чувственно-конкретным, оно подымает его до обобщения большого гносеологического, социального и эстетического значения»¹². А Гераклиту в такой способности почему-то отказали... И вот уже Ф.Х. Кессиди

¹¹ Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. — 320 с.

¹² Копнин П.В. Философские идеи В.И. Ленина и логика. — М., 1969. — С. 445.

утверждает: «Вопрос об отношении диалектического материализма к воззрениям Гераклита, как и трактовка его учения в марксистской философии, антиковедами не рассматриваются. Отдельные же ссылки на высказывания Маркса, Энгельса, Ленина в адрес древнего мыслителя не меняют положения дел»¹³.

Но К.Р. Попперу, в отличие от советских философов, искавших партийную (выгодную для партии) истину на пути согласования (когеренции) и «общепринятого понимания», было проще, и, в этой связи без озирания по сторонам, он сообщает: «Гераклит был философом, открывшим идею изменчивости»¹⁴. Можно, конечно, не согласиться с К.Р. Поппером — известным критиком марксизма, но, как оказывается, и Ф. Энгельс, один из авторов материалистической диалектики, признавал приоритет Гераклита в философском открытии изменчивости мира. Отдавая должное диалектическим идеям всех древнегреческих философов, Ф. Энгельс отмечает: «Когда мы подвергаем мысленному рассмотрению природу или историю человечества или нашу собственную духовную деятельность, то перед нами сперва возникает картина бесконечного сплетения связей и взаимодействий, в которой ничто не остаётся неподвижным и неизменным, а всё движется, изменяется, возникает и исчезает. Этот первоначальный, наивный, но по сути дела правильный взгляд на мир был присущ древнегреческой философии и впервые ясно выражен Гераклитом: всё существует и в то же время не существует, так как всё течёт, всё постоянно изменяется, всё находится в постоянном процессе возникновения и уничтожения»¹⁵.

Выходит, что и К.Р. Поппер, и Ф. Энгельс, даже будучи идеиними антагонистами, вместе с тем одинаково признали заслуги Гераклита перед философией, перед человеческой мыслью. С их «общей» точки зрения, именно Гераклит впервые ясно и чётко заявил об изменчивости мира, именно он открыл идею изменчивости, ведь именно он, Гераклит, утверждал, что «всё течёт, всё изменяется», «всё становится и течёт, и нет ничего устойчивого», «дважды в ту же реку невозможно войти». Можно, конечно, уйти в дали (или шири) филологических интерпретаций этих выражений, но полезнее и проще

¹³ Кессиди Ф.Х. Гераклит и диалектический материализм // Вопросы философии. — 2009. — №3. — С. 142.

¹⁴ Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т.1: Чары Платона. — М.: Феникс,Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. — С. 41.

¹⁵ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведённый господином Евгением Дюрингом. — М.: Политиздат, 1988. — С. 16.

отказаться от изощрённой экзегезы и принять, полагаясь на «правило вежливости» Декарта, высказывания Гераклита буквально — нет ничего устойчивого.

Трудно переоценить это открытие Гераклита. Философия, наука и обыденное мышление с тех пор пропитаны идеей движения, идеей изменчивости. Можно, конечно, не прийти к «общепринятым пониманием» этого фрагмента учения Гераклита, особенно «ввиду огромных трудностей филологического восстановления буквы и смысла дошедших текстов», но это, с моей точки зрения, не является аргументом за то, чтобы отказать в приоритете открытия фундаментального положения диалектики «одному из ионийских философов». Эта историко-филологическая позиция отечественных энциклопедистов вызывает удивление, особенно, если принять во внимание, что Гегель все положения диалектики Гераклита включил в свою философскую систему, Ф. Энгельс и В.И. Ленин признавали и принимали диалектический приоритет «одного из ионийских философов», а советские философы, творчески развивая идеи марксизма-ленинизма, в виду «непреодолимых филологических трудностей» так и не смогли определиться с местом Гераклита в материалистической диалектике.

Однако надо заметить, что советские историки марксистской философии и скрупулёзные филологи-реконструкторы текстов диалектики не были одиноки в своём подходе к (пере)оценке творчества Гераклита. Искали филологическую истину в текстах «одного из ионийских философов» и западные исследователи. При этом за право философа понимать тексты Гераклита философски (а не филологически) вступил именно К.Р. Поппер.

Отстаивая в дискуссии с Барнетом, Кирком и Равеном (которые утверждали, что все мыслители-досократики признавали наличие движения) приоритет Гераклита в открытии изменчивости (в его философском смысле и значении), К.Р. Поппер утверждает, что «они не могут увидеть разницы между утверждением милетцев “В доме имеется огонь” и гораздо более сильным утверждением Гераклита “Весь дом в огне”»¹⁶. Но, по мнению «филологических» оппонентов К. Поппера, огонь у Гераклита есть архетипическая форма материи и ничто в сохранившихся фрагментах не свидетельствует о том, что и скала, и бронзовый котёл постоянно

¹⁶ Поппер К.Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания. — М.: АСТ:АСТ Москва, 2008. — С. 250.

подвергаются изменениям. Отстаивая право философа на свой, нефилологический, взгляд, К. Поппер, будучи «вежливым» к высказываниям предшественников, отмечает: «Однако, что бы ни означало слово “архетипический”, раз мы признали, что в сохранившихся фрагментах Гераклит говорит о том, что вся материя является огнём (в смысле архетипичности или каком-то ином), то, значит, он говорит, что вся материя подобно огню является процессом»¹⁷. А как ещё можно интерпретировать Гераклита, не будучи предвзятым (включившись в построение масштабной идеологической системы), когда читаешь «обрывки» его мыслей: «Всё течёт, всё изменяется», «Всё становится и течёт, и нет ничего устойчивого», «Вся материя целиком изменчива, подвижна, обратима и текуча», «Все <вещи> состоят из огня», «Всё есть движение, и нет ничего кроме него», «Ничто никогда не есть, а всё всегда возникает»¹⁸.

Таким образом, отказавшись от партийной «герменевтики», мы не можем не признать, что, согласно Гераклиту и прежде всего, Гераклиту, вся материя вовлечена в процесс, её (материи) вообще нет вне движения, вне изменения. И именно это положение вошло без каких-либо изменений в материалистическую диалектику — в мире нет ничего, кроме движущейся материи. Меняется всё — и природа, и общество, и мышление. И именно так поняли «тёмные» тексты Гераклита и Гегель, и Энгельс, и Ленин, и Поппер. И пусть они тем самым, как замечает специалист-филолог-историк С.Н. Муравьев, написали свою историю философии, которая отлична от филологической, а иногда и исторической аутентичности. Они и не претендовали на статус историка или филолога. Они, по большому счёту, даже не писали историю философии. Они создавали свои философские системы, включая в них своё понимание наработанного человеческой мыслью ранее. Г.В.Ф. Гегель, некогда обращаясь с историками и филологами, которые рьяно боролись за букву истины текстов Платона, заметил: «Мы, следовательно, не нуждаемся в дальнейших исследованиях, чтобы установить, что в излагаемых мыслях принадлежит Сократу и что Платону. Но, помимо этого, следует ещё заметить, что так как сущность философии всегда остаётся одной и той же, то каждый последующий философ включит и необходимо включает предшествующие философские системы в свою собственную; ему же,

¹⁷ Ibid, С. 251.

¹⁸ Гераклит Эфесский: Всё наследие. — М., 2012. — 350 С.

собственно принадлежит только тот способ, каким он их дальше развивает»¹⁹. Очевидно, что Гегель не нуждался в дополнительных интерпретациях историков и филологов.

Ещё более спорным в своих интерпретациях и с ними связанных последствий является утверждение Гераклита о единстве и борьбе противоположностей. Но именно это положение составляет фундаментальное ядро материалистической диалектики. Г.С. Батищев в «Философском энциклопедическом словаре» 1983 года выверено и согласовано пишет о законе единства и борьбы противоположностей, что это «один из основных законов диалектики, выражающий источник самодвижения и развития явлений природы и социально-исторической действительности, выступающий и как всеобщий закон познания. Закон единства и борьбы противоположностей в системе материалистической диалектики занимает центральное место, являясь сутью, “ядром” диалектики»²⁰.

Для нас очень важно, что Г.С. Батищев вскрывает и истоки этого закона материалистической диалектики: «В истории философии первоначально сложилось представление о повсеместном сцеплении крайностей, об их чередовании и замещении друг другом, о том, что они “сходятся”. Из этого представления выросла концепция поляризма (например, у Лао-цзы, в пифагореизме), которая в иных формах воспроизводится и в ряде школ нового и новейшего времени (Шеллинг, Уайтхед, органицизм)»²¹. И не поспоришь. Всё так и есть. Хотя материалистическая диалектика в качестве своего исторического прародителя имела всё же не Лао-цзы, а Гегеля, и, соответственно, Гераклита. Более того, концепция недеяния (у-вэй), принятая в даосизме, отвергает споры, войны и распри, и предполагает подчинение естественному процессу, гармонии с дао (путь возникновения, развития и исчезновения всех вещей), а не диалектическую расплюю. Пишет Г.С. Батищев и о Гераклите, но после Лао-цзы и вскользь: «Собственно диалектика зарождается там, где вскрывается проблема противоречия; сначала противоречие обнаруживается в виде образа (“гармония лиры и лука” у Гераклита) или апории. Из античных философов наиболее развёрнуто

¹⁹ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 1. — СПб., 2006. — С. 125.

²⁰ Батищев Г.С. Единство и борьба противоположностей // Философский энциклопедический словарь. — М., 1983. — С. 183.

²¹ Ibid.

рассматривал диалектику единства и борьбы противоположностей Платон»²². Вполне своеобразная «история философии».

А.Ф. Лосев тоже обращает внимание на то, что среди досократиков было много философов, которые говорили о совпадении противоположностей: «К вышеприведенному следует добавить, что учение о совпадении противоположностей развивали почти все досократики, и наличие его у Гераклита ничем не выделяет его на фоне общей досократовской философии. Гераклит — это досократовская философия и эстетика вообще, и очень трудно сказать, чем он отличается от неё специфически. Это — общее досократовское эстетико-философское мировоззрение, выраженное в максимально яркой форме»²³.

Трудно не согласиться с А.Ф. Лосевым. Ведь, говоря о том, что учение о совпадении противоположностей — это общее досократовское эстетико-философское мировоззрение, А.Ф. Лосев совершенно прав.

Однако мы не рассматриваем вопрос об исторических приоритетах среди досократиков. В данном случае речь идёт о конкретных исторических предшественниках материалистической диалектики, среди которых, как известно, особое место занимает Гегель — философ, выделивший из всех досократиков именно Гераклита, а также открыто и без «оглядки» на будущих диалектико-филологических (ре)конструкторов, включивший все положения «тёмного» учения в качестве основополагающих, в свою философскую систему.

При этом, несомненно, А.Ф. Лосев делает большой значимости работу — он восстанавливает историческую справедливость, а также соответствие переводов и трактовок сути высказываний самого Гераклита. Однако на Гегеля и философию марксизма эта, открытая А.Ф. Лосевым истина, уже не может повлиять. И для Гегеля, и для всей последующей марксистской философии именно Гераклит был первым выразителем идей диалектики, причём именно в том смысле, в той трактовке, в которой её уразумел Гегель, а не переводчики и «реконструкторы» XX века. И в этой связи критика А.Ф. Лосевым Гегеля и Лассала за неадекватную оценку творчества Гераклита, даже будучи вполне обоснованной методологически, филологически и исторически, может лишь снять вину (если допустить её существование)

²² Ibid.

²³ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранняя классика. — М., 2000. — С. 403.

конкретно с Гераклита как с исторической личности за последующие грехи (если они есть) марксизма. Но эта критика уже не в состоянии изменить диалектической сути марксизма (методологической и мировоззренческой), причём в той интерпретации, которую привнёс Гегель своим пониманием Гераклита. Идея единства и борьбы противоположностей, даже если она исходит сразу от всех досократиков или только от Лао-цзы (предельно миролюбивого), будучи по-своему интерпретирована и принятая на вооружение Гегелем, Марксом и их последователями, уже воплотилась не только в теоретических конструкциях, но и в реальных делах, и, в этой связи, не может быть отменена или изменена историческими и филологическими реконструкциями.

Г.В.Ф. Гегель, «оправдываясь» перед скрупулёзными знатоками языков и истории за «неправильное», «неадекватное» понимание им философии «древних», продемонстрировал и свою точку зрения: «Если философы высказываются о философских вопросах, они необходимо должны следовать своим идеям; они не могут спрятать их в карман. Даже в тех случаях, когда они говорят с некоторыми людьми внешне, идея всё же содержится в том, что они высказывают, если только оно не бессодержательно. Для передачи какого-нибудь внешнего события требуется немного, но для сообщения идеи требуется умение. Она всегда остаётся чем-то эзотерическим, и философы никогда не дают исключительно эзотерическое учение. Всё это — поверхностные представления»²⁴. Для преодоления буквенного смысла нужна работа мысли. Эзотерическое, будучи понято ограниченным кругом людей, не скрывается специально от других — филологов, историков и пр. Г.В.Ф. Гегель в этой связи замечает: «Но эзотерическим является спекулятивное, которое, хотя бы оно было написано и напечатано, всё же, не будучи тайной, остаётся сокрытым для тех, кто не хочет делать усилия мысли»²⁵.

Поразительно, но при чтении советских авторов-энциклопедистов возникает впечатление, что Гераклит имеет лишь косвенное отношение к диалектике и то посредством метафоры «гармонии лиры и лука».

Фиксируя роль Гераклита в открытии диалектического закона единства и борьбы противоположностей лишь как обнаруженное и сформулированное

²⁴ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 1. — СПб., 2006. — С. 124.

²⁵ Ibid. — С. 169.

им образное противоречие «гармонии лиры и лука», советские философы-энциклопедисты почему-то не упомянули о других, более диалектических высказываниях «одного из ионийских философов».

«Гармония лиры и лука» в текстах, составляющих доктрину Гераклита о слиянии противоположностей, тоже была, но был и целый ряд других высказываний, которые, приняв «правило вежливости» Декарта, нельзя интерпретировать иначе, как первые формулировки диалектического закона единства и борьбы противоположностей. Вот они, переведённые, систематизированные и реконструированные знатоком языков и истории С.Н. Муравьевым: «Сущее одновременно множественно и едино и держится через вражду и дружбу»²⁶; «Космос состоит из противоположностей: сухих и влажных, холодных и горячих...»²⁷; «Части мира (единого) состоят из пар противопоставленных друг другу <свойств>»²⁸; «Единое состоит из двух противоположностей, которые себя проявляют, стоит его разделить»²⁹; «Противоположности тождественны: белое и чёрное, хорошее и дурное, сладкое и горькое»³⁰; «Противоположности существуют в качестве <свойств> одного и того же»³¹; «Противоположности взаимно тождественны»³²; «Противоположности сводятся к одному и тому же»³³; «Противоположности — единое»³⁴; «Противоположности — начала, и стоит другой противоположности исчезнуть, чтобы Всё уничтожилось и исчезло»³⁵. И это далеко не все изречения Гераклита в отношении единства и борьбы противоположностей. Гераклит, всё в том же переводе и реконструкции, приводит много примеров, поясняющих идею единства и борьбы противоположностей: «расходящееся всегда сходится»³⁶; «не понимает того большинство, как Единое, расходясь с собою, согласуется: противовратная гармония (лад), как у лука и у лиры»³⁷; «ведь совпадают конец и начало у ободка колеса»³⁸; «моря воды — самые чистые и самые грязные: для рыб они

²⁶ Гераклит Эфесский: Всё наследие. — М., 2012. — С. 132.

²⁷ Ibid.

²⁸ Ibid.

²⁹ Ibid.

³⁰ Ibid. — С. 135.

³¹ Ibid. — С. 137.

³² Ibid.

³³ Ibid.

³⁴ Ibid.

³⁵ Ibid. — С. 136.

³⁶ Ibid. — С. 197.

³⁷ Ibid.

³⁸ Ibid. — С. 198.

сладостны и спасительны, для нас же — гадостны и губительны»³⁹; «путь вверх-вниз один и тот же: <путь прямой>»⁴⁰.

Можно много спорить о значении закона единства и борьбы противоположностей для истории природы и общества, для поиска истины. Так оно и было, начиная с первых его формулировок, сделанных Гераклитом. Аристотель, как известно, довольно едко высмеивал этот диалектический закон. С его точки зрения, «люди, выставляющие это положение (утверждающие возможность противоречия), уничтожают сущность и суть бытия»⁴¹. Не было единого взгляда на этот закон и в советской философии. Хотя, уже приняв диалектику как метод и мировоззрение, советские философы не дискутировали о допустимости противоречия в природе и мышлении. Противоречивым должно быть всё. И всё зиждется, движется и развивается на основе противоречий. Поэтому разногласия между советскими философами были иными (см., например, В.В. Черникова⁴²): одна «фракция» настаивала на ортодоксальном принятии противоречия («противоречия одновременно истины»), идущем в разрез с формальной логикой, другая — предлагала некую редакцию, которая позволяла включать в рассуждения противоречия, но так, чтобы не нарушать закона (не)противоречия формальной логики. Однако «отсутствие единого мнения» на «диалектическую» сущность закона единства и борьбы противоположностей не привело советских философов к забвению самого закона, как это почти произошло с приоритетом Гераклита в области диалектики по причине отсутствия «сколько-нибудь общепринятого понимания» его учения. И эта, окаймлённая принципом партийности, позиция советской философии в отношении закона единства и борьбы противоположностей и его автора не может не вызывать удивления.

Чем провинился Гераклит перед советскими философами? Почему понадобилось реконструировать отведённую ему «классиками» роль в основоположениях марксизма? Однозначных ответов на эти вопросы у меня нет. Есть лишь гипотеза: Гераклита следовало умерить, не допустить всего до массового читателя, получающего образование, так как, будучи фактическим

³⁹ Ibid. — С. 200.

⁴⁰ Ibid. — С. 205.

⁴¹ Аристотель. Метафизика. — М.-Л., 1934. — С. 65.

⁴² Диалектическая логика / Под ред. З.М. Оруджева, А.П. Шептулина. — М.: Изд-во Моец, ун-та, 1986. — 298 С.

родоначальником диалектики — метода и мировоззрения «передового класса» на Земле, он питал и открыто озвучивал ненависть к простым труженикам, считая их безвольными и ленивыми, далёкими от истины и от праведной жизни, которые, будучи движимы порочным безрассудством, предаются неутомимой страсти и стяжанию славы, и при этом лишь игра случая поднимает этих людей выше тех, которые многократно их превосходят своими человеческими достоинствами. Лингвистика и история в этой программе реконструкции играли лишь вспомогательную роль, хотя сами исследователи, скорее всего, были честны перед буквой истории и историей буквы.

Ранее я дал сноску, сейчас укажу ещё раз на заметку «Гераклит и противоположности»:

<http://warrax.net/2021/2/heraclithml.html>

У Гераклита — гармония и взаимодополнение, а не противопоставление! Дуальность, а не дуализм!

§2. Категория «противоположности» в античной философии

Понятие «противоположности» занимает в философии значимое место, начиная с Пифагора, который полагал, что в мире существуют в равных долях свет и тьма, холод и жар, сухость и влажность, доброе и злое, мужское и женское. Введя в философский обиход понятие «противоположности», Пифагор не останавливается на этом и устанавливает связи между противоположностями, демонстрируя тем самым направление в поиске логоса. Ведь, если противоположности существуют в равных долях, как это понимает Пифагор, тогда количество добра в мире равно количеству зла, количество холода равно количеству жара, а количество сухости совпадает с количеством влажности и так со всеми противоположностями. И уже далее, опираясь на «закон» равного количества противоположностей, достаточно посчитать лишь одну, но доступную для счёта, половину из противоположностей, чтобы сделать вполне определённые умозаключения о второй половине, которая может быть скрыта от нас. Более того, противоположности Пифагора не статичны, они движутся, вытесняя друг друга и тем самым, изменяя мир. Так, если в мире возобладает жар, то наступит лето, если холод — зима, увеличение влажности влечёт наступление осени, а

сухости — весну. В мире не только существуют противоположности «низ» и «верх», но на шаровидной Земле есть и антиподы, для которых наш низ является верхом. Да и у самой Земли, согласно онтологии и гносеологии Пифагора, должна существовать противоземля.

Однако, с точки зрения Г.В.Ф. Гегеля¹, Пифагор лишь перечисляет противоположности, и нет в этом перечислении ни порядка, ни смысла. Другое дело Гераклит. У него противоположности уже «работают» в полную силу, ведь сущее одновременно множественно и едино и держится через вражду и дружбу, и стоит одной противоположности исчезнуть, чтобы всё уничтожилось и исчезло. Это уже «закон», диалектический закон, позволяющий объяснить любое изменение в мире. Наличие противоположностей в Космосе Гераклита приобретает, по мнению Г.В.Ф. Гегеля, определённый смысл. Противоположности уже не просто есть в мире, они работают, двигают мир. И с этим «законом» Гераклита трудно не согласиться (хотя чуть менее выражено он уже «проглядывал» и у Пифагора). На самом деле в Космосе есть холодное и горячее, чёрное (отсутствие света) и белое (наличие света), верх и низ, сухое и влажное. А «вражда» и «дружба» противоположностей движет мир. «Дружба» противоположностей, вероятно, заставляет их сближаться, «идти» навстречу друг другу, а «вражда» расталкивает в разные стороны. Но и «дружба», и «вражда» противоположностей заставляет мир двигаться, изменяться. Примеров (наивных и абсурдных), подтверждающих «дружбу» и «вражду» противоположностей, в Эфесе и его окрестностях было предостаточно. Всё двигалось, текло и горело. Всё изменялось. И причиной всеохватывающих изменений, по наблюдениям Гераклита, была либо «дружба», либо «вражда» противоположностей. «Вражда и любовь, — согласно Гераклиту, — <первое>начало всего»².

Однако противоположности, по мнению Гераклита, не просто одновременно сосуществуют в Космосе, они ещё и «тождественны». В связи с чем Гераклит утверждает: «Благое и дурное — одно и то же»³. И добавляет: «Противоположности тождественны: белое и чёрное, хорошее и дурное, сладкое и горькое»⁴. А это уже не столь понятно и бесспорно, если

¹ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн.1. — СПб.: Наука, 2006. — 350 С.

² Гераклит Эфесский: Всё наследие. — М., 2012. — С. 136.

³ Ibid. — С. 134.

⁴ Ibid. — С. 135.

«тождество» понимать как полное совпадение свойств объектов. Более того, с точки зрения Гераклита, не только Космос состоит из тождественных противоположностей, но из них же состоят и «почти все существующие в мире вещи». Похоже, что были веские основания назвать Гераклита Тёмным, или, как это иначе выразил М. Мамардашвили — «философом для философов». И в данном случае вполне очевидно, что диалектика в своём начале либо родная сестра, либо даже мать софистики, согласно которой истина утверждается «красноречием», приведшим к победе в споре. Но складывается впечатление, что Гераклит сознательно морочит неразумных и жадных эфесян, незаслуженно обидевших Гермодора. Морочит и дразнит, разжигая их самомнение и тщеславие: «Благое и дурное — одно и то же»⁵. И чтобы у эфесян не было сомнений в своей правоте, он их успокаивает: «Все вещи — такие, какими видятся»⁶. «Говорить ложь невозможно. Всё истинно»⁷. И вообще «не может быть науки о вечно текущих чувственных вещах»⁸. Более того, даже «противоречия одновременно истинны»⁹. И он всё это говорит, говорит тем, для кого «благополучье и изобилие в золоте»¹⁰, говорит, хотя и понимает, что «ощущения не заслуживают доверия, а зрение лжёт»⁹. Понимает Гераклит и то, что «человек по природе неразумен»¹¹, и «цель жизни — удовлетворение»¹². Но, если зрение лжёт, а ощущения не заслуживают доверия, тогда и не может быть науки о вечно текущих чувственных вещах. Тогда и выходит, что для неразумных не существует лжи и всё для них истинно.

Но, как говорит Гераклит, «природа любит скрываться»¹³ и «лад неявный явного крепче»¹⁴. Гераклит и сам горазд проявить диалектику: он ищет истину, но не хочет ей делиться со своими земляками, подбрасывая им то, чего они хотят и чего, с его точки зрения, собственно, и достойны. Приняв эту противоречивость основоположника диалектики, нам следует сепарировать высказанное Гераклитом о противоположностях, их любви и вражде: одно он

⁵ Ibid. — С. 134.

⁶ Ibid. — С. 125.

⁷ Ibid. — С. 124.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid. — С. 137.

¹⁰ Ibid. — С. 199.

¹¹ Ibid. — С. 125.

¹² Ibid. — С. 131.

¹³ Ibid. — С. 193.

¹⁴ Ibid. — С. 166.

говорит для неразумных, жадных и наглых эфесян, второе — по Речению и Разуму. Ведь «не понимает *<большинство>*, как *<Единое>* расходящееся с собою согласуется: противовратная гармония как у лука и лиры»¹⁵. А истина есть. «Судья истины — всеобщий Разум = Объемлющее (=Мировая душа)»¹⁶. И тогда «тождество» противоположностей вполне можно трактовать как «единство» противоположностей, их соединённость. Такая трактовка подтверждается и Гераклитом, который говорит: «Противоположности существуют в качестве *<свойств>* одного и того же»¹⁷. Все видимые людьми противоположности в едином теряют свои отличия и становятся тождественными, потерявшими различия с точки зрения Всеобъемлющего. В Космосе нет верха и низа, нет холода и жары, нет дня и ночи, нет добра и зла, нет хорошего и плохого. Космосу всё это безразлично. «Имена ничего не значат»¹⁸. И «всем вещам можно *<дать>* единое определение»¹⁹. В результате, Космосу — разумное, большинству — как им самим видится. А если им видится своё и оно не в согласии с Логосом, тогда огонь всё расставит по своим местам. В Едином нет противоположностей.

Учение Платона, как известно, входит одним из фундаментальных оснований в гегелевскую диалектику и, в этой связи, вызывает на себя «огонь» критики со стороны противников историцизма и тоталитаризма (см., например, К. Поппера²⁰). Как известно, Гегель высоко ценил Платона и даже назвал учителем человечества, который, будучи сократиком, всё же «изучал, помимо того, старых философов, преимущественно Гераклита»²¹, т.к. мудрость Сократа не могла его удовлетворить. Однако до сих пор нет убедительных аргументов, подтверждающих предопределенность социологии и политической программы Платона диалектической онтологией, в рамках которой мир есть некая совокупность противоположностей, а его изменение вызвано единством и борьбой этих противоположностей.

Платон разделяет установку Парменида и, соответственно ей, утверждает вечность и вневременность реальности, считая всякие изменения лишь видимостью, иллюзией. Принимает Платон и доктрину изменчивости

¹⁵ Ibid. — С. 166.

¹⁶ Ibid. — С. 126.

¹⁷ Ibid. — С. 137.

¹⁸ Ibid. — С. 139.

¹⁹ Ibid. — С. 137.

²⁰ Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т.1. — М., 1992. — 448 с.

²¹ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн.2. — СПб.: Наука, 2006. — С. 118.

Гераклита. Но изменения, согласно Платону, происходят лишь в чувственном (иллюзорном) мире и не касаются мира идей, что, как выше уже было обнаружено, совпадает с точкой зрения Гераклита. Изменения чувственного мира, в версии Платона, есть лишь распад, гниение, деградация. Очевидно, что Платон не может лишь принять «двойной» (для большинства и для Единого) логики Гераклита и позволить в своих рассуждениях противоречия. Платон говорит и пишет не для большинства. В результате — изменению подвержено одно, а неизменно другое. Неизменное, будучи тождественным в самом себе, постигается мышлением и служит образцом для видимого и имеющего происхождение. Видимый и изменчивый мир, созданный богом, состоит из четырёх стихий — воды, земли, воздуха и огня, которые не являются противоположностями и соединены между собой согласно пропорции. Раскрывая загадку создания видимого мира, Платон в «Тимее» сообщает: «Вот для чего тело космоса рождено из этих и таких именно по качеству и четырёх по числу начал с пропорциональной между ними связью, и отсюда получило оно свой согласный строй; так что, прия к тождеству само с собой, оно не может быть разрушено никем другим, кроме того, кто связал его»²².

Но если в космосе нет противоположностей, этих диалектических движителей, что же тогда заставляет двигаться землю, воду, воздух и огонь, и всё то, что из этих начал состоит? Будучи добрым и независтливым, Устроитель, согласно версии Платона, создал всё подобно себе самому. При этом, «пожелав, чтобы всё было хорошо, а плохого по возможности ничего не было, бог таким образом всё подлежащее зрению, что застал не в состоянии покоя, а в хаотическом и беспорядочном движении, из беспорядка привёл в порядок, полагая, что последний во всём лучше первого»²³. Круглому, сферическому и гладкому с внешней стороны космосу Создатель сообщил и соответствующее движение, которое, по уверению Платона, выглядит следующим образом: «Движение же дал ему такое, какое свойственно его телу, и из семи особенно близкое к уму и разумности. Поэтому, вращая его по одному и тому же пути, в том же месте и в нём самом, заставил его совершать круговое движение, а остальные шесть движений все устранил, чтобы он не сбивался ими»²⁴.

²² Платон. Полное собрание сочинений в одном томе. — М.: Изд-во АЛЬФА-КНИГА, 2013. — С. 979.

²³ Ibid. — С. 978.

²⁴ Ibid. — С. 980.

Движение, о котором говорит Платон, имея в качестве причины божественное влияние, происходит в дальнейшем по кругу, а в некоторых случаях и по прямой, не угасая, или, как сказали бы сегодня, по инерции.

Видимо, по «кругу» движутся и стихии, в своём изменении переходя друг в друга. Платон в этой связи сообщает нам: «Во-первых, мы видим, что то, что носит теперь имя воды, сгущаясь, как мы полагаем, превращается в камни и землю, а будучи растворено и разрешено, то же самое становится ветром и воздухом, воспламенившись же воздух — огнём; затем огонь, сжатый и погашенный, переходит обратно в образ воздуха, а воздух, сдавленный и сгущённый, является облаком и туманом, из которых, при ещё большем сгущении, течёт вода; из воды же происходят опять земля и камни. Таким образом эти стихии, как видно, идут кругом и последовательно дают рождение одна другой»²⁵. Но стихии, эти четыре начала, не противоположны и не подобны друг другу, «могут, однако ж, разрешаясь, происходить одно из другого»²⁶. Это оказывается возможным потому, что каждая из четырёх стихий не представляет собой элементарного образования, а состоит из более простых элементов — треугольников, «из которых слагаются тело огня и тела прочих стихий»²⁷.

Аристотель уже не столь лоялен к Гераклиту, как Платон. Именно Аристотель одним из первых последовательно раскритиковал, исходя из своего понимания, «народную» диалектику Гераклита, утверждая, что «невозможно, чтобы одно и то же вместе было и не было присуще одному и тому же и в одном и том же смысле»²⁸. Ведь если вместе с Гераклитом допустить (пусть всего лишь для неразумного большинства), что «противоречия одновременно истинны»²⁹, тогда, с точки зрения Аристотеля, «всё будет одним, а не только то, что противолежит друг другу»³⁰ (может, и сам Гераклит хотел своей популярной диалектикой лишь привести неразумных эфесян к такому абсурду?). Но для апологетов диалектики такая критическая позиция Аристотеля не приемлема и должна быть ограничена определёнными рамками. М.Г. Макаров находит эту рекреацию: «Антидиалектические моменты (связанные с ролью, которую играет у него

²⁵ Ibid. — С. 989.

²⁶ Ibid. — С. 992.

²⁷ Ibid.

²⁸ Аристотель. Метафизика. — М.-Л.: ОГИЗ, 1934. — С. 63.

²⁹ Гераклит Эфесский. Там же. — С. 137.

³⁰ Аристотель. Метафизика. — М. — Л., 1934. — С. 65.

формальная логика) проявляются, в частности, в том, что *противоположности* относятся им только к миру возможного, где возможности отвечает равно реальная противовозможность. Процесс осуществления не рассматривается как борьба между возможностями, как столкновение сил внутри возникающего»³¹.

Однако следует заметить, Аристотель не против противоположностей вообще. Аристотель лишь против утверждения противоположных суждений, которые одновременно и в одном и том же смысле истинны. Противоположности, согласно Аристотелю, есть и он их даже онтологизирует. С его точки зрения, вполне разумно принять противоположности за начала, «так как начала не выводятся ни друг из друга, ни из чего-либо другого, а, наоборот, из них всё, а это как раз присуще первым противоположностям: они не выводятся ни из других, так как они первые, ни друг из друга, поскольку они противоположны»³².

В «Метафизике» Аристотель подробно объясняет, что он понимает под противоположностями: «Так как вещи, отличающиеся <между собою>, могут отличаться друг от друга в большей или меньшей степени, то есть <следовательно> и некоторое наибольшее различие, и его я называю противоположностью»³³. Однако противоположностями могут называться лишь «вещи» одного рода, отличающиеся лишь по виду. Белое не может быть противоположно тяжёлому, а тёплое — круглому. «У вещей, которые отличаются друг от друга по роду, — поясняет Аристотель, — нет перехода от одной к другой, но они находятся на слишком далёком расстоянии, и их нельзя сопоставлять <между собой>; а там, где они различаются по виду, возникновение каждый раз происходит из противоположных <отправных пунктов>, как из крайних <с той и другой стороны> пределов; но расстояние между крайними пределами — самое большое, а потому и то, которое — между противоположными <определениями>, — точно так же»³⁴.

Приняв противоположности за начала, Аристотель формулирует правило, согласно которому «всё возникающее будет возникать и всё исчезающее исчезать или из противоположного, или в противоположное, или в промежуточное между ними»³⁵. При этом промежуточные вещи состоят из

³¹ Макаров М.Г. Развитие понятий и предмета философии в истории её учений. — Л.:Наука, 1982. — С. 67.

³² Аристотель. Сочинения. В 4-х т. Т.3. — М.: Мысль, 1981. — С. 71.

³³ Аристотель. Метафизика. — М.- Л., 1934. — С. 170.

³⁴ Ibid.

³⁵ Аристотель. Сочинения. В 4-х т. Т.3. — М, 1981. — С.72.

некоторой смеси противоположностей. В результате, согласно Аристотелю, «всё естественно возникающее будет или [самиими] противоположностями или [состоять] из противоположностей»³⁶. Противоположностей ограниченное число, и в каждом роде, по утверждению Аристотеля, имеется лишь одна пара противоположностей, а все иные противоположности сводятся к этой одной. Опираясь на свои представления о противоположностях, Аристотель в результате размышлений приходит даже к «неизбежности» существования материи, которая, будучи первичным субстратом каждой вещи, не исчезает и не возникает. «А если [материя] уничтожается, — согласно логике Аристотеля, — то именно к этому субстрату она должна будет прийти в конце концов, так что она окажется исчезнувшей ещё до своего исчезновения»³⁷.

Но между противоположностями, о которых идёт речь у Аристотеля, нет «распри» и нет «любви», которые приводили бы весь мир в движение. Противоположности Аристотеля не движущие силы, они демонстрируют направления, в которых изменения происходят или могут произойти, так сказать изменения могут идти лишь по «линии», соединяющей противоположности. Горячее становится холодным, проходя точки (отрезки) тепла и прохлады, а не серого или глупого. Аристотель в этой связи даёт следующие разъяснения: «Но бледное возникает из небледного, и не из всякого, а из смуглого или промежуточного между ними, и образованное — из необразованного, однако не из всякого, а только из невежественного или промежуточного, если есть что-либо промежуточное между тем и другим»³⁸.

Приняв точку зрения Аристотеля о противоположностях, о которых, согласно Стагириту, имеет смысл говорить лишь внутри рода, очень важно при решении задач, связанных с изменением чего-либо, правильно определить род, внутри которого, собственно, только и возможно изменение. А это не всегда просто. Так, например, можем ли мы с полной уверенностью сказать, что мужчина и женщина представляют собой противоположности в смысле, определённом Аристотелем? Задаётся этим вопросом и сам Аристотель: «<Здесь> мог бы возникнуть вопрос, почему женщина от мужчины отличается не по виду, в то время как женское <начало> и мужское противоположны друг другу, а различие <по виду> есть противоположение; и точно так же — почему

³⁶ Ibid.

³⁷ Ibid. — С.81.

³⁸ Ibid. — С.71

животное женского и мужского пола не является <в том и другом случае> иным по виду; между тем это различие имеется в животном, поскольку оно берётся само в себе, и его нельзя сравнивать с тем, как дана белизна и чёрнота, но и женский и мужской пол присущ животному, поскольку оно — животное»³⁹. Аналогичное затруднение вызывает и отнесение к противоположностям северного и южного полюсов магнита, чётных и нечётных чисел и т.д. Представляют ли собой отличия мужчины от женщины, чётных чисел от нечётных, северного полюса магнита от его южного полюса максимальное видовое отличие внутри одного рода? Исходя из пояснений Аристотеля, однозначно ответить на эти вопросы не просто. Есть трудности и в определение иных пар противоположностей, на которые обращает внимание Аристотель: единое и многое, равное и большее или меньшее. В дальнейшем последователи Гераклита по диалектическому методу построили много спекуляций, в которых противоположностями произвольно объявлялись всего лишь различные «вещи».

Как выше уже отмечалось, противоположности Аристотеля не являются причиной изменения мира, они лишь обозначают крайние точки каналов, по которым части мира в пределах родов могут «переливаться» от вида к виду. Ведь, согласно Аристотелю, «всё существующее по природе имеет в самом себе начало движения и покоя, будь то в отношении места, увеличения и уменьшения или качественного изменения»⁴⁰. Но почему не допустить, что это нечто «в самом себе», эта природа и есть «вражда» или «любовь» Гераклита? Да и сам Аристотель вскользь намекает на факт «любви» противоположностей, в частности, между формой и материей, женским началом и мужским. Так в «Физике», аргументируя материалистическую точку зрения, он замечает: «И однако ни форма не может домогаться самой себя, ибо она [ни в чём] не нуждается, ни [её] противоположность (ибо противоположности уничтожают друг друга). Но домогающейся оказывается материя, так же как женское начало домогается мужского и безобразное прекрасного — с той разницей, что [домогается] не безобразное само по себе, но по совпадению и женское также по совпадению»⁴¹. Материя «домогается» формы, безобразное — прекрасного, женское начало — мужского. Чем не страсть, чем не любовь или вражда? Что заставляет материю «домогаться»

³⁹ Аристотель. Метафизика. — М.-Л., 1934. — С.178.

⁴⁰ Аристотель. Сочинения. В 4-х т. Т.3. — М, 1981. — С.82.

⁴¹ Ibid. — С.80.

формы? И как назвать внутреннюю «природу» женского начала, которая вынуждает его «домогаться» своей противоположности — мужского начала? Может быть, эта «внутренняя природа» Аристотеля и есть «любовь» или «дружба», «вражда» или «распра» Гераклита?

Однако наиболее проблематичным в понимании сути противоположностей является замечание, высказанное Аристотелем «вскользь». Это замечание о том, что противоположности при слиянии уничтожают друг друга. Выходит, согласно Аристотелю, что мужское начало при слиянии с женским исчезает, равно как и женское, слившись с мужским. Чёрное, «встретив» белое, исчезает вместе с белым. Горячее и холодное при слиянии исчезают, породив нечто третье. Думаю, что скептики очень бы позабавились от такой логики Аристотеля. Ведь быть тёплому (срединному) после слияния горячего с холодным, горячим или холодным зависит от того, кто и «какой» рукой будет определять степень теплоты образовавшейся смеси. А что мы получим в результате соединения лёгкого и тяжёлого? Опять же тяжёлое. Не менее поучительным для нас примером может быть и образование серого после соединения белого и чёрного. Белое останется белым, а чёрное чёрным. Белый свет, осветив чёрный лист бумаги, не делает этот лист серым. Белая краска, после добавления в неё сажи не перестаёт быть белой, а то, что мы видим некую серость обусловлено лишь особенностью нашего зрительного восприятия. Если бы мы обладали более острым зрением, мы увидели бы вкрапления чёрных «кусочков» сажи в белую эмульсию. Чтобы в этом убедиться, достаточно посмотреть на такую смесь в микроскоп. Но если всё же свет (белое) является противоположностью тьмы (чёрного), тогда мы не можем вслед за Аристотелем утверждать, что «противоположности уничтожают друг друга»⁴². Исчезновение противоположностей в результате их «сближения», «слияния», «смешения» в большинстве случаев является лишь «видимым», т.е. зависимым от особенностей нашего восприятия. Поэтому, либо противоположностей в онтологическом значении вообще нет (как это понимали Гераклит и Платон), либо, если допустить их существование в онтологическом значении, следует признать, что при «соединении» друг с другом они не исчезают (аннигиляцию не будем рассматривать и ограничимся классическими «образами»). Однако противоположности, не существуя в реальном мире, тем не менее, могут всё

⁴² Ibid.

же быть, но быть лишь выдумкой человека, его слабого интеллекта, взирающего на мир через призму своей телесности. И Г.В.Ф. Гегель, и его последователи хорошо это понимали, понимали и использовали для одурачивания большинства.

§3. Категория «противоположности» в философии Возрождения и Нового времени

Николай Кузанский признаёт, что «жизнь есть некое движение»¹. Движение может быть «природным» или «интеллектуальным, данным в виде субстанции Богом, и акцидентальным, которое передаёт телам человек. При этом, согласно точке зрения Н. Кузанского, «интеллектуальное движение субстанциально и движет само себя, почему никогда не иссякает»². Душа — это именно та сила, которая неиссякаемо движет миром. Душа беспокойна — она «страдает или вознаграждается». Н. Кузанский разъясняет «деформации» души: «Действительно, как в теле душу теснят телесные переживания, так и вне тела её гнетут гнев, зависть и прочие муки, пока она ещё отягощена телесной грязью и не забыла о теле; её мучит также особо уготованный материальный огонь — такой, что она ощущает ожог от его жара; а нашим здешним огнём она не может быть задета»³. Поразительно похоже на причину движения, когда-то высказанную Гераклитом! Однако пока ещё «гнев», «зависть» и «прочие муки» не представляют собой единства и борьбы противоположностей. Но чуть дальше по тексту, Кузанский, почти перифразом, повторяет за Гераклитом: «Недаром говорят, что душа состоит из тождества и различия, поскольку движется универсальным движением при понимании целого и частным при понимании различных вещей; и точно так же из неделимого и делимого, поскольку сообразуется с делимым и изменчивым»⁴. Противоположности едины. И это ещё не всё. Согласно Кузанскому, всё бесконечно движется по кругу. «Движение души, — замечает кардинал, — то есть жизнь, бесконечно, потому что оно кругообразное возвращение на себя»⁵. Интересное совпадение во взглядах

¹ Кузанский Н. Игра в шар. О видении Бога. — М.: Академический Проект, 2012. — С. 39.

² Ibid. — С. 40.

³ Ibid. — С. 41.

⁴ Ibid. — С. 42.

⁵ Ibid. — С. 44.

основоположника диалектики и верного последователя схоластики. Но Гераклит, как выше мы выяснили, разделял истину для неразумных эфесян (где всё одновременно истинно и противоположности тождественны) и для Космоса (где истинно Речение, Логос, а противоположностей нет), а кардинал Н. Кузанский, вероятно, заботится лишь о спасении душ своей паствы и силе своего слова. В результате именно Николай Кузанский закладывает основы новоевропейской диалектики единства и борьбы противоположностей.

Теперь Аристотель и законы логики становятся не в чести. Они отвергаются логикой диалектической. П.П. Гайденко, вскрывая роль Николая Кузанского в возрождении диалектики, отмечает: «Утверждая в качестве высшего закона мышления принцип совпадения противоположностей, Кузанец тем самым не только переосмыслияет ключевые понятия античной и средневековой философии и науки, но прежде всего устраниет закон тождества, сформулированный Аристотелем, который признавался незыблемым на протяжении более чем полутора тысячелетий»⁶. И далее уже через «призму» Кузанского и Шеллинга, и Гегель воспринимают и интерпретируют Платона и Аристотеля. П.П. Гайденко говорит и об этом: «Николай Кузанский является предшественником новоевропейской философии. В известной мере его можно считать и предшественником новой науки. Именно Николай Кузанский сформулировал некоторые принципы, ставшие ключевыми для европейского мышления, и не только Джордано Бруно, но и немецкие романтики, в том числе особенно Шеллинг, а также Гегель опирались в своих построениях на эти принципы, к которым прежде всего следует отнести учение Кузанца о совпадении противоположностей»⁷. Показательно-симптоматичным выглядит отсутствие в «Лекциях по истории философии» Г.В.Ф. Гегеля⁸ упоминаний о Николае Кузанском, дескать, такого философа вообще в истории философии не было и нет. Хорошая позиция. Ю.И. Чайковский назвал такое «забывание» предшественников «избеганием предтеч»⁹. С моей точки зрения, в таком «забывании» можно проследить даже некоторую закономерность — чем более содержательно (и текстуально) идеи предшественника ближе к излагаемым идеям того или иного автора, тем менее этот предшественник упоминается. В пределе, если эти идеи совпадают

⁶ Гайденко П.П. Николай Кузанский и принцип совпадения противоположностей // Вопросы философии. — 2002. — №7. — С. 135.

⁷ Ibid. — С. 131.

⁸ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн.3. — СПб.: Наука, 2006. — 583 С.

⁹ Чайковский Ю.В. Избегание предтеч // Вопросы философии. — 2000. — №10. — С. 91-103.

— предшественник вообще не упоминается.

Джордано Бруно в своём учении «О Причине, Начале и Едином» соединяет идеи Гераклита, Парменида и Аристотеля. Так, в отношении всей Вселенной, он отстаивает точку зрения Парменида (хотя, по мнению П.П. Гайденко, Бруно понимает единое, «следуя» за Кузанцем¹⁰) и утверждает, что Вселенная едина, бесконечна и неподвижна. Поясняя свою мысль, Дж. Бруно говорит: «Она не рождается, ибо нет другого бытия, которого она могла бы желать и ожидать, так как она обладает всем бытием. Она не уничтожается, ибо нет другой вещи, в которую она могла бы превратиться, так как она является всякой вещью. Она не может уменьшиться или увеличиться, так как она бесконечна»¹¹.

Ноланец признаёт существование противоположностей во вселенной, в материи вселенной. Однако их наличие не движет мир, а, наоборот, исключает возможность изменения вселенной. Вот как Дж. Бруно поясняет свою точку зрения: «Кроме того, так как она в своём бытии заключает все противоположности в единстве и согласии и не может иметь никакой склонности к другому и новому бытию или даже к какому-нибудь другому модусу бытия, она не может быть подвержена изменению в отношении какого-либо свойства и не может иметь ничего противоположного или отличного в качестве причины своего изменения, ибо в ней всякая вещь согласна»¹².

Начав с идей Парменида о неизменном Едином, Дж. Бруно, пользуясь правом «спикера», выгодно для себя чередует «ораторов», нарушая логико-историческую последовательность и справедливость. Он меняет местами Парменида и Гераклита, и уже вслед за Гераклитом признаёт факт изменчивости, но изменчивости лишь «частных» вещей, не затрагивающей Вселенной в целом. «Я отвечаю вам, — заявляет Дж. Бруно, — что изменение ищет не другого бытия, но другого модуса бытия. И таково различие между Вселенной и вещами Вселенной; ибо первая охватывает всё бытие и все модусы бытия; из вторых же каждая обладает всем бытием, но не всеми модусами бытия. И она не может актуально обладать всеми обстоятельствами и акциденциями, ибо многие формы несовместимы в одном и том же

¹⁰ Гайденко П.П. Там же. — С. 140.

¹¹ Бруно Дж. Философские диалоги: О Причине, Начале и Едином; О бесконечности, вселенной и мирах; О героическом энтузиазме. — М.: Издательство «НовыйАкрополь», 2013. — С. 121.

¹² Ibid.

субстрате, или потому, что они противоположны ему, или потому, что они принадлежат различным видам; как не может быть одного и того же индивидуального субстрата относительно акциденции лошади и человека, относительно размеров какого-либо растения и какого-либо животного»¹³.

Но Аристотеля сложнее поставить до Гераклита, так, чтобы «последнее слово» осталось за основоположником диалектики, и Дж. Бруно, вероятно, во имя торжества Истины, «принижает» Стагирита. «Будучи сухим софистом, — даёт свою оценку Аристотелю Дж. Бруно, — он при помощи недобросовестных объяснений и легковесных доказательств извращал суждения древних и сопротивлялся истине, не столь, быть может, вследствие умственной вздорности, сколь в силу зависти и тщеславия»¹⁴. И уже далее, «подчистив» (реконструировав) историю философии, Дж. Бруно рассуждает о противоположностях, которые вполне «мирно уживаются» с принципом противоречия Аристотеля.

Приняв за истину ту часть диалектики Гераклита, которая адресовалась большинству, Дж. Бруно, как непосредственно перед ним и Н. Кузанский, утверждает, что противоположности «совпадают» в Едином, «согласуются». Преодолевая отсталость «бедного мыслю» Аристотеля, который «не усмотрел цели и блуждал в разных направлениях от неё, полагая, что противоположности не могут актуально совпасть в одном и том же предмете»¹⁵, Ноланец аргументирует свою точку зрения примерами, которые, как он сам считает, уверенно подтверждают единство противоположностей. Так, по его уверениям, чётное и нечётное, конечное и бесконечное сводится к единице. Окружность, будучи противоположностью прямой, совпадает с ней «в начале и наименьшем», равно как и в наибольшем. Встав на позиции последователей Пиррона и Агриппы, Дж. Бруно задаёт соответствующие духу гносеологии скептиков вопросы — «какое различие найдёшь ты между наименьшей дугой и наименьшей хордой?», «какое различие найдёшь ты между бесконечной окружностью и прямой линией?». Образы, «нарисованные» скептиками, впечатляют Бруно и он, сделав соответствующий рисунок (рис.1), предлагает вполне разумные (но с позиции очевидности) ответы: «Разве вы не видите, что чем больше окружность, тем

¹³ Ibid. — С. 124.

¹⁴ Ibid. — С. 126.

¹⁵ Ibid. — С. 138.

более она своим действием приближается к прямоте? Кто так слеп, чтобы не увидеть, насколько дуга *BB*, будучи больше дуги *AA*, и дуга *CC*, будучи больше, чем три остальные, показывают, что они являются частями всё больших окружностей и тем самым всё более и более приближаются к прямоте бесконечной линии, бесконечной окружности, обозначенной *IK*?»¹⁶.

Впечатляет. И ведь никто не хочет себя признать слепым вот уже более 4-х веков. Похоже, что софистический аргумент «к образованности» работает без сбоев. На самом деле особо и не возразишь, глядя на «гладь» моря, растёкшегося по сфере радиусом 6300 км (радиус Земли), которая видится «не слепому» наблюдателю как плоская поверхность. Но лишь «видится» и лишь с определённой удалённости от этой поверхности. Окружность и сфера остаются и по форме, и по понятию (с соответствующими критериями) сами собой. Более того, это сохранение формы можно даже наблюдать, если в соответствии с увеличением радиуса окружности или сферы удаляться от них. Так и «плоская» по «глади моря» для сидящего на берегу наблюдателя Земля с высоты птичьего полёта уже не такая и плоская, а фотографии с 30000 км (радиус орбиты спутников), и, тем более, с 380000 км (радиус орбиты Луны) убеждают нас своей наглядностью, что Земля шарообразна.

Почему-то решив, что окружность является противоположностью прямой, Дж. Бруно в результате своих умопостроений удовлетворённо отмечает: «Так что, в конце концов, бесконечная прямая линия становится бесконечной окружностью. Вот, следовательно, каким образом не только максимум и минимум совпадают в одном бытии, как мы это доказали уже в другом месте, но также в максимуме и минимуме противоположности сводятся к единому и безразличному»¹⁷. Делая акцент на совпадении противоположностей в «максимуме и минимуме», Дж. Бруно всего лишь признаёт, оставаясь на

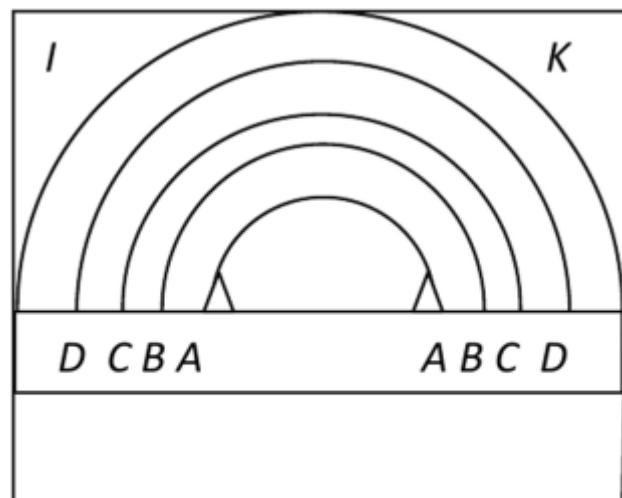

Рис. 1

¹⁶ Ibid. — С. 134.¹⁷ Ibid.

позиции скептицизма, ограниченность нашего чувственного восприятия, и не более. Однако понятийное мышление и технические средства давно сняли с человеческого познания «телесные» ограничения.

Обвинив Аристотеля в «извращении суждений древних», Дж. Бруно своеобразно восстанавливает статус-кво. Повторяя за Гераклитом лозунги популярной диалектики, Ноланец утверждает — «ненависть есть любовь», «любовь и ненависть, дружба и вражда одно и то же». Но, примиряя диалектику (закон единства и борьбы противоположностей) с принципом противоречия Аристотеля, Дж. Бруно реконструирует «извращённые» Аристотелем суждения древних и уже от себя договаривает, дописывает, домысливает за Гераклита. И в этой новой, «восстановленной» редакции, диалектика становится уже вполне умопостижаемой. Вот как это выглядит у самого Дж. Бруно: «Конечно, если мы хорошо обдумаем, то увидим, что уничтожение есть не что иное, как возникновение, и возникновение есть не то иное, как уничтожение; любовь есть ненависть; ненависть есть любовь; в конце концов, ненависть к противоположному есть любовь к подходящему, любовь к первому есть ненависть ко второму»¹⁸. И очевидно, что эти утверждения уже не принадлежат Гераклиту; по крайней мере, тому Гераклиту, с которым вели ожесточённые споры и Парменид, и Аристотель, тому Гераклиту, чьи идеи популярной диалектики безоговорочно и всецело включил в свою философскую систему Гегель. Мы, в реконструированной Бруно диалектике, уже не одновременно и в одном и том же смысле любим и ненавидим один и тот же объект, мы уже любим нечто одно, а ненавидим другое. Уничтожение уже не тождественно возникновению. Согласно Дж. Бруно, уничтожение сменяется возникновением, или наоборот, и лишь последняя степень уничтожения является началом возникновения.

Диалектика Дж. Бруно строится на основах обыденного познания, в обозрении которого день всегда сменяется ночью, жара прохладой, болезнь выздоровлением. Изменения на Земле носят круговой характер, отмечает Дж. Бруно. Из чего, собственно, и делает далее соответствующие обобщения: «Разве от предела наибольшей теплоты не получает начала движение по направлению к холодному? Отсюда ясно, что не только в известных случаях сходятся два максимума в сопротивлении и два минимума в соглашении, но

¹⁸ Ibid. — С. 137.

также максимум и минимум благодаря изменению трансмутации»¹⁹. Почти мистически звучат слова Дж. Бруно о «переливах» противоположностей: «Поэтому врачи не без причины опасаются плохого исхода при наилучшем положении, а прозорливцы особенно боязливы при наивысшей степени счастья»²⁰. Впечатляет. И особенно впечатляет, если этот «закон» применить к явлениям этики (что вполне допустимо, т.к. законы диалектики утверждаются как всеобщие). Ведь, согласно этому диалектическому «закону», от высоконравственного человека, достигшего высшей своей фазы, следует ожидать низменных поступков, а вчерашнему негодяю, исчерпавшему до предела собственную мерзость, ничего не остаётся иного, как встать на путь «очищения» и соблюдать все пункты того или иного морального кодекса. Так ли это? Думаю, что многие сочтут такие утверждения диалектики нелепыми и абсурдными. Но, по мнению Дж. Бруно, «изменения лишь потому носят круговой характер, что существует один субстрат, одно начало, один предел, одно продолжение и совпадение одного и другого»²¹. Один субстрат тёплого и холодного не только соединяет их, но и отождествляет. Наибольший острый угол и наибольший тупой угол, равно как и наименьший острый угол и наименьший тупой угол? уравниваются, отождествляются, по утверждению Дж. Бруно, при «соприкосновении перпендикулярной линии с горизонтальной»²².

Таков «логос», таков «закон», связывающий противоположности в философии Дж. Бруно. Противоположности есть во Вселенной, но не они движут миром, более того, наличие противоположностей даже исключает возможность изменения вселенной, ведь все противоположности находятся в единстве и согласии и не могут иметь никакой склонности к другому и новому бытию и даже к какому-нибудь другому модусу бытия. Противоположности тождественны, ведь чётное и нечётное, конечное и бесконечное сводится к единице, а окружность, будучи противоположностью прямой, совпадает с ней «в начале и наименьшем», равно как и в наибольшем. Гегель в восторге. Он соглашается с Бруно, который полагает, что для проникновения в единство следует исследовать противоположные и противоборствующие «концы вещей», т.к. именно в них вещи умопостижаемы. Гегель хвалит Дж. Бруно за

¹⁹ Ibid.

²⁰ Ibid.

²¹ Ibid.

²² Ibid.

диалектику: «Это — великое слово: Бруно требует такого познания развития идеи, которое показало бы нам, что это развитие представляет собою необходимость определений: мы после увидим, как Бруно взялся за это дело»²³. Гегель как-бы говорит: «Смотрите! Смотрите! Диалектика готова на самопожертвование ради торжества истины!». И тут же на волне эмоционального приятия героизма вводит в обход скептико-рациональных фильтров своё: «В одном и том же понятии познаются противоположности — прекрасное и безобразное, приличествующее и неприличествующее, совершенное и несовершенное, добро и зло. Несовершенное, дурное, безобразное не покоятся на особых собственных идеях; они познаются в некотором другом понятии, а не в лишь им свойственном понятии, представляющим собой ничто»²⁴. Хорошая диалектика истории философии, гегелевская.

Г.В.Ф. Гегель не очень любезен к Ф. Бэкону — вождю и представителю «того, что в Англии называется философией», ведь «о Бэконе можно сказать то, что Цицерон сказал о Сократе: он также низвёл философствование в мирские предметы, в дома людей»²⁵, причём в дома людей того народа, «который ограничивается пониманием *действительности*, предназначен, подобно сословию лавочников и ремесленников в государстве, жить постоянно погруждённым в материю и иметь своим предметом *действительность*, но не разум»²⁶. И хотя Ф. Бэкон тоже не в восторге от диалектики, он, вместе с тем, призывает не упрекать её «за то, что она учит нас строить софизмы»²⁷. Как и Гераклит, Ф. Бэкон не особо расстраивается от того, что противоположности обладают одной и той же сущностью, хотя они и противопоставляются на практике. И во взглядах на движение Ф. Бэкон вполне гераклитианец. Борьба и любовь, желание и стремление, согласно Ф. Бэкону, есть те действующие причины, которые заставляют тела двигаться.

Движение «противостояния» возникает благодаря тому, что материя, в отдельных своих частицах, «не желает быть совершенно уничтоженной»²⁸.

Движение «сцепления» обусловлено тем, что «тела не допускают

²³ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн.3. — СПб.: Наука, 2006. — С. 248.

²⁴ Ibid. — С. 252.

²⁵ Ibid. — С. 285.

²⁶ Ibid. — С. 283.

²⁷ Бэкон Ф. Сочинения в 2-х т. Т.1. — М.: Мысль, 1971. — С. 353.

²⁸ Бэкон Ф. Сочинения в 2-х т. Т.2. — М.: Мысль, 1972. — С. 186.

разобщения в какой-либо части при соприкосновении с другим телом, сохраняя взаимную связанность и соприкосновение»²⁹.

Вследствие стремления тел «освободиться от давления и напряжения, превышающего естественное, и осться в подходящем для них объёме»³⁰, возникает движение «освобождения».

В движении «материи» «тела стремятся к новому объёму, или размеру, и стараются приблизиться к нему охотно и быстро и иногда путём самого бурного усилия (как в движении пороха)»³¹. «Желание» нового объёма заставляет расширяться материю. Средствами служат тепло и холод.

Движение «непрерывности» возникает по причине того, что «все тела избегают ослабления непрерывности»³².

Движение «выгоды» или «нужды» возникает в том случае, когда тела, «находясь среди совершенно чужеродных и как бы враждебных тел, получают возможность избежать этих чужеродных тел и присоединиться к более близким телам»³³. Например, фольга из золота «не любит» окружающего её воздуха прилипает к пальцам или другим плотным телам. Этой же выгодой объясняет Ф. Бэкон и взаимодействие электрических зарядов, «о котором Гильберт и другие после него пустили столько сказок»³⁴.

Движение «большого собрания» возникает благодаря стремлению тел «к массам соприродных им тел: тяжёлое — к земному шару, лёгкое — к окружности неба»³⁵.

Движение «меньшего собрания» оказывается возможным в результате того, что «однородные части в каком-либо теле отделяются от инородных и сочетаются между собой»³⁶.

«Магнитическое» движение относится к роду движений меньшего собрания. Благодаря этому движению луна поднимает воды, а звёздное небо притягивает планеты к их апогеям.

Движение «бегства» происходит в силу «антипатии» между телами. Тела, испытывая антипатию друг к другу, или «убегают от враждебных тел, или обращают их в бегство и отделяются от них, или отказываются смешиваться с

²⁹ Ibid.

³⁰ Ibid. — С. 187.

³¹ Ibid. — С. 189.

³² Ibid.

³³ Ibid. — С. 190.

³⁴ Ibid.

³⁵ Ibid. — С. 191.

³⁶ Ibid.

ними»³⁷. Благодаря этому виду движения происходят выделения животных.

Движение, согласно Ф. Бэкону, возможно также вследствие «простого порождения», либо «самоумножения», как, например, умножение и самопорождение нового пламени «на испарениях и маслянистых телах»³⁸.

Движение «побуждения» действует как бы искусно и украдкой и тайно»³⁹. Движение «побуждения» не ведёт к увеличению того или иного количества вещества (пламени, воздуха, мяса и т.п.). При этом движении умножаются и преобразуются лишь способности (больше теплоты, магнетизма, гниения и т.п.).

Движение «запечатления» всегда зависит от первой движущей силы и сразу же прекращается, как только эта сила исчезает. «Это движение, — как утверждает Ф. Бэкон, — является в трёх вещах: в лучах света, в устремлении звука и в действии магнита в отношении его сообщения. Ибо, если удалить свет, тотчас пропадают цвета и остальные его образы; если удалить первый удар и прекратить последовавшее отсюда колебание тела, немного спустя пропадает звук»⁴⁰.

Иногда тела движутся, стремясь занять то, или иное положение относительно других тел. Такое движение Ф. Бэкон назвал движением «положения» (или движением «очертания»).

Среда, в которой происходит движение, может либо задерживать это движение, или, наоборот, «выдвигать» способности этих тел, способствуя большему их проявлению. Такое движение Ф. Бэкон назвал движением «потечению».

«Царственное» (или «правящее») движение возникает в тех условиях, когда «преобладающие или повелевающие части в каком-либо теле обуздывают, укрощают, подчиняют, располагают остальные части и принуждают их соединяться, разделяться, пребывать, двигаться, размещаться не сообразно их желаниям, но смотря по тому, соответствует ли это велениям и полезно ли это повелевающей части»⁴¹.

Движение «самопроизвольного вращения» происходит в том случае, когда тело повинуется своей природе. Ф. Бэкон говорит об этом движении следующее: «И если тела размещены благоприятно и расположены к

³⁷ Ibid. — С. 195.

³⁸ Ibid. — С. 196.

³⁹ Ibid. — С. 198.

⁴⁰ Ibid. — С. 199.

⁴¹ Ibid. — С. 200.

движению, то они движутся по кругу, т.е. вечным и бесконечным движением. Те же тела, которые размещены благоприятно и боятся движения, совершенно покоятся. А те тела, которые размещены неблагоприятно, движутся по прямой линии (как по наиболее короткому пути) к общности с телами, соприродными им»⁴².

Встречается в природе и движение «дрожания», которым подвержены тела. «Это есть как бы движение вечного плена, — поясняет Ф. Бэкон, — т.е. заключающееся в том, что тела, размещённые не вполне благоприятно для своей природы и всё же не совсем плохо, постоянно дрожат и беспокойно движутся, не будучи довольны своим состоянием и не решаясь продвинуться дальше»⁴³. В качестве примеров такого движения Ф. Бэкон приводит биение пульса и сердца у животных.

Есть ещё и движение «покоя» или движение «избегания движения». Ф. Бэкон и сам считает, что такому движению вряд ли подходит название движение. Однако: «Посредством этого движения земля покоятся в своей массе, в то время как её крайние части движутся по направлению к середине — не к воображаемому центру, но к соединению».

Вследствие этого же стремления все сгущённые в большей степени тела избегают движения, и единственное стремление у них — это не двигаться, так что, если даже их побуждать и вынуждать к движению бесчисленными средствами, всё же они, насколько могут, соблюдают свою природу. А если они вынуждаются к движению, они всё же явно стремятся снова обрести свой покой и своё состояние и не двигаться больше»⁴⁴.

Между различными видами движения происходит борение, и тело повинуется тому своему желанию, которое оказывается сильнее. Примеры борьбы, согласно Ф. Бэкону, надо всюду и тщательно отыскивать, «ибо движения и устремления тел сложны, разложимы и запутаны не менее, чем сами тела»⁴⁵. При этом следует отметить, что борьба, о которой говорит Ф. Бэкон, это не популярная гераклитовская борьба противоположностей. Борьба, о которой говорит Ф. Бэкон, это борьба между различными действующими на тело причинами, побуждающими его к движению (или покоя). Смешение (подмена) борьбы между действующими причинами и

⁴² Ibid. — С. 201.

⁴³ Ibid. — С. 202.

⁴⁴ Ibid. — С. 203.

⁴⁵ Ibid. — С. 186.

борьбы противоположностей возможно лишь для достижения софистических целей.

Р. Декарт не принимает диалектику, причём в любой форме, в любом одеянии. Ему, в отличие от апологетов тождества любви и вражды, для движения не нужны противоположности. «Движение и покой, — согласно Р. Декарту, — лишь два различных модуса тела»⁴⁶. При этом, Декарт утверждает, что «все видоизменения в материи зависят от движения её частей»⁴⁷. Движение, по Декарту, относительно, в связи с чем, упустив некоторые моменты, вполне в духе Гераклита можно утверждать, «что одна и та же вещь в одно и то же время и меняет и не меняет своего места, так же можно сказать, что она одновременно движется и не движется»⁴⁸. Но Р. Декарт в своих формулировках пунктуален и следует логике Аристотеля (принципу непротиворечия), а не популярной диалектике Гераклита (закону единства и борьбы противоположностей). Вещь, согласно утверждению Декарта, в одно и то же время может и менять и не менять своего места, одновременно двигаться и не двигаться, однако весь этот «релятивизм» наблюдается с разных точек зрения.

Первопричиной движения, по Декарту, является Бог, который «постоянно сохраняет в мире одинаковое его количество»⁴⁹. И уже далее из этого принципиального положения вытекает ряд следствий, сложившихся в итоге в механику и новую физику. «Всякая вещь пребывает в том состоянии, в каком она находится, пока её что-либо не изменит»⁵⁰. «Всякое движущееся тело стремится продолжать своё движение по прямой»⁵¹. «Если движущееся тело встречает другое, более сильное тело, оно ничего не теряет в своём движении; если же оно встречает более слабое, которое оно может подвинуть, то оно теряет столько движений, сколько сообщает»⁵².

Похоже, что Р. Декарту вообще не особо нужны противоположности. В его системе даже надлунный и подлунный миры не противоположны, ведь «Земля и небеса созданы из одной и той же материи»⁵³. Противоположными

⁴⁶ Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках и другие философские работы. — М.: Академический Проект, 2011. — С. 189.

⁴⁷ Ibid. — С. 187.

⁴⁸ Ibid. — С. 188.

⁴⁹ Ibid. — С. 194.

⁵⁰ Ibid. — С. 195.

⁵¹ Ibid. — С. 196.

⁵² Ibid. — С. 197.

⁵³ Ibid. — С. 187.

могут быть лишь направления движения. Р. Декарт в этой связи поясняет: «Противоположность бывает только двух родов, а именно между движением и покоем, или между быстротой и медленностью движения, поскольку медленность, конечно причастная природе покоя. Вторая противоположность — между направленностью движения тела в ту или другую сторону и сопротивлением других тел, встречаемых им на пути, будь то потому, что эти тела пребывают в состоянии покоя или двигаются иным образом, или потому, что движущееся тело различным образом сталкивается с их частями»⁵⁴. Но, обозначенные Декартом две противоположности движения, носят вспомогательный характер, ведь движение и покой — лишь два различных модуса тела, а вещь в одно и то же время, но в различных системах отсчёта, может одновременно двигаться и не двигаться.

Однако только Гегель может знать, где находится диалектика. И он её очень просто находит и у Картезия, ведь её нельзя не найти у философа, который «является героем, ещё раз предпринявшим дело философствования, начавшим совершенно заново всё с самого начала и создавшим снова ту почву, на которую она теперь впервые возвратилась после тысячелетия отречения от неё»⁵⁵. Г.В.Ф. Гегель хорошо понимает влияние Декарта на эпоху и на ход развития всей философии. Согласно Гегелю, историческая заслуга Р. Декарта перед диалектикой заключается в том, что он «как бы поставил перед мыслью открытую им противоположность»⁵⁶ между мышлением и бытием (протяжённостью).

Бенедикт Спиноза принимает принцип инерции, сформулированный Декартом, и доказывает теорему, согласно которой: «Всякая вещь, насколько от неё зависит, стремится пребывать в своём существовании»⁵⁷. Более того, именно «стремление вещи пребывать в своём существовании есть не что иное, как действительная (актуальная) сущность самой вещи»⁵⁸. Будучи сторонником рационализма (интеллектуализма), Б. Спиноза всецело принимает и «антидиалектический» принцип (не)противоречия Аристотеля. Противоположности не могут сосуществовать в одном и том же субъекте. «Если бы такие вещи могли согласовываться одна с другой или находиться

⁵⁴ Ibid. — С. 199.

⁵⁵ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн.3. — СПб., 2006. — С. 318.

⁵⁶ Ibid. — С. 319.

⁵⁷ Спиноза Б. Краткий трактат о Боге, человеке и его счастье; Трактат об усовершенствовании разума; Этика. — М.: Мир книги, Литература, 2010. — С. 307.

⁵⁸ Ibid.

вместе в одном и том же субъекте, — доказывает свою теорему Спиноза, — то, следовательно, в этом субъекте могло бы существовать что-либо способное его уничтожить, а это нелепо»⁵⁹. Любовь и ненависть одновременно не могут наполнять нервную систему индивида. Я могу и любить, и ненавидеть, но совместить это нельзя, не прибегая к софистике (диалектике). Сильное эмоциональное состояние не может быть амбивалентным. Однако «раздвоение» отношения к одному объекту вполне возможно в связи с неоднородностью (многоаспектностью) самого объекта. У Б. Спинозы в этой связи есть даже постулат, согласно которому «тело человеческое слагается из очень многих индивидуумов (различной природы), из которых каждый весьма сложен»⁶⁰. Но и в случае «раздвоения» отношения к «одному» объекту состояние нервной системы не может быть наполовину «наполнено» ненавистью, а наполовину любовью. Б. Спиноза, рассматривая случай, когда у человека возникает к той или иной вещи в одно и то же время и любовь и ненависть, всё же не может «обойти» принцип противоречия Аристотеля и поясняет: «Такое состояние души, возникающее из двух противоположных аффектов, называется душевным колебанием, которое поэтому относится к аффекту точно так же, как сомнение к воображению; и душевное колебание, и сомнение различаются между собой только по степени»⁶¹. *Душевное колебание*. А это уже не одновременно присуще и не присуще одному и тому же с одной и той же точки зрения.

В своих метафизических воззрениях Б. Спиноза продолжает линию Парменида. Субстанция существует лишь одна, и эта субстанция — бог. «Кроме бога, — доказывает Б. Спиноза, — никакая субстанция не может ни существовать, ни быть представляема»⁶². Бог есть «вещь мыслящая» и «вещь протяжённая». И уже из идеи бога вытекает бесконечно многое бесконечно многими способами — утверждает Спиноза.

Отдельные вещи «внутри бога» могут изменяться. Но движущей причиной этих изменений не являются противоположности. Вещь может изменяться лишь под действием внешней причины, и более того, согласно Б. Спинозе: «Никакая вещь не может быть уничтожена иначе, как внешней причиной»⁶³. Производящей причиной в метафизике Спинозы является бог.

⁵⁹ Ibid. — С. 306.

⁶⁰ Ibid. — С. 259.

⁶¹ Ibid. — С. 315.

⁶² Ibid. — С. 207.

⁶³ Ibid. — С. 306.

Добро и зло, порядок и беспорядок, тепло и холод, красота и безобразие, всё это, согласно Б. Спинозе, не относится к вещам. Между ними даже нет середины, как это было у Аристотеля. На самом деле, что получится при «слиянии» красоты и безобразия, добра и зла, порядка и беспорядка, покоя и движения? Трудно даже вообразить. «Между добром и злом нет середины» — утверждает Спиноза. «Противоположности», с его точки зрения, есть лишь результат воображения «незнающих» людей. Рассмотрев через призму человеческого «незнания» и антропо(эго)центризма некоторые парные понятия, трактуемые сторонниками диалектики как противоположности, Б. Спиноза замечает: «Остальные понятия также составляют не что иное, как различные способы воображения, что, однако, не препятствует незнающим смотреть на них, как на самые важные атрибуты вещей; ибо, как мы уже сказали, они уверены, что все вещи созданы ради них, и называют природу какой-либо вещи хорошей или дурной, здоровой или гнилой и испорченной, смотря по тому, как она на них действует»⁶⁴. Внутри Бога, в природе нет противоположностей и быть не может — такова точка зрения Спинозы. Тем самым Б. Спиноза последовательно развенчивает диалектику для народа, в которой «противоположности» есть лишь результат воображения «незнающих» людей.

Но для Гегеля слова Спинозы не обладают собственным содержанием и собственной логикой. Для Гегеля главное в словах, сказанных другими, то, что именно он, Гегель, подумал об этих словах. А Гегель подумал, что и Спиноза, несмотря на «простоту своей философии», подтверждает наличие противоположностей и, значит, всесилие диалектики: «Мы видим, таким образом, что смысл этого выражения состоит в том, что должно понимать бытие как единство противоположностей. Здесь основное устремление не в том, чтобы откинуть и отодвинуть в сторону противоположность, а в том, чтобы опосредствовать и разрешить её»⁶⁵. Так, в результате несложных трансформаций антидиалектика Спинозы превратилась в диалектику. Бытие, как это узрел Гегель, взятое уже не абстрактно, а определённо как протяжение, будучи противоположностью мышлению, является одновременно и тождественным ему. В итоге диалектика получает дополнительные аргументы своего всесилия, о чём Гегель рад сообщить:

⁶⁴ Ibid. — С. 237.

⁶⁵ Гегель, Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн.3. — СПб.: Наука, 2006. — С. 347.

«Спинозовское чистое мышление, следовательно, уже больше не является наивным (das Unbefangene) всеобщим Платона, а есть единство, которое вместе с тем знакомо с абсолютной противоположностью между понятием и бытием»⁶⁶.

Джон Локк различает «идеи только трёх видов субстанций» — бог, конечные духи и тела. При этом бог, как вид субстанции, безначален, вечен и вездесущ. Будучи приверженцем принципа (не)противоречия Аристотеля, Дж. Локк утверждает, что эти три вида субстанций не исключают друг друга из одного и того же места, хотя каждая из них с необходимостью исключает из одного и того же места субстанцию своего вида. Речи о противоположностях нет. Дж. Локк говорит о различии и тождестве. Субстанции различаются, но не являются противоположностями.

Тепло не противоположно холоду. Это всего лишь наши, часто ситуативно изменяющиеся, ощущения, обусловленные движением частичек тела. «Снимая» диалектическую оппозицию горячего и холодного, Дж. Локк отмечает: «Но если ощущения тепла и холода есть только увеличение или уменьшение движения в мельчайших частицах нашего тела, причиняемое корпускулами других тел, то легко понять, что если в одной руке движение сильнее, чем в другой, и если к обеим рукам приложено тело, движение в мельчайших частицах которого сильнее, чем движение в мельчайших частицах одной руки, и слабее, чем движение в мельчайших частицах другой, то оно усилит движение в одной руке и уменьшит движение в другой и таким образом вызовет зависящие от этого различные ощущения тепла и холода»⁶⁷.

Добро и зло, любовь и ненависть, радость и печаль — всё это лишь модусы удовольствия и страдания. Как полагает Дж. Локк, «вещи бывают добром и злом только в отношении удовольствия и страдания»⁶⁸. В природе нет ни добра, ни зла. Зло «напротив» добра лишь в нашей оценке, возникающей из наших ощущений и рефлексии. Дж. Локк в этой связи отмечает: «Добром мы называем то, что способно вызвать или увеличить наше удовольствие либо уменьшить наше страдание или же обеспечить либо сохранить нам обладание каким-нибудь другим благом или же отсутствие какого-нибудь зла. Злом, напротив, мы называем то, что способно причинить нам или увеличить какое-нибудь страдание, либо уменьшить какое-нибудь

⁶⁶ Ibid.

⁶⁷ Локк Дж. Сочинения в 3-х т.: Т. 1. — М.: Мысль, 1985. — С. 189.

⁶⁸ Ibid. — С. 280.

удовольствие, или же доставить нам какое-нибудь неудовольствие, либо лишить нас какого-нибудь блага»⁶⁹.

Как «верх» и «низ», «право» и «лево», «тепло» и «холод», так и «удовольствие» и «страдание» определяются и противопоставляются лишь по отношению к нашему телу (или душе). Дж. Локк отмечает: «Под «удовольствием» и «страданием» я разумею то, что относится либо к телу, либо к душе, как это различают обыкновенно, хотя, говоря по правде, это только различные состояния ума, вызываемые иногда расстройством в теле, иногда же — мыслями в уме»⁷⁰.

Вещи, согласно Дж. Локку, могут изменяться, изготавливаться, рождаться и твориться. Причём происходит всё это без участия противоположностей. Всякому изменению есть причина. Действующими причинами являются силы, а конкретно, активные силы, то есть такие силы, которые способны производить перемены. Дж. Локк принимает принцип инерции и связанный с ним закон сохранения количества движения (импульса).

Первоначалом, первоисточником движения Дж. Локк утверждает бога. К этой точке зрения Дж. Локк приходит в результате цепочки рассуждений: «Два тела, помещённые в состоянии покоя друг возле друга, никогда не дадут нам иной идеи силы приведения в движение одного другим, кроме как заимствованного извне движения; между тем душа каждый день доставляет нам идеи активной силы приведения тела в движение. А потому заслуживает нашего рассмотрения вопрос: не является ли активная сила отличительным свойством духов, а пассивная — отличительным свойством материи?»⁷¹. Отвечая на этот вопрос, Дж. Локк допускает предположение, согласно которому «с сотворённые духи не совсем отделены от материи», т.к. они могут быть и активными, и пассивными. Только активным, согласно точке зрения Дж. Локка, является дух не связанный с материей — «чистый дух, т.е. бог»⁷².

Дж. Локк своим антидиалектическим «метафизицирующим эмпиризмом» раздражает Г.В.Ф. Гегеля, раздражает своей понятностью, ведь, «диалектическое рассмотрение им совершенно оставлено»⁷³. И Гегель не скрывает своего отношения к тому, что в Англии называют философией: «Локковская философия, следует согласиться, представляет собою очень

⁶⁹ Ibid.

⁷⁰ Ibid. — С. 281.

⁷¹ Ibid. — С. 362.

⁷² Ibid. — С. 363.

⁷³ Гегель, Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн.3. — СПб., 2006. — С. 380.

понятную, и именно поэтому также и очень популярную философию, к которой примыкает всё английское философствование, каким оно является и в наше время»⁷⁴.

Э.Б. де Кондильяк, как ранее Р. Декарт, Г. Галилей и Б. Спиноза утверждает: «Тело сохраняет состояние покоя, если только какая-нибудь причина не заставит его изменить место»⁷⁵. Согласен Кондильяк и с тем, что «тело, приведённое в движение, стремится двигаться равномерно и прямолинейно»⁷⁶. При этом Кондильяк отказывается от выяснения того, что представляют собой движение (его природа) и сила, и утверждает лишь их наличие. Он так и говорит: «Оставим же все эти вопросы и ограничимся тем, что скажем: существуют движение и сила, т.е. причина, которая его производит, но о которой у нас нет никакой идеи»⁷⁷. Без любви, вражды, желания и пр. Есть просто сила, которая сообщает телу движение.

§4. Диалектика «противоположностей» в философии И. Канта

В советский период марксистской философии об И. Канте писали довольно много, хотя в подавляющем большинстве публикаций авторы были предвзяты, исходя из гегелевского посыла — двойственности и непоследовательности Канта. В этой связи философско-литературное поле кантовской темы было обширным, что позволяло желающим почти безболезненно маневрировать между материализмом и идеализмом, диалектикой и метафизикой, определяя «свою» философскую нишу. Так, например, вначале, без достаточных на то оснований, И. Канта можно было назвать философом, который «впервые в истории немецкого идеализма восстановил диалектику, разработал сам некоторые важнейшие её вопросы и своими работами сообщил сильный толчок её дальнейшему развитию»¹, а потом предъявить обвинение в недостатках «его» диалектики, которые «стоят в прямой связи с дуалистическим характером всей философии Канта и в особенности его теории знания»². И всё нормально, всё приемлемо. Остаётся

⁷⁴ bid. — С. 389.

⁷⁵ Кондильяк Э.Б. Сочинения: в 3-х т. Т.3. — М.: Мысль, 1983. — С. 47.

⁷⁶ Ibid. — С. 47.

⁷⁷ Ibid. — С. 49.

¹ Асмус В.Ф. Избранные философские труды. — М., 1971,- — С. 61.

² Ibid. — С. 69.

только догадываться, как эти же самые философы охарактеризовали бы зоологов, причисливших кита к птицам, а затем начавших критиковать этого кита за то, что он без перьев, не летает и не откладывает яиц. Но это «соринка» в чужом глазу. Принцип партийности советской философии позволял в своём глазу не замечать и гораздо более масштабные объекты, нежели «диалектика» Канта.

Адепты диалектики и особенно марксистской в качестве своеобразного подтверждения своего всесилия нередко прибегали к широко известному софистическому приёму, который принято называть «аргумент к авторитету». Так в число основоположников диалектики были зачислены и Платон, и Аристотель, и Декарт, и Спиноза, и Кант. Однако с падением монополии на мысль, всё постепенно становится на свои места. И сегодня уже есть возможность высказать своё понимание взглядов тех или иных философов вне установленных (разрешённых) идеологических клише.

О Канте как о философе, внёсшем большой положительный вклад в возрождение и становление диалектики, известно довольно много. Об этом писали Г.В.Ф. Гегель³, Ф. Энгельс⁴, В.И. Ленин⁵, В.Ф. Асмус⁶, Ж.М. Абдильдин⁷, Н.К. Вахтомин⁸ и др.

В.Ф. Асмус, вскрывая диалектику в философии И. Канта, отмечал: «Положительная ценность кантовской философии в том, что Кант впервые в истории немецкого идеализма восстановил диалектику, разработал сам некоторые важнейшие её вопросы и своими работами сообщил сильный толчок её дальнейшему развитию»⁹.

С точки зрения В.Ф. Асмуса, И. Кант в своих ранних работах, будучи ещё «незрелым» философом (и, скорее всего, именно поэтому), делает существенный вклад в диалектику. В качестве «важнейших» диалектических элементов в естественнонаучных трудах И. Канта, В.Ф. Асмус выделил:

- обнаружение бессилия «обычных» законов тождества и противоречия в процессе познания природы мышления;

³ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн.3. — СПб., 2006. — 583 С.

⁴ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведённый господином Евгением Дюрингом — М., 1973. — 483 С.

⁵ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.29. Философские тетради. — М., 1977. — 783 С.

⁶ Асмус В.Ф. Избранные философские труды. Т.II. — М.: Изд-во МГУ, 1971. — 446 С.

⁷ Абдильдин Ж.М. Диалектика Канта. — Алма-Ата: Изд-во «Казахстан», 1974. — 160 С.

⁸ Вахтомин, Н.К. Теория научного знания Иммануила Канта. Опыт современного прочтения «Критики чистого разума». — М.: Наука, 1986. — 208 С.

⁹ Асмус В.Ф. Избранные философские труды. Т.II. — М., 1971, — С. 61.

- открытие (или переоткрытие) идеи соотносительности покоя и движения, из которой следует, «что в природе нет явлений абсолютно разобщённых, отдельных друг от друга и замкнутых в себе, но все соотносительны, и все вещи связаны между собой взаимодействием»¹⁰.
- разработку теории развития природы на основе механики Ньютона;
- подрыв одного из главнейших устоев метафизического мировоззрения, согласно которому мир конечен, ограничен и замкнут.

Сомнительные аргументы. Но марксистско-ленинская история философии, будучи преемственницей гегелевского подхода в написании истории философии, имеет свои резоны. Приклейте ярлык, поменять хронологию событий посредством изменения последовательности изложения — всё это довольно простые, но эффективные приёмы партийного написания истории философии (как, впрочем, и истории вообще). Так и с историей диалектике. Признаёт тот или иной мыслитель движение или связь вещей между собой каким-либо взаимодействием — наш! Диалектик! Говорит человек о противоположностях и противоречиях, пусть даже отвергает наличие противоположностей в мире и соглашается с тем, что противоречащие суждения не являются одновременно в одном и том же отношении истинными — тоже диалектик! И не важно, что при этом сам человек отрицает свою принадлежность к диалектикам, а диалектику считает пустословием и обманом. Если ты глубокий и признанный философ прошлого и тебя, соответственно, уже нет в живых (чтобы не мог возразить) — мы тебя назовём диалектиком и засунем в свой кузовок!

Однако И. Кант как-бы предвидит будущий поворот в истории философии и «сопротивляется» сборщикам «голов». Заранее предупреждая усердие марксистов, желающих выставить его «ступенькой» к Гегелю, Кант, правда, по выражению В.Ф. Асмуса, уже «созревший», и, вероятно, от того написавший работы по критической гносеологии, из которых несомненно явствует «усиление дуалистической тенденции его мышления», в явном виде высказывает своё отношение к диалектике, называя её «логикой видимости». Разъясняя своё понимание диалектики И. Кант отмечает: «Хотя древние пользовались этим названием науки или искусства в весьма различных значениях, тем не менее из действительного применения его легко заключить, что она была у них не чем иным, как логикой видимости. Это было

¹⁰ Ibid. — С. 63.

софистическое искусство придавать своему незнанию или даже преднамеренному обману вид истины, подражая основательному методу, предписываемому вообще логикой, и пользуясь её топикой для прикрытия всяких пустых утверждений»¹¹.

Но марксисты были уверены, что всю историю и историю философии, в частности, пишут именно они, и пишут навсегда. И, в этой связи, П.В. Копнин вполне убедительно «комментирует» мысль И. Канта о диалектике, расставляя по-своему акценты и «уточняя» смыслы: «Общая логика является только каноном, а не органоном мышления. Когда же она используется в качестве органона, то получается только видимость объективно-истинного знания. Формальная логика, употребляемая в качестве мнимого органона, называется Кантом диалектикой или логикой мнимой истинности (видимости), т.е. софистикой»¹². А В.Ф. Асмус (в той же традиции уверенности в своей правоте) для придания весомости утверждению о том, что Кант предстаёт диалектиком, обнаружив бессилие «обычных» законов тождества и противоречия в процессе познания природы мышления, идёт по обычному для диалектики пути: на время «забывает» о том, как понимал противоречия Гераклит¹³, и предлагает удобную для случая трактовку «реального противоречия». «Реальное противоречие, — с точки зрения В.Ф. Асмуса, — необходимо строго отличать от противоречия логического. Логическое противоречие состоит из простого отрицания без подразумеваемого утверждения, например, не-А означает только отсутствие А и ничего больше. Напротив, реальное противоречие никогда не исчерпывается одним отрицанием: оно всегда содержит в себе утверждение известного положительного признака или определения, и этим положительным определением парализуется, вполне или отчасти, действие другого противоположного и тоже положительного определения»¹⁴.

Замечательный, эффективный для спора поворот мысли. Аристотель, якобы своим законом противоречия поставил границы лишь для сосуществования противоречивых суждений, дескать, закон противоречия подразумевает, что противоречащие суждения не являются одновременно истинными. При этом в природе вполне допустимо, чтобы что-то и было и не

¹¹ Кант И. Критика чистого разума. — М.: Эксмо, 2011. — С. 97.

¹² Копнин П.В. Философские идеи В.И. Ленина и логика. — М.: Наука, 1969. — С. 133.

¹³ Гераклит Эфесский: Всё наследие. — М., 2012. — 350 С.

¹⁴ Асмус В.Ф. Избранные философские труды. — М., 1971. — С. 61.

было одновременно в одном и том же смысле, или, что одно и то же может одновременно быть присущим и не быть присущим одному и тому же с одной и той же точки зрения. И это может вполне уживаться с логической формулировкой принципа противоречия Аристотеля, но при условии обновлённого марксистской диалектикой понимания противоречия.

В этой связи, с точки зрения В.Ф. Асмуса, положительные и отрицательные числа своим «реальным» существованием «убедительно» подтверждают положения диалектики. Хороший, эффективный ход диалектических материалистов. Что может быть проще, чем числа превратить в реальность? В.Ф. Асмус (как до него и Ф. Энгельс) вполне с этой задачей справляется и приводит пример «реального» противоречия: «Таковы, например, положительная и отрицательная величины в математике: они обе вполне реальны, и если одну из них называют положительной, а другую отрицательной, то это имеет лишь тот смысл, что действие этих сил взаимно нейтрализуется»¹⁵. Можно ли спорить с таким пониманием чисел и величин? Пифагор, Платон, да и Гегель, кстати, полагали, что числа (Идеи и Дух) есть самая, что ни на есть реальность. А то, что кто-то и зачем-то «поставил Гегеля на ноги» материализма можно, по случаю, забыть, и утверждать, что числа «вполне реальны». Более того, В.Ф. Асмус настаивает на реальности такого рода противоположных объектов и утверждает: «Возможность реальной противоположности коренится в строении бытия, а не мышления»¹⁶. Можно ли не согласиться и в этом случае с Кантом, утверждавшем, что диалектика, в лучшем своём проявлении, это лишь логика видимости, а чаще всего представляет собой «софистическое искусство придавать своему незнанию или даже преднамеренному обману вид истины»? И. Кант непосредственно в «Опыте введения в философию понятия отрицательных величин» говорит о том, что «реальные противоположности» не являются антиподами по своей природе, а становятся таковыми лишь при их сложении субъектом и для этого же субъекта: «Поэтому в каждом реальном противоположении оба предиката должны быть положительными, но так, чтобы при их соединении следствия их устраивали друг друга в одном и том же субъекте. Именно таким образом две вещи, из которых одна рассматривается как отрицательная по отношению к другой, сами по себе положительны, однако следствием их соединения в

¹⁵ Ibid. — С. 62.

¹⁶ Ibid.

одном субъекте оказывается нуль»¹⁷. Складывается впечатление, что, с точки зрения И. Канта, противоположности всё же существуют не в природе (как на это указывает В.Ф. Асмус), а в мышлении субъекта. Ведь обе (из пары) вещи являются «положительными», и лишь, будучи предикатами, рассматриваются субъектом как противоположные друг другу. Причём и «положительность», и «отрицательность» не выражают природы вещей, а являются условностями. «Реальные противоположности» не вступают в борьбу друг с другом сами по себе, в природе, а их следствия дают в «сумме» нуль лишь при условии соединения мышлением субъекта. Логика видимости и не более.

В утверждении «реальности» чисел возражения «стареющего» Канта уже можно и не принимать в расчёт, ведь у него «несомненно усиливается» дуалистическая тенденция в мышлении. И, вероятно, именно поэтому Кант совсем недиалектично утверждал, что математические понятия конструируются и не заимствуют для этого «образцов ни из какого опыта»¹⁸. При этом, проигнорировав точку зрения Канта, можно, «прикрывшись» его же авторитетом, совершить подмену понятий и вместо «реальных противоположностей» (предикативных, «приписываемых» субъектом) сделать «реальность» (действительно существующей в мире) отрицательные и положительные величины (числа), и уже далее выставить эту «реальность» в качестве хорошего *ad hoc* примера, демонстрирующего слабость, ограниченность формальной логики в познании природы и, в этой связи, востребованность диалектической логики (= логики видимости).

Более того, В.Ф. Асмус, привлекая авторитет И. Канта для аргументации всесилия диалектики, не только подменяет «реальные противоположности» на «реальность» положительных и отрицательных величин, что, с его точки зрения, должно продемонстрировать наличие противоположностей непосредственно в бытии, он (В.Ф. Асмус) с этой же целью делает ещё одну подмену и запускает в оборот (якобы от самого Канта) своё, но уже востребованное в диалектике словосочетание «реальное противоречие», вместо кантовского «реальные противоположности».

И. Кант предельно ясно излагает свою точку зрения на противоположности: «Если одно упраздняет то, что другое полагает, то они

¹⁷ Кант И. Сочинения в 6-ти т. Т.2. — М.: Мысль, 1964. — С. 91.

¹⁸ Кант И. Критика чистого разума. — М., 2011. — С. 536.

противоположны друг другу. Эта противоположность может быть двоякой: или логической, через противоречие, или реальной, т.е. без противоречия»¹⁹. И, поясняя свою мысль о реальных противоположностях, И. Кант акцентирует внимание на том, что реальные противоположности не противоречат друг другу: «Противоположность второго рода — реальная — состоит в том, что два предиката одной и той же вещи противоположны, но не по закону противоречия»²⁰. Может ли правая часть человека противоречить его левой части, несмотря на то что эти стороны одного и того же организма одновременны и противоположны друг другу? Согласно Канту, нет, ведь это *предикаты*, которые не исключают друг друга, не могут исключать друг друга. Левое и правое не существуют в мире. Левое и правое, будучи «реальными противоположностями», являются лишь предикатами и приписываются вещи субъектом.

Но марксистов такой субъективизм не устраивает. Противоположности, с их точки зрения, должны существовать, и, причём не только в мышлении. Противоположности должны существовать в природе. И в этой связи В.Ф. Асмус представляет позицию И. Канта «несколько» иначе. Настаивая на том, что И. Кант выявил ограниченность и абсурдность формальной логики, открыв при этом простор для диалектики, В.Ф. Асмус уверенно заменяет «реальные противоположности» на «реальное противоречие» и утверждает: «Если тело одновременно подвергается действию двух сил, одинаковых по величине, но диаметрально противоположных по направлению, то оно остаётся в покое. О таком теле можно смело сказать, что оно и движется, и не движется в одно и то же время. С точки зрения формальной логики это — абсурд и грубое нарушение закона противоречия. Но в то же время — это противоречие вполне реально — с точки зрения действительности. И такое реальное противоречие — не исключение. Оно на каждом шагу попадается в природе, в психике и в области моральных отношений»²¹.

Какие силы вынудили В.Ф. Асмуса, великолепно владеющего и логикой, и историей философии, написать такое? Во-первых, И. Кант и на этом примере о движении тела демонстрирует различие реальных противоположностей и противоречия, утверждая: «Сила, движущая тело в одну сторону, и равное стремление того же тела в противоположном направлении не противоречат

¹⁹ Кант И. Сочинения в 6-ти т. Т.2. — М., 1964. — С. 85.

²⁰ Ibid.

²¹ Асмус В.Ф. Избранные философские труды. — М., 1971, — С. 62.

друг другу и в качестве предикатов возможны в одном и том же теле одновременно»²². Во-вторых, в том случае, если на тело одновременно действует две, равные по величине и противоположно направленные силы, тело не остаётся в покое, оно сохраняет то состояние движения, которым обладало до воздействия. И, в-третьих, В.Ф. Асмус зачем-то «обрезает» закон (не)противоречия, и предлагает такую его формулировку, исходя из которой, собственно, и предстаёт абсурдной явь движущегося-покоящегося (в зависимости от «точки зрения») тела. Но явь, как известно, в пылу спора не может приниматься за абсурд, и тогда противная сторона должна почти автоматически прийти к мысли, что абсурдом следует признать именно закон (не)противоречия, т.к. он не соответствует действительности. При этом, однако, В.Ф. Асмус в своей «Логике» не только приводит «полную» формулировку закона противоречия Аристотеля, согласно которой «не могут быть сразу истинными два высказывания, из которых одно утверждает нечто о предмете, а другое отрицает то же самое об этом же самом предмете и в то же самое время»²³, но и даёт дополнительные разъяснения. Разъясняя некоторые моменты в законе (не)противоречия, В.Ф. Асмус отмечает, что «закон противоречия запрещает считать одновременно истинными только такие высказывания, в которых: 1) речь идёт об одном и том же предмете; 2) высказывания относятся к одному и тому же времени; 3) утверждение и отрицание рассматривают предмет в одном и том же отношении»²⁴. Говоря о том, что утверждение, согласно которому тело одновременно движется и не движется, представляет собой абсурд и грубое нарушение закона противоречия, В.Ф. Асмус почему-то забыл, что абсурдным и невозможным такое явление (и утверждение) будет, если утверждение и отрицание относятся к одному и тому же предмету, в одно и то же время, в одном и том же отношении. У Аристотеля (разгромившего в IV в до н.э. диалектику), чья логика теперь якобы опровергается реальностью и Кантом, вместо «в одном и том же отношении» сказано «в одном и том же смысле». Уверен, что В.Ф. Асмус был более чем «знаком» с формулировкой Аристотеля, который в «Метафизике» утверждал: «Невозможно, чтобы одно и то же вместе было и не было присуще одному и тому же и в одном и том же

²² Кант И. Сочинения в 6-ти т. Т.2. — М., 1964. — С. 85.

²³ Асмус В.Ф. Логика: Учебник. — М: Едиториал УРСС, 2001. — С. 17.

²⁴ Ibid. — С. 18.

смысле»²⁵.

Почему вдруг утверждение о теле, которое одновременно движется и не движется в разных системах координат стало абсурдом и грубым нарушением закона противоречия, остаётся загадкой, загадкой истории советской философии. При этом И. Кант, в высшей степени владевший и формальной логикой, и физикой Галилея-Ньютона, к выявлению такого (псевдо)абсурда «с точки зрения формальной логики» отношения не имел. И. Кант глубоко понимал задачи логики («общей логики») и границы её применимости. В этой связи он отмечал: «Но так как одной лишь формы познания, как бы она ни соответствовала логическим законам, далеко ещё не достаточно, чтобы установить материальную (объективную) истинность знания, то никто не отважится судить о предметах с помощью одной только логики и что-то утверждать о них, не собрав о них уже заранее основательных сведений помимо логики, с тем чтобы впоследствии только попытаться использовать и соединить их в одно связное целое согласно логическим законам или, что ещё лучше, только проверить их сообразно этим законам»²⁶. Полагаю, что из этой цитаты вполне очевидно, что И. Кант не предполагал выбросить формальную («общую») логику за борт гносеологии, считая её логикой, далёкой от «реальности». Логическая оценка знания, причём вне зависимости от способа его происхождения (эмпирического или априорного) согласно Канту, необходима: «Вот почему эту часть логики можно назвать аналитикой, которая именно поэтому служит по крайней мере негативным критерием истины, так как проверять и оценивать всякое знание с точки зрения формы по этим правилам необходимо до того, как исследуют его с точки зрения содержания, с тем чтобы установить, заключает ли оно в себе положительную истину относительно предмета»²⁷.

Да и в 1763 году, ещё будучи молодым и вполне здоровым, «восстанавливая» (по утверждению В.Ф. Асмуса) диалектику в немецком идеализме, И. Кант, тем не менее, не выбрасывает на свалку истории философии закон (не)противоречия Аристотеля, и совсем не в духе Гераклита утверждает: «Тело, находящееся в движении, есть нечто; тело, которое не находится в движении, тоже есть нечто (*cogitabile* [мыслимое]); но тело, которое находилось бы в движении и в то же время в том же смысле не

²⁵ Аристотель. Метафизика. — М.-Л.: ОГИЗ, — 1934. — С. 63.

²⁶ Кант И. Критика чистого разума. — М., 2011. — С. 97.

²⁷ Ibid. — С. 96.

находилось бы в движении, есть ничто»²⁸. Есть ли основания утверждать, что И. Кант восстанавливает диалектику в немецком идеализме, вскрывая ограниченность и абсурдность формальной логики? Полагаю, если вы не придерживаетесь идеологии софистики — никаких. И лишь желание выиграть спор, одержать сиюминутную победу принуждает зависимое от прилива эмоций мышление на интеллектуальный подлог. Предрассудок, как бы специально созданный для человека, не только содействует беспечности и себялюбию, но и уводит тщеславного «мыслителя» в сторону от истины.

Да, И. Кант признаёт движение, а также взаимосвязь вещей между собой и бесконечность мира, разрабатывает теорию развития природы на основе механики Ньютона. Но имеет ли всё это «положительное» отношение к диалектике? К сожалению, имеет, хотя и опосредованно. И. Кант не возрождал и не восстанавливал диалектику, не обнаруживал абсурдность формальной логики и бессилие «обычных» законов тождества и противоречия. И в этой связи И. Канта нельзя причислить к диалектикам. Однако диалектики заполучили для своих спекуляций добытый И. Кантом богатый содержанием материал. И уже далее, используя родную для себя методологию софистики, «воздорившись», стали демонстрировать всесилие диалектики. Но в этом И. Кант уже не виноват. Не предугадав, как отзовётся его слово, Кант своими «реальными противоположностями» подлил масла в огонь диалектики. Хотя, если бы вместо «реальные» противоположности И. Кант использовал «видимые», а ещё лучше, «условные» противоположности, как это и следует из его текста, может быть тогда, диалектики-марксисты были бы не столь раскованы в своих извращениях мысли Канта и «ступенькой» к Гегелю был бы кто-нибудь другой?! Сегодня на этот вопрос ответить трудно, и даже невозможно. История диалектики уже не только состоялась, но и продолжается.

Продемонстрировав в своих естественнонаучных работах диалектику («диалектический элемент») и, «воздорив» её в немецком идеализме, И. Кант, по утверждению В.Ф. Асмуса²⁹, стал постепенно отходить от материалистического монизма и диалектики в направлении к «идеалистическому дуализму, агностицизму и скептицизму». В результате «созревания» Канта дуалистическая тенденция в его мышлении, как сообщает

²⁸ Кант И. Сочинения в 6-ти т. Т.2. — М., 1964. — С. 85.

²⁹ Асмус В.Ф. Избранные философские труды. — М., 1971.

В.Ф. Асмус, «своего наивысшего развития достигает как раз в наиболее зрелых работах»³⁰. Однако, несмотря на «созревание» и отход от материалистического монизма и диалектики, И. Кант, по убеждению В.Ф. Асмуса, продолжает развивать диалектику даже в своих критических работах. В этой связи В.Ф. Асмус настаивает: «И всё-таки даже «критические» сочинения Канта представляют новый шаг в развитии диалектики. От диалектики бытия мышление Канта переходит к диалектике сознания, разума»³¹. Интересный изворот мысли, хотя и не новый. Используя его, можно было бы всех советских философов-марксистов назвать метафизиками или идеалистами, клерикалами или утилитаристами и т.п. в зависимости от того, кто из них о чём (или о ком) говорит (или говорил). Так и о Канте. Раз он говорит о диалектике, критикуя её и демонстрируя гносеологическую бесперспективность — следовательно, Кант диалектик! Нравственная сторона вопроса выглядела бы существенно иначе, если бы советские философы-марксисты изначально признали, что И. Кант, не будучи диалектиком, более того, критикуя диалектику, предоставил последующим поколениям адептов «диалектического мышления» обширный материал для спекуляций. Но этого, как известно, не произошло, и история советской философии уже прожита (случилось то, что случилось). «Реальные противоположности» по произволу философов-марксистов изменились до «реальных противоречий», а четыре антиномии Канта, возникающие лишь в чистом разуме о безусловном и в применении к миру в целом, сначала у Гегеля трансформировались во всеобщность противоречий, а затем у Маркса и его революционных последователей уже превратились в борьбу противоположностей объективного мира. И все эти подмены совершались и совершаются вопреки позиции Канта, который выказывал её в явном виде: «И подобно тому, как паралогизмы чистого разума послужили основанием для диалектической психологии, так же и антиномия чистого разума показывает трансцендентальные основоположения мнимо чистой (рациональной) космологии не для того, чтобы признать их состоятельными и усвоить их, а — как видно уже из названия противоречия разума — для того, чтобы изобразить их как несогласимую с явлениями идею в её сияющем, но ложном блеске»³².

³⁰ Ibid. — С. 65.

³¹ Ibid. — С. 66.

³² Кант И. Критика чистого разума. — М., 2011. — С. 329.

Но у сторонников диалектики свой взгляд и свои оценки. Так Гегель, совершая трансформацию кантовских антиномий разума во всеобщие противоречия диалектики, использует в качестве средств убеждения произвольные утверждения и сарказм. Для начала он делает безапелляционное замечание касаемо недостаточности всего четырёх антиномий, ведь этого «слишком мало, ибо в каждом понятии имеются антиномии, так как оно не просто, а конкретно, содержит в себе, следовательно, различные определения, которые вместе с тем противоположны»³³. Далее, критикуя Канта за психологизм и трансцендентальный идеализм, Гегель, в русле своей философии тождества, но без дополнительных аргументов делает промежуточный шаг и отмечает: «Если бы такие определения были присущи миру, богу, свободному, то имелось бы налицо объективное противоречие; но это противоречие не имеется *само по себе*, а присуще только нам. Или, иначе говоря, этот трансцендентальный идеализм оставляет существовать указанное противоречие, а только принимает, что «в себе» не страдает таким противоречием, что это противоречие имеет свой источник исключительно в нашем мышлении. Таким образом, в нашей душе остаётся та же самая антиномия, и как раньше бог был тем, что должно было принять в себя все противоречия, так теперь эту роль должно принять на себя самосознание»³⁴. Складывается впечатление, что Гегель просто игнорирует источник противоречия кантовских антиномий и выливает свой сарказм на замкнутого «в пределах психологического воззрения и эмпирической манеры» Канта: «До того же обстоятельства, что если вещи не противоречат друг другу, то противоречит себе самосознание, кантовской философии даже не было никакого дела. Опыт учит нас, что «я» не разрушается вследствие этого обстоятельства, а существует, можно, следовательно, не заботиться о его противоречиях, ибо оно может их вынести. Кант, однако, обнаруживает здесь слишком большую *нежность* к вещам: было бы жалко, если бы они противоречили себе; но что дух, величайшее, есть противоречие, это ему *не* жалко.

Противоречие, следовательно, вовсе не разрешено Кантом, а так как дух берёт его на себя, противоречие же разрушает себя, то дух есть расстройство,

³³ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн.3. — СПб., 2006. — С. 492.

³⁴ Ibid. — С. 494.

сумасшествие в самом себе»³⁵.

Трансформируя по своему хотению антиномии разума (которых «всего» четыре) во всеобщие (т.е. уже для всех понятий) противоречия диалектики, Г.В.Ф. Гегель вместе с тем откровенно признаёт, что Кант сослужил делу диалектики против своего желания: «Необходимость этих противоречий есть как раз та наиболее интересная сторона, которую Кант («*Kritik der reinen Vernunft*», S. 324) заставляет нас осознать, между тем как согласно обыденной метафизике, мы представляем себе, что одно должно быть признано верным, а другое должно быть опровергнуто. Однако то важное, которое заключается в этом утверждении Канта, получается против его намерения»³⁶.

Складывается впечатление, что Гегель, приписывая Канту мысли, которые он не высказывал и которые без произвольных искажений не следуют из сделанных им утверждений, забывает о том (и своим же) тезисе, что истина конкретна.

Да, И. Кант в «Критике чистого разума» выделяет из софистики диалектику, «поднимает» её и в некотором смысле «реабилитирует» после разгрома, который ей учинил Аристотель. Однако, неоднократно называя диалектику логикой видимости, Кант вполне отчётливо разъясняет свою позицию: «Следовательно, существует естественная и неизбежная диалектика чистого разума, не такая, в которой какой-нибудь простак запутывается сам по недостатку знаний или которую искусственно создаёт какой-нибудь софист, чтобы сбить с толку разумных людей, а такая, которая неотъемлемо присуща человеческому разуму и не перестаёт обольщать его даже после того, как мы раскрыли её ложный блеск, и постоянно вводит его в минутные заблуждения, которые необходимо все вновь и вновь устранять»³⁷. То есть, согласно И. Канту, над чистым разумом постоянно весит дамоклов меч заблуждений, который, если его оставить без внимания и регулярно («вновь и вновь») не предпринимать мер по устранению опасности, в любой момент может сделать своё дело, ведь, это «софистика не людей, а самого чистого разума»³⁸.

Выделив диалектику (как софистику чистого разума) из «смеси» с софистикой людей (преднамеренного введения в заблуждение), Кант, дабы не поддаться «обольщению» и не впасть в её же «ложный блеск», постоянно

³⁵ Ibid.

³⁶ Ibid. — С. 493.

³⁷ Кант И. Критика чистого разума. — М., 2011. — С. 277.

³⁸ Ibid. — С. 305.

расставляет вехи на безбрежном и не «натоптанном» пути разума. Для обретения спасительных ориентиров И. Кант, в частности, указывает на то, что «имеется только три вида диалектических выводов, соответствующих трём видам умозаключений, посредством которых разум, исходя из принципов, может достичь познания, и что в каждом из этих видов задача разума состоит в том, чтобы восходить от обусловленного синтеза, которым всегда связан рассудок, к безусловному синтезу, к которому рассудок никогда не может прийти»³⁹. Три вида диалектических выводов, соответствующих трём видам умозаключений есть по сути *категорические, гипотетические и разделительные умозаключения*. Других диалектических выводов, согласно Канту, нет и быть не может.

Диалектические выводы чистого разума основаны (и Кант подробно разбирает каждый из этих видов «умствующих заключений») на *паралогизмах, антиномиях и идеале чистого разума*. При этом И. Кант особо подчёркивает, что это выводы только разума, чистого разума, разума, «оторвавшегося» от опыта. В этой связи он следующим образом определяет антиномию: «Второй вид умствующих заключений касается трансцендентального понятия абсолютной целокупности ряда условий для данного явления вообще: исходя из того, что я всегда имею противоречащее самому себе понятие о безусловном синтетическом единстве на одной стороне ряда, я заключаю к правильности противоположного ему единства, хотя у меня нет о нём даже никакого понятия. Состояние разума в этих диалектических заключениях я буду называть *антиномией чистого разума*»⁴⁰. И эти антиномии, будучи «разладом и расстройством» чистого разума, противоречием разума самому себе неизбежно возникают в том случае, когда разум освобождает рассудочное понятие от ограничений, налагаемых опытом и, тем самым, расширяет это понятие за пределы эмпирического.

Разуму бы остановиться и не отрываться в своих амбициозных умствованиях от опыта, постоянно соотносить с ним свои выводы. Но нет. Разум не может остановиться, и, в силу своих свойств, требует абсолютной целокупности на стороне условий и в результате придаёт абсолютную полноту эмпирическому синтезу за счёт его продолжения до безусловного, расширяя, тем самым, рассудочное понятие до космологической идеи. Ограничиваая

³⁹ Ibid. — С. 301.

⁴⁰ Ibid. — С. 305.

пределы диалектики и, в этой связи, как бы предупреждая Гегеля и его последователей от соблазна расширить понятие антиномии до реального противоречия, И. Кант отмечает: «Таким образом, трансцендентальные идеи суть, *во-первых*, не что иное, как категории, расширенные до безусловного, и потому могут быть расположены в виде таблицы соответственно рубрикаторам категорий. Но *во-вторых*, надо заметить, что для этого годятся не все категории, а только те, в которых синтез образует ряд, и притом ряд подчинённых друг другу (а не координированных) условий для обусловленного»⁴¹.

Космологическими понятиями И. Кант, как известно, называет «все трансцендентальные идеи, поскольку они касаются абсолютной целокупности в синтезе явлений»⁴². Космологические понятия представляют собой идеи, которые («никогда» — утверждает Кант) не могут быть согласованы с опытом, с явлениями. Космологические понятия, претендующие на статус чистых, являются, по выражению И. Канта, *мнимо чистыми*. При этом чистые космологические понятия, согласно точке зрения И. Канта, возникают только из рассудка, освобождённого разумом «от неизбежных ограничений сферой возможного опыта». Однако, устремившись за пределы эмпирического, разум забывает о своей родовой связи с опытом, хотя и продолжает латентно для самого себя использовать добытый ранее в сотрудничестве с опытом материал. Требование разумом абсолютной целокупности на стороне условий не беспочвенно, оно опирается на основоположение, согласно которому «если дано обусловленное, то дана и вся сумма условий, стало быть, абсолютно безусловное, благодаря которому только и стало возможным обусловленное»⁴³.

Итак, в соответствии с четырьмя разрядами категорий, И. Кант выделяет «только четыре» космологических идеи:

1. Абсолютная полнота *сложения* данного целого всех явлений;
2. Абсолютная полнота *деления* данного целого в явлении;
3. Абсолютная полнота *возникновения* явления вообще;
4. Абсолютная полнота *зависимости существования* изменчивого в явлении.

Только эти четыре космологические идеи, утверждает И. Кант, необходимо

⁴¹ Ibid. — С. 330.

⁴² Ibid. — С. 329.

⁴³ Ibid. — С. 330.

ведут к бесконечному ряду в синтезе многообразного. И. Кант поясняет: «Все эти идеи вдобавок трансцендентны и, хотя они не выходят за пределы объекта, именно явлений, когда *речь идёт об их роде*, а имеют дело только с миром чувств (не с ноуменами), всё же доводят синтез до *степени*, превышающей всякий возможный опыт; вот почему все эти идеи вполне уместно назвать космологическими понятиями»⁴⁴. И именно такие идеи приводят чистый разум к противоречивым утверждениям, антиномиям. Но сторонники логики Гераклита и Гегеля пошли значительно дальше.

Из того, что чистый разум может при вполне определённых условиях формулировать противоречивые утверждения, В.Ф. Асмус заключает, что И. Кант обнаружил в реальном бытии такие отношения, которые противоречат законам формальной логики. Демонстрируя антиномии чистого разума в качестве доказательства всемогущества диалектики и своей правоты, В.Ф. Асмус заключает: «И, наконец, на четвёртый вопрос — о существовании мира — также имеются и доказываются два противоречащих ответа: можно доказать, что «в мире присутствует, либо как его часть, либо как его причина, существо безусловно необходимое». И, напротив, можно доказать, что «нигде ни в мире, ни вне мира безусловно необходимого существа нет». Обе эти последние антиномии Кант называет динамическими, так как в них противоречие обнимает силы, действующие в мире. Таким образом, получается картина, стоящая в полном противоречии с основными законами формальной логики: во-первых, нарушен закон противоречия, согласно которому два противоречащих суждения не могут быть одновременно истинными. А так как все доказательства тезисов и антитезисов, кроме одной пары, Кант ведёт не прямо, но так, что тезис доказывается посредством опровержения антитезиса, и наоборот, то, во-вторых, выходит, что каждая пара антиномических утверждений одновременно оказывается и ложной. И, таким образом, нарушается и закон исключённого третьего, согласно которому два противоречащих суждения не могут быть вместе оба ложными»⁴⁵.

Несколько удивляет такое заявление автора одного из первых советских учебников логики. Но, делая такие утверждения о вкладе И. Канта в возрождение диалектики, В.Ф. Асмус вступает на «диалектическую арену для

⁴⁴ Ibid. — С. 337.

⁴⁵ Асмус В.Ф. Избранные философские труды. — М., 1971, — С. 67.

борьбы, где всякий раз побеждает та сторона, которой позволено начать нападение»⁴⁶, и, вероятно, именно в этой связи, оставляет без внимания не только «антитетику чистого разума», но и «интерес разума в этом его противоречии», что уже само по себе подрывает доверие к его выводам.

Ещё на «подступах» к антиномии чистого разума И. Кант обращает внимание на паралогизмы чистого разума, отмечая, что «ошибочное умозаключение имеет своё основание в природе человеческого разума и содержит в себе неизбежную, хотя и не непреодолимую, иллюзию»⁴⁷. Так, уже рациональное Я, полагая положение “я мыслю” чистой, неэмпирической данностью, неизбежно впадает в иллюзию, т.к. незаметно для себя оно опирается на опыт, пусть и внутренний. Но, заранее отказавшись от незамеченного, разум вынужден идти по кругу. Кант в этой связи замечает: «Посредством этого Я, или Он, или Оно (вещь), которое мыслит, представляется не что иное, как трансцендентальный субъект мысли =x, который познаётся только посредством мыслей, составляющих его предикаты, и о котором мы, если его обособить, не можем иметь ни малейшего понятия; поэтому мы постоянно вращаемся здесь в кругу, так как должны уже пользоваться представлением о нём, чтобы высказать какое-нибудь суждение о нём»⁴⁸.

Освободив, таким образом, рассудочное понятие от эмпирических ограничений и ориентиров, «самоуверенный» разум желает сам определять принципы своего умствования уже и относительно космологических понятий. При этом, однако, возникающие в результате такого диалектического умствования положения не только не могут претендовать на подтверждение опытом, но (и именно это важно для всей последующей за Кантом диалектики) уже могут и не опасаться опровержения со стороны всё того же опыта. И здесь единственным «путеводителем» чистого разума остаётся, как ему видится, созданный им же канон в виде общей и «чистой» логики.

Но сторонники материалистической диалектики настаивают на своём прочтении Канта. Так В.В. Черников в коллективной монографии «Диалектическая логика» под редакцией З.М. Оруджева, А.П. Шептулина отмечает: «Антиномия как постановка теоретической проблемы возникает обычно при переходе с эмпирического уровня познания на теоретический,

⁴⁶ Кант И. Критика чистого разума. — М., 2011. — С. 338.

⁴⁷ Ibid. — С. 306.

⁴⁸ Ibid. — С. 309.

при переходе от известных фактов к выявлению существенных, необходимых связей между ними. Однако, хотя антиномия иногда по внешнему виду и напоминает формальнологическое противоречие, по существу она существенным образом отличается от него уже потому, что в ней оба члена отношения истинны»⁴⁹. Оба «члена отношения» в антиномии стали, вопреки точке зрения Канта, «истинны», а сама антиномия уже представляет собой всего лишь проблему, возникающую «обычно при переходе с эмпирического уровня познания на теоретический, при переходе от известных фактов к выявлению существенных, необходимых связей между ними». И всё это по созвучию слов «привязывается» к Канту. Но «эмпирический уровень познания», о котором говорит В.В. Черников, это не то же самое, что и «эмпиризм», равно как и предмет «теоретического уровня познания» не тождественен «космологическому понятию», и, тем более, Кант не утверждал, что оба члена отношения в антиномии истинны.

Антиномии чистого разума, если следовать точке зрения И. Канта, представляют собой столкновение двух позиций, позиций, определённых разными гносеологическими принципами-установками: тезис опирается на догматизм, имеющий «определенный практический интерес, который близко касается всякого благомыслящего человека, если он знает свою истинную выгоду»⁵⁰, а антитезис в качестве своей фундаментальной основы выбирает эмпиризм, лишая разум всех опор, на которые он делал ставку в догматически предопределённом тезисе. Более того, эти две точки зрения на космологические идеи, будучи сформулированы «одним» разумом, оказываются (в таком случае) не одновременными, как того требует принцип (не)противоречия. Вначале, опираясь на практический интерес «благомыслящего человека» и спекулятивный интерес разума, догматически высказывается тезис: «Что мир имеет начало, что моё мыслящее Я обладает простой и потому неразрушимой природой, что оно в своих произвольных действиях свободно и стоит выше принуждения природы и, наконец, что весь порядок вещей, образующих мир, происходит от одной первосущности, от которой всё заимствует своё единство и целесообразную связь, — это краеугольные камни морали и религии»⁵¹. Но затем, отбросив опоры

⁴⁹ Марксистско-ленинская диалектика. Кн. 2. Диалектическая логика / Под ред. З.М. Оруджева, А.П. Шептулина. — М.: Изд-во МГУ, 1986. — С. 170.

⁵⁰ Кант И. Критика чистого разума. — М., 2011. — С. 367.

⁵¹ Ibid.

«заинтересованности» и «общедоступности», разум строит антитезис, обосновывая его уже с иных гносеологических позиций, позиций «чистого эмпиризма», который начинает свой ход в аргументации с признания того, что «рассудок всегда находится на своей собственной почве, а именно исключительно в области возможного опыта; законы этого опыта он в состоянии отыскать и посредством них без конца расширить свои прочные и ясные знания»⁵². «Чистый эмпирик» не может себе помыслить, чтобы в основу природы была заложена некая свобода, как способность действовать независимо от законов природы. Не может он согласиться и с тем, чтобы причина тех или иных явлений находилась где-то вне природы.

Таким образом, антиномии чистого разума, обнаруженные И. Кантом, не опровергают и не отвергают принцип (не)противоречия Аристотеля, т.к. не подпадают под условия этого закона логики, ведь, две точки зрения вполне могут противоречить друг другу, не нарушая принципа (не)противоречия. Так, например, два путника, находясь в одной географической «точке» могут каждый за себя заявить — «я пойду налево», и «я пойду направо» — и в результате вместе пойти в одну и ту же сторону, не нарушив при этом принципа (не)противоречия. Ведь, согласно закону противоречия (см. Аристотель⁵³, В.Ф. Асмус⁵⁴), не могут быть сразу истинными лишь такие два высказывания, одно из которых утверждает нечто о предмете, а другое то же самое об этом же предмете отрицает в то же самое время. Тезис и антитезис в антиномиях Канта вступают в мнимое противоречие (точнее, вообще не вступают в противоречия), т.к., утверждая нечто об одном и том же предмете, они исходят из различных оснований-установок, т.е., по сути, рассматривают предмет в разных отношениях и, соответственно, приходят к различным выводам. Так, если в тезисе утверждается, что сборная России умеет играть в футбол (т.к. автор этого «догматического» утверждения полагает, что играть в футбол может каждый, кто бегает и пинает по мячу, а «футболисты» сборной вполне демонстрируют эти умения), а в антитезисе утверждается обратное (ведь, играть в футбол это нечто иное, нежели просто бегать и просто пинать по мячу), то можно ли из этого заключить, что закон (не)противоречия нарушен? Думаю, что нельзя, т.к. данные утверждения не подпадают под действие этого закона формальной логики.

⁵² Ibid. — С. 369.

⁵³ Аристотель. Метафизика. — М.-Л., 1934. — 348 С.

⁵⁴ Асмус В.Ф. Логика: Учебник. — М., 2001. — 392 С.

Заблаговременно опровергая нелепицу последователей Гегеля по поводу того, что им якобы вскрыто противоречие между антиномиями чистого разума и законом исключённого третьего, И. Кант отмечает: «Каждая из этих сторон утверждает больше, чем знает, однако так, что *первая* поощряет знание и содействует ему, хотя и в ущерб практическому, а *вторая* даёт превосходные принципы практическому интересу, но именно в силу этого разрешает разуму во всём, в чём нам дозволено только спекулятивное знание, следовать за идеальными объяснениями явлений природы и потому пренебрегать физическими исследованиями»⁵⁵. Думаю, что непредвзятому уму трудно признать, что антиномии чистого разума вступают в противоречие с законом исключённого третьего (см. также статью О.П. Панафидиной⁵⁶).

Ироничное и якобы ставящее в тупик логику Аристотеля замечание Гегеля о «цвете духа» на самом деле не может быть принято в качестве доказательства несостоительности формальной логики вообще и закона исключённого третьего в частности. Аристотель был далёк от мысли, чтобы любое утверждение или его отрицание признавать в качестве истины, исключая возможность третьего. Более того, он сомневался в приложимости закона исключённого третьего не только к бессмысленным утверждениям, но и к утверждениям о будущих (ещё не состоявшихся) событиях⁵⁷. При этом синтез на стороне условий (о чём, собственно, и идёт «речь» в космологических понятиях), начинающийся с ближайшего к точке настоящего и уходящий в прошлое, будучи *регрессивным*, вроде бы должен свидетельствовать об уже состоявшемся, произошедшем. Однако это не так, ведь точка завершения этого синтеза для разума находится в будущем, бесконечно удалённом будущем (хотя разум, увлечённый космологической идеей, и не ставит вопрос о целокупности нисходящего от следствий к причинам ряда, самоуверенно полагая его изначально данным). И. Кант по этому поводу отмечает: «Но этот безусловно необходимый синтез опять-таки есть только идея, так как нельзя знать, по крайней мере заранее, возможен ли такой синтез в сфере явлений»⁵⁸. И, в этой связи, для разума незавершённый регрессивный синтез не является произошедшим, а тогда и закон

⁵⁵ Кант И. Критика чистого разума. — М., 2011. — С. 371.

⁵⁶ Панафидина О.П. Трансцендентализм И. Канта и немецкий идеализм (К вопросу о некоторых стереотипах экспликации кантовской теоретической философии) /Вопросы философии. — 2011. — №4. — С. 177- 186.

⁵⁷ Аристотель. Сочинения в 4-х т. Т.2. — М.: Мысль, 1978.

⁵⁸ Кант И. Критика чистого разума. — М., 2011. — С. 334.

исключённого третьего не имеет в отношении этих будущих для разума событий своей силы.

Бессмысленное утверждение и его отрицание не могут быть истинными одновременно, что хорошо понимал и Аристотель, и Кант. И если закон исключённого третьего приложим только к осмысленным высказываниям, характеризующим уже произошедшее, тогда у нас нет оснований для утверждения, что этот закон вступает в противоречие с антиномиями чистого разума, которые хотя и возникают в результате столкновения противоположных точек зрения на один и тот же объект, но объект, представляющий собой космологическую идею, истинность которой не может быть ни подтверждена опытом, ни опровергнута им.

В этой связи травлю формальной логики со стороны апологетов диалектики следует признать, если не злом, то, по крайней мере, интеллектуальной безответственностью. При этом следует также отметить, что И. Кант хорошо понимал значение и условия применимости формальной логики, не отвергал и не опровергал её, а логикой видимости, которая лишь подражает формам разума, называл диалектику. И на то, чтобы стать «ступенькой» к Гегелю Кант, скорее всего, не претендовал, а все уверения философов-марксистов в том, что И. Кант возродил и развил диалектику, являются совершенно необоснованными: «антиномии чистого разума», как ранее и «реальные противоположности» трансформировались в «реальные противоречия» лишь благодаря недобросовестной методологии апологетов диалектической логики.

§5. Категория «противоположности» в немецкой диалектике XIX века

Традиционно немецкий идеализм рассматривается в философии и её истории в одном разделе, где основными «ступеньками» к системе Гегеля служат «половинчатые», «непоследовательные» и «эклектичные» воззрения Канта, Фихте и Шеллинга. С моей точки зрения, «увидеть» Канта ниже себя мог лишь Гегель с его имперскими амбициями и его последователи, принимавшие за истину видимость. Ни Кант, ни Фихте, ни даже Шеллинг не могут считаться предтечами Гегеля. И. Канта вообще проблематично причислить к идеалистам, а И. Фихте, как известно, был его последователем. По-разному относились эти выдающиеся представители «немецкой классической

философии» к противоположностям и противоречиям. На это, в частности, обращает внимание и П.П. Гайденко: «Хотя в немецком идеализме — у Канта, Фихте и особенно Шеллинга противоречия (антиномии) используются как эвристический принцип, однако ни Кант, ни Фихте не признают противоречия как основного закона мышления. Кант, как известно, объясняет антиномии разума стремлением его выйти за пределы своих возможностей и разрешает эти антиномии, показывая, что противоречие здесь является мнимым. У Фихте противоречие как двигатель исторического процесса в конце концов тоже оказывается снятым. Именно за это того и другого критикует Гегель: они не дерзнули превратить противоречие в главный закон мысли и тем самым сделать отрицание фундаментальным принципом системы»¹. Но, помимо истории философии, написанной (и схематизированной) Г.В.Ф. Гегелем, есть в книжном мире и другие источники, в которых не всё сведено через призму «презентизма»² к истории диалектики и диалектического материализма.

Иоганн Фихте, будучи последователем (по его собственному признанию) И. Канта, без оглядки на диалектику утверждает, что «всякая противоположность происходит непосредственно и исключительно из мышления и им вызывается»³. И это не есть сугубо позиция субъективного идеализма, т.к. И. Фихте признаёт субстанцию, «которая, если хорошенько разобраться, всегда предполагается материальной»⁴. С точки зрения Г.В.Ф. Гегеля, такая позиция Фихте обременена противоположностью, т.к. не допустимо ограничивать свободу мыслящего Я мыслью о внешней действительности. Отбрасывая всю эту «шелуху» внешне-материального, Г.В.Ф. Гегель берёт главное из философии Фихте для своего объективного идеализма принцип монизма Я, абсолютного Я, принцип, согласно которому «философия должна быть наукой, исходящей из одного высшего основоположения, из которого необходимо выводятся все определения»⁵. Но эффективность диалектики быстро бы иссякла, если бы она не пользовалась двусмысленностью. В полной мере пользуется этим «лингвистическим» приёмом и Гегель, разворачивая Фихте в нужном для себя направлении. И в такой диалектической реконструкции, произведённой Гегелем, утверждение

¹ Гайденко П.П. Николай Кузанский и принцип совпадения противоположностей /Вопросы философии. — 2002. — №7. — С. 141.

² Чайковский Ю.В. История и прогноз / Вопросы философии. — 2011. — №5. — С. 75-90.

³ Фихте И. Факты сознания. Назначение человека. Наукоучение. — Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. — С. 398.

⁴ Ibid. — С. 401.

⁵ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн.3. — СПб., 2006. — С. 519.

И. Фихте о том, что «всякая противоположность происходит непосредственно и исключительно из мышления и им вызывается» уже наполняется совершенно иным смыслом. Теперь, в новом прочтении, «непосредственные» и «исключительные» противоположности мышления, являясь единственной онтологией бытия, заполняют собой всё.

Складывается впечатление, что Ф.В.Й. Шеллинг, разрабатывая натурфилософию, был знаком с содержанием «Математических начал натуральной философии» И. Ньютона, и в своих рассуждениях о противоположностях он с большой вероятностью исходил из так называемого третьего закона динамики, согласного которому (в популярном изложении) «каждому действию есть равное по величине противодействие». При этом, однако, в какой-то момент Ф.В.И. Шеллинг игнорирует принцип инерции, на котором была построена вся современная ему физика и совершенно в духе физики Аристотеля утверждает: «В природе всё непрерывно стремится вперёд; основание этому надо искать в начале, которое, будучи неисчерпаемым источником положительной силы, вновь и вновь возбуждает движение и непрерывно поддерживает его. Это положительное начало есть первая сила природы»⁶. Не первый толчок и последующая инерция, а некое «положительное начало» входит составной частью во всю материю и «заставляет» её бесконечно и безгранично двигаться во все стороны. Вот что говорит Ф.В.Й. Шеллинг в отношении положительной материи света: «Положительная материя света есть по отношению к свету последнее основание его расширяемости, и поэтому она абсолютно эластична, хотя мыслить её как материю мы можем, только рассматривая и её эластичность также как конечную, т.е. рассматривая саму материю как сложную»⁷. И уже дальше, совершив подмену концептуальных основ физики, Ф.В.Й. Шеллингу совершенно обоснованно требуется некая отрицательная величина, чтобы сдерживать бесконечное увеличение скорости движения. И Шеллинг в полном соответствии с диалектикой утверждает: «Однако некая невидимая власть заставляет все явления мира совершать вечный круговорот. Последнее основание этого следует искать в отрицательной силе, которая, непрерывно ограничивая воздействие положительного начала, возвращает движение к его источнику.

⁶ Шеллинг Ф.В.Й. Сочинения в 2-х т. Т.1. — М.: Мысль, 1987. С. 93.

⁷ Ibid. — С. 97.

Это отрицательное начало есть вторая сила природы»⁸. Здесь следует подчеркнуть, что отрицательное начало не движет миром, оно необходимо миру и Шеллингу лишь для торможения, сдерживания движущего положительного начала.

Наделив природу двумя началами, Ф.В.Й. Шеллинг довольно просто, почти мимоходом, и, главное, задолго до работ А. Эйнштейна, А. Фридмана и Э. Хаббла, нашёл решение фотометрического парадокса. Свет, согласно Ф.В.Й. Шеллингу, будучи, как и любая материя, одновременно и «эластичным» (расширяющая положительная сила) и инертным (отрицательная сила, сдерживающая безграничное расширение) должен рано или поздно достигнуть своего постоянного состояния, характеризуемого минимальной скоростью, что, собственно, и объясняет большие тёмные участки на ночном небе. Ф.В.Й. Шеллинг так говорит об этом: «Следовательно, то, что свет лучами распространяется во все стороны, должно быть объяснено тем, что он находится в *постоянном развитии* и *изначальном* распространении. Что и свет достигает относительного состояния покоя, можно вывести уже из того, что свет бесконечного числа звёзд не доходит до нас в своём движении»⁹. И всё. Без всякого расширения Вселенной и красного смещения. Достаточно мыслить диалектически, чтобы, причудливо соединив физику движения Аристотеля и некоторые искажённые положения физики Ньютона, легко разрешить в XVIII веке парадокс, который «метафизически мыслящие» физики смогли с большими усилиями преодолеть лишь в XX веке (см., например, И.А. Климишин¹⁰, И. Николсон¹¹). И так во всём. Основанная на синтезе противоположностей эффективность диалектики безгранична, т.к. именно с помощью плохой логики, как известно, возможно получить многообразные и очень интересные следствия. Но чтобы придать этойalogичности статус объективности, Ф.В.Й. Шеллинг прибегает к авторитету природы и естествознания. Если у И. Фихте всякая противоположность происходит непосредственно и исключительно из мышления и им вызывается, то у Ф.В.Й. Шеллинга из противоположностей «соткана» сама природа. Аргумент Ф.В.Й. Шеллинга довольно простой и, с точки зрения диалектики, весомый: «Подобный дуализм необходимо принять, поскольку

⁸ Ibid. — С. 93.

⁹ Ibid. — С. 95.

¹⁰ Климишин И.А. Релятивистская астрономия. — М.: Наука, 1983. — 208 С.

¹¹ Николсон И. Тяготение, чёрные дыры и Вселенная. — М.: Мир, 1983. — 240 С.

без противоположных друг другу сил невозможно живое движение»¹².

Зная об инерции, о её роли в новой физике, Ф.В.И. Шеллинг, тем не менее, идёт своим путём и утверждает: «Положительная причина всякого движения есть сила, наполняющая пространство»¹³. Движение, согласно диалектике Ф.В.И. Шеллинга, не может происходить без воздействия, оно, как и в физике Аристотеля, должно возбуждаться и поддерживаться. Не напоминая читателям о флогистоне и теплороде, Ф.В.И. Шеллинг вполне уверенно сообщает об источнике всеобщего движения, коим, по его мнению, является свет. «Первый феномен всеобщей силы природы, посредством которой возбуждается и поддерживается движение, — сообщает Ф.В.И. Шеллинг, — есть свет»¹⁴. Свет возбуждает и поддерживает движение мира.

Противоположности, согласно диалектике Ф.В.И. Шеллинга, не распределены между различными участками пространства или между фрагментами материи. Противоположности внутри каждого фрагмента бытия. Ф.В.И. Шеллинг поясняет: «Но реальное противоположение мыслимо только там, где противоположные стороны положены в одном и том же субъекте. Изначальные силы (к которым в конце концов возвращаются все объяснения) не были бы противоположны друг другу, если бы они не были изначально деятельностью одной и той же природы, только направленной в противоположные стороны. Именно поэтому всякую материю необходимо мыслить как однородную по своей субстанции; ибо только потому, что она сама с собой однородна, она способна к раздвоению, т.е. к реальному противоположению. Каждая действительность уже предполагает раздвоение»¹⁵. Положительное начало не только возбуждает и поддерживает движение каждого фрагмента мира, но и «пробуждает» отрицательную силу, которая в «борьбе» сдерживает безграничное действие своей причины.

Подводя итог своей диалектике противоположностей, Ф.В.И. Шеллинг предлагает считать доказанным, что именно свет является первой и положительной причиной всеобщей полярности; кроме того, что начало не может возбудить полярность, если оно само изначально не обладает двойственностью; а также, что реальное противоположение возможно лишь между вещами общего происхождения и одного рода.

¹² Шеллинг Ф.В.И. Сочинения в 2-х т. Т. 1. — М., 1987. — С. 100.

¹³ Ibid. — С. 104.

¹⁴ Ibid. — С. 105.

¹⁵ Ibid. — С. 101.

Советская марксистская философия вслед за своими основоположниками высоко оценивала учение Ф.В.Й. Шеллинга о полярности, соглашаясь, что всякий природный продукт представляет собой результат противоположностей, однако при этом и фиксировала историческую ограниченность этого учения. Так, М.Г. Макаров дал следующую оценку учению Ф.В.Й. Шеллинга о полярности: «Полярность — неразвитая форма закона единства противоположностей, отвечающая или одному из его уровней, или особенному случаю проявления. Она фиксирует дуализм противоположных сил и свойств. Это ещё не вся диалектика единства противоположностей, отражён лишь момент раздвоенности и взаимодополнительности. Полярность у Шеллинга абстрагирована от причин раздвоения, от изменения полюсов, которые описываются как константы бытия и познания»¹⁶.

Следует отметить, что, несмотря на определённые разногласия с учением Ф.В.Й. Шеллинга, марксистская философия впитала в себя всю диалектику противоположностей, разработанную в рамках натурфилософии. Вот что в этой связи говорит П.П. Гайденко: «Основоположники марксизма ценили у Шеллинга прежде всего диалектику его натурфилософии и его учение о развитии, т.е. те моменты, которые оказали наибольшее влияние на формирование философии Гегеля»¹⁷. Появился Г.В.Ф. Гегель! Вся предшествующая философия долго к этому шла, карабкалась. И в результате — пик Гегеля! А.Г. Спиркин, выражая «официальную» точку зрения советских философов, так и говорил в 1983 году: «Вершина немецкого классического идеализма — диалектика Гегеля, ядро которой составляет учение о противоречии и развитии»¹⁸. И с этой точкой зрения трудно спорить.

Г.В.Ф. Гегель убедителен. И даже более. Его спекуляция грандиозна и божественно тотальна. Абсолютный дух не только вездесущ, но и всесилен. Природа в этой спекуляции есть не что иное, как идея в форме инобытия. Г.В.Ф. Гегель высоко ценит полярность, о которой в XVIII веке говорил не только Шеллинг, но и физики. «Это понятие, — по мнению Гегеля, — есть великий шаг вперёд физики в её метафизике, ибо мысль о полярности является не чем иным, как определением соотношения необходимости

¹⁶ Макаров М.Г. Развитие понятий и предмета философии в истории её учений. — Л., 1982. — С. 155.

¹⁷ Гайденко П.П. Шеллинг / Философский энциклопедический словарь. — М.: Сов.энциклопедия, 1983. — С. 780.

¹⁸ Спиркин А.Г. Философия / Философский энциклопедический словарь. — М., 1983. — С. 728.

между двумя различными, которые являются единым, поскольку с полаганием одного непременно оказывается положенным также и другое. Эта полярность ограничивается лишь противоположностью, но посредством противоположности полагается как единство также и возвращение из противоположности, и это есть третье. В этом состоит тот плюс, который заключает в себе необходимость понятия по сравнению с полярностью»¹⁹.

Преодолевая диалектическую ограниченность понятия «полярность», Гегель, тем не менее, именно вслед за Шеллингом выбирает свет в качестве исходной движущей силы материи. «Материя, как мы её познали выше, — высказывает свою точку зрения Гегель, — т.е. материя как вихревое беспокойство соотносящегося с собой движения и возвращения к в-себе-и-для-себя существованию и в-само-себе-бытие, которое существует наряду с наличным бытием, — эта материя и есть свет. Последний есть замкнутая в самой себе тотальность материи, которая существует лишь как чистая сила, сохраняющая себя в самой себе интенсивная жизнь, сконцентрировавшаяся в самой себе небесная сфера, вихрь которой именно и есть это непосредственное противоположение направлений соотносящегося с собой движения, в котором погашается всякое различие между приливом и отливом. Свет как налично существующее тождество есть чистая линия, соотносящаяся лишь с самой собой. Свет есть налично сущая чистая сила наполнения пространства, и его бытие является абсолютной скоростью, наличной чистой материальностью, сущим в себе действительным наличным бытием, или действительностью как прозрачной возможностью»²⁰.

У Гегеля противоположение есть различие сущности, «согласно которому различное имеет перед собой не вообще другое, а своё другое, т.е. каждое из различённых имеет своё определение только в своём отношении с другим, рефлектировано в самое себя лишь постольку, поскольку оно рефлектировано в другое»²¹. Поясняя свою мысль, Гегель говорит: «Каждое есть, таким образом, другое своего другого»²². Этую мысль Гегеля важно понять, так как именно эта трактовка противоположности лежит в основе диалектического закона противоречия. В «Философии природы» Гегель приводит пример: «Темнота, представляющая собой прежде всего отрицание света, есть

¹⁹ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 2. Философия природы. — М.:Мысль, 1975. — С. 32.

²⁰ Ibid — С. 121.

²¹ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. — М.: Мысль, 1974. — С. 276.

²² Ibid.

противоположность его абстрактно-тождественной идеальности, противоположность в ней самой»²³.

Не вообще другое, а своё другое. Попробуем понять, о чём идёт речь. Начнём с простых примеров. Противоположностью верха является не зелёное или тяжёлое, а низ. Противоположностью тяжёлого является лёгкое, а не холодное или доброе. Противоположностью тёплого, в рамках этого подхода, выступает холодное, а не деревянное или мокрое. Кометы противоположны планетам.

В этой связи возникает вопрос: «Является ли тяжёлое различием по сущности лёгкому, или горячее различием по сущности холодному?». У Гегеля, как известно, «сущность светится в самой себе видимостью»²⁴, т.е. она есть лишь отношение с собой. При этом, — поясняет Гегель, — это отношение с собой не является непосредственным отношением, а выступает как отношение рефлектированное, и, соответственно, «она есть тождество с собой»²⁵. И далее, уже пренебрегая доводами Аристотеля, Гегель говорит, что это тождество с собой есть лишь формальное или рассудочное тождество, абстрагированное от различия. «Или, скорее, — уточняет свою мысль Гегель, — *абстракция* и есть полагание этого формального тождества, превращение в себе конкретного в эту форму простоты, безразлично, происходит ли это превращение так, что часть наличного в конкретном многообразии опускается (посредством так называемого *анализирования*) и выделяется лишь одна его часть, или так, что, опуская различия многообразных определённостей, их сливают в одну определённость»²⁶. Ничто, как известно, одновременно и противоположно, и тождественно бытию, именно в силу общей для них абстракции.

Чтобы быть убедительным в своей критике абстрактного рассудка школьного опыта Гегель умышленно отрезает часть формулировки закона тождества, ранее данную Аристотелем, и получает: «Л не может в одно и то же время быть А и не-А»²⁷. Смею предположить, Аристотель хорошо понимал, что одна и та же женщина в одно и то же время может и быть матерью и не быть матерью. Но такое оказывается возможным лишь в различных отношениях (смыслах), например, по отношению к разным людям.

²³ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 2. Философия природы. — М.: Мысль, 1975. — С. 137.

²⁴ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. — М.: Мысль, 1974. — С. 269.

²⁵ Ibid.

²⁶ Ibid. — С. 270.

²⁷ Ibid.

Космос, согласно Гегелю, одухотворён. Гегелевские противоположности, как и у Гераклита, не только враждуют друг с другом, но и любят друг друга. Кометы, будучи противоположностью Земле, не могут упасть на Землю, т.к. сама Земля защищается от этой противоположности, отталкивая её. Но Гегель уверен, что именно закон диалектики спасает Землю от столкновения с кометами, а не большие пространства и малая вероятность. «Так, можно признать, — говорит Гегель, — что другие тела системы защищают себя от них, оказывают им противодействие, т.е. ведут себя как необходимые органические моменты и не могут поэтому погибнуть»²⁸. Это вражда противоположностей, но есть и любовь, например, между Землёй и Луной: «Луна представляет собой безводный кристалл, который как бы стремится восполнить себя нашим морем, утолить жажду своей затверделисти, и благодаря этому получаются приливы и отливы. Море поднимается, готово полететь к Луне, а Луна как бы намерена перетянуть его к себе»²⁹. И, хотя Луна не противоположна Земле, но любовь между ними всё же есть. Интересно, а если бы на Луне была вода, тогда, с точки зрения Гегеля, она бы уже не притягивала воды морей и океанов Земли?! Солнечная система с Землёй, Луной, кометами, планетами и Солнцем всего лишь легитимация силлогизма. Вот как Гегель поясняет логическую суть строения солнечной системы: «Кометы имеют свой центр в Солнце. Луна как затверделое тело более родственна планетам, ибо она как самостоятельное воплощение ядра Земли обладает в себе началом абстрактной индивидуальности. Таким образом, комета и Луна повторяют в абстрактном виде Солнце и планету. Планеты суть средний член системы, Солнце — один крайний член, а несамостоятельные небесные тела в качестве противоположности, члены которой ещё находятся друг вне друга, — другой крайний член (В – Е – О). Это — непосредственный, лишь формальный силлогизм; но этот силлогизм не является единственным»³⁰. И всё! Иначе и быть не может. Диалектика самостоятельно и totally решает все задачи астрономии, а астрономам остаётся лишь отыскивать факты, подтверждающие абсолютную спекулятивную истину.

Диалектика, поставленная на ноги, уже без всякой иронии и сарказма включила в себя всё. Любое изменение, происходящее с чем-либо и как-либо, могло произойти сугубо под воздействием единства и борьбы

²⁸ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 2. Философия природы. — М., 1975. — С. 138.

²⁹ Ibid. — С. 140.

³⁰ Ibid. — С. 141.

противоположностей. Противоположности, понимаемые вслед за Ф.В.Й. Шеллингом и Г.В.Ф. Гегелем, стали двигателем мира. При этом диалектику, т.е. противоположности, следовало искать везде. Без противоположностей не стоило говорить о движении и развитии.

В официальной версии советского марксизма противоположность определили вполне доходчиво, как «один из двух "борющихся" моментов конкретного единства, которые являются сторонами *противоречия*»³¹. При этом диалектическое противоречие, в этом же источнике, было предложено понимать как «взаимодействие противоположных, взаимоисключающих сторон и тенденций предметов и явлений, которые вместе с тем находятся во внутреннем единстве и взаимопроникновении, выступая источником самодвижения и развития объективного мира и познания»³². Совершенно в духе диалектики: противоположность определили через противоречие, а противоречие — через противоположность. Ещё бы дали пояснение, что значит «взаимоисключающие», которые вместе с тем находятся во внутреннем единстве и взаимопроникновении. Думаю, что определения через круг являются одним из приёмов диалектики, в том числе обеспечивающих её беспротиворечивую эффективность.

§5. Легитимация агрессивности — предельное основание закона единства и борьбы противоположностей

Т. Адорно, описывая яростные истоки идеализма, отмечает: «Живое существо, испытывая потребность сожрать, должно быть злым. Эта антропологическая схема сублимирует вплоть до гносеологии»¹. Интересное наблюдение неомарксиста. Думаю, что через призму этого тезиса вполне можно рассмотреть и основополагающие установки диалектики.

Как известно, начало диалектики большинство философов ведёт от Гераклита, который не только утверждал тотальную изменчивость мира, единство и борьбу противоположностей, но и открыто ненавидел простых тружеников Эфеса. При этом, однако, до сих пор открытм остаётся вопрос об

³¹ Противоположность / Философский энциклопедический словарь. — М., 1983. — С. 543.

³² Противоречие / Философский энциклопедический словарь. — М., 1983. — С. 545.

¹ Адорно Теодор В. Негативная диалектика. — М.: Академический Проект, 2011. — С. 36.

истоках и статусе закона единства и борьбы противоположностей.

Войдя в обиход под титулом «закона», утверждение Гераклита о единстве и борьбе противоположностей приобрело особое мировоззренческое и методологическое значение, причём не только в теории и практике марксизма-ленинизма, но и в обыденных представлениях, а иногда и делах выпускников вузов, изучавших краткий курс философии в СССР и России. П.В. Алексеев, А.В. Панин, обращаясь к студентам в учебнике философии, следующим образом характеризуют этот закон: «Он всеобщ. Положение о его всеобщности стало стандартным; в положение о его всеобщности перестали вдумываться, оно воспринимается как малоинформационное, иногда "пустое"»². Более того, данное утверждение, будучи «узаконенным» всеобщим, стало мировоззренческим убеждением и, в результате, превратило борьбу (расплю, войну, драку) в единственное средство достижения цели. С точки зрения П.Н. Федосеева, революционностью марксизм наполнился, впитав в себя диалектику Гегеля. В этой связи он утверждает: «Основоположники марксизма, материалистически переработав идеалистическую диалектику Гегеля, создали в подлинном смысле философию революционного оптимизма, методологическую и мировоззренческую основу борьбы рабочего класса и всех трудящихся за революционное обновление мира»³.

Конкретизируя по своему усмотрению и поэтизируя гераклитовское утверждение о роли войны, распри в установлении справедливости, сторонники диалектики полагали, что только в борьбе обретёшь ты право своё, и только в борьбе можно счастье найти... При этом видимость законности диалектическому утверждению о неизбежности борьбы придавала не только уверенность, с которой его озвучивали лекторы, но и примеры из различных областей знания, якобы подтверждавшие его. «Борьба необходима, борьба абсолютна, именно в борьбе, — делает вывод А.Н. Аверьянов, — и реализуются идеи единства»⁴. К.С. Гаджиев даже полагает, что потребность иметь врага коренится в «самой человеческой природе». А если есть враг — злобный и беспощадный, его следует уничтожать. «Раскручивая» диалектический закон единства и борьбы

² Алексеев П.В., Панин А.В. Философия: учебник. — М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. — С. 557.

³ Федосеев П.Н. Философия и научное познание. — М., 1983. — С. 104.

⁴ Аверьянов А.Н. Системное познание мира: Методологические проблемы. — М.: Политиздат, 1985. — С. 130.

противоположностей якобы на исторически подтверждённом материале, К.С. Гаджиев утверждает: «Оппозиционность, неуживчивость, конфликтность, враждебность представляют собой такие же естественные формы проявления отношений между людьми, как и взаимная симпатия, солидарность, коллективизм и т.д. Инстинкт самосохранения и инстинкт борьбы составляют две стороны одной медали»⁵. Война, по убеждению К.С. Гаджиева, представляет собой нормальное явление. И это не удивительно, т.к. мировоззрение К.С. Гаджиева целенаправленно формировалось на «законах» диалектического материализма. В результате К.С. Гаджиев транслирует следующим поколениям своё отношение к конфликтам и войнам: «Поэтому во всякого рода конфликтах вообще и войнах в частности неправомерно усматривать некую аберрацию, некое отклонение от нормы и тем более, некий атавизм, результат неопределённых реликтов неандертализма в человеке. Они представляют собой вполне естественные проявления человеческой природы, и поэтому они сохраняются в качестве крайних средств разрешения проблем, возникающих между людьми, пока существуют сами люди и человеческие сообщества»⁶. Убить другого человека для К.С. Гаджиева «естественно». Но он почему-то ещё утверждает, что убийство «естественно» не только для него, но и для всего человеческого рода. Думаю, что переносить своё Я на мир всех людей не только излишне амбициозно, но и гносеологически контрпродуктивно. Складывается впечатление, что диалектическое единство противоположностей возникает так же, как и клубок живых кровожадных тел, впившихся друг в друга зубами.

Пытаясь представить косвенные и путаные доводы для аргументации законной силы утверждения о единстве и борьбе противоположностей, апологеты диалектики предварительно «размыли» понятие «борьба», превратив его в диалектическую категорию — конгломерат смыслов. Для этого, якобы соблюдая правила формальной логики, они произвели псевдоделение понятия «борьба» на виды, выделив *ad hoc* битву, соревнование, конкуренцию, отталкивание, противодействие, взаимопроникновение противоположностей, взаимодействие противоположностей и пр. При этом возможность обратной операции —

⁵ Гаджиев К.С. Размышления о тотализации войны: политико-философский аспект // Вопросы философии. — 2007. — №8. — С. 5.

⁶ Ibid.

«сборки» не была изначально предусмотрена, т.к. сумма объёмов членов деления оказалась не равной объёму делимого понятия. Именно это обстоятельство позволяет утверждать, что превращение понятия «борьба» в диалектическую категорию произошло посредством произвольного расширения исходного понятия. А.Н. Аверьянов, оправдывая такое расширение понятия «борьба», отмечает: «Мы не можем, например, сказать, что два электрона борются между собой, а утверждаем, что они отталкивают друг друга. Мы не говорим также, что особи в популяции отталкивают друг друга, а употребляем в этом случае термин «конкуренция» и т.д. Вместе с тем на философском уровне обобщения все эти явления определяются как борьба. Такое внутреннее богатство категории усиливает её познавательные возможности и повышает методологическое значение»⁷. Интересный «уровень обобщения».

Ведь, если между «конкуренцией» и «соревнованием» вполне усматривается общее содержание, то, что общего между «отталкиванием» и «конкуренцией», «соревнованием» и «отталкиванием», «битвой» и «отталкиванием» совсем непонятно. Но именно в этом и состоит сила диалектики, её защита от критики — диалектику нельзя поймать за слово, за алогизм, ведь не для неё писан закон тождества и закон (не)противоречия.

Превратив понятие «борьба» в диалектическую категорию, а по сути, в конгломерат смыслов, далее стало возможным вполне успешно на большом количестве примеров формировать общественное мнение, приобретшее в рамках принципа партийности философии, статус истины. Теперь в навязывании партийных взглядов могли почти по добной воле принимать участие и представители естествознания и даже точного. Ведь, если отталкивание является видом борьбы, а притяжение — видом единства, тогда об отталкивании двух одноимённых электрических зарядов вполне можно утверждать, что они борются (хотя и не противоположности!), а о притяжении разнородных зарядов следует говорить как о единстве, и даже как о единстве противоположностей (хотя нет отталкивания, т.е. борьбы). Диалектика налицо — противоположности стремятся к единству, сходятся. Но эта диалектика оказывается возможной, как и любое иное софистическое утверждение, лишь в том случае, если не обращать внимания на то

⁷ Аверьянов А.Н. Системное познание мира: Методологические проблемы. — М.: Политиздат, 1985. — С. 130.

обстоятельство, что в борьбу (т.е. отталкиваются) вступают не противоположности — отталкиваются (т.е. борются) одноименно заряженные частицы. При этом два электрических тока, текущих в одну сторону параллельно друг другу, будут предательски, по отношению к диалектике, притягиваться. Но диалектика не обладала бы всесилием, если бы её законы, будучи дизъюнкцией утверждения и отрицания, не объясняли и не предсказывали (правда, задним числом) всё и вся. Для этого в утверждении о единстве и борьбе противоположностей союз «и» диалектически (скрыто, без объявления) перешёл (превратился) в союз «или», что, собственно, и обеспечило (вместе с конгломератом смыслов категории «борьба») всеобщность и всесилие «закона». Теперь одноимённые (например, заряды или токи) могут или бороться (отталкиваться), или (вместо «и») образовывать единство (притягиваться) — результат, диалектикой не предсказуемый. Но или то или другое обязательно произойдёт и тогда диалектика сможет объяснить результат. И пусть одноимённые электрические заряды отталкиваются (борются), а однородные электрические токи притягиваются (вступают в единство), в этом тоже есть своя диалектика единства и борьбы противоположностей, о чём Ф. Энгельс с удовлетворением заметил: «Недурным образчиком диалектики природы является то, как, согласно современной теории, *отталкивание одноименных магнитных полюсов объясняется притяжением одноименных электрических токов*»⁸. Отталкивание объясняется притяжением! И Энгельс прав. Это на самом деле хороший (недурной) «образчик диалектики природы». Ведь отталкивание одноименных магнитных полюсов совсем не объясняется притяжением «одноименных» электрических токов. Отталкивание одноименных магнитных полюсов вполне адекватно объясняется отталкиванием встречных электрических токов. Отталкивание объясняется отталкиванием, а не притяжением, как это утверждал Ф. Энгельс.

Такое (от философии Гераклита до советской философии) увеличение смыслов понятия «борьба», и соответствующая этому увеличению доказательная база, не то, чтобы не предполагали поиск социально-психологических предпосылок диалектического закона единства и борьбы противоположностей. Такой поиск был просто невозможен, т.к. конкретные «виды борьбы» уже нельзя было «собрать» в исходное понятие борьбы —

⁸ Энгельс Ф. Диалектика природы. — М., 1982. — С. 255.

войну или расплю, а многочисленные примеры из естествознания напрочь исключали социально-психологическую подоплётку этого «закона». Однако, аргументация ещё не доказательство, а общественное мнение не истина. И, в этой связи, отбросив в сторону все хитросплетения диалектики, внедрённые в массовое сознание средствами пропаганды, есть смысл вернуться к истокам диалектического утверждения о единстве и борьбе противоположностей, и, прежде всего, к его социально-психологической подоплётке.

Как известно, философы вообще, и философы античности в частности, не страдали от страсти к эмпирическим обобщениям и индуктивным выводам. Не был подвержен этому интеллектуальному недугу и Гераклит. Более того, как замечает в своих «Лекциях по истории философии» Г.В.Ф. Гегель, именно у Гераклита «мы впервые встречаем философскую идею в её спекулятивной форме»⁹.

Вводя в философский обиход «закон» единства и борьбы противоположностей, Гераклит¹⁰ утверждает — «сущее одновременно множественно и едино и держится через вражду и дружбу». Более того, «противоположности — единое», и стоит одной противоположности исчезнуть, чтобы всё уничтожилось и исчезло.

То, что в мире есть противоположности, было известно и до Гераклита. Но до Гераклита противоположности не враждовали друг с другом ни на Востоке (у Лао-цзы, например), ни на Западе (у Пифагора).

Согласно Лао-цзы, в мире есть жизнь и смерть, добро и зло, большое и маленькое, высокое и низкое, твёрдое и мягкое, мудрое и глупое, бытие и небытие. И эти противоположности сосуществуют и даже переходят друг в друга. Но между ними нет вражды. Переходы между противоположностями происходят постепенно, посредством количественных изменений — ведь «Великие дела в Поднебесной обязательно начинаются с мелочи». У-вэй — одна из главных идей даосизма — призывала к недеянию, и была направлена против агрессии, вражды и войны. Китайские философы-марксисты именно в этом видели слабость «диалектики» Лао-цзы: «В теоретическом отношении здесь Лао-цзы снова отрицает борьбу противоположностей, абсолютизирует их единство, отрицает превращение предметов в свою противоположность, стремится найти в «мягкости и слабости» «спасение» для гибнущего класса

⁹ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 1. — СПб., 2006. — С. 287.

¹⁰ Гераклит Эфесский: Всё наследие. — М., 2012. — 350 С.

рабовладельцев. В сущности, это направлено против диалектики истории, согласно которой класс рабовладельцев в своих превращениях шёл к гибели»¹¹.

Видел противоположные начала в мире и Пифагор. Об этом, в частности, говорит Диоген Лаэртский, описывая взгляды Пифагора: «В мире равнодольны свет и тьма, холод и жар, сухость и влажность, если из них возобладает жар, то наступит лето, если холод — зима, если сухость — весна, если влажность — осень, если же они равнодольны — то лучшие времена года»¹². Но Пифагор не агрессивен и, вероятно по этой причине, он не предписывает противоположностям воевать между собой. С его точки зрения в общении следует держаться так, чтобы не друзей делать врагами, а врагов друзьями. Наказывать, пока ты в гневе, нельзя ни раба, ни свободного. Счастлив человек, когда душа у него становится доброю. Диоген Лаэртский отмечает в этой связи: «Добродетель есть лад (harmonia), здоровье, всякое благо и бог. Дружба есть равенство ладов»¹³. Гармонию и размеренность, по убеждению Пифагора, не следует нарушать. Описывая взгляды Пифагора на зачатие жизни и последующее рождение, Диоген Лаэртский отмечает: «Первая плотность образуется в сорок дней, а затем, по законам гармонии, дозревший младенец рождается на седьмой, или на девятый, или, самое большое, на десятый месяц. Он содержит в себе все закономерности жизни, неразрывная связь которых устроена его по закономерностям гармонии, по которым каждая из них выступает в размеженные сроки»¹⁴.

Всё это видел и понимал Г.В.Ф. Гегель. Но такая диалектика, диалектика без войны, распри, борьбы его почему-то не устраивала. А потому, отдавая должное историческому приоритету Пифагора в вопросе введения в философию понятия «противоположности», Гегель вместе с тем отмечает недостаточность простой констатации наличия: «Это, несомненно, попытка дальнейшего развития идеи спекулятивной философии в ней самой, т.е. в понятиях; но эта попытка не пошла, по-видимому, дальше этого простого перечисления. Очень важно, чтобы сначала, как поступил Аристотель, были собраны всеобщие определения мысли; но то, что мы видим здесь у пифагорейцев, есть лишь грубое начало более точного определения

¹¹ История китайской философии. — М.: Прогресс, 1989. — С. 58.

¹² Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. — М.: Мысль, 1986. — С. 313.

¹³ Ibid. — С.315.

¹⁴ Ibid. — С.314.

противоположностей, начало, в котором, как в индусских перечислениях первоначал и субстанций, нет ни порядка, ни смысла»¹⁵. Противоположностям нужен исторический смысл. Они должны работать на историю.

И только Гераклит, как это увидел Гегель, в полной мере понял само абсолютное как диалектический процесс. Гегель высоко ценит Гераклита и открыто говорит о его вкладе в свою философскую систему: «Гераклита поэтому всегда считали глубокомысленным философом, и он даже приобрёл дурную славу как таковой. Здесь перед нами открывается новая земля; нет ни одного положения Гераклита, которое я не принял в свою "Логику"»¹⁶.

Сущее, как выше уже отмечалось согласно Гераклиту, не только одновременно множественно и едино, оно ещё и держится через вражду и дружбу. И это уже привносит в наличие противоположностей определённый смысл. Противоположности уже не просто есть в мире, они работают, двигают мир. При этом «дружба» противоположностей, доходящая до неразрывного единства, ведёт к интересным последствиям. Так, признавая вслед за Гераклитом единство противоположностей, их неразрывную связь, мы должны отчётливо понимать, что, ликвидировав одну из противоположностей, мы автоматически и синхронно лишаемся второй половины. В соответствии с этим диалектическим законом, чтобы ликвидировать на Земле зло, мы должны искоренить добро, чтобы победить болезни, следует избавиться от здоровья, а для установления мира мы ни в коем случае не должны прекращать войну. И здесь софистические уловки о «прививках» не уместны: дескать, заражая болезнью, мы вырабатываем иммунитет и делаем людей более здоровыми, или, кто хочет жить в мире должен готовиться к войне. Это уловки. Диалектическое единство противоположностей предполагает их совместное рождение в равных долях и, соответственно, обоюдную одновременную смерть. Но такова логика диалектики, такова диалектическая логика. Эти последствия вытекают из единства, «дружбы» противоположностей. И это ещё не всё. Одновременно с «дружбой» противоположности должны и «враждовать», «воевать» друг с другом. И не следующим шагом, как от любви до ненависти, а одновременно и в том же самом смысле. И продекларированный диалектиками статус

¹⁵ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 1. — СПб., 2006. — С. 237.

¹⁶ Ibid. — С.287.

всеобщности «закона» единства и борьбы противоположностей даёт нам право ожидать его проявления во всех явлениях мироздания, в том числе и в области физики.

Г.В.Ф. Гегель в подтверждение этого «закона» приводит вполне, с его точки зрения, подходящий пример: «Закон магнетизма формулируется так, что *одноименные полюсы* отталкиваются, а *разноименные* притягиваются — *одноименные враждебны*, разноименные же *дружественны* друг другу»¹⁷. Интересный пример. Однако в законе единства и борьбы противоположностей ничего не говорится о взаимоотношениях одноименных «полюсов», о том, что они должны быть враждебными друг другу. Речь в этом законе идёт о «дружбе» и «вражде» противоположностей. В примере же Гегеля из области физики противоположности только «дружественны» друг другу, т.к. разноимённые полюсы притягиваются, а «вражды», т.е. отталкивания между противоположностями вообще нет.

Г.В.Ф. Гегель множит примеры «борьбы» противоположностей и утверждает: «Электрический процесс также есть движение, но он ещё сверх того — борьба физических противоположностей»¹⁸. Замечательно, ведь и мы сегодня помним из школьного курса физики, что в природе есть положительные заряды и отрицательные, которые, согласно наименованию, представляются нашему сознанию как противоположные друг другу. Но даже если принять, что положительные заряды противоположны отрицательным, тем не менее, они, эти противоположности не «враждуют», не «борются» друг с другом, они, будучи «дружественными», притягиваются друг к другу.

Следует заметить, что и другие примеры Гегеля из области электричества и магнетизма не демонстрируют «борьбы» противоположностей, тем самым разрушая статус всеобщности «закона» единства и борьбы противоположностей. Похоже, что и самому Г.В.Ф. Гегелю в какой-то момент наснутило рассматривать частности в проявлении диалектического закона, рождённого спекуляцией, и он откровенно заявляет: «Противоположность между притяжением и отталкиванием как двумя самостоятельно существующими силами является лишь созданием рассудочной рефлексии. Если бы мы не признавали, что притяжение и отталкивание вполне уравновешивают друг друга, мы запутались бы в противоречиях, которые

¹⁷ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.2. Философия природы. — М., 1975. — С. 236.

¹⁸ Ibid. — С.233.

убедили бы нас в ложности этой рефлексии...»¹⁹.

Претворяя в жизнь методологический принцип «обратного» метода К. Маркса, согласно которому «анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны», Ф. Энгельс идёт ещё дальше и переносит «анатомию» социальных конфликтов в «анатомию» «борьбы» между сущностями, которые изучает физика. Вероятно, пытаясь привлечь новые аргументы в подтверждение «закона» единства и борьбы противоположностей уже в русле диалектики, поставленной на ноги, Ф. Энгельс упирает на естествознание, и заявляет в этой связи: «Природа является пробным камнем для диалектики, и надо сказать, что современное естествознание доставило для такой пробы чрезвычайно богатый, с каждым днём увеличивающийся материал и этим материалом доказано, что в природе всё совершается в конечном счёте диалектически, а не метафизически»²⁰. Ф. Энгельсу понадобилось естествознание, чтобы сформировать уверенность «рабочего класса» во всесилии марксизма и диалектики. К. Хагер в этой связи замечает: «Обращение Энгельса к естествознанию было подчинено задаче детального обоснования и дальнейшей разработки мировоззрения рабочего класса. Задача заключалась в том, чтобы показать, что не только история общества подчинена диалектическим закономерностям, которые могут быть познаны, объяснены и использованы в революционном действии лишь на основе последовательного материалистического подхода. Необходимо было также доказать, что диалектические законы действуют также и в природе и раскрываются диалектикой в естественных науках»²¹. И Энгельс старался.

«Диалектика природы» насыщена примерами из области физики, которые, по мнению Ф. Энгельса, всецело подтверждают фундаментальность и всеобщность законов диалектики. Но для придания убедительности примерам из механики Ф. Энгельс на какое-то время «забывает» о том, что в физике произошли глубокие изменения во взглядах на движение и утверждает вполне в духе Аристотеля: «Всякое движение состоит во взаимодействии притяжения и отталкивания. Но движение возможно лишь в том случае, если каждое отдельное притяжение компенсируется соответствующим ему отталкиванием в другом месте, ибо в противном случае

¹⁹ Ibid. — С.179.

²⁰ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведённый господином Евгением Дюрингом. — М., 1988. — С. 18.

²¹ Хагер К. «Диалектика природы» Ф. Энгельса и современность // Вопросы философии. — 1976. — №6. — С. 45.

одна сторона должна была бы получить с течением времени перевес над другой, и, следовательно, движение в конце концов прекратилось бы»²². Для того чтобы нечто двигалось, согласно Энгельсу, требуется взаимодействие тел. Говоря о телах, составляющих систему природы, Ф. Энгельс замечает: «В том обстоятельстве, что эти тела находятся во взаимной связи, уже заключено то, что они воздействуют друг на друга, и это их взаимное воздействие друг на друга и есть именно движение»²³. В результате Ф. Энгельс приходит к умозаключению, согласно которому «сумма всех притяжений во вселенной равна сумме всех отталкиваний»²⁴. Сегодня это утверждение можно с некоторой оговоркой расценить как гениальное предвидение философа будущих физических гипотез, но в 1879 году Ф. Энгельс ищет подтверждений своим спекуляциям в данных современной ему науки.

Пренебрегая принципом инерции, Ф. Энгельс в подтверждение «закона» единства и борьбы противоположностей обращается к описанию движения планет вокруг Солнца, в котором одновременно находится место и для «дружбы», и для «вражды». Так, согласно воззрению Ф. Энгельса, эллиптическое движение планеты вокруг центрального тела объясняется именно притяжением и отталкиванием: «Если один, в прямом смысле центральный, элемент планетного движения представлен тяжестью, притяжением между планетой и центральным телом, то другой, тангенциальный, элемент является остатком, в перенесённой или превращённой форме, первоначального отталкивания отдельных частичек газового шара»²⁵. И всё! Движение планет, как это видит Ф. Энгельс, доказывает закон единства и борьбы противоположностей.

Аналогичные явления можно при определённом ракурсе зрения наблюдать и в земных условиях, для этого надо лишь совершить некоторые манипуляции с понятиями. Мысленно заменив «отталкивание» «энергией», а «притяжение» «силой», и на Земле с её атмосферой, гравитацией и трением всё встаёт на места, отведённые материалистической диалектикой.

Развивая свою мысль, Ф. Энгельс полагает и теплоту «некоторой формой отталкивания». И тогда при таком взгляде «борьба» противоположностей, т.е. отталкивание, проявляется и в тепловых явлениях, подтверждая тем самым

²² Энгельс Ф. Диалектика природы. — М., 1982. — С. 52.

²³ Ibid. — С. 51.

²⁴ Ibid. — С. 52.

²⁵ Ibid. — С. 54.

один из основных законов диалектики. Ф. Энгельс поясняет: «Теплота представляет собой, как мы уже сказали, некоторую форму отталкивания. Она приводит молекулы твёрдых тел в колебание и этим ослабляет связь отдельных молекул, пока, наконец, не наступает переход в жидкое состояние; при продолжении притока теплоты она и в этом состоянии увеличивает движение молекул до тех пор, пока они совершенно не оторвутся от массы и не начнут свободно двигаться поодиночке с определённой, обусловленной для каждой молекулы её химическим составом скоростью. При продолжающемся далее притоке теплоты она увеличивает ещё более и эту скорость, отталкивая, таким образом, молекулы всё дальше друг от друга»²⁶. Закон единства и борьбы противоположностей, таким образом, начинает «работать» и в области тепловых явлений! Для этого всего лишь следовало подменить некоторые понятия и забыть, что отталкиваться, согласно «закону», должны противоположности, а не тождественные друг другу молекулы. И тогда физики во главе с Ньютоном и Гельмгольцем (которым достаётся от Энгельса) будут с позором повергнуты. Ведь и камень, поднятый человеком с земли, и гиря часов, приведённая усилием человека в верхнее положение, это всё «отталкивание», а значит проявление «борьбы», и не просто борьбы, а «борьбы противоположностей». Энергия — противоположность силе, теплота — противоположность тяжести. Абсурд. Абсурд, который не может служить доказательством тому, что в области физики противоположности вступают в «борьбу», отталкиваются.

Старался подтвердить закон единства и борьбы противоположностей «фактами» из науки и В.И. Ленин²⁷. Но тоже вышел абсурд.

Ф.Х. Кессиди, анализируя ленинскую трактовку основного закона диалектики, замечает: «Термин "борьба противоположностей" предполагает, что дифференциал "борется" с интегралом, электрон "сражается" с позитроном и т.д. В стремлении избежать антропоморфизма и одушевления природы Ленин в одном случае взял слово "борьба" в кавычки, в другом обошёлся без них»²⁸. И Ленин в полной мере диалектик.

Очевидно, что и Гегель, и Энгельс, и Ленин навязывают природе диалектику, заставляют природу подтверждать агрессивный эмоциональный настрой Гераклита, выраженный в его спекуляции. Основоположники

²⁶ Ibid. — С. 57.

²⁷ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.29. Философские тетради. — М., 1977.

²⁸ Кессиди Ф.Х. Гераклит и диалектический материализм // Вопросы философии. — 2009. — №3. — С. 144.

диалектики (и идеалистической, и материалистической), как и их последователи всячески пытались выдать желаемое за действительное, «подогнать» явления природы под свои желания, обусловленные агрессивностью. Но природе навязать нельзя. С ней можно лишь «сотрудничать». Агрессивность хотя и является довольно распространённым явлением в человеческом сообществе, всё же не может быть признана не только неотъемлемым свойством всей природы, но даже и всего человечества.

Но агрессивность основоположника диалектики Гераклита, его ненависть к «простым» людям общеизвестна и красноречиво выражена им самим: «Человек по природе неразумен», «Поделом бы эфесянам взрослым перевешаться всем и недорослям город передать — ведь они Гермодора, из них наи полезнейшего, изгнали, сказавши: "Ни один промеж нас да не будет полезнейшим, а коль будет — пусть на чужбине средь чужих"», «Сколько ни есть людей доле, они далеки от истины и от праведной жизни и, движимые порочным безрассудством, предаются неутомимой страсти и стяжанию славы». При этом часто, по мнению Гераклита, слава и почёт не заслужены: «Игрою случая люди безвольные и ленивые поднялись выше людей, многоократно их превосходящих». Сама собой эта несправедливость не проходит. Расставить всё и всех по своим местам, согласно убеждению Гераклита, может и должна война, распрая. «Раздор — отец всех общих, и всех общий царь. И одних богами объявляет он, а других — людьми, одних рабами сотворяет он, а других свободными», «Весьма же нужно, чтоб Раздор сей, всеобщий, и Правда влюблёнными были б. И порождаемо всё в соответствии с Рознью и понуждаемо ею».

Гераклит болезненно воспринимает демократию, которая захлестнула его мир. Миром стали править лицемеры. Демократия его раздражает, терзает. По убеждению Гераклита, не могут, не должны ничтожества иметь право голоса. Мир рушится. Надо всё расставить по своим местам. Но слова не убедительны, не эффективны. Нужно иное, действенное средство. И это средство война. И только. Только внутри полемоса, внутри войны, внутри распри будут сорваны маски и определится наилучший. Лишь прямое столкновение враждующих сил, по мнению Гераклита, способно родить, способно открыть правду, способно истинно рассудить и расставить всех по их достоинству. В результате Гераклит легитимирует свои отрицательные эмоции, провозглашая войну единственно эффективным средством

наведения порядка в мире. Легитимирует и не более. Все последующие подтверждения статуса законности утверждения о единстве и борьбе противоположностей в области физики, как было обнаружено в ходе исследования и выше уже описано, носят откровенно пропагандистский характер и построены на методологии софистики. Более того, даже люди, если их специально не натаскивать на волчьи повадки, могут жить в мире и сотрудничестве. И это не утопия, ведь будь человек злобным, агрессивным, подлым и коварным животным, постоянно готовым «сожрать» своего ближайшего соседа, его следовало бы поместить в клетку. В этом случае само государство должно было бы представлять клетки в клетке. Но до сих пор этого не случилось.

§6. Единство и борьба противоположностей в живой природе

Живая природа и биология всегда были и остаются тем пробным камнем материалистической диалектики, на котором и философы, и идеологи пытались и пытаются до сих пор продемонстрировать либо всесилие своих утверждений, либо слабость и беспомощность доктрин оппонентов. И.Т. Фролов, вскрывая комплекс мировоззренческих, гносеологических и социально-этических идей, ставших актуальными в последней четверти XX века, признавал следующее: «Целый калейдоскоп порой взаимоисключающих решений, мнений и предложений, утверждений и сомнений порождается при этом на почве столь же разнородных, а порой и альтернативных философских концепций. И всё же существует некоторый центр, вокруг которого так или иначе вращаются противоборствующие философские идеи. Таким духовным центром является сегодня диалектико-материалистическая концепция в её применении, в частности, к сфере биологического познания»¹.

«Материал» живой природы чрезвычайно привлекателен для диалектики своей «гибкостью» и многообразием форм, что позволяет почти всегда говорить «истину», особенно, если она заранее определена партийными установками. В живой природе есть всё, о чём говорят философы: и

¹ Фролов И.Т. О диалектике и этике биологического познания // Вопросы философии. — 1978. — №7. — С. 31.

пространство, и время, и случайность, и закономерность, и движение, и рост, и развитие, и эволюция, и количество, и качество, и отрицание, и единство, и борьба. Есть о чём поговорить и поспорить.

Однако в дискуссии с профессиональными спорщиками следует знать, что среди многообразных ухищрений диалектики в советский период был отточен приём, который с лёгкостью опрокидывал большие массивы критики в её адрес. Суть приёма заключается в следующем: одна из «генеральных» линий марксистской философии, успешно отстаивавшая позиции всего учения на протяжении некоторого времени после того, как оппонентами обнаруживались её неустранимые «дефекты», сразу же объявлялась лжедиалектикой, лжематериализмом или лжемарксизмом. В результате все аргументы критиков рушились, т.к. становились беспредметными. В диалектико-материалистической философии биологии этот приём успешно продемонстрировал свою эффективность. После того, как Т.Д. Лысенко и его соратники сделали своё дело, на них, как на представителей марксистской биологии и диалектико-материалистической философии биологии, ссылаясь стало неприлично и неуместно, т.к. они из последовательных и яростных последователей дела Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина «превратились» в лжедиалектиков. Вот как И.Т. Фролов в своей полемике с Ж. Моно объясняет неуместность ссылок на диалектический материализм Т.Д. Лысенко: «"Критикуя" диалектику, Ж. Моно опять-таки обращается лишь к лжедиалектическим взглядам Т.Д. Лысенко и др., давно раскритикованным и отброшенным биологами и философами — сторонниками диалектического материализма»². Со слов И.Т. Фролова, оказалось, что настоящая диалектика, настоящий марксизм не связан с учением «раскритикованного» Т.Д. Лысенко. В новой ситуации и диалектика стала новой, настоящей. И это не релятивизм, и не волюнтаризм. «Настоящая» материалистическая диалектика всегда эффективна и истинна. Тому есть весомые объяснения.

Истина, как учил Г.В.Ф. Гегель, конкретна, а конкретность определяется обстоятельствами текущей ситуации. И если обстоятельства изменились, то с неизбежностью должна измениться и истина. Так, вполне обоснованно (причём на системном уровне), советские философы биологии перешли на «запасные пути» диалектического материализма. Именно об этом и говорит И.Т. Фролов: «Материалистическая диалектика не имеет ничего общего с той

² Ibid. — С. 35.

вульгарной, априористической формой, которую ей пытался придать Т.Д. Лысенко, поэтому и апелляция к лжедиалектическим работам таких авторов для доказательства тезиса о «банкротстве» диалектики в биологии констатирует лишь некоторый негативный опыт, но не является полноценным научным доказательством³. И не возразишь. Известно, ведь, что истину не утаишь, истина всегда найдёт себе дорогу. Так, вероятно, и произошло с диалектическим материализмом при объяснении (и предсказании?) явлений жизни. Но учесть следует и впредь не ссылаясь на «вульгарный» и «априористический» диалектический материализм, форма которого была реализована в советской агробиологии и философии Т.Д. Лысенко и его соратниками. Хотя, скорее всего, именно там, в отвергнутой И.Т. Фроловым форме, и была сконцентрирована суть диалектико-материалистического взгляда на живую природу. Но с настоящими марксистами не поспоришь, ведь, кроме различных «уловок», «ухищрений» и «вывертов», диалектический метод открыт ещё и самокритике, которая вступает в силу после того, как исчерпают себя иные формы и методы противостояния истине.

И вот, уже учтя замечания И.Т. Фролова, Г.В. Платонов вынужден признать: «В трудах советских философов и биологов содержатся интересные мысли о присущих живой природе противоречиях, их многообразии и специфике. Вместе с тем приходится констатировать, что биотические противоречия исследованы значительно слабее, чем социальные»⁴. Почему вдруг биотические противоречия оказались исследованы значительно слабее, нежели социальные? Может быть, биотический материал сложнее, запутаннее социального? Г.В. Платонов не даёт ответа на эти вопросы. Ранее и косвенно его дал И.Т. Фролов, указав на период советской философии, который был «отведён» под лже-диалектику.

К 1984 году, преодолев общими усилиями «лжедиалектическую» философию биологии, кое-что в запасе у советских философов, исследующих роль противоречий в развитии живой природы, всё же осталось. Прежде всего «настоящие» советские марксисты взяли из прошлого самое ценное и, взяв это ценное, остались на прежних позициях в отношении движущих сил природы. В результате, как и ранее, они признали противоположности, их единство и борьбу в качестве того «мотора», который без привлечения

³ Ibid. — С. 34.

⁴ Диалектика живой природы / Под ред. Н.П. Дубинина, Г.В. Платонова. — М.:Изд-во МГУ, 1984. — С. 126.

«души» изменяет всю природу — и неорганическую, и органическую, и социальную. В этом пункте «истинные» диалектики не размежевались и с «вульгарной» диалектикой Т.Д. Лысенко, который несколько ранее об этом говорил, ссылаясь на мичуринское учение: «Отсюда мы, биологи, можем считать, и действительно считаем, что жизненный импульс тела, степень его жизненности обусловливаются противоречивостью живого тела. Живое тело только потому и обладает жизненным импульсом, что ему свойственны внутренние противоречия»⁵.

Однако далее Г.В. Платонов, вероятно, уже в связи с новыми открытиями «истинной» диалектики, был вынужден признать: «Закон единства и борьбы противоположностей в живой природе действует своеобразно по сравнению с неживой природой, в обществе не совсем так, как в природе, при социализме иначе, нежели при капитализме и т.д.»⁶. Хорошее пояснение. Важное. Много нового говорит о «силе» закона, его статусе. Хотя, справедливости ради, следует напомнить, что и Т.Д. Лысенко признавал истину партийной и утверждал: «Социалистическое сельское хозяйство, колхозно-совхозный строй породили принципиально новую, свою, мичуринскую, советскую, биологическую науку, которая развивается в тесном единстве с агрономической практикой, как агрономическая биология»⁷. Говорил Т.Д. Лысенко и о своеобразии действия закона единства и борьбы противоположностей в различных системах. И даже более того, совершенно в рамках марксизма и, ссылаясь при этом непосредственно на К. Маркса, он предупреждал о недопустимости перенесения закона единства и борьба противоположностей в биологию и агрономию: «Одной из серьёзных помех для разбора и правильного понимания биологами указанного вопроса является сугубо неправильное перенесение в биологию, в жизнь вида растений или животных одного из законов развития классового, капиталистического общества, а именно — фактора борьбы и конкуренции между классами-антагонистами. Ни у одного из видов растений и животных нет и не может быть классового общества. Поэтому также нет и не может быть здесь классовой борьбы, хотя бы её в биологии и называли внутривидовой конкуренцией»⁸. Более того, Т.Д. Лысенко, во избежание негативных

⁵ Лысенко Т.Д. Агробиология. — М.: Сельхозгиз, 1952. — С. 640.

⁶ Диалектика живой природы / Под ред. Н.П. Дубинина, Г.В. Платонова. — М., 1984. — С. 126.

⁷ Лысенко Т.Д. Агробиология. -М., 1952. — С. 551.

⁸ Ibid. — С. 504.

последствий для народного хозяйства, предупреждает своих коллег: «Признание в науке внутривидовой борьбы особенно вредно в практическом деле лесоразведения»⁹. Разве это не марксизм? Разве это «ложедиалектика»? А разве это положение не подтверждалось биологией? Вот что в этой связи пишет Ю.В. Чайковский: «К этому времени (1959 год — В.Ж.) возникли научные дисциплины, осветившие всю проблематику по-новому. Появилась биоценология, и ведущий фитоценолог В.Н. Сукачев подверг уничтожающей по сути (хотя и юбилейно корректной по форме) критике всю "теорию борьбы за существование", противопоставив "априорным умозаключениям" дарвинизма свои эксперименты на высших растениях. Они показали, в частности, что борьба между близкими формами (необходимая в схеме Дарвина) на деле почти отсутствует, и "дарвиновское положение о более напряжённой внутривидовой конкуренции не имеет места". Эту работу не анализируют уже полвека»¹⁰. Очевидно, что «истинная» диалектика мало чем отличается от «вульгарной» диалектики Т.Д. Лысенко: и та, и другая стоят на партийных позициях во взглядах на истину, в том числе и на истину, которая представлена законом единства и борьбы противоположностей. И чтобы ощутить «вкус» партийности законов, будет интересно дать уточняющую «партийную» характеристику закону всемирного тяготения. Дескать, закон всемирного тяготения в СССР действует иначе, чем в США и Германии, а в живой природе вообще «своеобразно» по сравнению с неживой. Далеко бы улетели наши или американские ракеты, если бы теоретики космонавтики и конструкторы ракет опирались в своих расчётах на «такой» своеобразно проявляющийся закон всемирного тяготения?

И вот, уже спасая диалектику, которая подверглась «нападкам» буржуазных идеологов и пропагандистов Г. Гёрц предлагает ввести в структуру законов развития структуру статистических законов. Вероятно, он хорошо понимает, что материалистическая диалектика не может делать однозначных предсказаний без обращения к дизъюнкции утверждения и его отрицания. В результате и приходит к очередной продуктивной идее, в которой замаскированно подаётся всё та же дизъюнкция утверждения и его отрицания: «Материалистическая диалектика обращена как против точки зрения автоматизма законов, так и против концепции свободного,

⁹ Ibid. — С. 587.

¹⁰ Чайковский Ю.В. Пятьсот лет споров об эволюции // Вопросы философии. — 2009. — №2. — С. 78.

независимого от закона господства случайности. Философский анализ биологической эволюции должен иметь в виду то отношение закона и случайности, которое представлено в философской концепции статистического закона. Поэтому необходимо учитывать различные виды случайности и исследовать структуру законов развития. Сейчас выдвигается гипотеза, согласно которой в структуру законов развития входит структура статистических законов»¹¹. Хорошая диалектика, но и только. Для того, чтобы «рассмотреть» в структуре законов развития структуру статистических законов необходимо для начала увидеть в массовых явлениях развития «с неопределенным исходом» наличие устойчивости относительной частоты и уже далее, собственно и представить законы развития, как и положено вероятностно-статистическим законам — либо соответствующей таблицей, либо кривой распределения, либо формулой (подробнее см. В.И. Жилин¹²). Готова к этому диалектика? Предполагаю, что нет. Думаю, что и Г. Гёрц говорил совсем об ином. Главное для него, как, впрочем, и для всех диалектиков, чтобы диалектические законы работали безупречно. А «структура» статистического закона, но понимаемая своеобразно как связанное «или-или», позволяет всегда и абсолютно точно предсказывать (например, 100% выпадение «орла» или «решки» при подбрасывании монеты). Замечательная методологическая находка, хотя, справедливости ради, следует всё же помнить, что диалектика всегда делала свои беспроигрышные предсказания именно в виде дизъюнкций утверждения и отрицания.

Г.В. Платонов, продолжая собирать «осколки» материалистической диалектики живой природы, оставшиеся после «разоблачений» лжедиалектики Т.Д. Лысенко, уже по-марксистски правильно понимая законы развития, утверждает: «Противоречия живой природы, как и противоречия вообще, можно классифицировать на внутренние и внешние, основные и неосновные, общие и специфические. Разумеется, при этом нельзя упускать из виду относительного характера подобных разграничений. «Внешние» противоречия применительно к одним системам становятся «внутренними» применительно к другим, более крупным и наоборот»¹³. Вполне

¹¹ Гёрц Г. Закон, развитие, случайность // Вопросы философии. — 1978. — №8. — С. 53.

¹² Жилин В.И. К вопросу о вероятностно-статистическом характере педагогических законов // Власть. — 2010. — №7. — С. 85-89.

¹³ Диалектика живой природы // Под ред. Н.П. Дубинина, Г.В. Платонова. — М., 1984. — С. 129.

содержательно и предметно. Противоречия живой природы приобретают «статистическую структуру» и мы можем уже с полной уверенностью в своей правоте говорить, что они или внутренние, или внешние, или основные, или неосновные, или общие, или специфические. Какие именно — зависит от точки зрения, а точка зрения определяется конкретными «обстоятельствами» случая. Но они, эти и такие, противоречия «обязательно» есть, ведь именно они движут природу. Так, борьба за существование может, с одной стороны, рассматриваться как внутреннее противоречие («внутривидовая борьба»), либо, с другой стороны, как внешнее противоречие, если это «борьба» между различными видами внутри одного рода. И чтобы невозможно было уличить материалистическую диалектику в несоответствии её высказываний фактам жизни, Г.В. Платонов предупреждает: «Применительно к биотическим противоречиям не является абсолютным и деление на основные и неосновные, так как первые в иных условиях могут стать неосновными, а вторые, напротив, — основными. Точно так же противоречия общие, например, для всех растений, являются специфическими, если их сопоставлять с общими противоречиями всего органического мира в целом»¹⁴. Попробуй упрекнуть или уличить. Не получится! Человек, партийный человек — мера всем вещам. Сказано по-новому содержательно и, главное, конкретно, при этом, однако, марксизм почему-то отказывается признать своей релятивизм, утверждая вместо этого лозунговую «конкретность истины».

Ссылаясь на Ф. Энгельса, который утверждал, что противоречивый характер предметов и явлений становится очевидным, когда тела изучаются в состоянии изменения и взаимного воздействия, Г.В. Платонов, в полном соответствии духу диалектики, приходит к современному и исторически выверенному выводу о том, что именно исследование диалектически противоречивого характера взаимоотношений организмов и внешней среды, проявляющегося в борьбе за существование и естественном отборе, «означало раскрытие сущности органического мира»¹⁵ и «составило краеугольный камень эволюционной теории, созданной Ч. Дарвином»¹⁶. Вероятно, хотя бы это уже можно признать как образец новой, не Лысенковской диалектики живой природы. Но нет. Т.Д. Лысенко не только за

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid. — С. 128.

¹⁶ Ibid.

кафедрой, но и непосредственно в поле обнаружил, что «продолжительность вегетационного периода растений от посева семян и до созревания новых семян зависит от взаимодействия растительного организма с условиями внешней среды»¹⁷. Лжедиалектика? А речь, как и в подлинной диалектике, идёт о «взаимоотношениях» организмов и внешней среды.

Разграничивая законы живой природы на законы развития и законы функционирования, Г.В. Платонов называет общие биотические противоречия функционирования, среди которых «противоречия между ассимиляцией и диссимиляцией, самосохранением и самообновлением, созиданием и разрушением, жизнью и смертью, организмом и средой, ростом и развитием организмов, между мужским и женским началом в половом процессе»¹⁸. Хорошие противоречия. Истинно диалектико-материалистические. Но странно, именно о них, о тех же биотических противоречиях, говорил и Т.Д. Лысенко в своей «лжедиалектике». Так, например, совершенно в духе «истинной» диалектики он видит развитие растительной клетки: «Каждая растительная клетка развивается путём ассимиляции и диссимиляции, то есть путём впитывания пищи, и, пройдя цепь превращений (внутриклеточные процессы), развивающаяся клетка делится на две»¹⁹.

Есть в «лжедиалектике» Т.Д. Лысенко место и для роста, и для развития. Вот какое определение росту даёт Т.Д. Лысенко: «Непосредственное воспроизведение себе подобных каждой клеткой, каждой молекулой живого тела мы называем ростом тела. Например, клетки листа воспроизводят себе подобные, в результате лист делается большим, он, как говорят, растёт. Под ростом тела мы понимаем увеличение его в весе, объёме»²⁰. Не менее диалектично понимает Т.Д. Лысенко и развитие: «Воспроизведение себе подобных не непосредственно, а через длинную цепь превращений себе неподобных, пока, не получится подобное начальному, мы называем развитием»²¹. Не просто истинная диалектика. Это глубинная диалектика, диалектика, которая в одном предложении отражает и закон перехода количественных изменений в качественные, и закон единства и борьбы противоположностей, и закон отрицания отрицания.

¹⁷ Лысенко Т.Д. Агробиология. — М.: Сельхозгиз, 1952. — С. 11.

¹⁸ Диалектика живой природы / Под ред. Н.П. Дубинина, Г.В. Платонова. — М., 1984. — С. 130.

¹⁹ Лысенко Т.Д. Агробиология. — М., 1952. — С. 235.

²⁰ Ibid. — С. 437.

²¹ Ibid.

Особенно поучительно и практикоориентировано Т.Д. Лысенко говорит о взаимосвязи между мужским и женским: «На самом же деле процесс оплодотворения, как и всякий другой процесс в живом организме, подвержен законам ассилияции и диссимиляции. Слияние двух половых клеток — это есть процесс ассилияции, процесс обоюдного поглощения друг друга, в результате чего вместо двух половых клеток (мужской и женской) получается третья, новая клетка, называемая зиготой. В зависимости от того, какая из половых клеток больше, так сказать, на свой лад ассилирует своего партнёра, получится и гибридный зародыш с той или иной степенью уклонения в сторону природы этой половой клетки. При примерно одинаковой силе ассилияции (поглощения) одной половой клетки другой получится зигота (оплодотворённая клетка), дающая организм с примерно равным распределением отцовских и материнских свойств и признаков. При превалировании силы ассилияции одного полового компонента получается гибрид с большим уклонением в сторону этого родителя, вплоть до полного поглощения свойств наследственности другого»²².

Но Т.Д. Лысенко, по-своему обоснованно, отказывается признавать отношения между особями разного пола в качестве противоречий. И есть в этом здоровая мысль. Противоречат ли друг другу тычинки и пестики? Навряд ли. Между ними вообще нет борьбы. Более того, Т.Д. Лысенко считает, что вообще нет внутривидовой борьбы. «Внутривидовые же взаимоотношения особей, — говорит он, — не подходят ни под понятие — борьба, ни под понятие — взаимопомощь, так как все эти взаимоотношения направлены только на обеспечение существования вида, на его процветание, на увеличение численности его особей»²³. Свои слова Т.Д. Лысенко подкреплял делом. Разработав на основе передовой мичуринской биологии программу степного лесоразведения и воплотив её в жизнь, Т.Д. Лысенко на практике подтвердил диалектический материализм. Так, в частности, в подтверждение своей точки зрения, Т.Д. Лысенко обнаружил, что за счёт самоизреживания густые всходы данного вида деревьев противостоят своей массою в борьбе с другими видами и в то же время не мешают, не конкурируют друг с другом. Вскрывая «механику» самоизреживания, Т.Д. Лысенко говорит: «Происходит это потому, что, по мере роста молодых деревцев, соответствующую

²² Ibid. — С. 266.

²³ Ibid. — С. 588.

сомкнутость крон (ветвей) могут держать меньшее количество растений, нежели их имеется: поэтому часть деревьев нормально отпадает, отмирает. В пределах вида при густом стоянии деревьев, как говорят практики-лесоводы, идёт дифференцировка на деревья верхнего, среднего и нижнего яруса. Деревца нижнего яруса уже изжили себя и отмирают, а среднего, в зависимости от обстоятельств, переходят в нижний и в верхний»²⁴. Всё по понятиям. Деревца нижнего яруса не погибли в результате борьбы со своими сородичами, а «изжили себя и отмирают». Несколько удивительно, но Т.Д. Лысенко, в отличие от большинства своих коллег, не идёт проторённой дорожкой и, с одной стороны, отказывается подгонять живую природу под понятия диалектики, с другой стороны, не расширяет понятия диалектики до пределов, которые включали бы в себя всю зримую реальность. Думаю, что во многом именно эта «метафизическая» позиция Т.Д. Лысенко и была «ахиллесовой пятой» его «теории».

В качестве противоречий развития Г.В. Платонов называет противоречия между изменчивостью и наследственностью, пластичностью и консерватизмом наследственности, генотипом и фенотипом, особью и популяцией, дифференциацией и интеграцией организмов в процессе эволюции, филогенезом и онтогенезом, пользой и вредом для организма, энтропией и накоплением информации и т.п. При этом Г.В. Платонов особо подчёркивает: «Разумеется, разграничение между противоречиями функционирования и противоречиями развития тоже не абсолютно»²⁵. Не абсолютно = относительно = диалектично.

Т.Д. Лысенко тоже использует в своей «теории» большинство из названных понятий. Так, например, говоря о соотношении пластичности и консерватизма, он отмечает: «Организмы с расшатанной наследственностью более податливы, более пластичны в смысле приобретения новых, нужных экспериментатору свойств и признаков. При выращивании в определённых условиях из поколения в поколение потомства таких податливых, пластичных организмов получается согласованность органов, функций и процессов; получается новая, нужная нам относительно устойчивая, закреплённая, то есть относительно консервативная, наследственность организма»²⁶.

Будучи продолжателем дела И.В. Мичурина Т.Д. Лысенко не только высоко

²⁴ Ibid. — С. 589.

²⁵ Диалектика живой природы / Под ред. Н.П. Дубинина, Г.В. Платонова. — М., 1984. — С. 131.

²⁶ Лысенко Т.Д. Агробиология. -М., 1952. С. 601.

ценил успехи своего учителя в индивидуальном развитии растений на основе положения о неразрывности филогенеза с онтогенезом, но и сам использовал это положение в практике улучшения посадочного материала картофеля.

Диалектическая пара «наследственность – изменчивость» красной нитью проходит через всё творчество Т.Д. Лысенко. Причём Т.Д. Лысенко не только знает на словах, но и на деле доказывает взаимосвязь наследственности и изменчивости. И всё это в духе материалистической диалектики. Т.Д. Лысенко уверен, что в исследовании причин изменчивости агробиолог должен исходить из указаний Ф. Энгельса о роли обмена веществ в развитии организмов, т.к. только в этом случае и можно рассчитывать на успех в работе. И, как результат, свои убеждения Т.Д. Лысенко подкрепляет делами: «Многочисленные опыты с вегетативными гибридами безупречно подтверждают указание Энгельса о роли обмена веществ в изменчивости наследственности растительных организмов»²⁷. И так во всём. Практика – теория – практика. В результате – «вульгарная» диалектика, «лжедиалектика». Но, увы, диалектика и разрабатывалась Г.В.Ф. Гегелем как непобедимая методология. При этом и К. Маркс, и его последователи хорошо осознавали эту непобедимость, осознавали и принимали методологию этой непобедимости, а Т.Д. Лысенко пошёл по пути вульгаризации и проиграл, выпал из партийной «обоймы».

В «истинной» диалектике, которая разрабатывалась советскими марксистами после преодоления «лжедиалектики» Т.Д. Лысенко, генеральная методологическая линия пошла по пути расширения понятия «противоречие». В результате было обнаружено и большое многообразие противоречий живой природы, и не меньшее число их авторских трактовок. Особенный прогресс в этом направлении был достигнут, когда «обнаружилось», что в природе существуют «антагонистические» и «неантагонистические» противоречия. Эти «открытия» устраивали всех – и биологов, и философов. Биологи получили возможность работать, освободившись от идеологической опеки марксистско-ленинской философии, т.к. уже не загонялись в узкие рамки штампов «вульгарной» диалектики, а философы перестали раздражаться от мелких «возражений» со стороны фактов науки, ранее не умевшихся в «стандартное» содержание «абстрактных» понятий. В результате марксистско-ленинская философия и

²⁷ Лысенко Т.Д. Агробиология. – М., 1952. – С. 601.

биология встали на путь мирного сосуществования. Постепенно биологи перестали «озираться» на «всесильные» законы диалектического материализма и подгонять свои научные открытия под их канон, а философы успокоились в полной уверенности, что законы диалектики, будучи ранее надёжно подтверждёнными естествознанием, остались незыблемыми и после развала социализма.

§7. Война как диалектическое средство утверждения справедливости и истины

Традиционно и чаще всего война рассматривается как средство решения политических, экономических и межнациональных проблем. Говоря в общем, война, какой-бы предлог и окраску она не имела, идёт, в конечном счёте, за жизненные ресурсы. Однако, даже принимая точку зрения исторического материализма на «истинные» причины войны (см., например, В.И. Ленин¹, А.Е. Бовин²), мы не можем не признать, что кроме жадности и агрессии, трусости и ксенофобии есть и другие начала в человеке, призванные, по крайней мере на первый взгляд, замаскировать некогда эволюционно приобретённые инстинкты каннибализма (см. в этой связи В.Р. Дольника³). Рядом с этими человеческими качествами, влекущими и индивида, и группировки, и целые нации к нарушению чужой границы, всегда есть ещё нечто, нечто «моральное», которое, так или иначе, оправдывает агрессию. И это «нечто моральное» есть не что иное, как внутреннее ощущение (иногда даже осознание) собственной правоты.

Н.А. Бердяев, говоря о морально-психологическом оправдании агрессии, отмечает: «Самый распространённый взгляд, которым оправдывается война со стороны какого-нибудь народа, — тот, что правда и справедливость на стороне этого народа. Враждебный же народ представляется целиком пребывающим в неправде и несправедливости»⁴. И с этим трудно не согласиться — моральное оправдание агрессии, так сказать её идеологический компонент, не только сопутствует войне, он её зачастую

¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 26. — М.: Политиздат, 1973. — 591 С.

² Бовин А.Е. Война / Философский энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1983. — С. 88-89.

³ Дольник В.Р. Непослушное дитя биосферы. — СПб.: ЧеРо-на-Неве, Петроглиф, 2004. — 352 С.

⁴ Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности — М.: Мысль, 1990. — С. 164.

опережает. В.И. Ленин, оправдывая гражданские войны, а, по сути, призывая к ним в «Военной программе пролетарской революции», писал в 1917 году: «Гражданские войны — тоже войны. Кто признаёт борьбу классов, тот не может не признавать гражданских войн, которые во всяком классовом обществе представляют естественное, при известных обстоятельствах неизбежное продолжение, развитие и обострение классовой борьбы. Все великие революции подтверждают это. Отрицать гражданские войны или забывать о них — значило бы впасть в крайний оппортунизм и отречься от социалистической революции»⁵. Ф. Хайек, осмысливая идеиные истоки Второй мировой войны, отмечал в 1944 году: «Будучи участниками и свидетелями смертельного противоборства различных наций, отстаивающих в этой борьбе разные идеалы, мы должны помнить, что данный конфликт был первоначально борьбой идей, происходившей в рамках единой европейской цивилизации, и те тенденции, кульминацией которых стали нынешние тоталитарные режимы, не были напрямую связаны со странами, ставшими затем жертвами идеологии тоталитаризма»⁶.

«Нелюбезный» переход границы другого оправдывался и оправдывается по ситуации, приемлемому случаю. Идеологемы морального оправдания начала войны широко известны. Нередко для «промывания мозгов» используют следующие морально-психологические установки: наведение порядка, подавление мятежа, обретение свободы, помочь в обретении свободы, любовь к Христу, любовная жажда видеть святые места, освобождение Гроба Господня, экспроприация экспроприаторов, экспорт революции, экспорт демократии, обретение национальной независимости, помочь братскому народу, освобождение угнетённых народов, интернациональная помочь дружественному народу, расширение жизненного пространства нации, восстановление статус-кво нации, борьба за историческое бытие и повышение исторической ценности, исправление ошибок природы, святая месть, охрана своих рубежей на дальних подступах, лучшая защита — это нападение. В 1917 году В.И. Ленин, раскрывая суть лозунга о «заштите Отечества», писал: «Что такое "защита отечества", вообще говоря? Есть ли это какое-либо научное понятие из области экономики или политики и т.п.? Нет. Это просто наиболее ходячее, общеупотребительное,

⁵ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 30. — М: Политиздат, 1973. — С. 133.

⁶ Хайек Ф. Дорога к рабству. — М: АСТ: Астрель, 2010. — С. 49.

иногда просто обывательское выражение, означающее *оправдание войны*. Ничего больше, ровнёхонько ничего!»⁷. К.С. Гаджиев говорит о «возвышенной» составляющей войны: «Человеку во все эпохи была свойственна склонность героизировать, романтизировать и воспевать войну. Война занимала немаловажное, если не центральное, место в космогониях и мифах всех прежних эпох и цивилизаций. В Древности, как на Востоке, так и на Западе, между собой постоянно воевали как боги, так и люди. Самое почётное место почти во всех мифологиях и мифологических пантеонах отводилось богам-воителям и героям-воинам, которые, разгромив силы зла, давали, как считалось, начало тем или иным народам, основывали города или государства, спасли отчество или совершили какое-нибудь другое в этом роде героическое или судьбоносное деяние. Это, в частности, проявлялось и в сакрализации войны»⁸. Современные террористы тоже оправдывают себя (см., например, А.А. Варфоломеев⁹).

При этом следует признать, что требование, внутреннее требование морального оправдания агрессии находится глубоко в нас, в нашем исходно животном материале. Так, например, П.А. Кропоткин в поиске естественнонаучных основ для построения этики обращается к «общительности» наших дальних предков и «общественному инстинкту» Ч. Дарвина, приводит дополнительно убедительные примеры, демонстрирующие нравственное начало в мире животных, и высказывает свою точку зрения на истоки компромисса между законами враждебности и законами дружелюбия в человеческом сообществе: «Мысль о "справедливости", понимаемая вначале как возмездие, связана, таким образом, с наблюдениями над животными. Но весьма вероятно, что сама мысль о вознаграждении и возмездии за "справедливое" и "несправедливое" отношение возникла у первобытного человека из мысли, что животные мстят человеку, если он не должным образом отнёсся к ним. Эта мысль так глубоко внедрена в умах дикарей по всему земному шару, что её следует рассматривать как одно из основных понятий человечества»¹⁰. То есть, если ты не бог (или, по крайней мере, не сверхчеловек), ты обязан быть

⁷ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 30. — М., 1973. — С. 82.

⁸ Гаджиев К.С. Размышления о тотализации войны: политico-философский аспект // Вопросы философии. — 2007. — №8. — С. 3.

⁹ Варфоломеев А.А. Терроризм как продукт антиэтатизма // Вопросы философии. — 2011. — №6. — С. 23-32.

¹⁰ Кропоткин П.А. Этика: Избранные труды. — М.: Политиздат, 1991. — С. 65.

«справедливым» и, соответственно, соблюдать законы, «законы природы», повинуясь причинно-следственным связям, иначе тебя ждёт наказание, вплоть до смертельного. И, в этой связи, вполне будет уместным почитать истину дороже друга...

Однако, увы, мир (прежде всего мир человеческих иллюзий) живёт не по законам формальной логики. Софистика и диалектика, умышленно, а иногда и непроизвольно, манипулируя сознанием, владеют большинством склонным доверять видимости. И в этом случае уже выходит на поверхность обыденного сознания иное представление о соотношении истины и дружбы — ворону глаз не выклюет (с учётом того, что рыбак рыбака видит издалека), и, в соответствии с таким изменением в отношениях между дружбой и истиной, трансформируется также представление о соотношении истины и войны — победителей не судят. Победитель всегда выступает в роли судьи, а побеждённый — обвиняемого. Характерной для такого мировоззрения является мысль, высказанная болгарским марксистом В. Боевым: «В огне Октябрьской революции и других социалистических революций на практике доказана истинность марксистско-ленинского учения»¹¹. Победа, в рамках таких представлений, автоматически делает победителя правым, а война, победоносная война становится чуть ли не единственным средством утверждения истины. Характеризуя ленинское толкование марксизма как «фашистское», Ф.А. Степун исходил, прежде всего, из взглядов вождя мировой революции на взаимосвязь истины и добродетели: «Этому мышлению присуще нечто таинственное, и прямо-таки мистическое, когда его простота усиливается до бессмыслицы, и когда он, к примеру, утверждает, что борьба с капитализмом очень проста: нужно только повесить семьдесят капиталистов. Эта примитивность приобретает цинично-демонические черты, когда она охватывает область нравственной человеческой оценки. В известном смысле, как в античности, Ленин тоже не делал никакого различия между знанием и добродетелью. Добродетельным был для него человек, который владел истиной. Но все истины заключены в марксизме. Поэтому все противники марксизма являются предателями, "шкурниками", лакеями, негодяями»¹². Аргумент «к палке» в таком мышлении и мировоззрении обретает «законную» легитимность. В обновлённой гносеологии

¹¹ Боев В. Детерминизм и революция: К критике современного философского ревизионизма. — М.: Мысль, 1983. — С. 94.

¹² Степун Ф.А. Ленин / Вопросы философии. — 2002. — №8. — С. 95.

«объективность» подменяется «партийностью». И вот уже на «полях» научных дискуссий истина «достигается» тем же способом. Н.И. Кузнецова и Т.И. Ойзерман так описывают «прелесть» дискуссий на научных площадках советских времён: «Да и сами дискуссии в советской науке были скомпрометированы после печально известных кампаний против генетики, кибернетики и прочих изысканий “буржуазных” теоретиков. Эти приснопамятные баталии, в которых одна научная группировка должна была разоблачить другую и объявить о своей победе, именовались дискуссиями и вызывали самые неприятные эмоции. “Побеждённый” должен был публично заявить о своём раскаянии, признать свою точку зрения ошибочной и присоединиться к той, которая признавалась “победившей” и, следовательно, единственно правильной»¹³. Следует заметить, что победа в якобы научной дискуссии достигалась не содержательными доводами, а аргументами к авторитету (как правило, вождя) и к палке. Для тех, кто не сдавался в этих «научных» перебранках, предусматривались пытки, ГУЛАГ и расстрел (см. также В.Г. Макаров¹⁴). Так, собственно, и добивались торжества «истины», партийной истины. Да и сегодня уже в XXI веке в «понимании» большинства истина «утверждается» силой (физической, политической и пр.). Так даже утверждается «истина» демократии в американском исполнении.

В идеологизированном (и идеализированном) мире мысль о войне как средстве установления справедливости является увлекательной и для романтиков, и для прагматиков. Ведь победитель не просто сильнее или хитрее, победитель ещё умнее и нравственнее. Более того, победитель владеет истиной (а попутно и «скарбом» побеждённого). А если так, то и моральные качества, и ценности победителя абсолютны. Победа автоматически влечёт за собой утверждение «моей» истины в качестве единственной.

Несколько с другой стороны оправдывает вражеское отношение друг к другу У. Эко. «Иметь врага — говорит он — важно не только для определения собственной идентичности, но и для того, чтобы был повод испытать нашу систему ценностей и продемонстрировать их окружающим»¹⁵. Дидактично?! Оказывается, нужен повод для того, чтобы испытать нашу систему ценностей,

¹³ Кузнецова Н.И., Ойзерман Т.И. Кастальский ключ Георгия Щедровицкого // Вопросы философии. — 2009. — №2. — С. 106.

¹⁴ Макаров В.Г. Архивные тайны: философы и власть. Александр Горский: судьба, покалеченная «по праву власти» // Вопросы философии. — 2002. — №8. — С. 98-133.

¹⁵ Эко У. Сотвори себе врага. И другие тексты по случаю. — М.: ACT: CORPUS, 2014. — С. 13.

нашу силу, и продемонстрировать их окружающим! И при этом уже не важно, что победа чаща всего достигается обманом и вероломством, численным превосходством средств ведения войны, победа воспринимается и трактуется победителем и его «союзниками» как торжество справедливости. Э. Фромм, вскрывая такого рода морально-психологическую «привлекательность» войны, отмечает: «На войне человек снова становится человеком, у него есть шанс отличиться, и его социальный статус гражданина не предоставляет ему привилегий. Короче говоря, война — это некий вариант косвенного протesta против несправедливости, неравенства и скуки, которыми пронизана общественная жизнь в мирные дни»¹⁶. А. Камю приводит другой, более циничный, вариант этой же мысли о соотношении истины и войны: «Однако, перед тем как развязать войну, фюрер заявил своим генералам, что у победителя не будут спрашивать, лгал ли он или говорил правду»¹⁷. Таковы «народные расценки» на истину.

Одним из первых философов, оформивших гносеологическую роль войны, был Гераклит. Будучи недовольным установившимся народовластием в Эфесе, он полагал, что только распрая расставит всё по своим местам, установит надлежащий порядок. С его точки зрения именно война ведёт к торжеству справедливости и истины: «Раздор <ведь> — отец всем общий, и общий всем царь. И одних богами объявляет он, других — людьми, одних рабами сотворяет он, а других — свободными»¹⁸. Всеобщий Раздор и Правда, с его точки зрения, должны «крепко» любить друг друга, ведь, «всё порождаемо в соответствии с Рознью». Свидетелей лжи и сплетателей, разумеется, Правда настигнет. А осудит всех грядущий огонь: «Всё огонь, прииля, рассудит и захватит»¹⁹. Гераклит верит в возмездие за ложь и несправедливость, верит он и в торжество истины, которое оказывается неизбежным посредством войны.

И даже согласившись с М.К. Мамардашвили в том, что Гераклит не милитарист и, говоря о войне, он только «хочет сказать, что лишь внутри полемического состояния, внутри состояния всеобщего полемоса в схватке с бытием, или друг с другом, или в схватке с собой стоят люди»²⁰, следует всё

¹⁶ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. — М: АСТ: АСТ МОСКВА:ХРАНИТЕЛЬ, 2007. — С. 278.

¹⁷ Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. — М.: Политиздат, 1990. — С. 258

¹⁸ Гераклит Эфесский. Всё наследие. — М., 2012. — С. 187.

¹⁹ Ibid. — С. 203.

²⁰ Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. — С. 95.

же признать, что аргумент «к палке» имел в гносеологии основоположника диалектики фундаментальное значение. Истина в гносеологии Гераклита должна восторжествовать без обращения к агоре. Ведь, будучи ярым противником народовластия, Гераклит, оставаясь верным самому себе, не обращается за поддержкой «к аудитории» в поиске и утверждении истины: «Один, по мне, — тысячи, коли он наилучший, бесчисленные же сии — никто. Ибо одно перед всем предпочтут наилучшие: вечнотечную славу. А множество смертных нажираются словно скоты, брюхом и срамом, постыднейшим в нас, измеривая благополучие»²¹. Но этот «один», будучи наилучшим, для торжества истины должен одержать победу над бесчисленными «никто».

Какая может быть полемика с этими «бесчисленными никто»? Какое отношение они имеют к обнаружению и утверждению истины? Ведь, согласно Гераклиту, «особь людская знаний не имеет», а взрослым эфесянам вообще следует всем перевешаться за допущенную ими тупость и несправедливость. Истина, по наблюдениям Гераклита, скрывается, её следует настойчиво и долготерпеливо искать. «Природа любит скрываться» — замечает Гераклит. «<Ищущий правды не должен отчаиваться.> Коли не чает он нечаемого не отыщет ненайденного и малодоступного»²². И хотя глаза и уши свидетели истины, но всё же лишь свидетели. Более того, глаза и уши могут даже лжесвидетельствовать, и происходит это в том случае, если они «увлажнены», и, тем более, «дурные свидетели для людей — глаза и уши тех, у кого варварские души»²³.

Однако складывается впечатление, что война, о которой Гераклит говорит как о средстве избавления от лжи, это не та война, которая мечом насаждает выгодный кому-либо порядок, углубляя онтологическую несправедливость и, тем самым, создавая ещё большее «напряжение» бытия. Война Гераклита — это огонь, который приходит как возмездие за несправедливость и ложь, разрушает в своём пламени хитросплетения «свидетелей лжи и сплетателей» и в результате устанавливает божественный, законный порядок. «Всё огонь, приидя, рассудит и захватит»²⁴ — предупреждает Гераклит своих глупых и несправедливых соотечественников, ведь, «этот огонь разумен»²⁵. Шанса спрятаться от правосудия огня нет ни у кого, и Гераклит предупреждает об

²¹ Гераклит Эфесский. Там же. — С. 191.

²² Ibid. — С. 193.

²³ Ibid. — С. 194.

²⁴ Ibid. — С. 203.

²⁵ Ibid. — С. 202.

этом: «От никогда не заходящего <огня> разве кто-либо спрячется? Ибо всякая тварь бичом его на пастбище гонима»²⁶.

К.Р. Поппер в своём противостоянии историцизму несколько «притягивает» Гераклита к Ленину, Марксу и Гегелю, полагая, что основоположник диалектики, обращаясь к «огню» за помощью, лишь пугает зарождающиеся демократические силы. Комментируя гераклитовский «закон» войны (=огня), К.Р. Поппер отмечает: «Это неумолимый и безжалостный закон, и этим он напоминает современное понятие закона природы, а также понятие исторических и эволюционных законов, выдвинутое современными историцистами. Однако он отличается от этих понятий тем, что устанавливается разумом, а приводится в действие угрозой наказания, — аналогично тому, как государство навязывает юридические законы»²⁷. С точки зрения К.Р. Поппера, Гераклит неспособен отличить правовые законы и нормы от естественных закономерностей, дескать, у него оба рода законов считаются магическими, что является характерной чертой родовой системы табу. Полагаю, что Гераклит всё же не пугал своих соплеменников войной, он их предупреждал — наказание за ложь и несправедливость неизбежно. И не человеческий суд расставит всё по своим местам — это сделает огонь. Время придет, и огонь всё поглотит и установит порядок: «*И воздух нагревается до сполоха, сполох же в море охлаждается и соразмеряется согласно тому же речению, какой был от огня прежде, чем сполох возник. И море снова воспаряется, превращаясь в огонь*»²⁸.

Гераклит считал, что ему открыт для восприятия иной мир, мир, который недоступен «наглым» и «невежественным» эфесянам. «Собь людская знаний не имеет, а божественная — да»²⁹. Говоря же о себе, о своём познании, Гераклит отмечает, что «я самостоятельно» искал правду, однако, «не по-человечески, а с помощью бога». А какую истину могут усмотреть в «намёках» дельфийского оракула те, у кого «варварские души»? И хотя, с точки зрения Гераклита, всем людям присуща способность познавать и здраво мыслить, но не все этой способностью пользуются: «Здраво мыслить — величайшая доблесть и мудрость высказывать истину и действовать согласно природе <ей> внемля. С умом (ксюн ноой) говорящие укрепиться должны на всеобщем

²⁶ Ibid.

²⁷ Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т.1. — М., 1992. — С. 45.

²⁸ Гераклит Эфесский. Там же. — С. 203.

²⁹ Ibid. — С. 192.

(ксюной) как город на законе, а город (Эфес) — ещё крепче. Ибо законы людские все ведь питаются от единого божьего»³⁰. Однако, несмотря на то что у людей есть возможность познавать истину, не они ей судьи: «Судья истины — Речение (=разум), причём не какой угодно, а всеобщее и божественное...»³¹. И мы сами становимся мыслящими, лишь вобрав в себя это божественное Речение, соединившись с Объемлющим. Разум, Речение, Объемлющее неподвластны человеческим желаниям, неподкупны и неумолимы. Большинство может проголосовать за что угодно, и даже утвердить своё решение в виде государственного (правового) закона, но, если этот результат противоречит всеобщему и божественному Разуму, последствием будет война, огонь. Об этом Гераклит предупреждает, а не «берёт на испуг», но «постмодернистам» античности, как, впрочем, и всем последующим поколениям постмодернистов, нет до этого дела. Нет ни бога, ни предустановленных законов! Я сам себе и Бог, и Закон! Я-победитель не только «делает» историю, Я-победитель ещё и пишет историю, причём выгодную для себя историю, в которой агрессия Я всегда оправдана, всегда моральна, а война ведётся только справедливая. И более того, если реального врага нет, его надо назначить! Но это уже не та война-огонь, о которой предупреждал философ Гераклит. Это война человеческая.

«Война» Гераклита — это не взаимное убийство людей (живущих так, «словно у них личное есть разумение») за власть и богатство. Хотя и взаимное убийство людей при перераспределении жизненных ресурсов вполне может являться орудием возмездия за «неразумность». Однако такая («человеческая») война, хотя и может рассматриваться как «наказание», но, тем не менее, правосудия она, как правило, не вершит, т.к., будучи идеологической войной, нацелена лишь на перераспределение ресурсов в пользу победителей. Именно такие «идеологические» войны и происходят на Земле чаще всего, что, принимая в расчёт впечатлительность её человеческого населения, вполне объяснимо. К.С. Гаджиев, вскрывая воинствующую суть идеологий, говорит: «Именно в идеологии в наиболее обнажённой форме находит своё практическое воплощение, оправдание и обоснование конфликтное начало мира политического, или характерная для него дихотомия *друг-враг*. Для консолидации идеологии внешний враг имеет,

³⁰ Ibid. — С. 196.

³¹ Ibid. — С. 194.

пожалуй, не менее, если не более, важное значение, чем единство интересов её носителей. Здесь внешний враг служит мощным катализатором кристаллизации этих интересов. Если врага нет, то его искусственно изобретают. Особенно отчётливо этот принцип проявляется в радикальных идеологиях, которые вообще не могут обходиться без внутренних и внешних врагов. Более того, сама суть этих идеологий выражается с помощью образа или образов врагов»³². Но война «идеологическая», «человеческая». Гераклит же говорит об иной войне, «не человеческой». «Война» Гераклита — это онтологический «взрыв», воспламенение самого бытия (ведь «огонь когда-то становится всем», а «всё когда-то становится огнём»³³). И, в этой связи следует признать, что к традиционному в софистике «палочному аргументу» война Гераклита отношения не имеет.

Однако может сложиться впечатление, что «Речение» в «мире» Гераклита не сразу реагирует огнём (=войной) на человеческую несправедливость, что оно как-бы выжидае, даёт бестолковым возможность увязнуть в своей тупости и жадности. Но это лишь впечатление. «Речение» не выжидае, и ему вообще нет дела до человеческих недоразумений. В мирострое Гераклита у огня свои обороты, свои циклы. «Мирострой сей, — говорит Гераклит, — тот же самый для всех и всего, ни из богов никто, ни из людей, не сотворил, но присно он был, и есть он, и будет, огнь присноживый мерно вспыхивающий и мерно потухающий»³⁴.

Похоже, что «мирострой» Гераклита антиантропоморфен, и, соответственно, не «привязан» к человеческим желаниям и поступкам, ведь «огнь присноживый», не «оглядываясь» ни на людей, ни на богов, сам по себе мерно вспыхивает и мерно затухает. Будучи разумным, неумолимым и беспощадным, огонь придет неизбежно, всех рассудит и захватит.

В этой связи вполне можно прийти к заключению, что нет уже человеку в таком мире особой нужды быть умным и нравственным, ведь это не спасёт его от огня, который, с присущей лишь ему периодичностью приходит, а затем угасает, оставляя мир на растерзание тупым и жадным. И, похоже, что именно по поводу этой «несправедливости» возмущается К.Р. Поппер в своей критике историцизма — философско-методологической доктрины, не принимающей

³² Гаджиев К.С. Политическая идеология: концептуальный аспект // Вопросы философии. — 1998. — №12. — С.5.

³³ Гераклит Эфесский. Там же. — С. 203.

³⁴ Ibid. — С. 202.

во внимание ответственность и активность людей за состояние своего мира: «Пророки, объявляющие, что скоро произойдут определённые события — например, победа тоталитаризма (или, быть может, «менеджеризма»), независимо от их желания могут стать инструментом в руках тех, кто эти события готовит. Утверждение, что демократия не должна сохраняться вечно, столь же мало отражает суть дела, как и утверждение о том, что человеческий разум не должен существовать вечно»³⁵. Такого рода утверждения, с точки зрения К.Р. Поппера, не только могут лишить мужества борцов с тоталитаризмом, способствуя тем самым бунту против цивилизации, но и освобождают человека от груза ответственности. Разворачивая свою точку зрения, К.Р. Поппер отмечает: «Если вы убеждены, что некоторые события обязательно произойдут, что бы вы ни предпринимали против этого, то вы можете со спокойной совестью отказаться от борьбы с этими событиями. В частности, вы можете отказаться от попыток контролировать то, что большинство людей считает социальным злом, — как, скажем, войну или, упомянем не столь масштабный, но тем не менее важный пример, тиранию мелкого чиновника»³⁶. И у Гераклита вроде бы есть подтверждение этим оценочным суждениям К.Р. Поппера относительно бессмысленности человеческих поступков, ведь, с его точки зрения, «превращение миростроя соблюдает определённый порядок и совершается в силу необходимости Жребия за определённое время в соответствии с некоторыми циклами в течение всей вечности»³⁷.

И пусть «Речение» равнодушно, как и полагается логосу. Пусть, ниспослав на нас огонь войны, оно не проявляет заботу о нас, а лишь «фильтрует» накопившийся человеческий материал и расставляет всё по своим местам. Но законосообразный огонь войны Гераклита, кроме неумолимости и беспощадности ещё и умный, и после того, как он «прокатится» по миру, кто-то станет богом, кто-то свободным человеком, а кому-то суждено стать рабом — все будут расставлены по своим местам, а, значит, всё же есть смысл сопротивляться безнравственности и противостоять соблазнам лености, праздности и лжи. Ведь нет в нашем мире раз и навсегда завоёванного, и на вчерашней добродетели, власти или даже богатстве нельзя улечься спать. Умный, неумолимый и беспощадный огонь неизбежен. Однако в этой войне

³⁵ Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т.1. — М., 1992. — С. 33.

³⁶ Ibid. — С. 34.

³⁷ Гераклит Эфесский. Там же. — С. 204.

мы можем выстоять, и от нас зависит стать в результате богом, свободным человеком или рабом. Истина восторжествует. Так утверждает Гераклит. Верит в это. Но это будет уже не та истина, которая конструируется из утверждений когерентно «цепляющихся» друг за друга для извлечения выгоды, и даже не та, которая соответствует мнению народа, его наиболее громкого большинства. После войны не сгорит и восторжествует лишь то, из созданного человеком, что соответствует Речению. Истина в огне не горит — таков вердикт Гераклита. Вердикт Гераклита и только... Г.В.Ф. Гегель, К. Маркс, Ф. Энгельс, Ф. Ницше, В.И. Ленин, «красные» и «коричневые» социалисты считали (а их последователи и сегодня считают) иначе. Для них война уже не есть Речение, для них война есть утверждение «партийной» и личной истины. При этом, однако, как к Логосу, который якобы обосновывает и оправдывает их личную агрессию и случившуюся в этой связи войну, они отсылают к «закону» единства и борьбы противоположностей «трусливых» пацифистов.

Война — утверждают они — это закон диалектики. Она неизбежна, а, значит, и необходима в мире. Без неё люди и вся природа не смогли бы, и жить, и даже зародиться. И пусть Гераклит говорил о другой войне. С тех пор и по настоящее время все исторические события, всё естествознание и даже математика доказали и продолжают доказывать справедливость этого закона. И даже философ Ф.Х. Кессиди, привлекая в союзники К. Лоренца, пишет: «Конкуренция и агрессивность, как известно, имеют место и в социумах. Они проявляются в различных формах борьбы, вплоть до открытых столкновений — войн. Имеются сведения, согласно которым примерно за 5 тысяч лет существования цивилизации на Земле было около 15 тысяч войн и всего лишь около 300 лет люди жили в условиях полного мира. Создаётся впечатление, что Гераклит был близок к истине, говоря о месте войны в жизни народов, обществ и государств»³⁸. Думаю, что у большинства политиков прошлых времён и некоторых политиков времени нынешнего нет сомнений в необходимости войны, которая всех и вся расставит по своим местам. Но это уже позиция идеологии, а не философии. Таков, следовательно, и статус, как самой диалектики, так и её «закона» единства и борьбы противоположностей.

³⁸ Кессиди Ф.Х. Гераклит и диалектический материализм / Вопросы философии. — 2009. — №3. — С. 144.

Глава 2. Закон перехода количественных изменений в качественные и обратно

Э.В. Ильенков, обращаясь к античной диалектике как форме мысли, обосновывает свой интерес к этому, казалось бы, историческому вопросу. С его точки зрения, к философскому обобщению «нельзя даже приступить, предварительно не отдав себе ясного отчёта в содержании всех тех понятий, которые и возникли, и развивались, и веками отшлифовывались именно в русле исторического развития философии, в коллизиях её специфической истории»¹. Именно в этой связи, вступая на путь познания основ диалектики, её законов, необходимо прояснить для себя происхождение и смысл её категорий.

§1. Трансформация категории «количество» в диалектике

Количество обязательно переходит в качество! Это один из основополагающих законов диалектики, которые, по уверениям Ф. Энгельса¹, были абстрагированы из истории природы и человеческого общества. И как этим законам не верить?! Тем более, что и сам Ф. Энгельс продемонстрировал, как количество упражнений для рук и для гортани постепенно трансформировали органы обезьяны в человеческие. Используя имя Дарвина для прикрытия ламаркизма, который авторитетом естествознания подтверждал возможность целенаправленных прогрессивных и необратимых преобразований общества, Ф. Энгельс демонстрирует нам, как «обезьяны начали отыкать от помощи рук при ходьбе по земле и стали усваивать всё более и более прямую походку»², и уже далее в процессе совместной трудовой деятельности, «формировавшиеся люди пришли к тому, что у них появилась потребность что-то сказать друг другу»³. Ну а если у природы появилась потребность, результат не замедлит себя ждать, и Ф. Энгельс, повинуясь образным идеям Ж.Б. Ламарка и принципу телеологии, продолжает писать историю эволюции человека: «Потребность

¹ Ильенков Э.В. Философия и культура. — М.: Политиздат, 1991. — С. 59.

¹ Энгельс Ф. Диалектика природы. — М.: Политиздат, 1982. — С. 44.

² Ibid. — С.144.

³ Ibid. — С.147.

создала свой орган: неразвитая гортань обезьяны медленно, но неуклонно преобразовывалась путём модуляции для всё более развитой модуляции, а органы рта постепенно научались произносить один членораздельный звук за другим»⁴. Количество переходит в качество! И этот диалектический закон, лозунг-закон ещё долго будет мешать потомкам строителей социализма думать. Полагаю, этого обоснования вполне достаточно, чтобы задаться вопросом: что же есть «количество»?

Категория «количество» наряду с другими фундаментальными понятиями составляет основу философии, начиная с Аристотеля. Числу, счёту, измерению придавали первостепенное значение философы пифагорейского союза, но именно Аристотель придал понятию «количество» статус категории. В «Метафизике» Аристотель следующим образом определяет количество: «Количеством называется то, что может быть разделено на составные части, каждая из которых, будет ли их две или несколько, является чем-то одним, данным налицо. То или другое количество есть множество, если его можно счесть, это — величина, если его можно измерить»⁵.

В.Ф. Асмус, описывая учение Гегеля о переходе количества в качества, обращает внимание на «древние» истоки проблемы, которые нельзя отнести к уловкам софистов: «Уже античные философы обратили внимание на некоторые факты, когда изменение, представляющееся только количественным, превращается также в качественное. В случае непризнания этой связи получается ряд трудностей и противоречий, из которых некоторые уже в древности получили специальные названия: “лысого”, “кучи” и т.д. Получается ли лысина, если выдернуть один волос из головы, или перестаёт куча быть кучей, если из неё взять одно зерно? Если мы получим отрицательный ответ, то можно повторять вопрос, прибавляя всякий раз к уже выдернутому волосу ещё один, к уже отнятому зерну ещё одно и т.д. При этом каждое такое отнятие составляет крайне незначительную количественную разницу. Но под конец оказывается качественное изменение: голова становится лысой, куча исчезает»⁶.

Но, как известно, Аристотель вступил в борьбу с софистикой и диалектикой. В его метафизике и логике количество не связано с качеством, количеством не измеряется то или иное качество. У количества своя природа. По утверждению

⁴ Энгельс Ф. Диалектика природы. — М., 1982. — С. 147.

⁵ Аристотель. Метафизика. — М.-Л.: ОГИЗ, 1934. — С. 93.

⁶ Асмус В.Ф. Избранные философские труды. Т.2. — М.: Изд-во МГУ, 1971. — С. 153.

Аристотеля, «одно именуется количеством согласно его природе, другое — случайным образом, — например линия есть некоторое количество, как такое, а образованное — случайным образом. Из числа того, что обозначается как количество согласно его природе, одно является таковым по своей сущности, подобно тому как линия, например, есть некоторое количество (ибо в понятие, выражающее суть линии, входит понятие некоторого количества); а в других случаях мы имеем дело с <некоторыми> состояниями и свойствами подобной (количественно определяемой) сущности — таковы, например, многое и немногое, длинное и короткое, широкое и узкое, глубокое и мелкое, тяжёлое и лёгкое, и все остальные подобные свойства»⁷. В этой связи и прилагательное «лысый», и существительное «куча» следует понимать ни как выражение того или иного качества, а как выражение количества (что и разрушает хитросплетения софистов и диалектиков, основанные на смешении и последующей подмене «количества» «качеством» и обратно). Лысый, в этой связи, вполне соответствует количественному нулю. Аристотель, продолжая свою борьбу с софистикой и диалектикой, уточняет: «Точно так же и большое и малое, большее и меньшее, если о них говорить и как о таких и в их отношении друг к другу, <всё> это — свойства количества как такие; а в переносном смысле эти наименования относятся и к другим вещам»⁸.

Г.В.Ф. Гегель легко перешагнул «школьную» логику Аристотеля, логику, в которой мышлению предписано выполнять и закон тождества, и закон противоречия, и закон исключённого третьего. Сделав этот решительный шаг, Гегель соответствующим образом поступает и с категорией «количество». Эта категория, как и всё остальное у Гегеля, подвергается трансформации, проходя «в диалектическом движении через свои моменты».

Согласно Гегелю, обыденное сознание грешит тем, что не отождествляет количество и качество. «Последнее — замечает Гегель об обыденном сознании — считает качество и количество двумя самостоятельными, рядоположными определениями и поэтому утверждает: вещи определены не только качественно, но *также* и количественно. Откуда берутся эти определения и как они относятся друг к другу, об этом здесь не спрашивают»⁹.

У Гегеля «количество» и «качество» не рядоположны. «Количество» уступает первенство «качеству». В этой связи Гегель отмечает: «Качество есть

⁷ Аристотель. Метафизика. — С. 93.

⁸ Ibid. — С.94.

⁹ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. — М.: Мысль, 1974. — С.241.

вообще тождественная с бытием, непосредственная определённость в отличие от рассматриваемого после него *количества*, которое, правда, также есть определенность бытия, но уже не непосредственно тождественная с последним, а безразличная к бытию, внешняя ему определённость»¹⁰. Однако эта уступка различию между качеством и количеством лишь начало гегелевского «передела» аристотелевской логики и онтологии. Количество и качество различны? — как бы спрашивает Гегель у «наивных» читателей. И сам отвечает — да, различны, но «главнее» качество. И идёт дальше в диалектических хитросплетениях мысли, утверждая, что «количество есть не что иное, как снятое качество»¹¹. При этом «снятие» Гегель понимает как отрижение, устранение той или иной наличной формы (в нашем случае «качества») и включение этой устранившейся формы диалектическим моментом развития в образованное новое единство (в нашем случае «количество»).

В отличие от носителей обыденного сознания Гегель знаком с учением атомистов, и опирается на него, описывая диалектику развития категорий «количество» и «качество». В этой связи он замечает: «Абсолютное есть чистое количество — это понимание абсолютного совпадает в общем с тем, согласно которому абсолютному даётся определение *материи*, в которой форма хотя и налична, но представляет безразличное определение. Количество составляет также основное определение абсолютного, когда последнее понимается так, что в нём, как в абсолютно индифферентном, всякое различие лишь количественно»¹². Увы, но утверждать, что «абсолютное есть чистое количество» можно лишь в том случае, если все атомы тождественны. Но это не так. Не так и у Левкиппа с Демокритом, и у Эпикура, и у П. Гассенди, и у И. Ньютона (см., например, П.С. Кудрявцев¹³, Б. Рассел¹⁴). Атомы изначально, согласно даже умозрительным построениям философов и физиков (предшественников и современников Гегеля), имеют различную форму и свойства, образуя, в результате взаимодействия друг с другом, разные структурные композиции, что, собственно, и выливается в многообразие качеств. Но Гегель не принимает во внимание различие атомов. У него многие тождественны как единица. Рассуждая о непрерывных и

¹⁰ Ibid. — С.228.

¹¹ Ibid. — С.241.

¹² Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. — М., 1974. — С. 242.

¹³ Кудрявцев П.С. История физики в 3-х т. Т.1. — М.: Учпедгиз, 1956. — 564 с.

¹⁴ Рассел Б. История западной философии и её связи с политическими и социальными условиями от Античности до наших дней: В трёх книгах. — М., 2008. — 1008 с.

дискретных величинах, Гегель замечает: «Но первое количество также и дискретно, ибо оно есть лишь непрерывность многоого, а второе также и непрерывно, и его непрерывность есть одно как *тождественное* многих одних, как единица»¹⁵.

Гегелю не нравится и подход математиков к определению количества, ведь «увеличение и уменьшение означают только иное определение величины»¹⁶. Гегелю совершенно недостаточно, что «в таком случае количество было бы прежде всего лишь неким изменчивым вообще»¹⁷. И это изменчивое оказывается безразличным, «так что, несмотря на её изменение, на увеличение протяжения или напряжения, вещь (например, дом, красный цвет) не перестанет быть домом, красным цветом»¹⁸.

Отдавая должное атомизму и пифагореизму во взглядах на количество, Гегель не останавливается на материализме (лишь определённой ступени логической идеи) и признаёт поиски «всех различий и всех определённостей предметного только в количественном одним из предрассудков, наиболее мешающих как раз развитию точного и основательного познания»¹⁹. Согласно Гегелю, животное — нечто большее, нежели растение, а дух — большее, нежели природа. Но если мы сосредоточим внимание на такого рода «большем» и «меньшем», нам не суждено будет понять их своеобразие, их качественную определённость, заключает Гегель.

Г.В.Ф. Гегель не абстрагирует закон перехода количественных изменений в качественные и обратно из истории природы и человеческого общества, он «навязывает» этот закон и природе, и обществу. В этой связи, уверенно оправдывая свою предвзятость, он утверждает: «Но ведь и качество изменчиво, и указанное нами раньше различие между количеством и качеством выражается тогда только с помощью того, что величина определяется через увеличение или уменьшение, и это означает, что, в какую бы сторону ни изменялось определение величины, вещь останется тем, что она есть»²⁰. Для Гегеля очевидно, что из материалистических представлений о природе (и духе) «не абстрагируется» закон перехода количественных изменений в качественные и обратно. Для «выявления» этого закона нужны

¹⁵ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. — М., 1974. — С. 246.

¹⁶ Ibid. — С.243.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid. — С.242.

¹⁹ Ibid. — С.245.

²⁰ Ibid. — С.243.

принципиально иные средства.

В своём диалектическом становлении (на пути к отождествлению с качеством) понятие количества, как это представляет себе Гегель, проходит через момент ограничения. Для этого «количество» должно превратиться в «определенное количество». «Количество, — замечает в этой связи Гегель, — существенно положенное с содержащейся в нём определённостью, исключающей все прочие, есть *определенное количество* (Quantum), ограниченное количество»²¹. И если чистое количество соответствует бытию, то определённое количество есть наличное бытие количества. В своём промежуточном результате таким образом определённое количество определено как число. Количество в этом моменте ограничения «обрастает» оболочкой качества. Гегель поясняет это продвижение следующим образом: «Определённое количество находит своё развитие и полную определённость в *числе*, которое подобно своему элементу — единице (Eins) — содержит в себе как свои качественные моменты *множество* (Anzahl) со стороны момента дискретности и *единство* (Einheit) — со стороны момента непрерывности»²². Таким образом, *множество* со стороны момента дискретности и *единство* со стороны момента непрерывности предстают качествами числа — этой полной определённости определённого количества.

Советские философы, критикуя Гегеля за его идеализм, который предполагал «переливы» понятий друг в друга по каким-то неясным причинам, вместе с тем вслед за К. Марксом «ставили на ноги» почти все его идеи. Так произошло и с категорией «количество». Возможности для трансформации этой категории были предложены разные, но вполне «материалистические».

Так, С.Я. Яновская и Б.М. Кедров пошли по приемлемому советскими марксистами пути расширения понятий. Причём расширение понятий, в насмешку над формальной логикой, происходило одновременно и по объёму, и по содержанию. Это вполне допускалось и даже приветствовалось «официальным» марксизмом, тем более что Б.М. Кедровым уже было убедительно «доказано», что именно такое «расширение» и есть, собственно, диалектическое. С его точки зрения, закон формальной логики, связывающий объём и содержание понятия обратнопропорциональной зависимостью,

²¹ Ibid. — С.247.

²² Ibid.

применим лишь в том случае, «если понятия берутся статически, как данные, готовые, находящиеся в неизменных отношениях друг к другу»²³. Однако, если следовать методологическим установкам диалектики, которая рассматривает не только реку, но и понятия как текучие и изменчивые, то закон формальной логики о связи между объёмом и содержанием понятия оказывается неверным, т.к. «в ходе познания природы как объём, так и содержание научных понятий изменяются в одну и ту же сторону — в сторону их роста и обогащения»²⁴. Б.М. Кедров продемонстрировал «новый» логический закон на примере обнаружения новых химических элементов, в результате чего и происходит собственно нарушение формальной логики, т.к. при этом одновременно увеличивается и объём понятия и его содержание. Советские марксисты приняли «новый» закон диалектической логики, «открытый» Б.М. Кедровым, хотя оставили без внимания тот факт, что открытие новых химических элементов в полном соответствии с формальной логикой ведёт к увеличению объёма понятия «химический элемент», а вот его содержание при этом обедняется, т.к. свойства вновь открытых элементов не привносят в понятие «химический элемент» нового содержания, а, наоборот, некоторые исключают. Однако С.Г. Шляхтенко, считая эту процедуру полностью оправданной, отмечал в 1968 году: «Поэтому следует согласиться с С.Я. Яновской, предложившей расширить понятие количества и понимать под ним не только числа и величины, а именно отношения, отвлечённые от содержания и рассматриваемые с точностью до изоморфизма»²⁵. Критикуя В.В. Агуррова, который в 1967 году пытался отстоять «абсолютную самостоятельность» категории «количество», С.Г. Шляхтенко принимает «платформу» Б.М. Кедрова и, имея под ногами твёрдую марксистскую почву, говорит: «Ведь никто не может помешать Б.М. Кедрову определить содержание категории количества более широко, и с его позиции будет неправильным исключить структурные изменения из разряда количественных»²⁶. И кто бы на самом деле мог помешать Б.М. Кедрову «ставить» Гегеля «на ноги» материализма?! Полагаю, таковых, в то время в советской философии, было чрезвычайно мало, да и помешать они не могли. И если для естественнонаучного «оправдания» закона перехода

²³ Философские записки. — М., 1953. С. 192.

²⁴ Ibid. — С.192.

²⁵ Шляхтенко С.Г. Категории качества и количества. — Л., 1968. — С. 58.

²⁶ Ibid.

количественных изменений в качественные требовалось признать изменение структуры при неизменном количестве элементов как изменение количественное, то так тому и следовало быть. Ведь ещё Ф. Энгельс глубокомысленно говорил, что «16 есть не только суммирование 16 единиц, оно также квадрат от 4 и биквадрат от 2»²⁷. А раз так, то 16, полученное от сложения двух восьмёрок ($8 + 8$), уже не будет равно 16, которое получено посредством сложения четырёх четырёрок ($4 + 4 + 4 + 4$). Всё это представляется «законным» в рамках диалектической логики, согласно которой изменение структуры равносильно изменению количества.

М.Г. Макаров пошёл иным путём. В 1982 году, раскрывая логику развития понятий диалектики, М.Г. Макаров²⁸ делает упор на психолингвистику и утверждает, что «количество» и «качество» суть одно и то же, т.к. имеют общий лексический корень, а, значит, и происхождение. «Качество» исторически и гносеологически предстаёт как первая форма мысли о предмете, а уже далее возникает и понятие «количество», конкретизирующее то или иное качество. Вот что в этой связи говорит сам М.Г. Макаров: «Выявляя противоречивость понятия качество, конкретизируя его, мыслитель получает количество (его отвечает вывод в целом истории формирования категорий как структур мышления, отразившейся в истории лексических выражений; греч. *poion* и *poson*, как и латинское, и русское обозначения, восходят к одному корню; лат. *qualitas* и *quantitas* — от *qui*, *qua*, *quod* — кто, что, какой; рус. качество — от каковство, количество — от коль, кольми, производных в свою очередь от како, как, родственны санскрит, *ka-h* — кто; таким образом, обозначения качества и количества — результат раздвоения первоначальной нерасчленённой характеристики)»²⁹. Таким образом, согласно М.Г. Макарову, количество есть всё то же качество, но лишь на более высокой ступени познания. Диалектика! В такой логике вполне возможно объяснить весь мир, все его характеристики из одного детского звука, который, оставаясь в исходнике самим собой, далее лишь модифицируется, модулируется и множится.

Конечно, нельзя отрицать, что у количества есть свойства (которые иногда тоже называют качествами, но не в категориальном смысле), на что обращал внимание и Аристотель. Но Аристотель не додумался до того, чтобы, исходя

²⁷ Энгельс Ф. Диалектика природы. — М.: Политиздат, 1982. — С. 224.

²⁸ Макаров М.Г. Развитие понятий и предмета философии в истории её учений. — Л.:Наука, 1982. — 272 С.

²⁹ Ibid. — С.170.

из этого посыла (у количества есть свойства), отождествить категории «количество» и «качество». У Гегеля и его верных последователей это происходит просто. Диалектическое движение количества к своему очередному моменту в постепенном отождествлении с качеством, подходит следующим образом: «Это свойство определённого количества быть внешним самому себе в своей *для-себя-сущей* определённости составляет его *качество*. В этой внешности оно есть именно оно само и соотносится с собой. В нём соединены внешность, т.е. количественное, и *для-себя-бытие* — качественное»³⁰.

Удивительный пример из диалектической логики! Пример, опираясь на который, можно сконструировать ещё много аналогичных суждений. Так, например, если меня звать Пётр, то я представляю собой не что иное, как число 4. Но четыре, с количественной своей стороны, есть 6, а в своей *для-себя-сущей* определённости — 4. Следовательно, $4 = 6$! И Пётр, не только равен 4-м, но и 6-ти. А если дом — красный, а красное — это цвет, а цвет — оптическое явление, следовательно, вполне в согласии с диалектической логикой, можно утверждать, что дом — это либо цвет, либо оптическое явление. Верно? И так можно продолжать до бесконечности. И ведь до сих пор работает! Воистину прав был Б. Рассел, закончив свой рассказ о Гегеле словами, «чем хуже ваша логика, тем интереснее следствия, к которым она может привести»³¹.

Но, увы, и этот оборот мысли, основанный на диалектической логике, ещё не позволяет Гегелю в полном объёме отождествить «количество» и «качество», т.к. «при более близком рассмотрении оказывается, что количество в этом прогрессе возвращается к самому себе, ибо в этом поступательном движении, взятом со стороны мысли, содержится вообще лишь следующее: число определяется числом, и это образует *количественное отношение*»³². В количестве мы имеем такое изменчивое, которое, по выражению Гегеля, «несмотря на своё изменение, остаётся тем же самым»³³. Нет «выверта», нет диалектики. Однако Гегель уже настойчиво спешит признать: «Количество, пройдя в рассмотренном диалектическом движении через свои моменты, оказалось возвращением к

³⁰ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. — М., 1974. — С. 255.

³¹ Рассел Б. История западной философии и её связи с политическими и социальными условиями от Античности до наших дней: В трёх книгах. — М., 2008. — С. 892.

³² Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. — М., 1974. С. 256.

³³ Ibid. — С.257.

качеству»³⁴. Поразительная трансформация. И далась она Гегелю довольно просто, ведь диалектический закон тождества, в отличие от закона тождества, принятого в логике (формальной, аристотелевской), уже вполне допускает (и даже требует!) изменять содержание понятия (вплоть до противоположного) по ходу рассуждения, осознанно умалчивая об этом. В последующем именно с помощью этого привычного для софистов-диалектиков органона Гегель, а за ним и Энгельс будут «жонглировать» количеством, «переводя» его в качество и обратно.

Впрочем, проследовав за мыслью Гегеля, в которой великий диалектик вскрыл развитие понятия «количество» вплоть до его отождествления с «качеством», следует не забывать и ещё об одной мысли философа, связанной с его видением итога в изменении понятия до его иного: «Движение понятия мы должны рассматривать лишь как игру: полагаемое этим движением другое на деле не есть другое»³⁵. Вот и всё! Диалектика развития понятий — игра! Полагаемое этим движением другое — на деле не есть другое! Количество есть количество. И лишь в диалектической игре оно может на время, да и то в головах приверженцев этой игры, превратиться в качество.

§2. Трансформация категории «качество» в диалектике

Ф. Энгельс в «Диалектике природы»¹ называет три основных закона диалектики, к которым, по его мнению, сводятся все остальные абстракции из истории природы и человеческого общества: закон перехода количества в качество и обратно, закон взаимного проникновения противоположностей и закон отрицания отрицания.

Бесспорно, что «визитной карточкой» диалектики является закон взаимного проникновения противоположностей, и, соответственно, «центральной категорией», как это отмечает Э.В. Ильенков², категория

³⁴ Ibid. — С.256.

³⁵ Ibid. — С.343.

¹ Энгельс Ф. Диалектика природы. — М.: Политиздат, 1982. — 359 С.

² Ильенков Э.В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. — М.: Либроком, 2012. — 328 С.

«противоречия». При этом категория качества, хотя и не остаётся без внимания, вместе с тем далеко не всегда трактуется философами в том смысле, с которым она вошла в диалектический закон перехода количества в качество и обратно. С точки зрения С.Г. Шляхтенко, категория качества вообще не представляет особого интереса для изучения философа, т.к. в этой категории нет сколь-нибудь существенных проблем и загадок. Оценивая (не)важность проблемы, он отмечает: «Борьба материализма и идеализма вокруг содержания категории качества представляет интерес лишь в одном пункте о соотношении первичных и вторичных качеств. В общей же постановке вопрос о качестве достаточно прост и не нуждается в серьёзном исследовании. Анализ и аргументация сводятся к выявлению позиции философа по основному философскому вопросу. Что такое качество вещи? Если вещи суть наши ощущения, то качественные различия есть различия есть различия в наших ощущениях»³. Смею предположить, что не всё так просто с содержанием и объёмом категории «качество». И именно в этой связи есть необходимость рассмотреть более тщательно содержание этого понятия и его различные интерпретации.

Аристотель в «Категориях» формулирует следующее определение качества: «Качеством я называю <всё> то (нечто такое), благодаря чему предметы признаются так или иначе качественно определёнными»⁴. Возможно ли определение категории (максимально общего понятия) сформулировать более понятно? Гегель, например, предлагает следующее определение: «Качество есть в первую очередь тождественная с бытием определённость, так что нечто перестаёт быть тем, что оно есть, когда оно теряет своё качество»⁵. Довольно лаконичное определение, связывающее категорию «качество» с сущностью. Но этим определение качества у Гегеля не ограничивается. Демонстрируя гносеологические возможности диалектики, Гегель «связывает» ещё и качество с количеством. Эта «связь» качества и количества, по утверждению Гегеля, происходит в понятии «мера», категории, чрезвычайно актуальной для всей диалектики и, особенно, для интерпретации закона перехода количественных изменений в качественные и обратно.

«Мера, — согласно Гегелю, — есть качественно определённое количество

³ Шляхтенко С.Г. Категории качества и количества. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. — С. 46.

⁴ Аристотель. Категории. — М.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1939. — С. 26.

⁵ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. — М, 1974. — С.216.

прежде всего как непосредственное; она есть определённое количество, с которым связано некое наличное бытие или некое качество»⁶. В нашу задачу не входит полномасштабное исследование категории «мера». Нас, в ходе проводимого исследования, лишь интересует категория «качество» и её связь (а точнее, «единство») с категорией «количество», ведь по Гегелю, мера представляет собой единство качества и количества.

Соединяя в «мере» количество и качество, Гегель, вначале, говорит лишь об их относительном тождестве. И далее, поясняя свою точку зрения, Гегель вскрывает диалектику количества и качества в мере: «Качество и количество сначала противостоят друг другу в мере как нечто и другое. Но качество есть *в-себе-количество*, и, наоборот, количество точно так же есть *в-себе-качество*»⁷. Количество и качество переходят друг в друга в мере. Не изменение количества влечёт изменение качества, а количество переходит в качество. Гегель предельно ясно выражает свою мысль: «Так как они, таким образом, переходят друг в друга в процессе меры, то каждое из этих двух определений переходит лишь в то, чем оно уже и раньше было в себе, а мы получаем теперь подвергшееся отрицанию в своих определениях и вообще снятое бытие, которое есть сущность»⁸. С.Г. Шляхтенко характеризует переход качества в количество в версии Гегеля как туманный и запутанный. Более того, С.Г. Шляхтенко в этом переходе отмечает и определённую логическую ложность. «Неясность гегелевского перехода от качества к количеству — говорит он в этой связи — обусловлена ложностью самой попытки изобразить количество как некое логическое развитие категории качества, его отрицание, как будто одно понятие содержит в себе в зародыше иные, и достаточно лишь созреть плоду и ловкой повивальной бабке проявить своё искусство, чтобы он возник перед удивлённым читателем»⁹.

Ф. Энгельс идёт дальше, и сразу начинает свои рассуждения о законе перехода количественных изменений в качественные и обратно с отождествления качества и количества. С его точки зрения, «невозможно изменить качество какого-либо тела без прибавления или отнятия материи или движения, т.е. без количественного изменения этого тела»^[11]. Вроде бы вполне разумно, особенно если исходить из установки Демокрита, согласно

⁶ Ibid. — С.257.

⁷ Ibid. — С.262.

⁸ Ibid.

⁹ Шляхтенко С.Г. Категории качества и количества. — Л., 1968. — С. 50.

которой в мире есть только движущиеся в пустоте атомы. Но в этом случае возникают вполне резонные вопросы: а меняет ли количественное изменение качество, и зачем вообще потребовалась категория «качество», откуда берётся некое качество, если тела за счёт прибавления или убыли атомов и/или их скорости должны быть больше или меньше, легче или тяжелее, теплее или холоднее? На первый вопрос представители диалектического материализма уверенно отвечают — количество меняет качество. Ф. Энгельс следующим образом поясняет на примере свою точку зрения: «Изменение формы движения является всегда процессом, происходящим по меньшей мере между двумя телами, из которых одно теряет определённое количество движения такого-то качества (например, теплоту), а другое получает соответствующее количество движения такого-то другого качества (механическое движение, электричество, химическое разложение)¹⁰. Всеспасающее диалектиков слово «форма» делает и в этом случае свои чудеса. Дескать, происходит «изменение формы движения»¹¹! Попробуй, возрази! Тем более, что и Ф. Энгельс не дал чёткого формального определения формы движения материи. Меняется ли форма движения в том случае, когда одно тело теряет теплоту, а другое получает соответствующее количество механического движения? Если стоять на теплородной точке зрения — меняется, если на молекулярно-кинетической — скорее всего, нет, не меняется. При этом стоит нам только сказать, что происходит «упорядочивание» хаотического движения молекул и/или «направленная» передача энергии (или импульса), диалектик тут же начнёт восклицать — «вот видите, это и есть изменение формы движения!». Чудесное слово «форма»! С.Г. Шляхтенко вообще пришёл к выводу о том, что «форма движения ровно столько, сколько качеств, сущностей, сторон и т.д. имеется у определённых объектов материального мира»¹². И как тут не вспомнить принцип фальсификации К. Поппера¹³, который был рождён от бессилия перед «непроницаемым догматизмом» гегелевской диалектики?! И вот уже и в материалистической диалектике любое изменение формы движения связано с изменением качества. Возражений нет, и не может быть! Диалектический материалист теперь вправе утверждать, что механическое движение атомов

¹⁰ Энгельс Ф. Диалектика природы. — М.: Политиздат, 1982. — С. 45.

¹¹ Ibid.

¹² Шляхтенко С.Г. Категории качества и количества. — Л., 1968. — С. 104.

¹³ Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т.2. — М., 1992. — 538 С.

или молекул газа, переданное поршню, представляет собой переход одной формы движения (тепловой) в другую — механическую. Если же, как и С.Г. Шляхтенко, признать, что материя обладает бесконечным разнообразием форм, тогда уже можно отказаться не только от процедуры фальсификации положений диалектики, но даже и от процедуры их верификации.

Ф. Энгельс вполне последователен в отождествлении понятий «качество» и «количество» и замечает в связи с законом сохранения и превращения энергии: «Следовательно, количество и качество соответствуют здесь друг другу взаимно и обоюдосторонне»¹⁴. Как количество может взаимно и обоюдосторонне соответствовать качеству? В диалектике может, ведь одной из её фундаментальных основ является принцип тождества, о котором не без эмоций К. Поппер заметил, что это «есть не что иное, как бесстыдная игра словами»¹⁵. Путь вверх и путь вниз — один и тот же. Путь на Запад и путь на Восток — один и тот же. К. Поппер демонстрирует всесилие гегелевского метода: «Эта гераклитовская доктрина тождества противоположностей применяется Гегелем к сонму реминисценций из прежних философских систем, которые тем самым «превращаются в составляющие» гегелевской философской системы. Сущность и идея, единое и многое, субстанция и акциденция, форма и содержание, субъект и объект, бытие и становление, всё и ничто, движение и покой, актуальность и потенциальность, реальность и явление, материя и дух — все эти призраки прошлого населяют мозг Великого диктатора, пока он исполняет танец со своим мыльным пузырём, со своими дутыми и фиктивными проблемами Бога и мира»¹⁶. К этим «смутным воспоминаниям» Гегеля вполне может быть добавлена и пара количества и качества, которая сливается в единое и тождественное у Ф. Энгельса. Интересно, что С.Г. Шляхтенко, отстаивая марксистскую трактовку категорий «качество» и «количество», без какого-либо укора и даже намёка в сторону Ф. Энгельса отмечает: «Отождествление количественной определённости с качественной отвечало самой неразвитой практике»¹⁷.

Примеры, которые приводит Ф. Энгельс, нацелены на подтверждение «соответствия» качества и количества. С его точки зрения, деление имеет свой предел: если мы будем делить какое-либо неживое тело, то при достаточно

¹⁴ Энгельс Ф. Диалектика природы. — М., 1982. — С. 45.

¹⁵ Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т.2. — М., 1992. — С. 51.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Шляхтенко С.Г. Категории качества и количества. — Л., 1968. — С. 5.

большом количестве делений качественных изменений с этим телом не произойдёт — вещество будет оставаться самим собой; однако дойдя до молекулярного предела, следующее деление уже приведёт к изменению качества, т.к. «появляются свободные атомы, обнаруживающие совершенно отличные по качеству действия»¹⁸. Удивительно, но это и есть позиция одного из основоположников диалектического материализма, которая впоследствии оправдывалась и транслировалась многими советскими марксистами.

В этой связи было бы интересно услышать диалектический ответ на вопрос: может ли за счёт количественных изменений (отрезании, например) шерстяная ткань превратиться в льняную, или наоборот? Или другой пример: превратится ли дерево в животное или гриб, бактерию или вирус, если его (это дерево) подстригать, ведь деление, как частный случай количественного изменения, должно привести к появлению другого качества? Полагаю, что при любом количестве делений дерево будет оставаться деревом, пока мы не изменим именно качественной специфичности, которая не имеет к количеству предыдущих делений никакого отношения. Но, возникшее при таком делении новое качество, уже не будет представлять то или иное царство живой природы. Повторяя опыты А. Вейсмана по обрезанию хвостов у мышей, мы, сколь долго бы не старались, также не добьёмся появления нового качества — рождения мыши с коротким хвостом. Земля сделала приблизительно 4,55 миллиардов оборотов вокруг Солнца и не превратилась в Уран или Нептун. Бессспорно, что какие-то изменения за это время и происходили с Землёй, но причиной тому не было количество её оборотов вокруг Солнца.

Дж. Локк¹⁹ на два столетия ранее выхода «Диалектики природы» как бы специально предупреждал её автора о том, что первичные (неотделимые от тела) качества не изменяются при количественных изменениях. В этой связи Дж. Локк утверждает: «Среди рассматриваемых таким образом качеств в телах есть, во-первых, такие, которые совершенно неотделимы от тела, в каком бы оно ни было состоянии; такие, которые оно постоянно сохраняет при всех переменах и изменениях, каким оно подвергается, какую бы силу ни применить к нему; такие, которые чувства постоянно находят в каждой частице материи, обладающей достаточным для восприятия объёмом, а ум

¹⁸ Энгельс Ф. Диалектика природы. — М., 1982. — С. 46.

¹⁹ Локк Дж. Сочинения в 3-х т.: Т.1. — М.: Мысль, 1985. — 621 С.

находит, что они неотделимы ни от какой частицы материи, хотя бы она была меньше той, которая может быть воспринята нашими чувствами»²⁰. К таковым качествам, с точки зрения Дж. Локка, следует отнести плотность, протяжённость, форму и подвижность. И сколько бы делений то или иное тело не испытывало, как, например, зерно пшеницы при размоле, оно будет сохранять эти качества, ибо делением нельзя отнять у тела плотность, протяжённость, форму и подвижность.

А.Г. Спиркин в философском энциклопедическом словаре 1983 года утверждает, что качество — это «философская категория, выражающая неотделимую от бытия объекта его существенную определённость, благодаря которой он является именно этим, а не иным объектом»²¹. Вроде бы и А.Г. Спиркин согласен с Гегелем в понимании качества, когда утверждает, что качество представляет собой неотделимую от бытия объекта его существенную определённость. Однако далее А.Г. Спиркин дополняет своё же определение: «Вместе с тем качество выражает и то общее, что характеризует весь класс однородных объектов»²². В этом дополнении, на первый взгляд, нет никакого «криминала». На самом деле, ведь потерять свою определённость при изменении качества может не только тот или иной предмет (вещь), но и целый класс однородных объектов. Звучит несколько необычно, и уже есть расхождения с определением качества Гегелем, в котором утверждается, что это «тождественная с бытием определённость», причём такая, что нечто перестаёт быть самим собой, потеряв своё качество. Более того, если качество характеризует весь класс однородных объектов, это должно предполагать и «вплетённость» в «тождественную с бытием определённость» количественность (больше или меньше качества в различных объектах класса однородных объектов). Далее А.Г. Спиркин вполне отчётливо вводит одну из аристотелевских трактовок качества в диалектический материализм и сводит тем самым качество к свойствам. В этой связи он утверждает, что «качество объекта обнаруживается в совокупности его свойств»²³.

Следует заметить, что это утверждение в определённом смысле неожиданно для тех, кто свыкся с мыслью, что для категорий нет родовых

²⁰ Ibid. — 184 С.

²¹ Спиркин А.Г. Качество / Философский энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1983. — С.252.

²² Ibid.

²³ Ibid. — С. 253.

понятий, хотя и Аристотель представлял качество через свойства. При этом, однако, Аристотель изначально предупреждает, что «качество принадлежит к числу слов, которые высказываются во многих значениях»²⁴. И уже далее, представляя один из смыслов слова «качество», Аристотель замечает: «Под одним родом качеств будем разуметь свойства и состояния (расположения). Свойство отличается от состояния (расположения) тем, что оно <гораздо> продолжительнее и устойчивее»²⁵. Но и состояния (расположения) являются, согласно Аристотелю, тоже качествами, но такими, «которые легко поддаются движению и быстро изменяются, каковы, например, тепло и холод, болезнь и здоровье, и все тому подобные состояния»²⁶. И если какое-либо из состояний с течением времени окажется неустранимым или почти недоступным изменению, то такое состояние Аристотель уже предлагает называть свойством. При этом основной смысл категории «качество» заключается, согласно Аристотелю, в «видовом отличии сущности». В этой связи в «Метафизике» Аристотель замечает: «Приблизительно говоря, о качественно определённом может идти речь в двух смыслах, причём один из них — самый основной; качеством прежде всего является видовое отличие сущности (а [некоторую] часть этого качества составляет и то [качество], которое имеется в числах: это — некоторое отличие, встречающееся у сущностей, но или у тех, которые не движутся или не поскольку такие сущности движутся)»²⁷.

В рамках теории познания советской марксистской философии, «свойство» вполне «обоснованно» становится категорией, что уже и позволяет «увязывать» две категории, определяя, сначала одну через другую, а затем в обратном порядке. Так В.М. Турок и А.И. Уёмов определяют свойство как философскую категорию, выражающую «такую сторону предмета, которая обусловливает его различие или общность с другими предметами и обнаруживается в его отношении к ним»²⁸. Более того, В.М. Турок и А.И. Уёмов увеличивают количество «сущностей», разделяя «свойства» в зависимости от того, каким образом они могут (или не могут) изменяться на два вида: свойства, не обладающие интенсивностью и поэтому не могущие её менять, и свойства, обладающие интенсивностью, которая может увеличиваться или

²⁴ Аристотель. Категории. — М., 1939. — С. 26.

²⁵ Ibid.

²⁶ Ibid.

²⁷ Аристотель. Метафизика. — М.-Л.: ОГИЗ, 1934. — С. 94

²⁸ Турок В.М., Уёмов А.И. Свойство / Философский энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1983. — С. 598.

уменьшаться. Полагаю вполне очевидным, что «свойство, не обладающее интенсивностью», и есть то, что Аристотель назвал основным смыслом слова «качество». В 1968 году С.Г. Шляхтенко, критикуя А.И. Уёмова за отождествление качества и свойства, обращал внимание на недопустимость логических кругов в определение: «Определения через логический круг лишены познавательной ценности и способны породить только видимость нового знания и логической стройности изложения. Если бы философия действительно пользовалась подобными приёмами, она была бы набором слов, лишённых смысла»²⁹. Похоже, что это замечание со стороны С.Г. Шляхтенко осталось без внимания.

А.И. Филюков и В.А. Пронин, представляя свою точку зрения на качественные и количественные изменения в живой природе в 1984 году, вполне в русле диалектики, «поставленной на ноги», замечают: «Различая качественные и количественные изменения в живой природе, нельзя абсолютно противопоставлять их друг другу. Качество и количество находятся в постоянной взаимозависимости, повсеместно наблюдается их взаимопроникновение. Меняющиеся соотношения качественных и количественных изменений связывают их постепенными переходами»³⁰. Эти рассуждения советских марксистов вполне можно перенести и на «взаимозависимость» и «взаимопроникновение» сковородки и яичницы, которые не должны противопоставляться друг другу. При этом, однако, мы не можем уже отрицать, что такого рода «отождествления» являются сутью диалектики, ведь «качество и количество находятся в постоянной взаимозависимости, повсеместно наблюдается их взаимопроникновение». Следует, также, заметить, что эта «наука» обмана уже давно и хорошо известна: ведь, если ты «не терял рога, следовательно, они у тебя есть», и если мы «видим без левого глаза, видим без правого глаза, тогда нам вообще не нужны глаза, чтобы видеть».

Впрочем, далеко не все философы и методологи склонны отождествлять и/или «взаимосвязывать» взаимопереходами количества и качества.

Так, например, К. Берка, выявляя онтологические, гносеологические и методологические аспекты теории измерений, чётко разграничивает количественные и качественные аспекты объекта, и отмечает:

²⁹ Шляхтенко С.Г. Категории качества и количества. — Л., 1968. — С. 18.

³⁰ Диалектика живой природы / Под ред. Н.П. Дубинина, Г.В. Платонова. — М.:Изд-во МГУ, 1984. — С. 140.

«Под количеством подразумевается всё, что может быть каким-либо способом изображено в числах: любое квантифицируемое — исчисляемое или измеряемое — свойство. Под качеством понимается свойство или отношение, не являющееся измеримым»³¹. Поясняя свою точку зрения, К. Берка замечает: «Объект измерения на первом, онтологогносеологическом уровне определяется разными свойствами измеряемых объектов, которые мы будем считать их качественными и количественными (квантитативными) аспектами»³². Определяя сильные (допускающие различие свойств не только по степени, но и по своей мере) и слабые (свойства, которые различимы лишь по своим степеням) количественные аспекты, К. Берка предельно однозначно высказывает в отношении категории «качество»: «Для качественных аспектов не выполняется ни одно из этих условий»³³. То есть, согласно К. Берке, качество, качественный аспект объекта не изменяется ни по степеням, ни по своей мере. Выходит, что деревянный бруск не может быть более или менее деревянным?! Похоже на то, равно, как и золото не может быть «золотее», хотя золота и может быть больше или меньше, а вода ни при каких количественных изменениях не станет «водянистее», хотя воды может быть много или мало. Гегель, вскрывая суть различий между количеством и качеством, замечает, что «дом остаётся тем, что он есть, будь он больше или меньше, и красное остаётся красным, будь оно светлее или темнее»³⁴.

В этой связи возникает вполне законный вопрос: как быть с длиной, массой или температурой, которые, по мнению В.М. Турока и А.И. Уёмова, являются свойствами, обладающими интенсивностью? Прежде всего следует заметить, что ни длина, ни масса, ни температура не являются свойствами, и уж тем более, качествами. У материи есть инерционные и гравитационные свойства, а масса эти свойства характеризует. Температура, в свою очередь, характеризует состояние термодинамического равновесия макроскопической системы. Аналогично и длина сама по себе не является свойством, она лишь характеризует протяжённость. Но, вероятно, чтобы примирить позиции, в советском марксизме стали употреблять удобное словосочетание «качественное изменение состояния», благодаря которому диалектический

³¹ Берка К. Измерения: понятия, теории, проблемы. — М.: Прогресс, 1987. — С. 59.

³² Ibid. — С. 62.

³³ Ibid. — С. 63.

³⁴ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. — М, 1974. — С. 216.

закон перехода количественных изменений в качественные не утратил своей эффективности.

Не менее интересна и точка зрения Ю.А. Урманцева³⁵, который ещё в последней четверти XX века в рамках, разрабатываемого им варианта общей теории систем, обнаружил «неполноту» гегелевской формулировки закона перехода «количество» в «качество». С его точки зрения любая «объект-система» благодаря своему существованию и связям со средой будет переходить либо в себя (посредством тождественного преобразования), либо в другие «объект-системы» посредством одного из 7, и только 7, различных неэволюционных (эволюционных) преобразований, а именно: изменений количества (квантигенеза), изменений качества (квалигенеза), изменений отношений (изогенеза), одновременного изменения количества и качества (квантквалигенеза), одновременного изменения количества и отношений (квантизогенеза), одновременного изменения качества и отношений (квалиизогенеза), одновременного изменения количества, качества, отношений (квантквалиизогенеза) всех или части его первичных элементов.

Похоже, что и Ю.А. Урманцев не отождествляет категории «количество» и «качество». В рамках общей теории систем, разработанной Ю.А. Урманцевым, количественное изменение, происходящее в той или иной системе, не ведёт (как причина к следствию) к изменению её качества (как это предполагается в известном законе диалектики), что, впрочем, не запрещает системе испытывать качественных преобразований. Однако, иногда, когда количественные и качественные изменения «сцеплены» (что вполне возможно и нередко случается), может сложиться впечатление, что качественные изменения произошли за счёт изменений количественных, что, похоже, и лежит в онтологической основе диалектического закона перехода количественных изменений в качественные и обратно.

Заканчивая наше небольшое исследование некоторых вопросов, связанных с трансформацией категории «качество» в диалектике, можно констатировать:

1. Слово «качество» полисемично. Наиболее часто это слово употребляется в двух смыслах (как видовое отличие сущности и как признак добротности той или иной вещи, процесса и пр.), которые нередко осознанно (софизмы) или неосознанно (паралогизмы) подменяются в текстах с нарушением

³⁵ Диалектика познания сложных систем / Под ред. В.С. Тюхтина. — М.: Мысль, 1988. — 316 с.

логического закона тождества.

2. Если слово «качество» трактовать вслед за Аристотелем «как видовое отличие сущности» (а именно этот смысл придаёт слову «качество» статус категории), то качество должно оставаться качеством, и уже по определению не может изменяться ни по степеням, ни по своей мере (сущности не может быть больше или меньше), а это, в свою очередь, заставляет нас признать диалектический закон перехода количественных изменений в качественные и обратно ложным, по крайней мере, в рамках корреспондентской концепции истины.

3. Если вслед за Ф. Энгельсом отождествлять количество и качество, полагая, что «количество и качество соответствуют здесь друг другу взаимно и обоюдосторонне», то и диалектический закон перехода количественных изменений в качественные и обратно оказывается вполне «обоснованным». Однако в этом случае следует специально пояснить, что «качество» это уже не категория, выражающая «видовое отличие сущности», а лишь свойство или состояние, которое «легко поддаётся движению и быстро изменяется».

§3. Категория «мера» в материалистической диалектике

У Аристотеля понятия меры не было в списке категорий. Как категория мера впервые появляется у Гегеля. С помощью этой категории Гегель связывает в единое категории качества и количества, и, как результат, «навязывает» природе и обществу закон перехода количественных изменений в качественные и обратно. Результатом диалектики количества, согласно Гегелю, «есть не просто возвращение к качеству (как если бы последнее было истинно, а количество, напротив, неистинно), а единство истина их обоих, качественное количество, или *мера*»¹. Итак, мера, по Гегелю, есть не что иное, как качественно определённое количество, другими словами, мера — это определённое количество, с которым связано некое качество. Напомню, что определённое количество есть наличное бытие количества, и оно Гегелем определено как число.

Современный читатель, знакомый с атомистикой и основами ядерной физики, вполне может и согласиться с Гегелем, придав данному им

¹ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. — М., 1974. — С. 257.

определенению меры собственный смысл: от количества протонов и нейтронов в ядре атома зависят его свойства, так же, как и от количества атомов, составляющих молекулу, зависят свойства этой молекулы. Вот, вроде бы, и получается «качественно определённое количество», или, иначе — определённое количество, с которым связано некоторое качество. Так же поступил и Ф. Энгельс, интерпретировав Гегеля по своему усмотрению. По поводу «величайшего триумфа», открытого Гегелем закона природы, Энгельс с восторгом замечает: «Возьмём кислород: если в молекулу здесь соединяются три атома, а не два, как обыкновенно, то мы имеем перед собой озон — тело, весьма определённо отличающееся своим запахом и действием от обыкновенного кислорода. А что сказать о различных пропорциях, в которых кислород соединяется с азотом или серой и из которых каждая даёт тело, качественно отлично от всех других из этих соединений! Как отличен веселящий газ (закись азота N_2O) от азотного ангидрида (пятиокиси азота N_2O_5)! Первый — это газ, второй, при обыкновенной температуре, — твёрдое кристаллическое тело. А между тем всё отличие между ними по составу заключается в том, что во втором теле в пять раз больше кислорода, чем в первом, и между обоими расположены ещё три других окисла азота (NO , N_2O_3 , NO_2), которые все отличаются качественно от них обоих и друг от друга»². Здорово! Но то, о чём говорит Энгельс, приводя замечательные примеры из химии, не имеет никакого отношения к словам Гегеля о «качественно определённом количестве».

Не отвлекаясь на анализ примера Энгельса с целью выяснения, что в нём есть «качество», и что есть «количество», и переходит ли именно количество именно в качество, отметим лишь, что сам Гегель активно выступал против определённости качества экстенсивным количеством, т.е. против идей атомистов, объясняющих качественную определённость и изменчивость сущего. Позиция Гегеля по этому вопросу известна: «*Интенсивная величина, или степень, отлична по своему понятию от экстенсивной величины, или определённого количества, и недопустимо поэтому, как это часто делают, не признавать этого различия и идентифицировать эти две формы величины, не различая их*»³. С.А. Яновская поддерживает⁴ гегелевскую точку зрения на

² Энгельс Ф. Диалектика природы. — М., 1982. — С. 47.

³ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. — М., 1974. — С. 249.

⁴ Яновская С.А. Определение количества. Об экстенсивном и интенсивном количестве / На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение. — М.: Политиздат, 1990. — С. 467-484.

связь меры с интенсивной величиной и критикует математику и механическое естествознание за использование идей атомизма и, соответственно, экстенсивных величин в описании качественного многообразия мира, полагая это возвратом в далёкое прошлое науки. «Механическое естествознание, — высказывает свою позицию С.А. Яновская, — таким образом, оказывается, стоит не только на исключительно количественной точке зрения, но и в области самих количественных определений односторонне признаёт только экстенсивные величины. Да это и понятно, интенсивная величина всегда связана с некоторой сущностью, специфичностью вещи или процесса, в то время как её проявление — экстенсивная величина — носит всюду однородный характер. Как интенсивные, величины отличаются друг от друга не только по степени их интенсивности, но и по её особому роду, как экстенсивные, они все однородны, тождественны между собой и могут отличаться лишь большим или меньшим количеством частей»⁵. Таким образом, атомизм с его экстенсивными величинами, а равно и вся химия не могут служить источниками примеров для подтверждения мысли Гегеля о мере как о качественно определённом количестве.

Уму, неискушённому в софиистике и диалектике довольно трудно понять, что же это такое «качественно определённое количество». В нашей повседневной речи (см., например, С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова⁶) слово «мера» используется в нескольких смыслах: либо как единица измерения, например, мера длины; либо как некая граница, например, чувство меры; либо как некое средство, например, мера предосторожности; либо как конкретная старая русская единица измерения сыпучих тел. Надо заметить, что похожим образом это слово использовалось и всеми философами до Гегеля. Так Дж. Локк говорит о мере, как о мериле, устанавливающем границы. У него «божественный закон есть мера греха и исполнения долга»⁷, «гражданский закон есть мерило преступления и наивности»⁸ и т.д. Э.Б. Кондильяк в главе «Об измерениях» замечает: «Природа указала нам всякого рода меры, и потребность учит нас пользоваться ими. В каждой индивидуальной вещи она показывает нам единицу; и в этой единице мы имеем меру чисел. Ведь каковы бы ни были меры, которыми мы пользуемся,

⁵ Ibid. — С. 482.

⁶ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. — М.: «А ТЕМП», 2004. — 944 С.

⁷ Локк Дж. Сочинения в 3-х т. Т. 1. — М.: Мысль, 1985. — С. 406.

⁸ Ibid. — С. 406.

чтобы измерять вещи, нам нужно считать, а следовательно, единица есть первая мера»⁹. С точки зрения Шеллинга, «способность устанавливать для себя необходимую меру всегда считается превосходным качеством, одним из самых высоких»¹⁰.

Очевидно, что слово «мера» вне рамок диалектики многозначно, но каждый раз оно используется в тексте с соблюдением закона тождества, принятого в классической логике. У Гегеля свой закон тождества, полагающий объединение и отождествление сразу всех смыслов. Его философскому мышлению претит ясность и адекватность понятий, а категорию признака он полагает упадком логики. В этой связи Гегель поясняет: «Обычное разделение понятий на ясные, отчётливые и адекватные принадлежит не учению о понятии, а психологии, так как под ясными и отчётливыми понятиями имеют в виду *представления*; причём под ясным представлением разумеется абстрактное, простое представление, а под отчётливым — такое представление, в котором выделен ещё какой-нибудь признак, т.е. какая-нибудь определённость, служащая указанием для *субъективного* познания. Нет более красноречивого признака внешнего характера и упадка логики, чем эта излюбленная категория *признака*»¹¹.

Соединив в единое все частные с фиксированным смыслом определения меры, Гегель и получил новую категорию, которая одновременно и качество, и количество (и даже более того — качественно определённое количество), и граница физическая (между морем и сушей, реками и горами, различными видами животных и растений), и граница нравственная («богатство, честь, могущество и точно также радость, печаль и т.д. — имеет свою определённую меру, превышение которой ведёт к разрушению и гибели»¹²), и процесс (который «не есть голая дурная бесконечность бесконечного прогресса»¹³), и т.д. Более того, все «ингредиенты» новой категории вошли в неё со всеми своими смыслами одновременно. И в этом случае ингредиент «качество» уже не только «видовое отличие сущности» или некоторая «тождественная с бытием определённость, так что нечто перестаёт быть тем, что оно есть, когда оно теряет своё качество». Качество вошло составляющей в гегелевскую категорию «мера» всем многообразием своих смыслов-определений: это уже

⁹ Кондильяк Э.Б. Сочинения в 3-х т. Т.3. — М.: Мысль, 1983. — С. 344.

¹⁰ Шеллинг Ф.В.И. Сочинения в 2-х т. Т.2. — М.: Мысль, 1989. — С. 63.

¹¹ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. — М., 1974. — С. 349.

¹² Ibid. — С. 258.

¹³ Ibid. — С. 262.

и свойства, и состояния (расположения), которые, согласно Аристотелю, тоже называют качествами, но которые легко поддаются движению, быстро изменяются и не являются «видовым отличием сущности».

Мера указывает границу, будучи качественно определённым количеством, она ограничивает качество. В пределах данной меры (меры-границы) качественные характеристики объекта вполне могут меняться без «ущерба» для качества. Поясняя свою мысль о возможности «безболезненного» для качества изменения количества (до некоторого предела, которым и служит мера), Гегель приводит пример, который в дальнейшем используется всеми авторами учебников и монографий: «Так, например, температура воды сначала не оказывает никакого влияния на её капельно-жидкое состояние, но затем при возрастании или уменьшении температуры достигается точка, на которой это состояние сцепления качественно изменяется, и вода переходит, с одной стороны, в пар и, с другой, — в лёд. Когда происходит количественное изменение, оно кажется сначала совершенно невинным, но за этим изменением скрывается ещё и нечто другое, и это кажущееся невинным изменение количественного представляет собой как бы хитрость, посредством которой уловляется качественное»¹⁴. Похоже, что в этом примере Гегель предлагает нам забыть не только аристотелевское определение меры («видовое отличие сущности»), но и своё, в котором качеством он называет тождественную «с бытием определённость, так что нечто перестаёт быть тем, что оно есть, когда оно теряет своё качество»¹. Вода при повышении или понижении температуры в пределах, о которых говорит Гегель, не меняет своей сущности, а значит, и качества. Ведь вода — это вещество, состоящее из двух атомов водорода и одного атома кислорода. И в примере, приведённом Гегелем, изменяются лишь её агрегатные состояния (согласно Аристотелю, ещё менее продолжительное, и менее устойчивое, нежели свойства), а сущность остаётся неизменной, будь это пар, жидкость, или лёд. Более того, испарение воды (превращение в пар) происходит при любой температуре (выше абсолютного нуля), а от температуры зависит лишь скорость испарения.

Существенной характеристикой гегелевской категории меры является её неопределенность. В одних случаях, полагает Гегель, мера хорошо известна, в других — неопределенна. Его пояснения выглядят следующим образом:

¹⁴ Ibid. — С. 259.

«Различные виды животных и растений имеют как в своём целом, так и в своих отдельных частях известную меру, причём следует отметить ещё то обстоятельство, что менее совершенные органические создания, ближе стоящие к неорганической природе, отличаются от вышестоящих органических существ отчасти и большей неопределенностью их меры»¹⁵. При этом Солнечная система рассматривается Гегелем как «царство свободной меры»¹⁶. Что такое «свободная мера», Гегель не разъясняет. В этом случае (как, впрочем, и во всех других в исполнении Гегеля) не понятно, в каком конкретно смысле используется слово «мера». Более того, даже бессмысленно искать какой-то «конкретный смысл», ведь в случае с диалектикой его нет и быть не может.

В результате категория меры в исполнении Гегеля превратилась в агрегат-конгломерат смыслов. При этом диалектическое использование этой категории позволяет (а часто требует) в начале повествования вкладывать один смысл (но какой именно, не конкретизируется), а в конце — совершенно другой (отличный от первоначального, но опять «размытый»). Этот приём широко использовался (и продолжает использоваться) шулерами всех оттенков: и софистами, и диалектиками. Впрочем, марксисты давно и хорошо знакомы с диалектикой-методологией «работы» таких понятий-конгломератов. Так, например, П.В. Копнин, обращая внимание на методологические нововведения Гегеля в образовании понятий, вполне подтверждает наше наблюдение и замечает: «Положение о том, что понятие есть совокупность (точнее, даже целокупность) многообразных определений, что оно в своём развитии идёт от абстрактного к конкретному, является генеральной идеей гегелевской теории мышления, знаменующей совершенно новый подход к нему»¹⁷. Н.В. Карабанов также обращает внимание на диалектико-методологическую специфику образования и «работы» понятий: «Материалистическая диалектика углубила диалектическую трактовку понятия и открыла новые перспективы для изучения развивающихся научных понятий. Исходным пунктом здесь выступает принцип единства, тождества противоположностей, требующий понимания противоречивой природы понятия как единства различных и

¹⁵ Ibid. — С. 216.

¹⁶ Ibid. — С. 258.

¹⁷ Копнин П.В. Философские идеи В.И. Ленина и логика. — М.: Наука, 1969. — С. 183.

противоположных моментов, как целостной подвижной системы»¹⁸.

Категория «мера» изначально конструировалась Гегелем для того, чтобы закон перехода количественных изменений в качественные и обратно «работал». «Работал» как надо и когда надо, ведь, по мнению Гегеля и всех его последователей, точно не известно, когда произойдёт изменение качества объекта (системы) при изменении количества чего-либо, характеризующего этот же объект (систему). Это изменение качества может произойти сразу же при минимальном (единичном) изменении количества, а может после накопления, аккумуляции элементарных количественных изменений. Диалектика принципиально не может ответить на этот вопрос. На него должны ответить «точные» науки. Диалектика предлагает лишь «наиболее общие законы». И для того, чтобы у желающих отбить соблазн в опровержении этого закона, Гегелю необходимо было подстраховаться, что он и сделал, введя в оборот категорию меры со своеобразно-диалектическим содержанием; содержанием, позволяющим вытащить из него в нужный момент (как это делают фокусники в цирке) тот «ингредиент», который даст «полный отлуп» оппоненту. Сам Гегель следующим образом разъясняет «работу» введённой им категории: «Имеющееся в мере тождество качества и количества есть пока лишь *в себе*, но оно *ещё не положено*. Это означает, что каждое из тех двух определений, единство которых есть мера, проявляется также и *для себя*, так что, с одной стороны, количественные определения наличного бытия могут изменяться без изменений качества, а с другой — это безразличное возрастание и уменьшение имеет, однако, свою границу, переход которой изменяет и качество»¹⁹. Хороший закон: всеобщий, необходимый и очень конкретный, ведь, согласно ему, качество может либо изменяться при изменении количества, либо не изменяться. Третьего не дано! А поэтому попробуй нарушить этот закон или опровергнуть! Не получится.

§4. Скачок — методологическое чудо материалистической диалектики

Методология диалектики удивительно эффективна, и даже более того, способна на чудеса. Об одном из чудес диалектики, более того,

¹⁸ Карабанов Н.В. О диалектике развития научных понятий / Материалистическая диалектика — методология естественных, общественных и технических наук. — М.:Наука, 1983. — С. 43.

¹⁹ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. — М, 1974. — С. 259.

материалистической диалектики и пойдёт далее речь. Скачок — вот то чудо, которое начал использовать в качестве одного из самых эффективных и загадочных диалектических методов объяснения Г.В.Ф. Гегеля¹.

Изначально скачок выглядел как явно выраженный и быстрый процесс перехода количественных изменений в качественные. С помощью «скачка» и Гегелю, и его материалистическим последователям удавалось объяснить все процессы, в которых происходили качественные изменения. Вот как сам Г.В.Ф. Гегель привлёк понятие «скачок» для помощи в объяснении перехода количественных изменений в качественные: «Поскольку переход от одного качества к другому совершается в постоянной количественной непрерывности, отношения, приближающиеся к некоторому квалифицирующему пункту, рассматриваемые количественно, различаются лишь, как большее и меньшее. Изменение с этой стороны есть постепенное. Но постепенность касается лишь внешности изменения, а не качественного; предыдущее количественное отношение, бесконечно-близкое к последующему, есть все же другое качественное существование. Поэтому по качественной стороне чисто-количественный процесс постепенности, не представляющий сам в себе границы, абсолютно прерывается; поскольку вновь выступающее качество по его чисто-количественному отношению есть относительно исчезающего неопределённо другое, безразличное, переход к нему есть скачек; оба они положены одно против другого, как совершенно внешние. Возникает естественное желание сделать понятно постепенность перехода при некотором изменении; но постепенность есть собственно именно совершенно безразличное изменение, противоположность качественному. В постепенности скорее снимается связь обеих реальностей, все равно, принимаются ли они за состояния или за самостоятельные вещи; положено, что ни одна из них не есть граница другой, но что они совершенно внешни одна другой; тем самым устраняется именно то, что нужно для понимания, хотя бы в малой степени»².

С.Г. Шляхтенко, «развенчивая» идеалистическую мистику диалектического скачка Г.В.Ф. Гегеля, отмечает: «Скачок, по Гегелю, есть лишь логический способ объяснить возможность появления нового качества, а не реальный временной процесс. Он осуществляется как бы мгновенно, когда одно

¹ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. 4.1. Объективная логика. Кн.1. Учение о бытии. — М.: Издание профкома слушателей института красной профессуры, 1929. — 270 С.

² Ibid. — С. 256.

понятие сменяется другим. Тем самым обедняется и содержание категории»³. Другое дело в диалектике материалистической, где скачок не мгновенный акт, а растянутый во времени процесс. Причём границы «скакка» может определить лишь приверженец доктрины сообразно случаю и контексту, но и то далеко не всегда. С.Г. Шляхтенко, комментируя ситуацию, говорит: «Если явление достаточно просто и определяется по одной характеристике, то и границы его изменения могут быть установлены более или менее точно. Там же, где явление характеризуется многими параметрами, которые изменяются неравномерно, определить точные границы скачка невозможно»⁴.

Первым поставил диалектический «скакок» на ноги материализма Ф. Энгельс. Рассуждая о «согласии между мышлением и бытием», Ф. Энгельс в «Диалектике природы» использует, с его точки зрения, удачный пример дифференциального и интегрального исчисления, прообразы которого наблюдаются в физике, химии, биологии и астрономии. Сравнивая массы различных тел, которые изучает физика, химия и астрономия, Ф. Энгельс обнаруживает некоторые группы, внутри которых массы тел близки друг к другу, а к другим группам относятся как к бесконечно большим или бесконечно малым величинам. При этом нахождение промежуточных по массе звеньев между различными группами резко различающихся между собой, которые, сглаживая разницу, заполняют пробелы, Ф. Энгельс, вполне диалектично и по-современному использует в качестве подтверждения своей правоты: «Эти промежуточные звенья доказывают только, что в природе нет скачков *именно потому*, что она слагается сплошь из скачков»⁵. Хорошая диалектика! Удобная. Нет, потому что есть! И есть, потому что нет!

Но диалектика, как известно, господствует во всём: в природе, в обществе и в мышлении. Соответственно, и скачки производят чудо во всех этих областях. Так при переходе от капитализма к социализму тоже не обходится без чуда. Взяв власть в свои руки, пролетариат, согласно Ф. Энгельсу, резко изменит условия своего существования и всю историю человечества. Вот какую картину рисует Ф. Энгельс: «Объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самих людей. И только с этого момента люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение

³ Шляхтенко С.Г. Категории качества и количества. — Л., 1968. — С. 70.

⁴ Ibid. — С. 71.

⁵ Энгельс Ф. Диалектика природы. — М.: Политиздат, 1982. — С. 236.

общественные причины будут иметь в преобладающей и все возрастающей мере и те следствия, которые они желают. Это есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы»⁶. Таким образом, материализм в версии Ф. Энгельса вместо того, чтобы скрупулёзно объяснять мир через движение и взаимодействие «атомов», принял из диалектики Г.В.Ф. Гегеля и «скакки» — этот чудодейственный метод. А чудо, как известно, завораживает и притягивает.

На скакки, как на чудо, надеется и В.И. Ленин. Конспектируя «Науку логики» Гегеля, В.И. Ленин отмечает на полях чрезвычайную важность положения о том, что «постепенность ничего не объясняет без скачков»⁷. И далее выражение восторга от этой находки: «Скачки! Скачки! Скачки!». Если мы не можем объяснить тот или иной переход постепенностью (а это бывает очень непросто, т.к. надо много исследовать, изучать, знать), тогда на помощь приходит «скакок» — это чудо диалектики. Диалектика сильна именно в этом — её методы и законы позволяют объяснить всё. «Чем отличается диалектический переход от недиалектического? — задаёт себе вопрос В.И. Ленин, и отвечает на него: — Скачком. Противоречивостью. Перерывом постепенности. Единством (тождеством) бытия и небытия»⁸.

В.И. Ленин, вероятно, для себя понимает, что без скачков долго ждать, можно даже не дождаться. А от природы нельзя ждать милостыни. Нужно действовать и действовать решительно. Революцию следует готовить. И тогда чудо неизбежно случится. В.И. Ленин безоговорочно принимает в качестве убедительных примеры Г.В.Ф. Гегеля и Ф. Энгельса из естествознания, в которых якобы подтверждается наличие скачков в природе. Соглашается он и с Г.В. Плехановым, критикующим вульгарную «теорию» эволюции: «Диалектику многие смешивают с учением о развитии, и она, в самом деле, есть такое учение. Но диалектика существенно отличается от вульгарной “теории” эволюции, которая целиком построена на том принципе, что ни природа, ни история не делают скачков и что все изменения совершаются в мире лишь постепенно. Ещё Гегель показал, что понятое таким образом учение о развитии смешно и несостоитально...»⁹. В.И. Ленин предвкушает, что

⁶ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведённый господином Евгением Дюрингом. — М., 1988. — С. 288.

⁷ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т.29. Философские тетради. — М.: Изд-во политической литературы, 1977. — С. 112.

⁸ Ibid. — С. 256.

⁹ Ibid. — С. 456.

в русской истории назревает ситуация для «скакка». Изучая труды Г.В. Плеханова, он делает очередную пометку особой важности на полях рядом со следующим рассуждением о Н.Г. Чернышевском: «Другими словами, он стал думать, что и в русской истории приближается один из тех благодетельных скачков, которые редко совершаются в истории, но зато далеко подвигают вперёд процесс общественного развития»¹⁰. Благодетельный скачок! Скачок-избавитель! Скачок — чудо! В России приближается время «скакка»! И этот момент нельзя упустить. Зная «объективные исторические законы», надо лишь подстегнуть историю, подтолкнув её к чуду. Не замечая абсурда своих слов, В.В. Черников, описывая чудодейственность диалектики в деле революции, говорит о теоретическом открытии В.И. Ленина: «Познав противоречия, можно сознательно содействовать их скорейшему разрешению, а, следовательно, и развитию общественной жизни. Так, на основе общего анализа противоречий империализма В.И. Ленин пришёл к выводу о возможности революции прежде всего в тех странах, которые являются наиболее слабым звеном в цепи империализма и узловым пунктом противоречий мировой системы капитализма»¹¹.

Как известно, в 1917 году Россия совершила чудо-скакок, тем самым подтвердив одно из основных положений материалистической диалектики. Но на этом чудеса не закончились. Теперь, заручившись успехом такого грандиозного «эксперимента», можно было не только строить коммунизм, опираясь на столь эффективный метод, но и писать историю жизни, историю человечества, и историю космоса посредством «скакков». О скачках должны были писать все: философы, историки, археологи, социологи, биологи, физики, химики, астрономы, лингвисты, психологи и др. Почти все и писали, при этом нередко вопреки своим убеждениям и научным фактам. Но наибольших успехов в подтверждении чудодейственности скачков добились некогда опальные биологи, которым, в своё оправдание, надлежало убедительно продемонстрировать справедливость утверждений материалистической диалектики на примере возникновения и развития жизни.

Так, Н.П. Дубинин — один из выдающихся советских биологов — в 1978

¹⁰ Ibid. — С. 566.

¹¹ Диалектическая логика / Под ред. З.М. Оруджева, А.П. Шептулина. — М., 1986. — С. 163.

году на страницах журнала «Вопросы философии», продолжая естественнонаучное оправдание диалектики, сделал признание: «Такая сложная система, как жизнь, не могла появиться путём эволюционных изменений»¹². Выводы из своих научных поисков Н.П. Дубинин поддерживает известным положением диалектики о скачке, который, собственно, и обеспечил, с его точки зрения, рождение живого из неживого. Признавая дебиологическую химическую эволюцию, которая привела к образованию исходных органических соединений (полипептидов и полинуклеотидов), Н.П. Дубинин вместе с тем признаёт: «Однако возникла она как скачок в развитии материи»¹³. Страхуя себя от сомнительной репутации идеалиста и, уж тем более, креациониста, Н.П. Дубинин «впускает» в преддверие жизни информацию, которая, циркулируя между полипептидами и полинуклеотидами, обеспечила появление генетического кода. И уже далее, благодаря управлению взаимодействием нуклеиновых кислот и белков «взаимосвязанными потоками генетической информации осуществляется жизнь»¹⁴. Чудо скачка свершилось! И, как и всякое чудо, по сложившейся в материалистической диалектике традиции, чудо возникновения жизни было объяснено случайностью. Но случайность случайности рознь. Случайность в материалистической диалектике является, как известно, закономерной и ведёт материю по пути прогресса (см., например, Г. Гёрц¹⁵, А.М. Миклин¹⁶). В этой связи чудо, несмотря на свою уникальность, как-то умудрялось неоднократно подталкивать химические соединения на планете Земля к образованию жизни. Н.П. Дубинин разъясняет: «Молекулярно-генетический анализ процессов эволюции показал единство происхождения всех организмов. Из этого следует, что появление живой системы было уникальным, единственным событием, давшим начало всем живым организмам на Земле. Уникальность события всегда предполагает влияние случайного»¹⁷. И это «уникальное» не могло не произойти, ведь жизнь, как и весь космос, развивается «целенаправленно» и «телеономично», повинуясь

¹² Дубинин Н.П. Актуальные философско-методологические проблемы современной биологии // Вопросы философии. — 1978. — №7. — С. 46.

¹³ Ibid. — С. 47.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Гёрц Г. Закон, развитие, случайность / Вопросы философии. — 1978. — №8. — С. 53 — 63.

¹⁶ Миклин А.М. Категория развития: трудности объяснения // Вопросы философии. — 1978. — №3. — С. 80-89.

¹⁷ Дубинин Н.П. Актуальные философско-методологические проблемы современной биологии // Вопросы философии. — 1978. — №7. — С. 48.

«законам» диалектики. В чём уникальность условий, Н.П. Дубинин не говорит. Не говорит он и о том, что многочисленные эксперименты, в которых «земные» условия менялись в очень широком диапазоне, не привёл к желаемому результату, подтвердившему возможность abiogenеза. Принцип Реди до сих пор опровергнут не был, и, как отмечал В.Н. Вернадский, «живое происходило всегда от живого»¹⁸, а abiogenез (и археогенез) довлеют над натуралистами лишь под впечатлением религии или философии.

Признав чудом появление жизни из неживых составляющих, Н.П. Дубинин, как и положено стороннику диалектики, оставляет в стороне чудо-скачки и утверждает, что далее жизнь на клеточной основе стала развиваться эволюционным путём. И это не противоречит материалистической диалектике, ведь, ещё Ф. Энгельс, предупреждая различные «неудобные» факты от будущих научных открытий, заметил, что «в природе нет скачков именно потому, что она слагается сплошь из скачков»¹⁹.

А.П. Филюков и В.А. Пронин рассматривают развитие живой природы в полном согласии с законами диалектики, и, прежде всего, закона перехода количественных изменений в качественные и обратно. В этой связи, утверждая свою исходную позицию, они говорят: «Противоречивая тенденция выхода изменений количественной стороны явлений за пределы меры закономерно завершается изменениями качественными, в чём убеждают нас и результаты научных наблюдений, и опыт практической деятельности»²⁰. Качественные изменения, как и предписано диалектикой, совершаются скачками. В живой природе скачки наблюдаются, начиная с мутаций. А.П. Филюков и В.А. Пронин так говорят об этих минимальных скачках: «Наименьшими качественными изменениями в наследственности живых систем являются мутации»²¹. Но эти «минимальные скачки» почему-то не являются чудесными. Чудеса начинаются позже. А.И. Филюков и В.А. Пронин проясняют ситуацию: «Однако мутации, хотя они имеют скачкообразный и даже взрывоподобный характер, нельзя считать скачками эволюционного уровня. Мутации возникают в суборганизменных системах, в ходе онтогенеза, и служат лишь материалом для естественного отбора. Эволюционные скачки протекают в надорганизменных (начиная с популяции)

¹⁸ Вернадский В.И. Начало и вечность жизни. — М.: Сов. Россия, 1989. — С. 96.

¹⁹ Энгельс Ф. Диалектика природы. — М., 1982. — С. 236.

²⁰ Диалектика живой природы / Под ред. Н.П. Дубинина, Г.В. Платонова. — М.: Изд-во Моец, ун-та, 1984. — С. 139.

²¹ Ibid. — С. 144.

системах, в ходе филогенеза, и являются следствием отбора»²². Интересная точка зрения. С одной стороны, мутации представляют собой наименьшие качественные изменения в наследственности живых систем и «имеют скачкообразный и даже взрывоподобный характер», с другой стороны, эти взрывоподобные скачкообразные изменения не проявляют себя в новом качестве, как это предписано «скакочку» со стороны диалектики. Чтобы произошёл скачок (настоящий скачок?) должно произойти накопление этих минимальных скачков. Но и здесь не всё просто. Биологи, особенно «буржуазные», не связанные партийной дисциплиной, обнаружили, что большой скачок, как правило, ведёт к гибели особи, популяции и вида. В результате А.И. Филюков и В.А. Пронин, сохраняя терминологию диалектики, делают «выверт» и приходят к выводу, который своим содержанием противоречит идее скачка: «Эволюция как форма исторического развития, присущая живой природе, характеризуется тем, что в ней доминируют постепенные или многоактные качественные скачки на протяжении ряда сменяющих друг друга поколений»²³. И это не страшно. Главное, что скачки есть. Материалистическая диалектика после Гегеля смогла предложить природе и учёным большое многообразие «форм» и «характеров» скачков. С.Г. Шляхтенко, отвергая возможные обвинения в релятивизме и субъективизме по поводу «относительности» скачков, и одновременно демонстрируя бескрайние возможности материалистической диалектики в скачкообразном развитии, утверждает: «Относительность скачка выражается в том, что формы и характер скачков могут быть различными, определяясь природой вещи и теми конкретно историческими условиями, в которых протекает процесс. С этой точки зрения относительными признаками скачка будут скорость протекания во времени, конкретные особенности отрицания старого качества, глубина отрицания»²⁴. Всё иное в понимании скачка будет считаться метафизическим. Скачки, по убеждению марксистов, есть и их надо видеть.

Опираясь на расширенное толкование скачка, можно в соответствие с законами материалистической диалектики представить и историю превращения прачеловека в человека, биотического в социальное. Об этом рассуждает Д.В. Гурьев. Вскрывая биотические предпосылки скачка от

²² Ibid.

²³ Ibid. — С. 147.

²⁴ Шляхтенко С.Г. Категории качества и количества. — Л., 1968. — С. 72.

третичных антропоидов к людям, он, игнорируя дарвиновскую модель эволюционного процесса, исходит из существования «единой магистральной линии развития живого от простейших организмов через многочисленные промежуточные формы к человеку»²⁵. И далее, уж коли есть «единая магистральная линия развития», всё в эту «линию» и должно быть «уложено». Так, по мнению Д.В. Гурьева, развитие телесного строения и поведения третичных антропоидов повлекло за собой «прогрессивные изменения структуры их популяций»²⁶. Почему «повлекло» и почему именно «прогрессивные» изменения структуры популяций, Д.В. Гурьев не объясняет, а говорит «должно было вызвать»²⁷. Не объясняет Д.В. Гурьев и причину перехода антропоидов к «круглогодичным половым отношениям», хотя, с его точки зрения, именно этот переход повлёк за собой их «перманентное регулирование». Прогресс налицо. Природа стремиться к прогрессу, как это себе и представляли Ж.Б. Ламарк, Г.В.Ф. Гегель, К. Маркс, Ф. Энгельс и В.И. Ленин. Повинуясь «закону» прогрессивных целенаправленных изменений, «высшие обезьяны» встают на путь использования информационных технологий и уже на этой основе делают очередной шаг к прогрессу. Вот как это происходило, по мнению Д.В. Гурьева: «Прогресс структуры популяций заключался и в развитии информационных отношений третичных высших обезьян, что выражалось прежде всего в совершенствовании генофонда популяций, его гетерозиготности»²⁸. Необычная роль информационных отношений, но для прогрессивного совершенствования генофонда популяций вполне годится. Выдержать «генеральную линию прогресса органического мира в сторону людей» чрезвычайно важно. Важнее фактов и важнее логики.

У Н.П. Дубинина аналогичная точка зрения на антропосоциогенез. Применяя диалектическую формулировку Ф. Энгельса о скачках (в природе нет скачков именно потому, что она слагается сплошь из скачков) к становлению человека, Н.П. Дубинин утверждает: «В течение 20 млн. лет нарастание элементов социального совершалось в условиях биотической сущности предков человека. Это было время ряда микроскачков от одних видов древних человекообразных обезьян к другим, т.е. качественных

²⁵ Диалектика живой природы / Под ред. Н.П. Дубинина, Г.В. Платонова. — М.:Изд-во Моск, ун-та, 1984. — С. 200.

²⁶ Ibid. — С. 201.

²⁷ Ibid.

²⁸ Ibid.

превращений в пределах органического мира»²⁹. А вот далее, вероятно, накопив за счёт микроскачков внутри биотической сущности своих предков некое множество социальных элементов, «совершился качественный переход от обезьяны к человеку, от животного стада к человеческому обществу»³⁰. Обезьяна всё же превратилась в человека, «готового человека». Чудо свершилось! Н.П. Дубинин так говорит об этом чудесном превращении: «Скачок же, произошедший 30-40 тыс. лет назад и вызвавший к жизни особый вид — *Homo sapiens*, имел принципиально иной масштаб»³¹.

Но, несмотря на всесилие диалектики, факты, полученные исследователями, сопротивлялись идеологическим установкам. Найдки палеоантропологов всё плотнее заполняли пробелы в истории антропогенеза, хотя советским учёным требовалось всё же видеть «скачки». Дискутировать позволялось и даже поощрялось, но в обозначенных пределах. Так палеоантропологи и археологи (вместе с философами) могли развернуть дискуссию и по проблеме антропогенеза, но дискутировать при этом можно было лишь в канве диалектических законов, т.е. по выявлению количества скачков, через которые и появился собственно человек — *Homo sapiens*. Теперь уже не надо искать в предметных областях знания подтверждений законам материалистической диалектики, эти подтверждения необходимо видеть, т.к. без них, без этих «подтверждений» нет, и не может быть ни науки, ни учёного. Согласно законам материалистической диалектики, живёт и развивается всё — и природа, и общество, и мышление. И не могут они (природа, общество и мышление) в своём развитии обойтись без скачков. И С.Г. Шляхтенко подтверждает: «Скачок — всеобщий и необходимый момент развития»³². Спорить с этим положением было нельзя. Не видеть скачков означало признаться в своей научной слепоте. Скачки есть везде и всегда. Они могут быть большими или маленькими, растянутыми во времени или очень быстрыми. Они могут быть любыми. Их может быть любое количество. Но они обязательно должны быть. Без скачков нет ни природы, ни общества, ни мышления. Соответственно и исследователь, чьё «скачкообразное» мышление не отражает скачков в природе, не может быть признан обществом как настоящий учёный.

²⁹ Ibid. — С. 226.

³⁰ Ibid.

³¹ Ibid.

³² Шляхтенко С.Г. Категории качества и количества. — Л., 1968. — С. 72.

И вот, уже исходя из такого рода установок, И.Л. Андреев предлагает свою диалектическую версию антропосоциогенеза: «В науке сложились различные взгляды по вопросу о сущности антропосоциогенеза. Многие учёные полагают, что весь период антропосоциогенеза можно представить в виде двух скачков»³³. Следует при этом отметить, что аргументы сторонников двух скачков, которые строились на довольно скучных данных археологии и представлениях основоположников материалистической диалектики, «разбивались» не более крепкими аргументами их противников. И.Л. Андреев приводит эти аргументы в своей работе: «Ряд учёных отвергает идею двух скачков, утверждая, что методологически неправомерно разрывать целостность, единство процесса антропосоциогенеза, что исторически и логически мыслим только один перерыв его постепенности. Они считают, что либо «второй скачок» был эволюционным продолжением, «развёртыванием» первого (единственного!) скачка, либо, напротив, то, что называют «первым скачком», являлось эволюционной подготовкой «второго», подлинного скачка»³⁴. Интересная и всесильная методология. Если факты противоречат такой методологии, тем хуже для этих фактов, ведь «суворенный опыт — это не более чем иллюзия эмпирика»³⁵.

Д.В. Гурьев, приняв за основу новое прочтение категории скачка, ещё более усилил эффективность диалектики, полагая, что скачком «был весь переходный период от первобытного стада к производству»³⁶. Хороший скачок, но, вероятно, уже в длину. Однако в материалистической диалектике возможно и такое, главное, правильно (т.е. к случаю) определить понятие. И это традиционно исполняется в материалистической диалектике за счёт расширения понятия. И вот уже гегелевский «момент» легко превращается в «интервал». Гегелевская «граница», отделяющая одно качество от другого, «размывается». В материалистической диалектике появляются различные формы скачка.

И лишь одна из этих форм соответствует скачку в понимании Гегеля.

С.Г. Шляхтенко говорит в этой связи: «Для материалиста любой материальный процесс имеет две временные границы — его начало и окончание. Этот интервал может быть весьма мал, но он обязательно

³³ Андреев И.Л. Происхождение человека и общества. — М.: Мысль, 1988. — С. 223.

³⁴ Ibid. — С. 224.

³⁵ Баженов Л.Б., Самородницкий П.Х. О роли опыта и логического мышления в построении научного знания // Вопросы философии. — 1976. — №6. — С. 99.

³⁶ Андреев И.Л. Происхождение человека и общества. — М., 1988. — С. 225.

существует»³⁷. И, в результате своих рассуждений о «проблеме скачка» и его роли в антропосоциогенезе, И.Л. Андреев выражает уверенность во всесилии материалистической диалектики в раскрытии тайн происхождения современного человека: «Философское осмысление методологических проблем познания антропосоциогенеза может способствовать их более глубокому, а главное — целостному анализу»³⁸. И, чтобы продемонстрировать силу своего убеждения, он приводит пример объяснительного всесилия «древней» диалектики, в которой «логическая антиномия континуальности и дискретности классически просто и мудро выражена известной древнегреческой апорией «летящая стрела покоится»³⁹.

Скачки! Скачки! Скачки! И там, где нет возможности проследить последовательность, мы можем самонадеянно сказать — «скачок». Однако, если вы не претендуете на обладание истиной в последней инстанции, тогда у вас есть возможность отказаться от чудесного объяснения явлений природы. Именно так и поступают многие палеоантропологи и археологи, не принявшие точку зрения марксизма (как, впрочем, и библейскую историю) на происхождение человека. Кейт Вонг⁴⁰, описывая найденные в 2008 году Ли Бергером и его группой в Южной Африке окаменелые останки гоминидов, приходит к выводу о «мозаичности» строения *Australopithecus sediba*. И именно эта «мозаичность» *Australopithecus sediba* даёт основания отрицать некое чудесно-скачкообразное появление сразу «готового человека», как это предполагалось в материалистической диалектике. Но это всего лишь факт науки. А в диалектике, как известно, не только «летящая стрела покоится», но и любое количество промежуточных звеньев, демонстрируя отсутствие в природе скачков, тем самым лишь доказывает, что природа слагается сплошь из скачков. Диалектика всесильна, её законы вездесущи, а скачки творят чудеса, даже если факты говорят о другом. Ведь факты всегда можно «подправить», а понятия расширить, причём одновременно и по объёму, и по содержанию. И вот уже С.Г. Шляхтенко предлагает вполне в традициях материалистической диалектики определение скачка: «Скачком называется интервал, охватывающий превращение одного качества в другое. Интервал имеет пространственно-временные или логические границы. Первыми

³⁷ Шляхтенко С.Г. Категории качества и количества. — Л., 1968. — С. 70.

³⁸ Андреев И.Л. Происхождение человека и общества. — М., 1988. — С. 242.

³⁹ Ibid. — С. 242.

⁴⁰ Вонг К. Первый из нашего племени // В мире науки. — 2012. — №6. — С. 5-15.

обладают все реальные объекты действительности, вторые характерны для абстракций»⁴¹. Удобно? Очень! И границы целы, и скачки «растянуты»!

В результате adeptы диалектики, а в нашем случае — материалистической диалектики, как, собственно, и положено adeptам, выбрали в отношении «проблемы скачка» путь расширения понятия. И теперь скачок уже может «осуществляться в бесконечно многообразных конкретных формах»⁴², т.е. любое изменение, будь то изменение «взрывного» характера или постепенное, можно «обоснованно» назвать скачком, и это в очередной раз будет свидетельствовать о силе диалектики, её неувядающей эффективности.

§5. Факты «классической» науки против спекуляций диалектики

Одним из основных законов материалистической диалектики является закон перехода количественных изменений в качественные (иногда добавляют — и обратно). У разных авторов он формулируется хотя и похоже, но всё же с некоторыми нюансами. В современных (доставшихся в наследство) выверенных и согласованных со всей системой материалистической диалектики формулировках этого закона, нюансы не имеют принципиального значения.

Так, например, А.Г. Спиркин в «Философском энциклопедическом словаре» 1983 года отмечает, что согласно этому закону «изменение качества объекта происходит тогда, когда накопление количественных изменений достигает определённого предела»¹. Характеризуя этот закон, А.Г. Спиркин утверждает, что он вскрывает наиболее общий механизм развития, носит объективный и всеобщий характер.

Аналогично формулирует этот закон в коллективной монографии «Диалектическая логика» 1986 года и И.Д. Андреев: «Важное место в процессе диалектического мышления и познания занимает закон перехода количественных изменений в качественные и обратно. Все важнейшие научные открытия XIX и XX вв. неопровергимо свидетельствуют о том, что только диалектическая концепция развития в познающем мышлении

⁴¹ Шляхтенко С.Г. Категории качества и количества. — Л., 1968. — С. 71.

⁴² Туров В.М., Тюхтин В.С. Скачок / Философский энциклопедический словарь. — М., 1983. — С. 614.

¹ Спиркин А.Г. Переход количественных изменений в качественные / Философский энциклопедический словарь. — М., 1983. — С. 488.

способна обеспечить глубокое научное познание, ибо развитие самого объективного мира совершается диалектически в форме перехода постепенных, количественных изменений в быстрые, коренные качественные изменения. Это подтвердили такие научные открытия XIX в., как закон сохранения и превращения материи и энергии, эволюционное учение Дарвина, периодический закон Менделеева и др.»².

Очевидно, что приведённые выше формулировки закона перехода количественных изменений в качественные и обратно не имеют принципиальных разногласий. И это не удивительно, так как в качестве исходной была использована формулировка, сделанная в 1879 году Ф. Энгельсом.

«Закрепляя» Гегеля «на ногах», Ф. Энгельс в «Диалектике природы» следующим образом формулирует закон перехода количества в качество и обратно: «Закон этот мы можем для наших целей выразить таким образом, что в природе качественные изменения — точно определённым для каждого отдельного случая способом — могут происходить лишь путём количественного прибавления либо количественного убавления материи или движения (так называемой энергии)»³. Следует отметить, что именно эта формулировка (и трактовка с позиции «для наших целей») закона перехода количественных изменений в качественные являлась (и является) канонической для всех марксистов советского (и постсоветского) периода. Более того, Ф. Энгельс впервые и называет, «написанную» Гегелем связь между количеством и качеством, законом.

Однако сам Гегель был далёк от того, чтобы «выводить» связь между количеством и качеством, опираясь на идеи атомизма. Гегель не абстрагировал эту «связь» из истории природы и человеческого общества. У него количество (а не количественные изменения) переходит в качество (а не качественные изменения), а качество в количество в результате диалектических «переливов» понятий. По мысли Гегеля, принявшего главную идею Гераклита о вечном движении всего и вся, следуя за абсолютной идеей, понятия тоже обязаны изменяться, причём не на длительном временном промежутке, всё более адаптируясь к новым и новым открытиям, а в пределах одного акта мысли-высказывания. И именно это изменение-становление

² Диалектическая логика / Под ред. З.М. Оруджева, А.П. Шептулина. — М.: Изд-во МГУ, 1986. — С. 58.

³ Энгельс Ф. Диалектика природы. — М., 1982. — С. 45.

требует от категорий «качество» и «количество» взаимного перехода.

Предваряя демонстрацию перехода качества в количество и обратно, Гегель отмечает: «Становление содержит в себе бытие и ничто и содержит их таким образом, что оба они полностью переходят друг в друга и взаимно снимают друг друга»⁴. При этом, согласно Гегелю, бытие, имеющее определённость, или наличное бытие, «которая есть непосредственная, или сущая определённость, есть качество»⁵. И далее, уже более конкретно Гегель добавляет: «Качество есть вообще тождественная с бытием, непосредственная определённость в отличие от рассматриваемого после него количества, которое, правда, также есть определённость бытия, но уже не непосредственно тождественная с последним, а безразличная к бытию, внешняя ему определённость»⁶. Но основой всякой определённости есть отрицание. И тогда, отрицание (а без него нет движения) определённости (качества, как непосредственной определённости) должно вывести на инобытие, которое «есть поэтому не некое безразличное наличному бытию, находящееся вне его, но его собственный момент»⁷. И таким инобытием качества является количество.

Однако Гегелю недостаточно диалектической трансформации количества в качество, а качества в количества, ему требуется категория, которая представляла бы собой агрегат-конгломерат определений. И он этот агрегат-конгломерат, связанный с количеством и качеством, создаёт, предлагая свою трактовку, ранее известному многозначному слову «мера». Существенной характеристикой гегелевской категории «мера» является её неопределенность. Вобрав в себя все смыслы слов «количество» и «качество», «мера» была сконструирована Гегелем так, чтобы позволять своему создателю в любой ситуации «решать» интеллектуальные затруднения, которые возникают из-за «неподчинения» материального мира спекуляциям. Ведь «дурная» материя не изучала философию Гегеля, а потому ей не известно точно, когда следует делать «прыжок» в новое качество при изменении количества. Это изменение качества, по мысли Гегеля, может произойти сразу же при минимальном (единичном) изменении количества, а может после накопления, аккумуляции элементарных количественных

⁴ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. — М., 1974. — С. 228.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid. — С.230.

изменений. Диалектика принципиально не может ответить на этот вопрос, т.к. «с одной стороны, количественные определения наличного бытия могут изменяться без изменений качества, а с другой — это безразличное возрастание и уменьшение имеет, однако, свою границу, переход которой изменяет и качество»⁸.

Хороший закон. Согласно ему, качество может либо изменяться при изменении количества, либо не изменяться. И третьего не дано. А поэтому нарушить этот закон нельзя. Другое дело, можно ли считать законом такое утверждение, которое является дизъюнкцией некоторого высказывания и его отрицания. Ведь ещё Аристотель не рекомендовал опираться на такого рода прогнозы. Г.Х. фон Вригт, разрабатывая свой вариант решения «проблемы Аристотеля» по поводу «завтрашнего морского сражения», замечает: «Впечатление от того, что применение Законов Исключённого Третьего и Бивалентности к случайным высказываниям о будущем обязывает принять детерминизм, я буду называть “иллюзией”»⁹.

Полагаю, что мало кто согласится признать законом такое утверждение, в котором истина следует из дизъюнкции утверждения и его отрицания, ведь, несмотря на 100-процентное выполнение такого «закона», для нас он бесполезен. Как, к примеру, мы бы отнеслись к «безошибочному» решению судьи, согласно которому подсудимый или виновен, или невиновен? Или к утверждению синоптика о том, что завтра либо будут осадки, либо их не будет? А ведь и судья, и синоптик не обманули бы нас. Похоже, что такая 100% предопределённость будущего события, разделённая поровну между неким утверждением и его отрицанием, нас не устраивает, а истинное значение законов не носит характера логической необходимости. В этой связи есть смысл обратить внимание на закон перехода количественных изменений в качественные и обратно «абстрагированный» Ф. Энгельсом «из истории природы и человеческого общества».

Критикуя Гегеля за его идеалистические «перевёртыши», Ф. Энгельс утверждает: «Ошибка заключается в том, что законы эти он не выводит из природы и истории, а навязывает последним свыше как законы мышления. Отсюда и вытекает вся вымученная и часто ужасная конструкция: мир — хочет ли он того или нет — должен сообразовываться с логической системой,

⁸ Ibid. — С.259.

⁹ Вригт Г.Х. Логико-философские исследования: Избранные труды. — М.:Прогресс, 1986. — С. 541.

которая сама является лишь продуктом определённой ступени развития человеческого мышления. Если мы перевернём это отношение, то всё принимает очень простой вид, и диалектические законы, кажущиеся в идеалистической философии крайне таинственными, немедленно становятся простыми и ясными как день»¹⁰. Немедленно становятся простыми и ясными как день. Это утверждение является ключевым, так как именно оно ориентирует читателя (или слушателя) на принятие последующего текста как неоспоримой истины: ведь понимать необходимо и «немедленно» (если попытаешься задуматься и затянешь время «понимания», будешь выглядеть дураком), и без «тени» сомнения, «просто и ясно как день» (если не поймёшь «простого и ясного», пеняй на себя).

Осуждая Гегеля за «ужасные конструкции», Ф. Энгельс поступает значительно проще. Так, в частности, Ф. Энгельс восторженно преподносит обнаруженную им эффективность закона перехода количественных изменений в качественные в области математики. Смело отождествляя качество и свойство, Ф. Энгельс отмечает: «Число есть чистейшее количественное определение, какое мы только знаем. Но оно полно качественных различий»¹¹. Упрекая Гегеля за его невнимание к арифметике, Ф. Энгельс с энтузиазмом заполняет этот пробел, демонстрируя эффективность закона перехода количественных изменений в качественные на хорошо знакомых ему примерах: «16 есть не только суммирование 16 единиц, оно также квадрат от 4 и биквадрат от 2. Более того, простые числа сообщают числам, получающимся из них путём умножения на другие числа, новые, вполне определённые качества: только чётные числа делятся на два; аналогичное определение — для 4 и 8. Для деления на 3 мы имеем правило о сумме цифр. То же самое в случае 9 и 6, где оно соединяется также со свойством чётного числа. Для 7 особый закон»¹². Великолепно! С этим примером диалектику можно легко доносить до всех, кто хотя бы знаком с арифметикой. К простому числу 7 прибавляем простое число 7 и получаем чётное число 14. Но 7, как известно, не делится на 2, а 14 уже делится. Работает закон? Работает! Везде и всегда работает! Даже с числами. Диалектика может торжествовать! Так ли это? Так, но только в том случае, если не задавать «лишних» вопросов. Можно ли, к примеру, утверждать, что простые числа

¹⁰ Энгельс Ф. Диалектика природы. — М., 1982. — С. 44.

¹¹ Ibid. — С.224.

¹² Ibid.

перестают быть простыми числами, если к ним прибавить какое-нибудь число? Думаю, что простые числа от этой операции не перестанут быть простыми, хотя результат конкретного сложения двух чисел может оказаться и не простым числом. Операции сложения или умножения, вычитания или деления не изменяют свойства простых чисел. Простые числа остаются простыми числами. Мы вообще не можем изменить свойств простых чисел. Мы можем к ним что-то прибавлять, можем их на что-то умножать и получать при этом какой-то результат, но саму суть простых чисел мы в этих операциях изменить не можем. Простое число остаётся простым числом, будь то 1, 2, 3, 5, 7 или 17, 19, 101, 103, 107. Очевидно, что количество единиц, входящих в то или иное простое число, не изменяет его «качество» быть простым. 107 не потеряло от количественных изменений своего «качества» быть простым числом, хотя оно на 100 единиц больше 7. У Ф. Энгельса, как выше было выявлено, всё представляется иначе. Он не рассматривает изменение «качества» простых чисел в зависимости от количества единиц, составляющих то или иное конкретное простое число, а произвольно «перешагивает» за пределы простого числа (определения простого числа) и уверенно утверждает, что простые числа перестают быть простыми при количественном изменении. И к чему были все эти «ужасные конструкции» Гегеля? Можно, как оказывается, добиваться результата значительно проще и эффективнее. Ведь, если ты не терял рога, значит ты рогатый.

Но, оставив в стороне софистические уловки Энгельса, рискнём разобраться в эмпирических истоках и способах действия, приведших к абстрагированию закона перехода количественных изменений в качественные и обратно из истории природы и общества.

«Демистифицируя» Гегеля, Энгельс в 1879 году, исходя из умозрительных построений химиков, почему-то изначально и уверенно заявляет: «Все качественные различия в природе основываются либо на различном химическом составе, либо на различных количествах или формах движения (энергии), либо, — что имеет место почти всегда, — на том и другом. Таким образом, невозможно изменить качество какого-нибудь тела без прибавления или отнятия материи либо движения, т.е. без количественного изменения этого тела. В этой форме таинственное гегелевское положение оказывается, следовательно, не только вполне рациональным, но даже

довольно-таки очевидным»¹³. Эта «очевидность», вероятно, как аргумент к тщеславию, «работала» и в дальнейшем.

Советские философы, изощрённые диалектикой и поддержанные материализмом, были уверены в «очевидности» фундаментальной эмпирической основы этого закона. Так даже в 2000 году, уже «критически осмысливая» диалектический материализм, Т.И. Ойзерман признавал: «Энгельс в "Анти-Дюринге" и "Диалектике природы" иллюстрирует "законы диалектики" примерами из физики, химии, биологии, истории философии. Мы видим, что переход из одного агрегатного состояния в другое происходит путём постепенного накопления количественных изменений, которое в итоге приводит к скачкообразному переходу в новое качественное состояние. Этот пример, как и все другие, которые нет необходимости перечислять, позволяет сделать вывод, что законы природы (если не все, то во всяком случае значительное множество этих законов), а также законы социальных процессов и познания носят диалектический характер, т.е. являются законами движения, изменения развития»¹⁴. С «очевидностью», о которой тебя ещё и предупреждают довольно трудно спорить.

В 1879 году атомы, будучи «очевидными» для Ф. Энгельса, всё ещё оставались гипотетическими элементами вещества. Как замечает в этой связи Дж. Тригг «в конце XIX века не было крайней необходимости верить в существование атомов»¹⁵. И даже более того, «целый ряд учёных, включая некоторых выдающихся химиков, не верили в них, несмотря на то что большая часть свидетельств в пользу атомной гипотезы основывалась на химии»¹⁶. Экспериментальное подтверждение существование атомов было предложено Ж. Перреном лишь через 30 лет после «довольно-таки очевидного» их существования для Ф. Энгельса. Но и в экспериментах Ж. Перрена 1908-1909 гг. «доказательство» существования атомов, хотя и было убедительным, всё же «очевидным» так и не стало (см., например, Дж. Тригг¹⁷). Здесь, вероятно, следует признать, что основоположники материалистической диалектики смотрели значительно дальше и глубже учёных-эмпириков, выдавая желаемое за действительное.

¹³ Ibid. — С.45.

¹⁴ Ойзерман Т.И. Опыт критического осмысления диалектического материализма // Вопросы философии. — 2000. — №2. — С.13-14.

¹⁵ Тригг Дж. Решающие эксперименты в современной физике. — М.: Мир, 1974. — С. 50.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Тригг Дж. Решающие эксперименты в современной физике. — М.: Мир, 1974. — 160 С.

Более фундаментальным представляется высказывание Ф. Энгельса о том, что «невозможно изменить качество какого-нибудь тела без прибавления или отнятия материи либо движения, т.е. без количественного изменения этого тела». Удачный «выверт». Ф. Энгельс в своём комментарии к «закону» не говорит о том, что качество какого-либо тела обязательно изменяется при количественных изменениях (если к нему прибавить, или отнять от него материю либо движение). Он лишь утверждает, что нельзя изменить качество, не совершив количественных изменений (этот нюанс в формулировке Ф. Энгельса является чрезвычайно важным, хотя многие марксисты советского периода не обращали на него внимания и продолжали использовать гегелевскую категорию «мера» для объяснения «задержки» качественных скачков). Приняв за фундаментальную основу материального бытия атомы и связанный с ними химизм, вроде бы иначе и быть не может: с одной стороны, мы можем сколь угодно много изменять количество без изменения качества, но, с другой стороны, мы не можем изменить качество чего-либо без изменения количества. Так ли это?

Примеров тому, что, изменяя количество, мы далеко не всегда меняем качество, можно привести сколь угодно много: и свойства атома (элемента), и свойства тела (совокупности атомов) не меняются в зависимости от количества атомов (элементов) в этой совокупности. Один студент привёл свой убедительный пример, подтверждающий, что от изменения количества далеко не всегда меняется качество: «Ведь мы не становимся умнее в зависимости от того сколько нас, “дурakov”, сидит в этой аудитории». Трудно не согласиться. Однако, как выше уже было замечено, Ф. Энгельс в своей трактовке закона перехода количественных изменений в качественные и обратно «отрезает» возможность таких контрпримеров. Он, в отличие от своих последователей советского периода, всего лишь утверждает, что невозможно изменить качество какого-нибудь тела без прибавления или отнятия материи либо движения.

Ф. Энгельс приводит целый список примеров, которые, с его точки зрения, подтверждают диалектический закон перехода количественных изменений в качественные: «Так, необходим определённый минимум силы тока, чтобы платиновая проволока электрической лампочки накаливания раскалилась до свечения; так, у каждого металла имеется своя температура свечения и плавления; так, у каждой жидкости имеется своя определённая, при данном давлении, точка замерзания и кипения, — поскольку мы в состоянии при

наших средствах добиться соответствующей температуры; так, наконец, и у каждого газа имеется своя критическая точка, при достижении которой давление и охлаждение превращают его в капельно-жидкое состояние»¹⁸.

Утверждение Ф. Энгельса о том, что у каждой жидкости имеется своя определённая, при данном давлении, точка замерзания и кипения, сущая правда. Однако эта «сущая правда» не может служить подтверждением диалектического закона перехода количественных изменений в качественные даже в той хитрой формулировке этого закона, которую сделал Ф. Энгельс. Напомню, по утверждению Ф. Энгельса, «невозможно изменить качество какого-нибудь тела без прибавления или отнятия материи либо движения, т.е. без количественного изменения этого тела»¹⁹. Наивный (не тронутый диалектикой) ум полагает, что измениться при количественном прибавлении или отнятии должно именно то тело, к которому «прибавляется», или от которого «отнимается» материя либо движение. С этих наивных позиций «движение» «прибавляется» к атомам или молекулам, из которых состоит жидкость, следовательно, и изменить свои качества должны именно эти атомы или молекулы. Но диалектика не была бы столь эффективной, если бы не могла довести до наивного ума свои положения. «Движение», согласно приведённому Ф. Энгельсом примеру, увеличивается у атомов или молекул, а «качество» при этом изменяется не у них. Атомы и молекулы при изменении скорости их движения не претерпевают изменений, как повелевает закон. Да и само тело, составленное из этих атомов и/или молекул, тоже не переходит в иное качество. Вода остаётся водой, будь она в жидком, твёрдом, или газообразном состоянии. Состояния есть лишь проявления определённых «количество», а не разные качества. Это же относится и к металлам, каждый из которых имеет «свою температуру свечения и плавления». Железо, при переходе из твёрдого состояния в жидкое, не превращается в золото или свинец. Железо остаётся железом, даже в том случае, если атомы начнут двигаться быстрее. А проволока, по которой течёт электрический ток «светится» при любом значении силы тока. От силы тока зависит лишь температура вещества, из которого эта проволока сделана и, соответственно, количество излучаемых атомов. И опять мы приходим к заключению, что изменение количественных характеристик того или иного тела не ведёт к его

¹⁸ Энгельс Ф. Диалектика природы. — М., 1982. — С. 47.

¹⁹ Ibid. — С.49.

качественным изменениям. Количественные изменения и воспринимаются лишь как количественные изменения, если, конечно, для подтверждения эффективности «закона» не становиться на путь подмены понятий.

Опираясь на современные ему сведения из химии, Ф. Энгельс бодро приводит примеры, которые удачно подтверждают материалистическую версию закона перехода количественных изменений в качественные и обратно. Но не более того, ведь логики нас учат, что демонстрация одного чёрного лебедя вполне опровергает категорическое утверждение, что все лебеди белые. Да, примеры из химии микромолекул вполне «укладывались» в концепцию Энгельса, согласно которой, «невозможно изменить качество какого-нибудь тела без прибавления или отнятия материи либо движения, т.е. без количественного изменения этого тела». Так, например, в полном соответствии этому закону, закись азота (N_2O) отличается своими свойствами от азотного ангидрида (N_2O_5), как, впрочем, и от других окислов азота (NO , N_2O_3 , NO_2). Энгельс в восторге от этих примеров, и восклицает: «А что сказать о различных пропорциях, в которых кислород соединяется с азотом или серой и из которых каждая даёт тело, качественно отличное от всех других из этих соединений!»²⁰. Не менее восторженно Энгельс использует в качестве «доказательства» своего закона и сведения из химии элементов. В этой связи он высоко оценивает открытие, сделанное Д.И. Менделеевым, и воодушевлённо заявляет: «Менделеев, применив бессознательно гегелевский закон о переходе количества в качество, совершил научный подвиг, который смело можно поставить рядом с открытием Леверье, вычислившего орбиту ещё не известной планеты — Нептуна»²¹. Ф. Энгельсу в периодическом законе Д.И. Менделеева видится прямое подтверждение перехода количества в качество. Химия, по мнению Энгельса, демонстрирует триумф диалектики, и это знал уже сам Гегель. Ф. Энгельс следующим образом выражает своё отношение к химии: «Но свои величайшие триумфы открытый Гегелем закон природы празднует в области химии. Химию можно назвать наукой о качественных изменениях тел, происходящих под влиянием изменения количественного состава»²².

Изотопы (химически неразличимые элементы, но отличающиеся друг от друга своим весом, а, значит, и количественно) к 1879 году ещё не

²⁰ Ibid. — С.47.

²¹ Ibid. — С.49.

²² Ibid. — С.47.

обнаружены, и может даже возникнуть желание переформулировать закон так, чтобы любые количественные изменения обязательно вели к изменению качества. Но Энгельс диалектически мудр и, следовательно, осторожен: мало ли, что ещё придумают (откроют) физики, химики и философы, не принимающие и не понимающие диалектику. Лучше, если диалектический закон будет всегда и абсолютно истинным, как дизъюнкция утверждения и его отрицания. И эта осторожность вполне «выручила» Энгельса и его закон перехода количества в качества после открытия изотопов: и пусть изменяется вес атомов, ведь никто и не говорил, что при этом должно обязательно измениться качество — если, согласно Гегелю, для изменения качества надо «перешагнуть» меру, то, согласно Энгельсу, сама формулировка закона не требует изменения качества с изменением количества.

Однако, не зная об изотопах, Ф. Энгельс был осведомлён об изомерах (органических веществах с одинаковым составом, но отличающихся по своим качествам), которые химики стали активно изучать с середины XIX века (см., например, Г.В. Быков²³). Изомеры своим существованием должны были бы вызвать у Ф. Энгельса глубокое сомнение в справедливости закона перехода количества в качество в своей материалистической трактовке, ведь, согласно А.М. Бутлерову, различные качества веществ-изомеров были обусловлены не разным количеством атомов, составляющих молекулу, а иной структурой. Эти данные органической химии в корне противоречили сформулированному Ф. Энгельсом закону. Но материалистическая диалектика такие противоречия не брала в расчёт. Диалектика, даже соединившись с материализмом, остаётся диалектикой, и при любых обстоятельствах её утверждения должны оставаться истинными. А если в химии (или ещё где-нибудь) будут сделаны открытия, которые не соответствуют установкам диалектики, тем хуже для химии.

Ф. Энгельс в полной мере диалектически «притягивает» и органическую химию для демонстрации (или абстрагирования?) закона перехода количества в качество. Переходя от окислов азота к органическим веществам, Ф. Энгельс продолжает восхищаться «работоспособностью» закона: «Ещё поразительнее обнаруживается это в гомологических рядах соединений углерода, особенно в случае простейших углеводородов. Из нормальных парафинов простейший — это метан, CH_4 . Здесь 4 единицы сродства атома

²³ Быков Г.В. История стереохимии органических соединений. — М.: Наука, 1966. — 372 С.

углерода насыщены 4 атомами водорода. У второго парафина — этана, C_2H_6 — два атома углерода связаны между собой, а свободные 6 единиц сродства насыщены 6 атомами водорода. Дальше мы имеем C_3H_8 , C_4H_{10} и т.д. по алгебраической формуле C_nH_{2n+2} , так что, прибавляя каждый раз группу CH_2 , мы получаем тело, качественно отличное от предыдущего»²⁴. Меняется качество при изменении количества? Меняется. Но, по уверениям Энгельса, все качественные различия в природе основываются либо на различном химическом составе, либо на различных количествах или формах движения (либо на том и другом одновременно). И органическая химия во времена Ф. Энгельса уже имела свидетельства тому, что качественные различия в природе совсем не обязательно основываются на различном химическом составе, либо на различных количествах или формах движения (либо на том и другом одновременно). В изомерах мы имеем вещества с химически одинаковым атомным составом и, более того, равном количестве атомов в молекуле, но существенно различающихся своими качествами. И Энгельс об этом знает. Но диалектика не для того создавалась, чтобы пасовать перед такими трудностями!

Следующий «выверт» диалектического материализма в абстрагировании закона перехода количества в качество из истории природы вне всякой логики (возможно, кроме паранепротиворечивой). Демонстрируя мощь диалектики, Ф. Энгельс в лучших традициях софистики поднимается на ступеньку выше в «раскрытии всесилия» закона перехода количества в качество, и вместо того, чтобы признаться в фиаско, заявляет: «В этих рядах гегелевский закон выступает перед нами между прочим ещё и в другой форме. Нижние члены ряда допускают только одно-единственное взаимное расположение атомов. Но если число объединяющихся в молекулу атомов достигает некоторой определённой для каждого ряда величины, то группировка атомов в молекуле может происходить несколькими способами; таким образом могут появиться два или несколько изомеров, имеющих в молекуле одинаковое число атомов С, Н, О, но тем не менее качественно различных между собой. Мы в состоянии даже вычислить, сколько подобных изомеров возможно для каждого члена ряда. Так, в ряду парафинов для C_4H_{10} существует два изомера, для C_5H_{12} — три; для высших членов число возможных изомеров возрастает очень быстро. Таким образом, опять-таки количество атомов в молекуле

²⁴ Энгельс Ф. Диалектика природы. — М., 1982. — С. 48.

обуславливает возможность, а также — поскольку это показано на опыте — реальное существование подобных качественно различных изомеров»²⁵. Замечательный образчик софистики.

Вместо того, чтобы согласиться с химиками в том, что качество можно изменить, не меняя количества, Энгельс как-то «абстрагируется» от этого «упрямого» факта, запросто отбрасывает очевидный пример, идущий вразрез с доказываемым тезисом, и называет «возможность» группировки атомов в молекуле несколькими способами в зависимости от количества атомов другой формой гегелевского закона. Этот диалектический оборот (выверт) мысли Энгельса можно «ощутить» на наглядном примере: сторонник диалектики, доказывая, что все лебеди белые при обнаружении чёрного уверенно мог бы заявить, что чёрное — как для-себя-бытие белое (чёрное оно именно потому, что полностью поглощает в себя белый свет), а, следовательно, обнаруженный якобы чёрный лебедь на самом деле (как для-себя-бытие) является белым, и это опять подтверждает справедливость исходного тезиса, но уже в иной форме. Да, прав был П. Фейерабенд, предупреждая, что возможно всё.

Однако, внимательный и критичный ум (совсем не обязательно диалектический) вполне обоснованно может заметить, что есть примеры, подтверждающие изменение качества с изменением количества. Есть такие примеры. Есть они и в химии, и в физике, и в диалектике Энгельса. И прибавляя каждый раз группу CH_2 , мы получаем вещество, качественно отличное от предыдущего. И прибавляя к протону протон, мы также получаем отличное по качеству ядро и атом. Но есть ли у нас при этом основание утверждать, что изменение качества происходит в результате количественных изменений? С моей точки зрения, нет. Соединяя два вещества (тела), мы тем самым соединяем не количества (хотя что-то и можно посчитать), мы соединяем два вещества (тела) с определёнными качественными и количественными характеристиками. И, в этой связи, будет совершенно предвзято и необоснованно утверждать, что новое качество образовалось в результате количественных изменений. Собственно количество не может изменить качество. Количество, количественная сторона тела не переходит в качество. И лишь добавленное, привнесённое с тем или иным присоединяемым телом, «качество» изменяет исходное «качество»,

²⁵ Ibid.

хотя может и не менять.

В XX веке к наконец-то уже «осознанному» подтверждению законов диалектики подключились и естествоиспытатели. Все: и физики, и химики, и биологи. Физикам было сложнее (т.к. природе глубоко безразличны тщеславные амбиции партийных вождей, непосредственно зреющих истину), но и они, как могли, старались продемонстрировать, что данные «объективной» науки подтверждают законы материалистической диалектики. А.Ф. Иоффе в 1949 году с неким пietетом признавал, что «действительно, на примере современной физики мы особенно отчётливо видим, как развитый Лениным научный метод марксистской диалектики освещает и пройдённый путь, и предстоящие перспективы»²⁶. Иначе и быть не могло, ведь «законы» диалектики, «марксистской диалектики» абсолютно всесильны, т.к. гарантируют исполнение предсказаний на 100%. При этом, однако, надо знать и помнить, что «всесилие» законов диалектики зиждется на соответствующей логической конструкции, представляющей собой дизъюнкцию утверждения и его отрицания. Качество изменится при изменении количества или не изменится. Изменение произойдёт постепенно или скачкообразно. И так далее и тому подобное. И какого бы цвета мы не достали шар из мешка, этот цвет будет на 100% предсказан диалектикой, ведь в согласии с законами этой мета науки, шар будет либо белым, либо не белым. Все законы диалектики являются диалектическими. Следует заметить, что А.Ф. Иоффе, «поддерживая» всесилие марксистской диалектики примерами из физики, попутно ещё и демонстрирует именно «логическую» суть закона перехода количественных изменений в качественные: «В каждом из перечисленных случаев новые качественные свойства иногда постепенно, а иногда, наоборот, скачком проявляются при непрерывном изменении одной из величин: скорости, энергии, плотности частиц, температуры, геометрических размеров»²⁷. Чувствуется, что закон фундаментальный: новые «качественные свойства» появляются иногда постепенно, а иногда скачком, т.е. не постепенно. Иного и быть не может, а, значит, закон всегда предсказывает верный результат.

Не менее диалектично выглядят и сами примеры, которые А.Ф. Иоффе приводит в доказательство всесилия марксистской диалектики. С его точки

²⁶ Иоффе А.Ф. О физике и физиках: Статьи, выступления, письма. — Л.: Наука, 1985. — С. 332.

²⁷ Ibid. — С.339.

зрения, физика XX века «даёт особенно богатый материал» для подтверждения закона «диалектического материализма о появлении в результате постепенных количественных изменений на определённом их этапе новых качественных сдвигов»²⁸.

А.Ф. Иоффе начинает «подтверждать» диалектический закон, согласно которому постепенные количественные изменения на определённом этапе приводят к новым качественным «сдвигам» с теории относительности, показавшей, «что масса тела, остающаяся практически неизменной при небольших скоростях движения, начинает расти, когда скорость его приближается к скорости света»²⁹. Интересный пример, поучительный. Но совсем не подтверждающий закона диалектики. Да, согласно специальной теории относительности, масса тела растёт с увеличением скорости тела. При этом, однако, следует помнить, что масса есть не что иное как количественная характеристика (инертности или гравитации), и, в таком случае, увеличение массы тела не может рассматриваться как «качественный сдвиг», ведь «масса» не превратилась в цвет или запах. Более того, увеличение массы тела, например, атома железа, даже не превращает этот атом в другой, например, в атом золота.

И во втором примере А.Ф. Иоффе не менее интересно демонстрирует, как количественные изменения приводят к «качественным сдвигам». Рассматривая явления, которые возникают при столкновении атомов, А.Ф. Иоффе отмечает, что при малых скоростях ничего интересного, с точки зрения законов материалистической диалектики, не происходит. «Но уже при столкновениях с протонами, обладающими энергиями в десятки тысяч электронвольт, начинают обнаруживаться изменения в атомных ядрах; одни элементы — совершенно «объективно» говорит А.Ф. Иоффе — начинают переходить в другие»³⁰. Но далее, несколько «сворачивая» ранее сказанное, А.Ф. Иоффе, и уже в полном соответствии с методологией диалектики, приходит к нужному выводу: «С достижением определённого предела величины кинетической энергии атомные процессы переходят в качественно от них отличные ядерные превращения»³¹. Разве это не подтверждает закон перехода количественных изменений в качественные? Подтверждает, скажет

²⁸ Ibid. — С.337.

²⁹ Ibid.

³⁰ Ibid.

³¹ Ibid.

дипломированный философ с историческим или филологическим базовым образованием. Но, уделив чуть-чуть больше внимания высказыванию А.Ф. Иоффе, можно заметить, что в описанном опыте одни элементы переходят в другие не от того, что у них увеличилась кинетическая энергия (в первом примере мы этого не увидели), а от того, что с ядром какого-либо химического элемента соединилась другая частица (протон), привносящая с собой не только «количество», но и «качество». И в этой связи, если не грешить софистикой, мы уже не можем признать, что опыт по превращению одних ядер в другие посредством их бомбардировки протонами подтверждает диалектический закон перехода количественных изменений в качественные.

Аналогично «подтверждает» закон перехода количественных изменений в качественные и третий пример, в котором А.Ф. Иоффе говорит о почти «внезапном» рождении позитронов от фотонов или электронов при достижении ими энергий $1,02 \times 10^6$ эВ. В этом примере мы в очередной раз сталкиваемся с «интересной» логикой диалектики: энергия увеличивается у одной «частицы» (фотона или электрона), а качество изменяется у другой. Разве такую ситуацию описывает закон перехода количественных изменений в качественные? С таким же успехом подтвердить закон перехода количественных изменений в качественные мог бы и другой пример. Бильярдный шар на малых скоростях, ударяясь об арбуз, не раскалывает его. Но при достижении определённой скорости, шар, ударив по арбузу, вызывает «рождение» новых частиц — семечек, вылетевших из разбитой ягоды. Такие примеры можно множить бесконечно, но ни один из них не подтверждает диалектического закона перехода количественных изменений в качественные, т.к. очевидно, что не количественные изменения ведут к появлению нового качества. Новое качество образуется как результат взаимодействия, в котором происходит либо слияние нескольких объектов (с теми или иными «качествами»), либо разделение целого на части. И в том, и в другом случае новые качества образуются как продукт синтеза или анализа исходных «качеств», а не «количество».

Четвёртый пример из физики, который использует А.Ф. Иоффе для подтверждения диалектического закона, должен, согласно замыслу автора, продемонстрировать, что от количества частиц зависит «качество» законов. Пример интересный. Прежде всего А.Ф. Иоффе обращает внимание на тот факт, что частицы, участвующие в броуновском молекулярном движении,

постоянно и «самым неожиданным образом» меняют направление своего движения, что, по его утверждению, подвержено «закономерностям» молекулярной статистики. Однако, при большом количестве частиц «неожиданность» вдруг исчезает и статистические законы «заменяются» однозначными законами термодинамики. «А между тем, — убеждает читателей А.Ф. Иоффе, — разница здесь только количественная: хаотичное движение молекул и мелких частиц управляет теми же законами статистики, которые для крупных тел приводят к формулам термодинамики»³². То, что «количество» увеличивается у одних тел (атомов или молекул), а «качество» изменяется у других (тело, состоящее из атомов или молекул), дело для диалектики обычное. На эту подмену чаще всего и делают ставку адепты диалектики, т.к. её редко замечают слушатели или читатели. Но, во-первых, законы, описывающие ансамбли частиц (атомов или молекул), не трансформируются из статистических в динамические («однозначные», как их называет А.Ф. Иоффе) при изменении количества этих частиц. Эти законы как были статистическими (если рассматривать именно ансамбли), так ими и остались. Во-вторых, движение отдельных частиц (атомов или молекул) описывается именно динамическими («однозначными») законами, тогда как для описания ансамблей физики вынуждены использовать законы статистические. Никаких качественных скачков при этом не происходит. Для физиков проблема заключается в исчезновении «обратимости» движения отдельных частиц при переходе к ансамблям, но к закону диалектики это не имеет отношения, если, конечно, не использовать гегелевскую методологию и не трансформировать саму категорию «количество» в категорию «качество».

В своём пятом примере А.Ф. Иоффе и демонстрирует нам эффективность гегелевской методологии трансформации категории «количество» в категорию «качество», утверждая, что «статистические законы принимают различный вид в зависимости от количественного значения определённых величин, например, температуры»³³. Разъясняя диалектику трансформации категорий на своём примере, А.Ф. Иоффе говорит: «В то время как при низких температурах, как утверждает квантовая статистика, только немногие степени свободы с минимальными частотами участвуют в тепловом движении, та же

³² Ibid. — С.338.

³³ Ibid.

статистика приводит к равномерному распределению энергии по всем степеням свободы при высоких температурах»³⁴. Из этого пояснения следует, что количественные (температурные) изменения влекут за собой также количественные изменения («немногие степени свободы» заменяются «всеми степенями свободы»). Подтвердить диалектику этот пример может лишь в том случае, если какое-либо из «количество» (температуру или количество степеней свободы) заменить на «качество».

В заключительном примере А.Ф. Иоффе «вспоминает» о проявлении «волновых свойств движения при уменьшении размеров до величин порядка длины волны»³⁵. В этом примере замечательной является уже сама формулировка, говорящая об «уменьшении размеров до величин порядка длины волны». Всем, изучавшим в физику школе, хорошо известно, что диапазон длин волн чрезвычайно широк. И если уменьшить размер тела с 10 метров до 1 метра, трудно будет обнаружить «волновые свойства движения». Не поясняет А.Ф. Иоффе и смысл слов «уменьшить размеры». Скорее всего, в этом примере речь идёт о том, чтобы рассматривать движение частиц с различными массами, а не одной частицы с уменьшающейся массой. Но если это так, тогда мы уже не можем утверждать, что изменение количества (уменьшение массы частицы) ведёт к появлению нового качества (волновых свойств). Масса протона или нейтрона, электрона или позитрона остаётся в этом опыте неизменной. В «опыте», описанном А.Ф. Иоффе, не происходит уменьшения массы (количество) движущейся частицы, в нём рассматриваются различные частицы с изначально разными массами и, соответственно, с исходно различающимися свойствами («качествами»). Экспериментатор лишь «перебирает» в своём опыте частицы и обнаруживает, что у некоторых из них есть свойства, которых нет у других. И всё. Только так диалектически и оказалось возможным подтвердить диалектический закон перехода количественных изменений в качественные.

Таким образом, с некоторым удивлением приходится признать, что «энгельсовский» закон перехода количественных изменений в качественные и обратно, при всех материалистических «дополнениях/перевёртышах» к своему исходному диалектическому прообразу, остался всё тем же логическим законом, законом истинным всегда и при любых обстоятельствах,

³⁴ Ibid.

³⁵ Ibid.

так как является дизъюнкцией утверждения и его отрицания, что делает его неопровергимым.

§6. Взаимосвязь количества и качества в живой природе

Став одним из фундаментальных компонентов идеологии большевизма и тоталитаризма, закон перехода количества в качество (и обратно) в полном соответствии жанру (о превращении философии марксизма в идеологию см. Т.И. Ойзерман¹, А. Зиновьев²) проник и в науку, прежде всего и особенно глубоко в «советскую науку». Этот экстернализм «советской науки» был настолько тотальным, что учёным было запрещено под страхом смерти (достаточно вспомнить судьбу Н.И. Вавилова и его коллег) искать истину. Им было велено подтверждать лозунги марксизма (+ ленинизма и т.д.) и критиковать «ложивые измышления» буржуазной (=фашистской, =расистской и т.п.) науки. Особенно от этого «закона» пострадали биологи. И это вполне объяснимо, т.к., по выражению Ю.В. Чайковского, «эволюционное учение с самого своего появления было радикально политизировано»³. Физики, химики и математики в какой-то мере были «застрахованы» военными нуждами государства, а в какой-то самим Ф. Энгельсом, который «продемонстрировал» как и при каких условиях/обстоятельствах закон взаимного перехода количества и качества «работает» в этих научных областях. Биологам в этой связи повезло меньше.

На основании нескольких примеров из физики и химии Ф. Энгельс решил, что вполне «абстрагировал» один из основных законов диалектики «из истории природы и человеческого общества», а в отношении живой природы сделал заключение: «Этот же самый закон подтверждается на каждом шагу в биологии и в истории человеческого общества, но мы ограничимся примерами из области точных наук, ибо здесь количества могут быть точно измерены и прослежены»⁴. Выходит, что в 1879 году Ф. Энгельс не был знаком с работами Г. Менделя 1865 года, в которых уже были точные измерения

¹ Ойзерман Т.И. Догматизация марксизма и внутренне присущий марксизму догматизм // Вопросы философии. — 2003. — №2. — С. 31-41.

² Зиновьев А. Несостоявшийся проект: Распутье. Русская трагедия. — М.: АСТ:Астрель; Владимир: ВКТ, 2011. — 542 С.

³ Чайковский Ю.В. Пятьсот лет споров об эволюции // Вопросы философии. — 2009. — №2. — С. 71.

⁴ Энгельс Ф. Диалектика природы. — М., 1982. — С. 49.

биологических объектов. А В.И. Ленин⁵, выступив в 1909 году против русских ревизионистов марксизма, даже зная о том, что с каждым составляющим эпоху открытием в естественноисторической области материализм неизбежно должен изменять свою форму, не принял к сведению результаты исследований Г. Де Фриза, К. Корренса и Э. Чермака, которые к началу XX века уже были опубликованы. Как знать, может быть, у нас в стране биология не понесла столь ощутимые потери, если бы Ф. Энгельс и В.И. Ленин делали свои абстракции на основании достижений современной им науки. Но, увы, история «советской», а за ней и «российской» биологии во многом была предопределена научным кругозором основоположников диалектического материализма.

Утверждая, что закон перехода количества в качество и обратно «подтверждается на каждом шагу в биологии», Ф. Энгельс, вместе с тем, обращал внимание и ещё на одно, немаловажное, обстоятельство, а именно, что в живых телах этот закон проявляется в весьма запутанных условиях. И эта «нераспутанность» условий проявления закона диалектики самими классиками продолжилась в отечественной биологии с отягчающими обстоятельствами и трагическими последствиями.

Без надлежащей пропедевтики закона взаимного перехода количества и качества для своих революционных последователей, Ф. Энгельс вместе с тем наглядно продемонстрировал свою мировоззренческую и методологическую позицию в отношении биологической эволюции на примере процесса превращения обезьяны в человека. В неоконченной работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека», вошедшей в «Диалектику природы»⁶, Ф. Энгельс под прикрытием дарвинизма вводит в биологию диалектического материализма ламаркизм, который зиждется на телеологии и градации — постепенном накоплении количественных изменений в анатомии и физиологии живых особей, ведущих к новому качеству посредством повышения уровня организации от самых простых до максимально сложных и совершенных организмов (что в полной мере соответствовало не только диалектическим умозрениям Гегеля, но и учению трансформистов XVIII в.) и передающихся по наследству.

⁵ Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. ПСС. Т. 18. — М., 1968. — 526 С.

⁶ Энгельс Ф. Диалектика природы. — М., 1982. — 359 С.

Решающий шаг, по уверениям Ф. Энгельса, для эволюционного перехода от обезьяны к человеку был сделан, в первую очередь, под влиянием «образа жизни, требующего, чтобы при лазании руки выполняли иные функции, чем ноги»⁷. Привычка вошла в натуру, и «эти обезьяны, — по мнению Ф. Энгельса, — начали отвыкать от помощи рук при ходьбе по земле и стали усваивать всё более и более прямую походку»⁸. Очевидно, что Ф. Энгельс не просто «дописывает» Ч. Дарвина, а как уточняет И.Л. Андреев, преодолевает «определенную ограниченность дарвинизма в том конкретно-историческом виде, в каком он был сформулирован самим автором»⁹. Преодолев «ограниченность дарвинизма», Ф. Энгельс вернулся на полвека назад (отсчитывая от работы Ч. Дарвина) и встал на твёрдую почву ламаркизма, ведь именно согласно концепции Ж.Б. Ламарка во всяком животном, не достигшем предела своего развития, более частое и постоянное употребление какого-либо органа приводит к усиленному развитию последнего, тогда как постоянное неупотребление органа ослабляет его и, в конце концов, вызывает его исчезновение. Именно так Ж.Б. Ламарк объяснял утрату зубов у китов (привычка глотать пищу не пережёвывая), утрату способности к полёту у домашних птиц, образование перепонок на лапах у водоплавающих птиц (привычка растягивать «пальцы» в воде), удлинение шеи и передних конечностей у жирафов (как результат постоянного вытягивания этих органов при срывании листьев с верхушек деревьев) и т.п.

По мнению Ф. Энгельса, наши далёкие предки освободили свои руки не для скуки. Став свободной, рука «могла теперь усваивать себе всё новые и новые сноровки, а приобретённая этим большая гибкость передавалась по наследству и возрастала от поколения к поколению»¹⁰. Ламаркизм в исполнении одного из основоположников диалектического материализма, демонстрирующего закон перехода количественных изменений в качественные на примере антропогенеза, латентно подменив дарвинизм, продолжает внушать своим адептам: «Только благодаря труду, благодаря приспособлению к всё новым операциям, благодаря передаче по наследству достигнутого таким путём особого развития мускулов, связок и, за более долгие промежутки времени, также и костей, и благодаря всё новому

⁷ Ibid. — С. 144.

⁸ Ibid.

⁹ Андреев И.Л. Происхождение человека и общества. — М., 1988. — С. 19.

¹⁰ Энгельс Ф. Диалектика природы. — М., 1982. — С. 145.

применению этих переданных по наследству усовершенствований к новым, всё более сложным операциям, — только благодаря всему этому человеческая рука достигла той высокой ступени совершенства, на которой она смогла, как бы силой волшебства, вызвать к жизни картины Рафаэля, статуи Торвальдсена, музыку Паганини»¹¹. Где тут дарвинизм? Ведь ещё в 1809 году Ж.Б. Ламарк, предвещая эту мысль Ф. Энгельса, утверждал, что всё приобретённое организмом под влиянием преобладающего употребления или утраченное под влиянием постоянного неупотребления каких-либо органов, в дальнейшем сохраняется в потомстве, если только приобретённые изменения являются общими для обеих родительских особей.

У Ч. Дарвина идеи, высказанные до него и трансформистами и Ламарком, входят в концепцию эволюции. Не могут не входить. Однако Ч. Дарвин развивает и конкретизирует эти идеи (подробнее о преемственности идеи эволюции см. В.М. Найдыш¹²). Соответственно этим общеэволюционным идеям изменчивости организмов, Ч. Дарвин рассматривает в качестве одного из «механизмов», ведущих к образованию новых видов, действие усиленного упражнения и неупражнения органов. Но, что очень важно, в концепции эволюции Ч. Дарвина это «действие» контролируется естественным отбором¹³. То есть, крылья, лапки, хвосты и пр. в своём изменении под действием упражнения или неупражнения вполне, согласно Ч. Дарвину, могут и наследоваться, но лишь предоставляя своим обладателям «более шансов на выживание»¹⁴. Как и в случае с определённой изменчивостью (которую Ч. Дарвин допускал), возникающие у организмов под действием упражнения или неупражнения изменения лишь предоставляют (могут предоставить) материал для эволюции. Не более.

Заняв руки усовершенствованием в труде, нашим далёким предкам пришлось, согласно Ф. Энгельсу, встать на ноги (в буквальном смысле). Но и это ещё не всё. «Освободившаяся рука» стала расширять кругозор человека. И дошло до того, что у людей появилась потребность что-то сказать друг другу. Ну а потребность делает чудеса. У Ламарка эволюция была обусловлена «стремлением организмов к прогрессу». И, соответственно, у Энгельса: «Потребность создала свой орган: неразвитая гортань обезьяны медленно, но

¹¹ Ibid.

¹² Найдыш В.М. Научная революция и биологическое познание: Философско-методологический анализ. — М.: Изд-во УДН, 1987. — 176 С.

¹³ Дарвин Ч. Происхождение видов путём естественного отбора. — М.: Просвещение, 1986. — 383 С

¹⁴ Ibid. — С. 101.

неуклонно преобразовывалась путём модуляции для всё более развитой модуляции, а органы рта постепенно научались произносить один членораздельный звук за другим»¹⁵. Потребность организмов заставляет их трансформироваться. И зачем только современные спортсмены-пловцы надевают ласты и гидрокостюмы? Ведь стремление к прогрессу вполне могли бы сделать очередную потребную трансформацию, которая могла бы накапливаться и совершенствоваться в спортивных династиях, сделав из спортсменов-пловцов, дельфинов, например. Эволюционное учение Ч. Дарвина в этом отношении значительно уступает ламаркизму и диалектическому материализму, так как в нём не «предусмотрено» появление новых органов и организмов в результате возникшей потребности и стремления природы к прогрессу. Неопределённые изменения, играя решающую роль в эволюции, согласно Ч. Дарвину, происходят в самых различных направлениях, и не являются стремлением или желанием организма. «Мы видим неопределенную изменчивость в тех бесконечно разнообразных незначительных особенностях, — поясняет Ч. Дарвин, вводимый термин, — которыми отличаются особи того же вида и которые невозможно объяснить унаследованием их от одного из родителей или более отдалённых предков. Иногда даже резко выраженные отличия проявляются у молоди одного помёта и у семян из одной и той же коробочки»¹⁶.

Освободившиеся для труда (всё же «первая жизненная потребность!») руки, «прямая» походка на задних конечностях и речь, возникшая в результате потребности «что-то сказать друг другу», согласно Ф. Энгельсу, уже, могли многое сделать для антропогенеза. Многое, но не всё. У наших предков как-то удачно (вероятно, тоже от стремления к прогрессу или по необходимости) появилась ещё одна привычка, привычка есть мясо. Эта привычка, по мнению Ф. Энгельса, «способствовала увеличению физической силы и самостоятельности формированного человека»¹⁷. Однако, физическая сила и самостоятельность, возникшие в результате этой новой привычки, были лишь попутными приобретениями. Главное заключалось в ином. С точки зрения Ф. Энгельса, «наиболее существенное влияние мясная пища оказала на мозг, получивший благодаря ей в гораздо большем количестве, чем раньше, те вещества, которые необходимы для его питания и развития, что

¹⁵ Энгельс Ф. Диалектика природы. — М., 1982. — С. 147.

¹⁶ Дарвин Ч. Происхождение видов путём естественного отбора. — М., 1986. — С. 23.

¹⁷ Энгельс Ф. Диалектика природы. — М., 1982. — С. 150.

дало ему возможность быстрей и полней совершенствоваться из поколения в поколение»¹⁸. И в случае со «взаимопереходом» мяса и мозга Ф. Энгельс в очередной раз наглядно демонстрирует, как количество переходит в качество: чем больше «количество» съеденного мяса, тем быстрей и полней развивается мозг, приобретая, из поколения в поколение новое «качество». И почему до сих пор львы не превратились в людей?! Поразительно, но и отечественные дидакты не в полной мере оценили эту связь между развитием мозга и съеденным мясом.

Вот такая незатейливая философия, которой через несколько десятилетий будет суждено занять место единственно научного мировоззрения и единственно верной методологии в большой стране, и усилиями своих апологетов истребить (физически истребить) учёных, а вместе с ними и направления научных исследований, идущие вразрез с её фундаментальными установками.

После работ Г. Де Фриза, К. Корренса и Э. Чермака, в которых были заново «открыты» законы Менделя и в России начались исследования генетических основ наследственности и изменчивости. Большое желание вождей революции создать «нового человека», лишённого «родимых пятен» прошлого, на первых порах предоставило биологам хорошие возможности для организации своих научных поисков. В 20-30-е годы XX века учёными-генетиками были достигнуты определённые результаты (см., например, А.Е. Гайсинович¹⁹), которые порой были дискуссионными и неизбежно обсуждались в научном сообществе. Но довольно быстро сторонники политического и идеологического экстернализма стали ощущать неуправляемость учёных, которые без оглядки на марксизм получали результаты, противоречащие образцам. И как отмечает А.Е. Гайсинович, анализ вопросов, возникших в ходе этих дискуссий между учёными, «был предпринят раньше всего не биологами, а философами»²⁰. В условиях свободного обсуждения можно было бы порадоваться за внимание философов к новейшим результатам науки, но большевизм не допускал инаковости. А.Е. Гайсинович в этой связи замечает: «Полемика по оценке мутационной теории продолжалась на страницах журнала “Под знаменем марксизма”. Однако эта полемика заглохла после того, как приверженцы

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Гайсинович А.Е. Зарождение и развитие генетики. — М.: Наука, 1988. — 424 С.

²⁰ Ibid. — С. 285.

ламаркизма провозгласили обязательность для материалиста признания наследования приобретённых признаков»²¹.

А.Е. Гайсинович в своей фундаментальной монографии 1988 года очень скрупулёзно описывает историю генетики в СССР, её успехи и трагедию. Он тщательно показывает заслуги всех участников Большой Дискуссии по вопросу изменчивости и наследственности. Много страниц он отводит Т.Д. Лысенко и его товарищам, почти полностью истребившим немарксистскую генетику у нас в стране²². Но о вкладе в эту вакханалию мракобесия со стороны Ф. Энгельса, А.Е. Гайсинович не говорит. И лишь в одном месте А.Е. Гайсинович отмечает: «Уже в 1930-1931 гг. в связи с критикой взглядов философа А.М. Деборина и его сторонников, охарактеризованных как “меньнивистующий идеализм”, возобновились нападки на генетиков, отрицавших догму наследования приобретённых признаков. При этом утверждалось, что отказ от этой догмы противоречит некоторым высказываниям Ф. Энгельса в его работе “Диалектика природы”»²³. И всё, хотя реальный разрушительный вклад одного из основоположников диалектического материализма в отечественную биологию был значительно глубже.

В 1964 году на октябрьском пленуме ЦК КПСС генетика в СССР была реабилитирована, и биологам разрешили заниматься наукой. Но отставание от мирового уровня, обеспеченное апологетами диалектического материализма и рьяными учёными-экстерналистами, уже было трудно преодолеть. Сказались последствия августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года, после которой, как отмечает А.Е. Гайсинович, «были уволены до трёх тысяч профессоров, преподавателей и научных сотрудников кафедр генетики, дарвинизма, общей биологии, а также сотрудников научно-исследовательских институтов, преподававших или изучавших осужденные сессией положения дарвинизма, генетики и других биологических дисциплин»²⁴. Мировоззрение марксизма-ламаркизма праздновало свою победу на фронте борьбы с биологической наукой. Ключевые (и не только) посты в научных и образовательных учреждениях, редакциях и издательствах были заняты высокоморальными носителями именно этого мировоззрения. И в 1964 году после пленума ЦК КПСС уже не было репрессий и расстрелов

²¹ Ibid.

²² С Лысенко всё сложно: <http://warrax.net/96/01/gen.html> — WarraX

²³ Ibid. — С. 322.

²⁴ Ibid. — С. 277.

последователей Ламарка и Энгельса. Как сказали бы сегодня — верным служителям марксизма были предоставлены «золотые парашюты». Н.П. Дубинин в этой связи замечает: «Т.Д. Лысенко и ряду его сотрудников была предоставлена возможность продолжать свои работы на экспериментальной базе “Горки Ленинские”»²⁵. Более того, метастазы «единственно научного мировоззрения» широкомасштабно проникли в школьные и вузовские учебники биологии, в которых стали навязывать «туманную» и противоречивую смесь научных фактов и идеологических установок диалектического материализма. А образование, как известно, очень инертно: один школьный учитель или вузовский преподаватель вкладывает свои убеждения в мировоззрение учащихся на протяжении 40, а то и 50-ти лет. При этом новыми учебниками и директивами этот шлейф знаний, идущий вместе с опытными педагогами, одноразово уничтожить нельзя. И воспитанники проповедников ламаркизма, завуалированного марксистскими лозунгами под дарвинизм, всё далее и далее в последующие поколения передают «очевидные» идеи трансформистов XVIII века, которые уже давно отвергнуты наукой. И в 1973 году А.П. Шептулин в пособии, предназначенном для студентов философских факультетов университетов, при разъяснении будущим идеологам взаимосвязи единичного и общего в познании, попутно отмечает, что «по мере усиления роли того или иного условного рефлекса в жизни животного он превращается в безусловный и также начинает передаваться по наследству из поколения в поколение, обогащая сокровищницу так называемых врождённых знаний данного вида животных»²⁶. Замечательный образчик психоламаркизма!

Диалектический материализм, однажды заняв место одного из базовых мифов мировоззрения, не сдаёт своих позиций (собственно, как и любая другая вера). И факты, добытые опытным путём, мало что могут в этой связи изменить. В том и сила веры. Человеку значительно легче извратить факты, подогнать их под догмы убеждения, нежели изменить сами догмы (ярко этот феномен рационализации, выявленный в исследованиях Л. Фестингера, описан Л. Слейтер²⁷).

И в конце XX века, и в начале XXI века диалектика, а вместе с ней и

²⁵ Дубинин Н.П. Вечное движение. — М.: Политиздат, 1989. — С. 382.

²⁶ Шептулин А.П. Диалектика единичного, особенного и общего. Учебное пособие. — М.: Высшая школа, 1973. — С. 178.

²⁷ Слейтер Л. Открыть ящик Скиннера. — М.: АСТ: Хранитель, 2007. — 317 с.

«абстрагированный» Ф. Энгельсом «из истории природы и человеческого общества» закон перехода количества в качество продолжают морочить умы. Как и ранее передовые позиции в отстаивании догматов диалектического материализма принадлежат философам.

Так И.Л. Андреев, описывая в 1988 году историю происхождения человека, приходит к следующему заключению: «Анализируя отмеченные тенденции в рассмотрении динамики анатомофизиологических изменений в процессе антропогенеза, правомерно сделать вывод, что гоминидная триада, контуры которой намечены Ф. Энгельсом, подтверждается современными научными данными»²⁸.

В 1984 году А.И. Филюков и В.А. Пронин в коллективной монографии «Диалектика живой природы», вышедшей под редакцией Н.П. Дубинина и Г.В. Платонова тщательно раскрывают специфику действия закона перехода количества в качество и обратно в живой природе. Осмысливая данные биологии, А.И. Филюков и В.А. Пронин отмечают, что и биологи различают признаки качественные (альтернативные) и количественные, те, которые можно измерить (меристические) или посчитать (дискретные). При этом авторы конкретизируют проявление категорий «качество» и «количество» для объектов биологии. С их точки зрения, «нетрудно заметить, что первые означают утрату исходного и формирование нового качества — органа, системы органов, изменение их функционального значения в жизни организмов, тогда как вторые выражают изменение уже существующих качеств»²⁹. Однако такое, совершенно в духе Аристотеля, понимание качества и количества не устраивает сторонников диалектического материализма. Нужен синтез всех определений. И авторы делают шаг к учению о бытии Гегеля³⁰, в котором великий продолжатель дела Гераклита демонстрирует софистическую взаимосвязь понятий «количество» и «качество».

В этой связи, воплощая гегелевские идеи о текучести, гибкости и размытости понятий в жизнь, авторы вежливо предупреждают: «Различая качественные и количественные изменения в живой природе, нельзя абсолютно противопоставлять их друг другу. Качество и количество находятся в постоянной взаимозависимости, повсеместно наблюдается их взаимопроникновение. Меняющиеся соотношения качественных и

²⁸ Андреев И.Л. Происхождение человека и общества. — М., 1988. — С. 58.

²⁹ Диалектика живой природы / Под ред. Н.П. Дубинина, Г.В. Платонова. — М., 1984. — С. 139.

³⁰ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. — М., 1974. — 454 С.

количественных изменений связывают их постепенными переходами»³¹. И, вероятно, демонстрируя «взаимопроникновение» количества и качества, авторы отмечают: «Повышение урожайности сельскохозяйственной культуры — изменения количественные, а повышение крупности зерна, его выравненное, содержания в зерне большого количества клейковины — изменения качественные. Повышение удойности стада крупного рогатого скота — изменение количественное, а повышение содержания жира в молоке — изменение качественное»³². Утверждать, что содержание жира в молоке и количества клейковины в зерне есть качество, можно лишь приняв гегелевское положение о том, что «количество есть не что иное, как снятое качество»³³. Но такая логика, как известно, ведёт к совершенно произвольным выводам.

Отдав должное гегелевским «переливам» понятий, А.И. Филюков и В.А. Пронин не менее уверенно демонстрируют действие закона перехода количества в качество и обратно в интерпретации Ф. Энгельса, и отмечают: «Центральный момент этого закона — детерминация качественных изменений изменениями количественного характера: устойчивый сдвиг количественных показателей под влиянием раскрывающихся противоречий объекта трансформирует зависимости между его количественно-определенными параметрами, а это в свою очередь вызывает более или менее радикальную перестройку всей системы внутренних связей, вплоть до появления новых специфических законов»³⁴. Вероятно, стараясь ещё более (основоположников диалектики) подстраховаться от возможной критики со стороны «метафизиков», авторы дополнительно обращают внимание на то обстоятельство, что качественная перестройка под действием изменения количественно-определенных параметров происходит «более или менее радикально». Складывается впечатление, что слово «радикально» имеет у них отличный от общеупотребительного (решительный, коренной) смысл.

«Картины» эволюции А.И. Филюков и В.А. Пронин как будто «срисовывают» из «Диалектики природы», наделяя вслед за Ф. Энгельсом большой ролью в видообразовании новые привычки и интенсификации. У Ф. Энгельса, освободившаяся рука, как мы помним, стала творить чудеса с

³¹ Диалектика живой природы. — М., 1984. — С. 140.

³² Ibid. — С. 139.

³³ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. — М., 1974. С. 241.

³⁴ Диалектика живой природы. — М., 1984. — С. 139.

прачеловеческой обезьяной. У А.И. Филюкова и В.А. Пронина аналогично: «Одним из видов количественных изменений в функциональной сфере служит увеличение числа функций, выполняемых какой-либо структурой (органом), вследствие чего её деятельность приобретает полифункциональный характер»³⁵. И уже далее, в полном соответствии с идеями Ламарка-Энгельса, новая функция за счёт интенсификации даёт новое качество. Как ласты у водоплавающих, согласно Ж.Б. Ламарку, как рука у человека, согласно Ф. Энгельсу, так и у млекопитающих, согласно А.И. Филюкову и В.А. Пронину, из потовых желёз образовались молочные. По этому поводу они сообщают: «Так, в истоке эволюционной трансформации потовых желёз в молочные лежало эпизодическое употребление потовых выделений для подкормки потомства»³⁶. Интересная мысль, согласно которой детёныши тероморфных рептилий, от которых якобы берут своё начало млекопитающие, «эпизодически» лизали (кусали?) потовые железы своих матерей (отцам тоже, вероятно, лизали, но значительно реже), и, в результате, «нализали» молочные железы эритротериям — первым млекопитающим. А чтобы кормящим матерям не было больно от таких эпизодических полизываний/покусываний, губы у зверей стали мягкими. Количество очевидным образом перешло в качество, и уже в этом новом качестве стало передаваться по наследству. Но как, в свете таких взглядов на механизм эволюции, быть с собаками, кошками и зайцами, которые почти не потеют? А у китообразных, ленивцев и ящеров потовых желёз совсем нет. И разве молочные железы млекопитающих расположены в самых потливых местах организма?

Утверждая, что сущностью жизни является метаболизм, А.И. Филюков и В.А. Пронин вычленяют, в этой связи, и основные направления количественных изменений в живой природе: поток вещества, поток энергии и поток информации.

Основными видами количественных изменений «в русле потока вещества», по мнению А.И. Филюкова и В.А. Пронина, являются полимеризация и олигомеризация. С их точки зрения, процесс полимеризации, «протекающий в рамках целостных организмов, ведёт, как правило, к укрупнению особей за счёт увеличения числа или размера клеток

³⁵ Ibid. — С. 142.

³⁶ Ibid.

(в частности, при полиплоидии, т.е. полимеризации хромосомных наборов)»³⁷. И это увеличение размеров живых организмов или их составляющих, как уверяют А.И. Филюков и В.А. Пронин, даёт новое качество.

Удивительно, но такого рода отождествление тела (вещества) с одним из его аспектов (количественным) демонстрировал и Ф. Энгельс³⁸, «абстрагируя» закон перехода количественных изменений в качественные из «истории природы и человеческого общества». Однако, как ранее было показано, собственно количество не может изменить качество, ведь, соединяя два вещества (тела), мы тем самым не добавляем «новое» количество к «старому» качеству, мы соединяем два вещества (тела) с определёнными качественными и количественными характеристиками, и, в этой связи, у нас нет оснований (за исключением победы в споре) утверждать, что новое качество образовалось в результате количественных изменений; не количество переходит в качество, а лишь добавленное качество изменяет исходное качество. Но А.И. Филюков и В.А. Пронин именно таким образом «подтверждают» один из основных законов диалектического материализма.

Так, например, согласно их точке зрения, увеличение размеров организмов ведёт к новому качеству. Это происходит следующим образом: «Этот вид количественных изменений является одним из условий прогресса организмов, поскольку повышает их защищённость, а, следовательно, благоприятствует выживаемости в достаточно широком диапазоне условий среды. Напротив, стабилизация малых размеров тела сужает спектр эволюционных возможностей и зачастую однозначно диктует характер дальнейших приспособительных изменений»³⁹. Во-первых, «защищённость» и «выживаемость», если они «повышаются» или «понижаются», выражают количественный аспект реальности. Во-вторых, в истории жизни на Земле есть много (очень много) примеров, опровергающих концепцию авторов, согласно которой увеличение размеров организмов является прогрессивным изменением: динозавры, летающие ящеры, мамонты и другие «великаны» давно вымерли, а их собратья меньшего размера вполне успешно размножаются.

За счёт такого рода «количественных» изменений «происходит» и образование надвидовых таксонов. А.И. Филюков и В.А. Пронин в этой связи

³⁷ Ibid. — С. 141.

³⁸ Энгельс Ф. Диалектика природы. — М., 1982. — 359 С.

³⁹ Диалектика живой природы. — М., 1984. — С. 141.

разъясняют: «Полимеризацию на клеточном и вышележащих уровнях следует признать одним из ведущих типов количественных изменений в эволюции надвидовых таксонов (макроэволюции). Переходом этих изменений в качественные был обусловлен ряд крупномасштабных скачков в историческом развитии живой природы»⁴⁰.

Добавляя мономер к полимеру или «помещая» дополнительные хромосомы в клетку, мы, тем самым, конечно же, увеличиваем и количество каких-либо единиц. Но лишь «и количество», а не только количество. Мономер или хромосома, орган или организм не есть «один», «два», «три» и т.д. Добавляя мономер к полимеру или «помещая» хромосомы в клетку, мы, тем самым, привносим вместе с этими объектами и дополнительное качество, и дополнительное количество. В этой связи становится очевидным софистический характер утверждения диалектиков о том, что увеличение количества хромосом в клеточном ядре ведёт к образованию иного качества — нового вида. И этот софистический трюк прослеживается в большинстве примеров, якобы подтверждающих справедливость диалектического закона перехода количественных изменений в качественные и обратно в его материалистической формулировке. Но этому трюку противоречат данные палеоантропологии, согласно которым, ни одна из находок «не доказывает накопления генетических изменений — они просто демонстрируют, что на земле постоянно параллельно проживали несколько видов людей и близких к ним приматов»⁴¹. Но диалектика не может считаться с данными науки. Это не её удел.

Материалистическая диалектика вместе с основными законами переняла от своей идеалистической предшественницы и методологический приём, с помощью которого можно делать всегда истинные утверждения. Этот приём хорошо известен, и заключается в построении утверждения на основе дизъюнкции некоторого высказывания и его отрицания. Эффективность такого 100-процентного утверждения заложена и Гегелем, и Энгельсом в закон перехода количества в качество. Соответственно и их последователи не могли не воспользоваться приёмом с такой эффективностью. А.И. Филюков и В.А. Пронин, может быть, не столь изящно, как их великие предшественники, используя этот приём, следующим образом демонстрируют эффективность

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ Маслов А.А. Другое человечество. Здесь кто-то побывал до нас... — Ростов н/Д.:Феникс, 2006. — С. 53.

закона перехода количества в качество для живой природы: «Неоднозначные последствия влекут за собой изменения, связанные с функцией размножения. Умеренная интенсификация этой функции в благоприятных условиях (например, при обилии пищи) приводит к распространению вида на новые территории и местообитания, создавая тем самым предпосылки для его качественной дифференциации. В менее благоприятных условиях интенсивное размножение вызывает истощение организма. Поэтому отбор стимулирует изменение данной функции в противоположном направлении: преимущество получают менее плодовитые особи как менее истощённые. Наконец, в некоторых экстремальных условиях сохранение вида подчас возможно только при всемерной интенсификации воспроизводительной функции»⁴². Логика «железобетонная»: качественные изменения или произойдут в результате предшествующего изменения количества, или не произойдут, но или то, или другое обязательно случится. Такой «закон» работает всегда.

Эффективность этого общего для софистики и диалектики приёма в приложении к закону перехода количества в качество усиливается специально сконструированной Гегелем категорией «мера», которая объединяет в себе все и сразу смыслы и слова «качество», и слова «количество». При этом размытость этой гегелевской категории позволяет не только «вытаскивать» из её содержания подходящий для момента компонент, нарушая закон тождества, но и успешно, за счёт так называемой «подвижности» меры, объяснять факты, противоречащие «закону» перехода количества в качество и обратно. А.И. Филюков и В.А. Пронин успешно эти особенности гегелевской категории применяют для демонстрации неопровергимости «закона» перехода количества в качество и обратно для живой природы. Задавшись вопросом о генетических границах мер, разделяющих качества разных видов, А.И. Филюков и В.А. Пронин вслед за Гегелем признают, «что мера видовых качеств подвижна, имеет разные границы в пределах таксономических групп»⁴³. При этом не надо думать, что тот или иной вид имеет свою фиксированную меру. Таковой нет. Сами авторы в этой связи отмечают: «Скачки в ходе видообразования могут различаться не только по скорости, но и по масштабу (размаху) осуществляемых ими преобразований»⁴⁴. Тем более,

⁴² Диалектика живой природы. — М., 1984. — С. 141.

⁴³ Ibid. — С. 145.

⁴⁴ Ibid. — С. 148.

что этих «скаков» никто и не видел.

В результате есть основания признать, что методология диалектики (и идеалистической, и материалистической), заложенная в конструкцию закона перехода количественных изменений в качественные, в полной мере демонстрирует свою эффективность и на объектах живой природы, разрушая научные основы биологии и деформируя мировоззрение обучающихся неадекватностью формируемой картины мира.

§7. Диалектическая связь количества и качества в обучении

Для педагогики связь между количественными изменениями и появлением нового качества является одной из наиболее важных. И.П. Подласый, вскрывая значение всеобщих и общих закономерностей для педагогики, отмечал в 2006 году: «Постоянный процесс перехода количества в качество и качества в количества — органичное свойство обучения. Десятки, сотни преобразований происходят одновременно, характеризуя диалектику постоянного количественного роста, завершающегося качественными скачками»¹. При этом, обсуждая проблематику связи количества и качества, педагоги чаще всего трактуют качество как «большое»: больше знаний, больше умений, больше навыков. У истоков такого понимания «качества» ума в Новое время, как известно, стоял Дж. Локк, который полагал, что «ум есть, так сказать, белая бумага без всяких знаков и идей»¹. К.Р. Поппер² называет теорию сознания *tabula rasa* бадейной теорией, суть которой заключается в том, что наше познание сводится к информации, поступающей через органы чувств.

Иногда предлагается понимать качество как быстрее и/или точнее, выше или дальше. Так понимаемое качество обучения, как правило, культивируется в спорте, хотя не только. Нередко в образовательном процессе можно встретить соревнования на быстроту и в решении задач по физике или математике. При обучении чтению, скорость, наравне с правильностью (точностью), служат мерилом качества. П.П. Блонский так и говорит: «При

¹ Подласый И.П. Педагогика: Учебник. — М.: Высшее образование, 2006. С. 242.; Локк Дж. Сочинения в 3-х томах: Т.1. — М.: Мысль, 1985. С. 154.

² Поппер К.Р. Объективное знание: Эволюционный подход. — М.: ЭдиториалУРСС, 2009. — 384 с.

обучении чтению имеют в виду добиться беглого и правильного чтения»³.

Количественно понятое качество вполне допускает и численную (балльную) оценку успехов учения. При этом, как наставляла будущих учителей Т.А. Ильина, «оценки должны выставляться объективно»⁴. Для «объективности» оценок были даже разработаны «критерии», которые, впрочем, кроме количественной стороны (точность, последовательность, полнота изложения материала, скорость выполнения задания и т.п.), включали в себя и «элемент» качественного произвола

(«осознанность» учеником излагаемого материала, «шероховатость» в изложении, «существенные» и «несущественные» ошибки И Т.П.). Т.А. Ильина в этой связи отмечала: «В наиболее общей форме можно сказать, что балл «5» ставится ученику за знания в полном объёме требований, предъявляемых программой; балл «4» — за знания в объёме требований программы с небольшими отклонениями; балл «3» — за знания, которые позволяют ученику дальше работать; балл «2» ставится тогда, когда уровень знаний не позволяет ученику продвигаться по программе дальше»¹. Всё по Гегелю. И качество — это уже не тождественная с бытием определённость, такая, что нечто перестаёт быть тем, что оно есть, потеряв своё качество. В этом случае — качество есть в- себе-количество.

Приняв за критерий качества обучения какую-либо количественную характеристику (объём усвоенного, быстроту и точность выполнения тех или иных операций и т.п.), мы, тем самым, предопределяем и методы, с помощью которых будем добиваться этого «хорошего» качества. Главный из них — повторение. Повторение — мать учения. Эта русская поговорка составляет фундаментальную основу массового педагогического мышления и выливаются в итоге в народный «бунт против разума». И этой установке, которую Э. Фромм назвал «жалким суеверием»⁵, трудно порой возражать, особенно в аудитории, «усвоившей» со школьной скамьи информационно-рецептивную и репродуктивную суть обучения. Повторение у них, у людей из этой аудитории, есть вполне осозаемый аргумент, ведь определённый эффект от повторения «очевиден» и для обучающихся, и для их наставников (см., например, К.К. Платонов⁶). Но ведёт ли увеличение количества повторений к

³ Блонский П.П. Психология младшего школьника. — М.: Изд-во ИПП, Воронеж:НПО «МОДЭК», 1997. С. 309.

⁴ Ильина Т.А. Педагогика: Курс лекций. — М.: Просвещение, 1984. С. 341

⁵ Фромм Э. Бегство от свободы. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. С. 236.

⁶ Платонов К.К. Система психологии и теория отражения. — М.: Наука, 1982. — 310 с.

новому качеству?

В первые советские пятилетки педология, по определению П.П. Блонского, «наука о возрастном развитии ребёнка в условиях определённой социально-исторической среды»^[9], опираясь на работы Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, черпала из них исходные принципиальные установки. Однако, с точки зрения П.П. Блонского, педология не только «черпает» свои исходные установки из диалектического материализма, но и в свою очередь «возвращает» фактический материал в философию марксизма. П.П. Блонский говорит: «Таким образом, диалектический материализм ставит педологию на методологически правильные позиции и только при помощи диалектического материализма педология может в своей области успешно вести работу против идеализма и механистического материализма. В свою очередь педология, изучая историю умственного развития ребёнка, даёт материал для диалектики»⁷. Круг замкнулся. Встав на методологически «правильные» позиции, педология и «возвращает» в диалектику лишь тот «материал», который был изначально заложен в содержание её принципов. Диалектика, тем самым, «подтверждает» себя, свою «правильность» в материале педологии как в зеркале. Другого и быть не может.

Понятие развития — основное понятие педологии, принимается П.П. Блонским непосредственно из работ В.И. Ленина. При этом вслед за В.И. Лениным П.П. Блонский утверждает, что «прямолинейная концепция развития как уменьшения и увеличения и как простого повторения должна быть отвергнута как мёртвая, бедная, сухая, оставляющая в тени самодвижение, его двигательную силу, его источник и мотив». Отсылая к авторитету Ф. Энгельса, П.П. Блонский считает, что в согласии с законом перехода количества в качество и обратно, в природе могут происходить качественные изменения путём количественного прибавления или убавления материи или движения, причём, точно определённым для каждого отдельного случая способом. Отвергнутое «простое повторение» заменяется П.П. Блонским на повторение диалектическое, спиралевидное, в котором «как бы» повторяются ранее уже пройденные ступени. И всё это происходит не без чудес — скачкообразно, катастрофически, революционно. Количество, как и положено, переходит в качество, но уже не посредством «простого» повторения, уменьшения или увеличения, а, как и утверждает диалектика, с

⁷ Блонский П.П. Там же. С. 36.

перерывами постепенности. Вот, например, что П.П. Блонский говорит о росте: «Рост не есть только количественное прибавление материи: количество переходит в качество. Рост вызывает ряд качественных изменений. Рост есть развитие. Рост не есть прямолинейный процесс. В росте мы всё время видим взаимное проникновение противоположностей, борьбу противоположностей внутри единого процесса. Рост с самого же начала обусловливает прекращение роста, жить — с самого же начала значит умирать, но переставший расти созревший организм даёт жизнь новым организмам, и жизнь снова возобновляется, но уже на исторически высшей базе»⁸. Диалектика! Важно «смешать» понятия, сделать их «текучими», трудноразличимыми. И вот уже рост есть развитие.

С.Л. Рубинштейн, противопоставляя диалектикоматериалистическую концепцию развития психики эволюционистской, утверждал: «При диалектическом понимании развитие психики рассматривается не только как *рост*, но и как *изменение*, как процесс, при котором количественные усложнения и изменения переходят в качественные, коренные, существенные и приводят к скачкообразно проявляющимся новообразованиям»⁹. С точки зрения С.Л. Рубинштейна, «сущность психического развития заключается в развитии всё новых форм действенного и познавательного отражения действительности; переход к высшей ступени всегда выражается в расширяющейся возможности познавательного и действенного проникновения в действительность»¹⁰.

Принимая в качестве исходной философской доктрины материализм, С.Л. Рубинштейн, как и положено материалисту, считает человеческий мозг субстратом психики. И уже далее, соединяя диалектику и материализм для раскрытия механизма развития психики, С.Л. Рубинштейн утверждает единство строения и функции. При этом, продолжая линию Ламарка-Энгельса-Лысенко, С.Л. Рубинштейн говорит о роли функции в формообразовании: «Но зависимость между строением органа и его функциями не односторонняя; не только функция зависит от строения, но и строение от функции»¹¹. Тем, собственно, и предопределяется механизм развития — упражнение, или, как говорит С.Л. Рубинштейн, образ жизни.

⁸ Блонский П.П. Там же. С. 37, 61, 68.

⁹ Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. — СПб.: Питер, 2007. С. 91.

¹⁰ Рубинштейн С.Л. Там же. С.98.

¹¹ Рубинштейн С.Л. Там же. С.94.

Принимая точку зрения Ф. Энгельса на эволюцию, С.Л. Рубинштейн утверждает: «Ведущим, определяющим является при этом развитие образа жизни, в процессе перестройки и изменения которого происходит развитие организмов и их органов — мозга в том числе — заодно с функциями. Общие биологические закономерности развития контролируют, в конечном счёте, развитие как морфологических, так и функциональных его компонентов. При этом развитие строения регулируется через посредство функции. Таким образом, в конечном счёте, образ жизни регулирует и строение мозга, и его психофизические функции в подлинном единстве».

С.Л. Рубинштейн вслед за Л.С. Выготским признаёт руководящую роль обучения в развитии, однако, не раскрывает сути обучения и тех конкретных педагогических методов, которые способны создавать новообразования, тем самым развивая ребёнка. Главным, что развивает ребёнка в педагогическом процессе, является осваиваемое им содержание. «Поэтому, — разъясняет свою позицию С.Л. Рубинштейн, — когда ребёнок начинает обучаться системе знаний различных «предметов», эта система, проникая в сознание ребёнка, по самому принципу своего построения, столь отличного от строения воспринимаемой ситуации, неизбежно прорывает, сбрасывает, преобразует формы «ситуативного» мышления и служит основой для развития у ребёнка новых форм рассудочной мыслительной деятельности». Так, с точки зрения С.Л. Рубинштейна, происходит переход мышления от ступени к ступени. Усваиваемое новое содержание «сбрасывает» старую форму мышления и уже новая форма «переделывает» содержание. А это и есть, по мнению С.Л. Рубинштейна, сущность психического развития. Хорошая диалектика. Мы суть то, что мы едим. Мыслим же мы теми формами, которые как-то усваиваем. А если не усвоили ту или иную форму, то значит, не созрели до этого уровня мышления. И хотя обучение «тянет» за собой развитие, но не в этом случае. С.Л. Рубинштейн не уточняет способы усвоения ребёнком нового содержания. Они ему при такой диалектичной дидактике и не нужны (А.Н. Леонтьев обстоятельно критикует такого рода педагогическую психологию¹²).

И.П. Подласый в 2006 году поступает проще. Не мудрствуя лукаво, он утверждает: «Развитие определяется как процесс и результат количественных и качественных изменений человека»¹³. Близкое по смыслу

¹² Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2-х т. Т. I. — М.:Педагогика, 1983. С. 335 — 336.

¹³ Подласый И.П. Там же. С. 71.

определение развития предлагает и доктор технических наук Ю.Г. Фокин, написавший учебное пособие для студентов педагогических вузов: «Развитие — количественные и качественные изменения психики и органов живых существ, совершенствование умственных или физических возможностей индивида, формирование у него новых способностей и психических структур, позволяющие осуществлять новые для него способы проявления активности»¹⁴. Казалось бы, и всё. И не надо ломать голову. Развитие есть процесс и результат и количественных, и качественных изменений. Но, оказывается, мало «смешать» понятия, надо эту «смесь» ещё и «сварить», так, чтобы «ингредиенты» были неразличимы. Для достижения этого результата И.П. Подласый дополняет своё предыдущее определение развития, утверждая, что «развитие — это не простое накопление количественных и качественных изменений в организме человека под влиянием многочисленных факторов, а прежде всего духовное возвеличивание человека»¹⁵. Из этого утверждения И.П. Подласого вытекает, что «духовное возвеличивание» не является результатом качественных изменений в организме человека, т.к. духовность человека (вероятно) не связана с его телесностью. У Ю.Г. Фокина «смешение» понятий рост и развитие дополняется «формированием новых способностей и психических структур», которые позволяют осуществлять новые способы проявления активности. В результате за развитие можно выдать не только «новообразование» (где его взять?), но и «совершенствование» (что всегда доступно для надёжного «обнаружения» в педагогическом эксперименте).

Интересно отметить, что ещё в 1931 году Л.С. Выготский, выясняя «само понятие развития», писал: «Дело в том, что в психологии, из-за её глубокого кризиса, все понятия стали многосмысленными и смутными и изменяются в зависимости от основной точки зрения на предмет, которую избирает исследователь»¹⁶. Критикуя скрытый преформизм во взглядах психологов на развитие, Л.С. Выготский утверждал, что «в огромном большинстве научные исследования в скрытом виде продолжают держаться взгляда, который объясняет развитие ребёнка как чисто количественное явление»¹⁷. С этим

¹⁴ Фокин Ю.Г. Теория и технология обучения: деятельностный подход. — М.: Издательский центр «Академия», 2007. С. 51.

¹⁵ Подласый И.П. Там же. С. 73.

¹⁶ Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т.3. Проблемы развития психики.- М.: Педагогика, 1983. С. 134.

¹⁷ Выготский Л.С. там же, С.134-135.

трудно спорить, ведь и в XXI веке ситуация мало изменилась. И если в эмбриологии от идеи преформизма уже давно отказались, то «в психологии эта точка зрения продолжает существовать на практике, хотя в теории она также давно оставлена».

Не остается без внимания в педагогике и педологии исходная «точка» развития — наследственность. «Проталкивая» идею Ламарка вслед за Энгельсом под флагом марксизма (и дарвинизма), П.П. Блонский защищает от «метафизически мыслящих учёных» наследственность, которая, с его точки зрения, является «исходным пунктом развития». При этом П.П. Блонский уверяет, что «индивидуум начинает своё индивидуальное развитие на более высокой базе, чем его предки: ему нет надобности просто повторять всё бывшее развитие с самого начала, он проходит своё развитие на базе приобретений своего вида, которые передаются ему по наследству»¹⁸. И нет возможности возразить. Хотя и непонятно, как индивидуум умудряется начать своё развитие с более высокого уровня, нежели его предки? Разве зародыш не повторяет в своём развитии все перипетии эволюции вида?

По убеждению П.П. Блонского, «учение о влиянии внешних обстоятельств на развитие человека — глубоко материалистическое учение»¹⁹, и оно восходит к Локку и Кондильяку. И в этой связи, как, собственно, Лысенко и Презент в отношении растений (см., например, Т.Д. Лысенко²⁰), П.П. Блонский полагает, что воспитание воздействует не только на развитие ребёнка, но и на его наследственность. Учение, с его точки зрения, изменяет инстинкты и врождённые способности. И точно так же, как и Энгельс (вслед за Ламарком), П.П. Блонский полагает, что «происходя из наследственного, приобретённое изменяет наследственное, становясь, в конечном счёте, в свою очередь, наследственным»²¹. Психоламаркизм в чистейшем виде. Дескать, если родители достигли начальственной должности, то и их чадо должно (иначе просто не может быть по природе) как минимум начать с этого «базового» для семьи уровня.

Не так ярко как П.П. Блонский о влиянии воспитания на природу человека говорил и С.Л. Рубинштейн, с точки зрения которого «самая природа ребёнка не неизменна; она развивается и в ходе этого развития в свою очередь

¹⁸ Блонский П.П. Там же. С. 70.

¹⁹ Блонский П.П. Там же. С. 76.

²⁰ Лысенко Т.Д. Агробиология. — М., 1952. — 782 с.

²¹ Блонский П.П. Там же. С. 257.

оказывается обусловленной теми обстоятельствами, в которые ставит подрастающего ребёнка педагогический процесс»²². Что такое «самая природа ребёнка», С.Л. Рубинштейн не прояснил. У К.К. Платонова находим схожую мысль о наследовании приобретённого психикой в онтогенезе: «Если бы приобретённое психическое никак и никогда не наследовалось, то образование инстинктов у животных было бы чудом»²³.

В XXI веке представления учёных-педагогов о наследственности и её роли в обучении и развитии мало изменились. Добавился лишь новомодный антураж. Так, П.П. Подласый в учебнике по педагогике пишет, объясняя суть обучения на клеточном уровне: «Живая клетка имеет специальную информационную оболочку, где закодировано всё, что происходило с её предшественницами в процессе генетического развития и всё, что может в принципе с ней произойти дальше. Знания предков (врождённые идеи), способность приобретать новые информационно-энергетические состояния под воздействием новых условий жизни также закодированы в информационной оболочке клетки»²⁴. Сильно. Свежо. Научно. И уже по-новому видится труд учителя. И.П. Подласый вдохновенно продолжает нести свои педагогические открытия будущим учителям, аспирантам и преподавателям: «Если бы посчастливилось каким-то образом активизировать врождённые идеи, то никакого специального школьного обучения не требовалось бы: все знания, умения, сколько их есть в природе, существуют уже в самом человеке. Рождаясь, он несёт их в себе. Для будущей педагогики основная цель — отыскание способов рекапитуляции (восстановления, выявления) врождённых идей, переведение их в актуальное знание»²⁵. Серьёзное педагогическое открытие! Фундаментальное. И когда уже начнут защищать диссертации по педагогике, в которых будут открыты способы рекапитуляции?!

Оказывается, по уверениям доктора педагогических наук И.П. Подласого, все знания и умения есть в природе, а из неё и в человеке, но лишь в «смутном» виде. Эти неосознаваемые информационные накопления, названные И.П. Подласым «химерами», содержаться в информационной оболочке клетки. И понимая (и принимая) это глубинное эзотерическое

²² Рубинштейн С.Л. Там же. С. 158.

²³ Платонов К.К. Система психологии и теория отражения. — М., 1982. С. 237.

²⁴ Подласый И.П. Там же. С. 171.

²⁵ Подласый И.П. Там же. С. 172.

знание можно достичь серьёзных результатов в обучении. И.П. Подласый, опираясь на это педагогическое знание делиться с читателями: «Чтобы обучиться, человек должен осознать эти смутные представления, т.е. ввести их в сознание, поставить на них «опознавательные знаки». Получается цепочка: химеры (неосознаваемые информационные сгустки) — знак (попытка прояснения химер) — знание (химера, введённая в сознание, узнанная идея)». Такая вот педагогика XXI века в России. Л.С. Выготский не мог до этого додуматься и простодушно полагал, что «цивилизация — слишком недавнее приобретение человечества для того, чтобы она могла передаваться по наследству»²⁶, т.е., как продукт биологической эволюции вызревают лишь элементарные психические функции, но не высшие.

Продолжая заманчивые мифы психоламаркизма, И.П. Подласый вносит в них и свою педагогическую лепту. Задавшись вопросом о механизме накопления и передачи знаний от поколения к поколению, он пришёл к сенсационному выводу: «Физиологические исследования показывают, что количество клеток в мозге человека не изменяется или увеличивается очень незначительно. Но в течение жизни расширяются и укрепляются информационные оболочки клеток, пополняясь новыми условными связями. Можно предположить, что образование новых клеток мозга происходит в исключительных случаях и только у тех людей, которые развили сверхмощную интеллектуальную деятельность. Они передадут в наследство потомкам и смогут «информационно взорваться» в одном из следующих поколений»¹. Заманчиво (хотя в «классический» период науки психологи принимали вслед за физиологами, что «мозг новорождённого как по размерам, так и по строению существенно отличается от мозга взрослого»²⁷). Но открытия И.П. Подласого настойчиво изменяют и педагогику, и педагогическую психологию. Опираясь на них, можно почти воочию узреть как количественные изменения, накапливаясь из поколения в поколение, переходят в новое качество будущих поколений. «Разбухшие» информационные оболочки клеток и новообразованные клетки особо одарённых индивидов передаются в готовом виде потомкам, которые с помощью особых и многократных упражнений переводят эту «смутную» информацию в область сознания. Замечательное соединение идей Ж.Б. Ламарка и Ф. Гальтона. Упражнения очень важны в

²⁶ Выготский Л.С. Собрание сочинений: ВПедагогика, 1984. С. 49.

²⁷ Подласый И.П. Там же. С. 173.

такой педагогике. Именно с помощью упражнений, как своеобразных насосов, можно «выкачивать» химеры в область сознания. И в этом И.П. Подласый, увы, не оригинален. Как известно, один из академиков Лапуты предлагал написать на съедобных таблетках особыми чернилами всё то, что следовало усвоить. Проглотив её, «знание» испарится и попадёт в мозг, где и осядет прочно. Результат такой педагогики, по всей видимости, безупречен. А.Н. Леонтьев, комментируя результативность такой педагогики, отмечал: «В основе такого понимания обучения лежит представление о том, что знания заполняют голову ребёнка подобно тому, как вода заполняет сосуд. При таком понимании обучения изменения, совершающиеся в процессе обучения в сознании учащегося, трактуются как изменения лишь содержания сознания; сама же деятельность сознания и его строение остаются неизменными, подчиняющимися одним и тем же, раз навсегда данным законам»²⁸.

Принимая диалектический закон перехода количественных изменений в качественные (и обратно), П.П. Блонский утверждает: «Учение имеет начальным пунктом те или иные врождённые деятельности и состоит, в первую очередь, в усиление и ослаблении их. Деятельность усиливается в результате упражнения и ослабляется при неупражнении»²⁹. Принимая «законы» бихевиоризма за доказанные факты, П.П. Блонский считает, что «роль повторения, упражнения в учении, несомненно, огромна, и старая пословица: «повторение — мать учения» содержит много истины». И это для ассоциативно-рефлекторной теории учения имеет основополагающее значение, т.к. ассоциации, ведущие от ощущений к представлениям и понятиям-образам, формируются при многократном выполнении человеком этих «переходов», т.е. посредством упражнений.

Опора на упражнения в деле воспитания была одной из основополагающих и в более поздние периоды социалистической педагогики. Г.И. Щукина, характеризуя в 1977 году методы воспитания, отмечала, в частности: «Основное назначение упражнения состоит в закреплении ценных способов и действий как устойчивой основы поведения. Формой его являются многократные повторения этих способов и действий»³⁰. При этом, «дистанцируясь» от методов, принятых в буржуазной педагогике, Г.И. Щукина поясняла: «И несмотря на это, упражнение в советской системе

²⁸ Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2-х т. Т. I. — М.:Педагогика, 1983. С. 330.

²⁹ Блонский П.П. Там же. С. 260-261.

³⁰ Педагогика школы / Под ред. Г.И. Щукиной. — М.: Просвещение, 1977. С. 41.

воспитания нельзя рассматривать как метод, аналогичный дрессуре в поведенческой психологии. Он не выступает как изолированный тренаж, он составляет важную часть общей системы методов воспитания, взаимодействует с другими и опирается на них». Главное — антураж и прикрытие с его помощью истины. Партийность социалистической педагогики не вызывает сомнений. И социалистическая педагогика без устали описывала единственно верную методику воспитания, которая через многократные упражнения добивалась изменения сознания. В.А. Сластенин так себе представлял этот процесс: «Путь к единству сознания и поведения проходит через цепь связующих элементов, которая включает в себя длительные упражнения в правильном поступке, реальные взаимоотношения, организацию жизни учащихся на основе их полезной деятельности и общения. Длительные, многократные упражнения в правильном поступке порождают навыки и привычки требуемого поведения»³¹. Хороший пример диалектического единства — сознательный навык! Оксюморон. Не более. Но звучит почти как известное определение свободы. И пусть Ф. Хайек считает, что такое образование ведёт по дороге к рабству, по которой, с точки зрения Э. Фромма, бегут от свободы, социалистическая педагогика, опираясь на работы классиков марксизма-ленинизма, Программу партии и материалы съездов КПСС, утверждала обратное — так, и только так, посредством многократных упражнений можно добиться нового качества личности — «гармонично развитой, общественно активной личности, сочетающей в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство»³². А ведь ещё Платон предупреждал: «Свободнорождённому человеку ни одну науку не следует изучать рабски. Правда, если тело насилием заставляют преодолевать трудности, оно от этого не делается хуже, но насилием внедрённое в душу знание непрочно»³³. А в 1987 году О. Феофанов, критикуя с марксистско-ленинских позиций манипулятивный подход в организации общества, приводил в качестве примера методику, которую использовал для пропаганды идей национал-социализма Геббельс: «Постоянное повторение является основным принципом всей пропаганды»³⁴. И всё. Повторение, постоянное повторение — основной принцип всей пропаганды. Какое тут

³¹ Бабанский Ю.К., Сластенин В.А. и др. Педагогика. — М.: Просвещение, 1988. С. 96.

³² Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. — М., 1986. С. 140.

³³ Платон. Избранное. — М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2007. С. 285.

³⁴ Феофанов О. Агрессия лжи. — М.: Политиздат, 1987. С. 39.

развитие?

Но диалектика не была бы столь эффективной, если бы ограничивалась утверждениями, которые можно опровергнуть. Отсюда и педагогика вместе с педологией расширяет варианты своих предсказаний. Упражнение может не только вести к развитию, но и препятствовать ему. П.П. Блонский предупреждает: «Всякий опытный учитель придаёт упражнениям огромное значение. Однако, чрезмерно частое упражнение может в результате усталости, скуки и т.п. дать противоположные результаты»³⁵. Диалектичность закона, что называется, налицо: упражнение либо приводит к усилению (= развитию) «врождённой деятельности», либо не приводит, но в любом случае закон «работает», ведь он говорит, что произойдёт одно из двух противоположных событий А . С этих диалектических позиций можно всегда «уместно» (по случаю) оценивать эффективность работы и отдельных педагогов и даже целых образовательных учреждений. Вот, что в этой связи говорит П.П. Блонский: «Обычные ошибки в педагогической практике — переоценка или недооценка повторения. В последнем случае, когда учение ребёнка не основывается на повторениях и упражнениях, результат — плохое усвоение. Недооценка повторений и упражнений сыграли немалую роль в коренном недостатке нашей школы»¹. Переоценка роли повторений, по утверждению П.П. Блонского, ведёт к зубрёжке, а это значит, к скуке и утомлению, отсутствию осмысливания, медленному и плохому усвоению материала. Выходило, что главное в повторении, не переусердствовать. При этом границы меры между «усердием» и «переусердием», вероятно, должен определить сам педагог. Предполагалось, что эта мера существует, и, скорее всего, у каждого она своя.

А.А. Смирнов, исследуя значение и функции повторения, говорит: «Положительная роль повторения в процессах памяти общеизвестна, и вместе с тем имеется немало (и во многих случаях правильных) возражений против переоценки её, если повторение понимать как простое механическое следование одних впечатлений или одних действий за другими, вне подлинно сознательной и активной деятельности»³⁶. Он критикует Э. Газри, Э. Торндайка, Э. Толмена, К. Левина, К. Коффку, В. Келера и других представителей «зарубежной психологии» за их «неправильное» понимание

³⁵ Блонский П.П. Там же. С. 261.

³⁶ Смирнов А.А. Избранные психологические труды: В 2-х т. Т. II. — М.: Педагогика, 1987. С. 257.

сути повторения, из которого, собственно, и следуют отрицательные результаты экспериментов на запоминание посредством многократных упражнений. Чтобы повторение стало эффективным средством усвоения, оно, с точки зрения А.А. Смирнова, должно быть осмысленным. Вот что говорит сам А.А. Смирнов: «Нет сомнения в том, что это отрицательное действие повторения может наблюдаться, но только тогда, когда повторения становятся механическими, а это нисколько не снижает, а, наоборот, подчёркивает положительную роль активного, осмысленного, сознательного повторения»³⁷. Хорошая диалектика. Представители «буржуазной психологии», дескать, получили отрицательный результат в обучении посредством повторений лишь потому, что они в своих экспериментах исходили из механистических представлений и пытались получить новое качество за счёт количественных в «чистом» виде повторений. В диалектике, в том числе и материалистической, такой «номер» не проходит. Чтобы «получить» новое качество посредством количественных изменений, следует незаметно «привязать» к этому «видимому» количеству некое малозаметное качество. И тогда можно будет утверждать, что новое качество получено в результате количественных изменений. Так и с повторениями, которые сами по себе не решают задачи появления нового качества, а вот, будучи сознательными, осмысленными и активными, вполне могут привести к тем или иным новообразованиям. А.А. Смирнов честно говорит: «Повторения оказывают огромное влияние, хотя они и зависят от деятельности, которую мы выполняем. Она обусловливает их влияние, и в этом её важнейшая роль, никак не снижающая, однако, значения повторений. В отличие от этого в других случаях особенности деятельности таковы, что эффект последействия процессов, которые в неё включены, незначителен. Запоминание в этих случаях выражено слабо или вовсе отсутствует»³⁸. Вот это открытие советского психолога! Оказывается, количество не переходит в новое качество, даже скачком. И далее, без всякого намёка на иронию в адрес диалектического материализма, А.А. Смирнов признаёт: «В условиях такой деятельности повторение положительной роли не играет. Оно может осуществляться большое количество раз, но так как каждый раз оно оставляет после себя всё же ничтожный эффект, исключительно быстро к тому же совсем исчезающий,

³⁷ Смирнов А.А. Там же. С. 259.

³⁸ Смирнов А.А. Там же. С. 263.

то и общий итог большого числа повторений реально никак не даёт себя знать»³⁹. Это было впервые опубликовано в СССР в 1948 году. И это серьёзно противоречило диалектическому закону перехода количественных изменений в качественные. Уже и советские психологи обнаружили, что количество не может перейти в качество без «вывертов» диалектики.

Крамольно высказывался в своих «Лекциях по психологии» и П.Я. Гальперин, утверждая, что «условные связи могут образовываться не после многократных повторений, а с места, с одного раза»⁴⁰. Явное противоречие закону перехода количественных изменений в качественные.

К.К. Платонов признавал роль повторений и упражнений в формировании личности. С его точки зрения, без повторения не может быть упражнения, хотя упражнение и не сводится только к повторению. Чтобы количество (повторений) перешло в качество (результата) К.К. Платонов предлагает критерии, которые определяют «эффективность» упражнения. Он считает, что «без направленности упражняющегося на повышение качества деятельности и на стремление его с каждым разом работать лучше вообще не может быть упражнения; чем полнее учёт результатов и понимание причин ошибок, допущенных в каждом действии, тем эффективнее упражнения; поэтому такое важное значение при упражнении имеет самоконтроль; но ещё большее значение имеет указание обучающего, организующее и правильно направляющее самоконтроль, а также учёт этих указаний обучаемым при повторных действиях»⁴¹. Есть у К.К. Платонова и другие критерии, но уже из перечисленных выше ясно, что само по себе количество повторений (собственно «чистое» количество) не даёт нового качества. Новое качество (например, «обученность» или «новый опыт») возникает в результате постепенного «прибавления» крупицы нового посредством осознаваемого и контролируемого обучаемым и обучающим повторения. Но тогда это уже не повторение, и диалектический закон перехода количественных изменений в качественные не имеет к этому процессу никакого отношения. Качество обучения при таком сознательном и активном повторении повышается не за счёт чисто количественных повторений. Новое качество образуется посредством постепенного изменения способностей обучающегося в деятельности учения. Качество прирастает качеством. Однако таким образом

³⁹ Смирнов А.А. Там же. С. 264.

⁴⁰ Гальперин П.Я. Лекции по психологии. Учебное издание. — М.: АСТ: КДУ, 2007.

⁴¹ Платонов К.К. Там же. С. 244.

качество обучения чаще всего повышалось в теории (и возможно в экспериментах психологов). О том, что происходило (и происходит до сих пор) на практике в «массовой» школе, откровенно сказал В.К. Дьяченко: «Мнимый характер так называемых дидактических принципов обнаруживается сразу же, как только мы обращаемся к живой практике в школе, где сплошь и рядом оказывается: ученики вместо сознательного усвоения учебного материала зазубривают его или вообще не знают, вместо прочных и глубоких знаний находим у учащихся только обрывки каких-то не связанных между собой сведений или полное отсутствие овладения программным материалом, вместо активности — скуку и безразличие к тому, что делается на уроке, отсутствие интереса к знаниям и т.д.»⁴².

Д.Б. Эльконин, обсуждая проблему стратегии перестройки школьного образования 1984 года, тоже ссылался на добытые психологией факты: «На наш взгляд, в основе возрастной организации современной школы лежит ложное представление о психическом развитии как о чисто количественном процессе нарастания знаний, интеллектуальных умений, практических навыков. При таком понимании, противоречащем современной психологии, реорганизация образовательной системы возможна посредством увеличения сроков обучения, или сокращения объёма программного материала, или путём соединения того и другого; доведённые до своего логического конца, эти пути становятся тупиковыми»⁴³. Но воз и ныне там. Повторение — мать учения. Количество должно переходить в качество! И в 2005 году академик РАО А.М. Новиков, описывая методы учебной деятельности, переживая за настоящее и будущее отечественного образования, отмечал: «Отдельно следует остановиться на *упражнении*, которое как метод учения в большинстве учебников педагогики, к сожалению, вообще не упоминается, т.к. считается, что этот метод уж слишком «репродуктивен» и устарел. Между тем *упражнение — важнейший метод учения*. Упражнение строится на многократном повторении определённых действий с целью формирования и совершенствования умений и навыков. Упражнения необходимы при обучении практически любой дисциплине, при изучении любого курса...»⁴⁴. Как только на основе метода упражнений формировать понятия — ответ

⁴² Дьяченко В.К. Организационная структура учебного процесса и её развитие. — М.:Педагогика, 1989. С. 125.

⁴³ Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. — М.: Педагогика, 1989.

⁴⁴ Новиков А.М. Методология учебной деятельности. — М.: Изд-во «Эгвесь», 2005. С. 99.

учёными-педагогами до сих пор не найден. В результате школьный учитель физики признаётся: «В большинстве школ отождествляется обучение и изложение учебного материала, который затем должен быть воспроизведен школьником по заданному образцу. Функции ученика сводятся к имитации способов, демонстрируемых учителем, к упражнениям в закреплении и использовании увиденного и услышанного. Считается, что если учитель сам в достаточной степени владеет способами построения физических понятий и адекватно излагает их учащимся, то учащиеся овладевают ими в той же степени, что и учитель»⁴⁵.

П.П. Блонский, как, впрочем, и многие другие педагоги социалистической формации, полагали и полагают до сих пор, что с помощью упражнений (повторений) можно решить все (или почти все) задачи образования, вероятно, принимая за эти задачи, лишь «передачу» учащимся того предметного содержания учебной дисциплины, которое изложено в учебнике. Работы Л.С. Выготского, И.Я. Лернера, М.Н. Скаткина, В.В. Краевского, Д.Б. Эльконина, В.В. Давыдова мало что изменили в массовом педагогическом сознании. На работы этих психологов и дидактов часто ссылались, их цитировали в нужном месте, и только. Внешне соглашаясь с ними, «кивая головами», приверженцы социалистической дидактики продолжали и продолжают делать своё великое дело, повышая качество образования посредством «малых» количественных воздействий. Вот, например, что говорила в 1977 году А.К. Громцева по поводу классификации (точнее, её оснований) методов обучения, предложенной И.Я. Лернером и М.Н. Скатанным: «Впервые при рассмотрении метода центр тяжести на внутреннюю его сущность перенесли И.Я. Лернер и М.Н. Скаткин. Их классификация методов более современна. В ней выделяются: объяснительно-иллюстративный метод, репродуктивный, проблемное изложение, частично-поисковый и исследовательский методы. Однако, рассматривая систему общедидактических методов, эти авторы отвлекаются от внешней стороны их выражения, тогда как только через неё учитель и может управлять деятельностью ученика»⁴⁶. Удивительная позиция. Основание, выбранное И.Я. Лернером и М.Н. Скатанным для классификации методов обучения, оказалось лишь «более современным», но при этом

⁴⁵ Матвеев А.В. Проблемы разработки курса физики по системе развивающего обучения Эльконина — Давыдова / Вопросы психологии. — 2001. — №5. С. 124 — 128.

⁴⁶

непригодным для того, чтобы «дать характеристики различным способам управления процессом познания учащихся». А ведь эффективно управлять тем или иным объектом единственно возможно, зная (или хотя бы предполагая) его внутреннюю сущность. Тем более, что И.Я. Лернер и М.Н. Скаткин описывали и «внешнюю сторону», в которой проявляются методы обучения из их классификации (см., например, И.Я. Лернер⁴⁷).

В.В. Давыдов критикует теорию учения Краевского-Лернера более содержательно. С его точки зрения, эта теория является эклектичной. Поясняя свою позицию, В.В. Давыдов говорит: «Такая эклектичность проистекает, на наш взгляд, из-за того, что авторы стремились одновременно учитывать, с одной стороны, требования традиционного обучения, предполагающего репродуктивный характер усвоения, с другой — новые веяния в образовании, связанные с утверждением творческих начал в обучении»⁴⁸. Думаю, что культурологический подход к содержанию образования, предложенный И.Я. Лернером, М.Н. Скаткиным и В.В. Краевским, скорее всего, является комплексным, а не эклектичным. Но в борьбе дидактических парадигм он оказался на линии фронта (подробно о трудностях реализации этого подхода см. А.М. Новиков⁴⁹).

Д.Б. Эльконин, критикуя «успехи» социалистической дидактики, построенной на обыденных педагогических представлениях, писал: «Если объективно проанализировать современную технологию обучения в узком смысле слова, т.е. принципы и способы построения обучения, то окажется, что процесс усвоения знаний состоит из таких звеньев: 1) учитель сообщает и разъясняет сведения о какой-либо области действительности, а ученик воспринимает и старается в меру своего развития понять и запомнить их (при этом предполагается, что необходимые способности у ученика уже есть); 2) учитель предлагает ряд типовых задач, иногда показывает образец решения, а ученик воспроизводит данный образец или пытается самостоятельно применить знания в решении относительно простой задачи»⁵⁰. Похоже, что Д.Б. Эльконин не только глубоко переживал за отечественное образование, но и понимал, что дидактика, в основу которой положена диалектическая методология перехода количественных изменений в качественные, не может

⁴⁷ Лернер И.Я. Дидактические основы методов обучения. — М.: Педагогика, 1981. -186 с.

⁴⁸ Давыдов В.В. Лекции по педагогической психологии. — М.: Издательский центр «Академия», 2006. С. 181.

⁴⁹ Новиков А.М. Методология учебной деятельности. — М., 2005. С. 57 — 63.

⁵⁰ Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. — М., 1989. С. 101.

обеспечить успеха в реформировании школы.

В.В. Давыдов, отказавшись от «услуг» эмпирического обобщения и рассудочно-эмпирического мышления, попытался внедрить в отечественное образование дидактику, в основу которой положено теоретическое мышление и содержательное обобщение. С помощью большого количества примеров, с точки зрения В.В. Давыдова, вообще нельзя получить понятия, особенно понятия научного. Индуктивный путь в образовании понятий и открытия законов уже давно стал прошлым этапом истории науки, хотя в школьном (а зачастую и в вузовском) образовании он всё ещё превалирует. В.В. Давыдов разъясняет ограниченность индуктивного (накопительного) подхода в образовании понятий: «В эмпирическом понятийном обобщении не выделяются именно существенные особенности самого предмета, внутренняя связь его сторон. Оно не обеспечивает в познании разведения явления и сущности. Внешние свойства предметов, их видимость здесь принимаются за последнее»⁵¹. При этом дидактика и педагогическая психология описывают лишь результаты эмпирического обобщения, которое способно решать задачи классификации предметов по внешним признакам с последующим их опознанием, и не более. В.В. Давыдов уточняет: «Особенности образования эмпирических понятий проясняют смысл известного дидактического требования двигаться в обучении от частного к общему. Общее в данном случае является результатом сравнения единичных предметов, результатом их обобщения в понятии о том или ином классе предметов. Оно выступает как результат восхождения от чувственно-конкретного к мысленному, абстракту, выраженному в слове»⁵².

Попытки В.В. Давыдова внедрить в образование развивающую дидактику не были широко поддержаны. Более того, некоторые эту дидактику сознательно по разным причинам отвергали и отвергают. В.А. Лекторский, оценивая философское значение работ В.В. Давыдова, признавал уже в 2005 году: «Предлагавшиеся В.В. Давыдовым способы обучения рвали с устоявшейся педагогической традицией и казались тогда для многих педагогов чем-то совершенно еретическим. И хотя уже тогда предлагавшиеся им методы прекрасно показали себя на практике и были успешно опробованы в экспериментальном обучении ряду предметов (в частности, математике и

⁵¹ Давыдов ВВ. Проблемы развивающего обучения. — М.: Издательский центр «Академия», 2004. С. 80.

⁵² Давыдов ВВ. там же, С.86.

грамматике), сопротивление его необычным идеям было большим: они были буквально встречены в штыки»⁵³. Встречены в штыки! И это в самом прогрессивном обществе XX века!

Е.П. Щербаков и А.М. Федосеева⁵⁴, сравнивая психическое состояние школьников в традиционной и развивающей системах обучения, выявили повышенную тревожность и более сильное утомление детей в системе развивающего обучения. А вот аргумент ректора (2004 г.) Современной гуманитарной академии М. Карпенко: «О развивающих методах обучения говорят давно, но на практике никто ими не пользуется. Почему? Проведя соответствующие педагогические оценки, мы пришли к выводу, что применять их просто невозможно. Развивающие методы обучения примерно в 5 раз менее производительны, чем традиционные, связанные с зубрёжкой и накачкой знаниями. Поэтому в нашей академии вполне сознательно применяются методы зубрёжки, введено алгоритмическое обучение»⁵⁵. Вот и всё! В 5 раз менее производительны. А то, что посредством «зубрёжки» понятия вообще не формируются, М. Карпенко, вероятно, не знает. Можно, конечно, «механически» выучить некоторые фразы на иностранном языке и не знать их смысла, но зачем? Как это применить в жизни? Ещё в 1934 году Л.С. Выготский писал: «Опыты Аха показали, что процесс образования понятий носит всегда продуктивный, а не репродуктивный характер, что понятие возникает и образуется в процессе сложной операции, направленной на решение какой-либо задачи, и что одного наличия внешних условий и механического установления связи между словом и предметами недостаточно для его возникновения»⁵⁶. На этом настаивал и В.В. Давыдов когда говорил о «невозможности в пределах эмпирической теории показать качественное своеобразие перехода от житейских представлений дошкольника к понятиям, которые должен усваивать школьник, перехода от эмпирических понятий к научным»⁵⁷. От себя хочу заметить, что одним из

⁵³ Лекторский В.А. О философском значении работ Василия Васильевича Давыдова/ Вопросы философии. — 2005. — №9. С. 39.

⁵⁴ Щербаков Е.П., Федосеева А.М. Психическое состояние школьников в традиционной и развивающей системах обучения // Наука образования: Сборник научных статей. Выпуск 17. — Омск: Изд-во ОмГПУ, 1999. С. 69 — 75.

⁵⁵ Карпенко М. Трансформация системы образования под влиянием информационно-коммуникационных технологий // Alma mater. Вестник высшей школы. 2004. -№6. С. 11.

⁵⁶ Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т.2. Проблемы общей психологии. — М.: Педагогика, 1982. С. 122.

⁵⁷ Давыдов В.В. Виды обобщения в обучении: Логико-психологические проблемы построения учебных предметов. — М.: Пед. общество России, 2000. С. 109.

главных «возражений» против использования в обучении развивающих технологий является психологическая и методическая неподготовленность педагогов (ведь они сами успешно осваивали и педагогику, и психологию, и «профильные» предметы традиционными методами), а также отторжение приёмов и методов, предусмотренных в данной технологии учащимися, на ранних ступенях обучения постигших «удобства» традиционной педагогики (подробнее см. В.И. Жилин⁵⁸, О.А. Жильцова⁵⁹, М.В. Каминская⁶⁰).

В XXI веке мало что изменилось в представлениях педагогов и менеджеров в отношении качества образования. Однако к диалектикоматериалистической методологии дидактики добавились ещё возможности методологии постмодернизма. Качество образования и в «обновлённой» педагогике продолжает оставаться некоторой характеристикой того или иного объекта или явления, причём характеристикой подвижной, количественно изменчивой. Так, например, Э.М. Коротков, выстраивая систему и механизм управления качеством образования, говорит: «Качество присуще любому явлению действительности. Оно отражает комплекс характеристик и их соответствие существующим потребностям или научно идеализированному представлению человека об этом явлении»¹. В таком понимании качества тёплая вода является носителем иного качества, нежели вода холодная, как будто от изменения скорости движения молекул вода перестала быть водой.

Особенно диалектично вписывается в это определение качества образования соответствие комплекса характеристик действительности «существующим потребностям», что, по сути, отражает прагматическое понимание истины. Приняв такое определение качества образования, можно, согласно Э.М. Короткову, и управлять этим качеством, повышая его в угоду потребностям. Однако Э.М. Коротков предупреждает: «Качество может складываться стихийно, но возможно, и необходимо управление им. При этом следует иметь в виду, что система, механизм и процесс управления качеством образования весьма специфичны и эту специфику надо знать и учитывать»⁶¹. В «представлениях» Э.М. Короткова факторы образования взаимосвязаны

⁵⁸ Жилин В.И. Технология обучения на основе многопрофильности: Монография. -СПб: ГНУ «ИОВ РАО», 2006. — 217 с.

⁵⁹ Жильцова О.А., Самоненко Ю.А. Реализация принципов психологической теории деятельности А.Н. Леонтьева в естественнонаучном образовании школьников /Вопросы психологии. — 2007.-№1. С. 136- 144.

⁶⁰ Каминская М.В. Проблема освоения педагогической деятельности в системе Эль-конина — Давыдова / Вопросы психологии. — 2001. — №5. С. 49 — 59.

⁶¹ Коротков Э.М. Управление качеством образования. — М.: Академический Проект,2007. С. 25.

некоторой закономерностью, на основе которой, собственно, и возможно управление качеством. Э.М. Коротков в этой связи утверждает: «Если все эти факторы, характеризующие роль образования в современном мире, представить в их взаимосвязи и взаимодействии, может получиться своеобразная синусоида, в которой в волнообразной динамике один фактор переходит в другой, флюктуирует (так и написано. — В.Ж.) значимость факторов и все они в своей совокупности характеризуют роль образования в современном мире»⁶². В чём заключается своеобразие (период, амплитуда) синусоиды, Э.М. Коротков не разъясняет. Не разъясняет он и переход в «волнообразной динамике» факторов (существенных обстоятельств?) друг в друга. Остаётся без внимания и связь между управлением качеством образования и «флюктуирующими» своей значимостью факторами. Что значит значимость факторов «флюктуирует», Э.М. Коротков не поясняет. Вся эта «диалектика» управления качеством образования напоминает по своей «стилистике» синергетизацию образования (подробнее см. В.И. Жилин⁶³), в которой физико-математическая терминология лишь усиливает иллюзорный эффект, доводя смысловое содержание и без того псевдонаучных текстов до абсурда.

И.П. Подласый продолжает «добывать» качество из «специальных» информационных оболочек клеток посредством «рекапитуляции» врождённых идей. Эти «восстановленные» знания могут в обучении ещё и множиться, создавая при суммировании новое знание. И.П. Подласый, дописывая на свой лад положения рефлекторной теории И.П. Павлова, представляет себе этот образовательный процесс следующим образом: «Развитие интеллектуальной сферы происходит путём образования всё новых и более совершенных связей. Ими заполняются специально предназначенные для последующего дообучения области наследственных генетических программ. Образование связей — основа обучения. Как только новому ощущению удаётся за что-то «зашепиться» в мозге человека, возникает новая связь и, как следствие, прибавление нового к известному, развитие последнего, усовершенствование. Так знание постепенно разрастается от маленького, простого к сложному и всеобъемлющему»⁶⁴. Этот прогресс,

⁶² Коротков Э.М. Там же. С. 25.

⁶³ Жилин В.И. Синергетический сциентизм: Критический анализ философско-методологических оснований. — М.: КРАСАНД, 2011. — 192 с.

⁶⁴ Подласый И.П. Там же. С. 173.

подчинённый законам диалектики, бесконечен, ведь в человека, в отличие от растений и животных, с точки зрения П.П. Подласого, «внедрена» (кем — не сказано) некая программа «с той целью, чтобы человек непрестанно развивался, работал над собой, возвышался»⁶⁵. А Ж.Б. Ламарк был более благосклонен к природе, и считал, что стремлением к совершенству обладают и растения, и животные. Но учёному-педагогу, вероятно, виднее.

С точки зрения И.П. Подласого, из закона перехода количественных изменений в качественные, как, собственно, и из других законов диалектики, вытекает много «частных» педагогических закономерностей, позволяющих «дообучивать» людей с уже заложенными в них природой знаниями. Некоторые из этих «частных закономерностей» представляют банальности. Так, например, трудно найти человека, который бы не знал, что «результаты обучения зависят от применяемых методов»⁶⁶, или, что «результаты обучения зависят от применяемых средств». Другое дело, если бы в «частных закономерностях» говорилось «как» и от «каких» методов или средств зависят эти «результаты». Хорошо бы при этом ещё и «расшифровать» содержание понятия «результаты обучения». Почему, вдруг, «результаты обучения находятся в прямо пропорциональной зависимости от мастерства (квалификации, профессионализма) преподавателя», И.П. Подласый не объясняет. Может быть, в квадратичной? А как, по какому эталону измеряется мастерство преподавателя? Ведь для того, чтобы установить вид зависимости, необходима, хотя бы для начала, таблица числовых значений той или иной «физической» величины. В педагогике XXI века этого уже не требуется. Прямо пропорционально — и всё.

Для нас наиболее интересными в списке И.П. Подласого «частных закономерностей» обучения представляют те, в которых так или иначе выражена «количественная» связь. Таких «закономерностей» в этом списке довольно много и все они имеют сходное содержание и структуру.

В «содержательно-процессуальном» фрагменте этого списка представлено 15 «частных закономерностей», в которых либо «результаты обучения (в известных пределах)», либо «продуктивность усвоения заданного объёма знаний» зависят от тех или иных «количественных» параметров обучения — «продолжительности обучения», «количества изучаемого

⁶⁵ Подласый И.П. Там же. С. 73.

⁶⁶ Подласый И.П. Там же. С. 248-249.

материала», «объёма требуемых действий», «количества практики», «объёма выполненных тренировочных упражнений» и т.п. Однако все эти «закономерности» не демонстрируют перехода количественных изменений в качественные. «Результаты обучения (в известных пределах) прямо пропорциональны продолжительности обучения»⁶⁷ — утверждает И.П. Подласый. Хорошая «закономерность». Для возражения по содержанию нет даже повода. Но, если, согласно И.П. Подласому, «основу обучения составляют знания, умения, навыки»^[84], которые «сообщаются обучаемым», тогда эта «частная закономерность» демонстрирует лишь связь между двумя «количествами» — временем («продолжительностью обучения»), в течение которого передаются знания умения, навыки и объёмом этих же знаний, умений и навыков, который за это время «перетёк» из одного «сосуда» в другой. Перехода количественных изменений в качественные эта «частная закономерность» не демонстрирует. Аналогичные связи «устанавливаются» И.П. Подласым и в других «частных закономерностях». Например, «продуктивность усвоения заданного объёма знаний, умений (в известных пределах) обратно пропорциональна количеству изучаемого материала». В словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой есть три значения слова «продуктивный». Если отбросить два из них (относящийся к разведению скота и грамматический), то остается одно — производительный, плодотворный. Хотя вполне допустимо, что сам И.П. Подласый вкладывал в слово «продуктивность» какой-то свой смысл, своё значение.

Среди 9-ти «гносеологических» закономерностей обучения тоже немало интересного. Так, в частности, И.П. Подласый утверждает, что «умственное развитие учеников прямо пропорционально усвоению объёма взаимосвязанных знаний, умений, опыта творческой деятельности»⁶⁸. И в этой формулировке нет удивительного, ведь, как ранее пояснял И.П. Подласый, развитие представляет собой процесс и результат количественных и качественных изменений человека, которые ведут к его духовному «возвеличиванию». Аналогично формулируются П.П. Подласым и другие «частные закономерности» обучения — психологические (20 «закономерностей»), кибернетические (5 «закономерностей»), социологические (5 «закономерностей»), организационные (9

⁶⁷ Подласый И.П. Там же. С. 57.

⁶⁸ Подласый И.П. Там же. С. 251.

«закономерностей»). Но и эти «закономерности» представляют собой лишь вольный перифраз закона сообщающихся сосудов. Количество переходит в количество, да и то с «утечкой» в канале связи.

Количественные изменения, согласно диалектическому материализму, переходят в изменения качественные. Этот закон, дескать, абстрагирован из связи явлений природы, общества и мышления. И даже педология и педагогика должны были демонстрировать справедливость этого «закона». Но у диалектики и в обличии дидактики есть иммунитет от всякого рода нападок «метафизически мыслящих» учёных. Её положения не могут быть опровергнуты ни при каких обстоятельствах: бессильными оказываются и опыт, и логика. В результате и педагогика, вооружённая методологией диалектики, становится всесильной. Но это всесилие софистического толка и позволяет лишь победить в споре, ведь дизъюнкция утверждения и его отрицания выполняется всегда. Решать же задачи образования такая педагогика не в силах, т.к. количественные изменения не переходят в качественные сколько бы мы не старались. Повторение не только не ведёт к новому знанию (без чего не может быть науки и прогресса), но даже не может формировать научные понятия, а без этого уже не может быть и образования.

Глава 3. Закон отрицания отрицания

С диалектическим законом отрицания отрицания связана идея прогресса. Ещё Г.В.Ф. Гегель утверждал, что мы должны рассматривать природу как систему ступеней, каждая из которых необходимо вытекает из другой и является ближайшей истиной, из которой она проистекала. В марксизме с опорой на эту идею строилась вся теоретическая конструкция устремлённости через революцию к светлому коммунистическому будущему. В советский период общественный прогресс признавался теоретиками в качестве постулата, как, собственно, он и был провозглашён Гегелем. Регресс, хотя и временный, могли наблюдать лишь в физике, химии и биологии. Общество, пусть и на разных скоростях, но неуклонно, должно было двигаться по пути прогресса. Так предписывала диалектика Гегеля, так предписывал марксизм. Однако этому «предписанию» следовало придать силу всеобщего закона. При этом сам закон необходимо было многократно обнаружить не только в обществе, но и в природе, и в мышлении.

«Естественники» и философы, следившие за выполнением партийных предписаний в области «объективного» познания, много сделали для утверждения классовой истины. Особенные успехи были достигнуты в педагогике и образовании. В образовательных учреждениях того времени процесс диалектизации шёл почти без помех — как тёплый нож в сливочное масло. Учителя астрономии, физики, химии, биологии и математики были обязаны формировать коммунистическое мировоззрение учащихся посредством раскрытия фундаментальных основ диалектического материализма. Наиболее успешными среди «естественников» оказались биологи, т.к. в помощь им были и Ф. Энгельс, и Т.Д. Лысенко, и учебники биологии, написанные его единомышленниками-ламаркистами. Не особо отставали и другие, хотя трудности и встречались на их пути: сопротивлялась сама природа и некоторые «строптивые» и «дурно воспитанные» физики, уверовавшие в «объективность» знания и непартийную истину.

§1. Циклы Гераклита в марксистско-ленинской истории диалектики

Советские философы-марксисты «официально» утверждали, что диалектический закон отрицания отрицания берёт своё начало от Гегеля. Так,

например, в Философском энциклопедическом словаре 1983 года, вскрывая исторические начала закона отрицания отрицания, автор (не указан) статьи отмечает: «Впервые (закон отрицания отрицания. — В.Ж.) был сформулирован Гегелем, хотя отдельные черты этого закона (диалектический характер отрицания, роль преемственности в развитии, нелинейный характер направления развития) фиксировались и в предшествующей истории философии»⁶⁹.

Обнаруживая «отдельные черты» закона отрицания отрицания в «предшествующей истории философии» советские философы-марксисты обращали внимание на идею Эпикура об отклонении атома, которая «впервые основательно пошатнула теорию круговорота, разделявшуюся многими античными мыслителями, а также избавила мышление человека от скучного однообразия, характерного для прямолинейного развития»⁷⁰. В эту же «предшествующую историю» попал и Платон, выступивший с идеей попятного движения. Существенный вклад в разработку диалектического закона отрицания отрицания, с точки зрения В.К. Бакшутова, внесла и «диалектика Прокла, который одним из первых в истории философии использовал триадическую концепцию развития в качестве метода познания».

Описывая заслуги Гегеля в открытии и формулировке закона отрицания отрицания, автор статьи в Философском энциклопедическом словаре отмечает: «В системе гегелевской диалектики развитие есть возникновение логического противоречия и его снятие; в этом смысле оно есть зарождение внутреннего отрицания предыдущей стадии, а затем и отрицание этого отрицания. Поскольку отрицание предыдущего отрицания происходит путём снятия, оно всегда есть в известном смысле восстановление того, что ранее отрицалось, возвращение к уже пройдённой стадии развития»⁷¹.

Снятие, как известно, предполагает наряду с устраниением наличной формы и сохранение, удержание «старого» в виде подчинённого «момента» во вновь образованной системе. И это «сохранение» во вновь образованной системе «старого» в виде некоего «момента» предлагается рассматривать (видеть) как гарантию возвращения к предшествующей фазе развития.

⁶⁹ Отрицания отрицания закон / Философский энциклопедический словарь. - М., 1983. С. 471.

⁷⁰ Бакшутов В.К. Методологическое значение закона отрицания отрицания / Диалектика отрицания. - М., 1983. С. 73-75.

⁷¹ Отрицания отрицания закон / Философский энциклопедический словарь. - М., 1983. С. 471.

Почему отрицание происходит «путём снятия» остаётся без пояснений. Но снятие, начиная с Гегеля, есть «обогащённое» возвращение к уже пройдённой стадии развития.

Критикуя Гегеля за то, что он «гипертрофировал значение триады как формы действия» закона отрицания отрицания, автор статьи в словаре вместе с тем утверждает: «В материалистической диалектике закон отрицания отрицания рассматривается как закон развития природы, общества и мышления» и предлагает материалистическую формулировку этого диалектического закона: «Согласно закону отрицания отрицания, развитие осуществляется циклами, каждый из которых состоит из трёх стадий: исходное состояние объекта; его превращение в свою противоположность, т.е. отрицание; превращение этой противоположности в свою противоположность»⁷². Однако, в отличие от «метафизически мыслящих философов», которые трактуют отрицание как полное отбрасывание, уничтожение старого, диалектические материалисты, как и Гегель, видят, что во вновь образовавшейся системе в «снятом» виде сохраняется момент старого. В результате такого развития с постоянным возвращением (по малопонятным причинам) к старому, образуется «спираль». В Философском энциклопедическом словаре по этому поводу есть пояснения: «При таком изображении каждый цикл выступает как виток в развитии, а сама спираль - как цепь развития. Хотя спираль и является лишь образом, выражющим связь между двумя или более точками в процессе развития, образ этот удачно схватывает общее направление развития, осуществляемого в соответствии с законом отрицания отрицания: возврат к уже пройдённому является не полным, развитие не повторяет проложенных путей, а отыскивает новые, сообразно с изменением внешних и внутренних условий; повторение известных черт, свойств, уже имевших место на прежних этапах, всегда является тем более относительным, чем сложнее процесс развития».

Удивительно, но, используя для объяснения сути закона отрицания отрицания «циклы», автор «энциклопедической» статьи не упоминает Гераклита — основоположника диалектики, философа, который ещё в V веке до н.э. метко и ёмко заметил, что «совпадает конец и начало у ободка колеса»⁷³. Думаю, что это имеет свои причины, главная из которых —

⁷² Там же. - С. 471.

⁷³ Гераклит Эфесский: Всё наследие. - М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2012. С. 175.

отсутствие прогресса в мирострое Гераклита и его презрение к народовластию.

Цикличность миростроя для Гераклита является естественной и необходимой. Движение мироздания не хаотично, в нём есть вполне определённый порядок, о котором Гераклит говорит: «Это превращение миростроя соблюдает определённый порядок и совершается в силу необходимости Жребия за определённое время в соответствии с некоторыми циклами в течение всей вечности»⁷⁴. Но именно об этом говорит и закон отрицания отрицания в его «официальной» диалектикоматериалистической версии. Вот как это представлено в Философском энциклопедическом словаре: «Закон отрицания отрицания, один из законов диалектики, характеризующий направление процесса развития, единство поступательности и преемственности в развитии, возникновения нового и относительной повторяемости некоторых моментов старого»⁷⁵.

Всё, согласно Гераклиту, подвержено кругообороту. День сменяется ночью, на смену ночи приходит день. Это происходит благодаря периодичности «возгорания» Солнца. Гераклит раскрывает загадку смены дня и ночи: «Ибо светлое воспарение, воспламенившись в полости Солнца, создаёт день, а преобладание противоположного воспарения производит ночь, из чего следует, что ни день — то новое Солнце. Солнце погасает и снова зажигается. В самом деле Солнце каждый день зажигается в восточном море и гаснет вечером, при заходе, погружаясь в западное море, из-за царящего там холода. Затем, пройдя под Землёй и достигнув востока, солнечный факел снова загорается каждое утро из-за царящего там жара. И так происходит всегда. Точно так же, ежедневно, зажигаются и гаснут все прочие светила»⁷⁶. Дни и ночи тоже вполне «законно» собираются в недельные циклы. С точки зрения Гераклита, это имеет своё обоснование: «Согласно раскладу периодов, время в седмицы собирается соответственно fazам Луны, но делится на сезоны согласно семи звёздам Медведицы, знакам негибнущим Памяти».

Всё подвержено круговращению, даже души. Они, как и другие элементы миростроя, тоже втянуты во взаимопревращения вещей. Гераклит в этой связи отмечает: «И в самом деле души тоже следуют путём вверх-вниз в

⁷⁴ Там же. - С. 204.

⁷⁵ Отрицания отрицания закон / Философский энциклопедический словарь. - М.:Советская энциклопедия, 1983. С. 471.

⁷⁶ Гераклит Эфесский: Всё наследие. - М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2012. С. 175.

взаимопревращениях вещей. Для душ смерть — водою стать, а для воды смерть — землёю стать. Из земли же вода рождается, а из воды мировая Душа»⁷⁷.

Завершится и народовластие, «свидетелей лжи и сплетателей, разумеется, Правда настигнет». Их покарает Огонь, который придёт и расставит всех по своим местам. «И лишь чистая, бестелесая и праведная душа, — по мнению Гераклита, — взлетит на небесные высоты, вернётся в родные места». При этом наилучшим душам суждено превратиться из человека в героя, а из героя — в божество. Иные же, те, которые при жизни нажирались «словно скоты», мерили благополучие «брюхом и срамом, постыднейшим в нас», изгнали Гермодора, «из них наиполезнейшего», будучи влажными и тяжёлыми, попадут в глубины земли. Им было бы даже «поделом перевешаться всем». Их «освобождённым» душам не позавидуешь. И Гераклит говорит почему: «Душа же, к которой примешано тело, насыщенная им, тяжёлая и тумановидная, как испарение, с трудом загорается и возносится. Ставшая влажной и тяжёлой, опускается в глубины земли». Таким образом народ, установивший демократию и изгнавший лучшего, согласно Гераклиту, который внемлет самому Речению, будет посрамлён и предан Огню. Люди останутся людьми. Жадные и глупые, самодовольные и агрессивные — вот суть большинства. А если сбудутся все желания такого народа?! И Гераклит знает ответ: «Когда желанья все людей сбываются — не лучше им». Всё вернётся в исходную точку и начнётся новый жизненный цикл, но люди и отношения между ними останутся прежними, ведь глупость неистребима, а многоучёность не учит уму. Всё, согласно Гераклиту, подвержено изменению, но изменение идёт по кругу. Прогрессу в циклах Гераклита нет места. Более того, прогресс и регресс равнозначны не только в философии Гераклита, но и во всех материалистических учениях.

Следует заметить, что и в материалистической диалектике, несмотря на имевшие место внутрипартийные дискуссии, большинство советских философов признавало всеобщий характер закона отрицания отрицания. Так В.Д. Морозов, по-большевистски убедительно, утверждает: «Нет такой области в развитии действительности, где бы не действовал закон отрицания отрицания во всех своих проявлениях, в том числе и в виде движения с возвратами к исходным пунктам на новой основе. Так же как и другие законы

⁷⁷ Там же. - С. 204.

диалектики, закон отрицания отрицания проявляется не в каких-то отдельных случаях, а в важнейших законах развития всех без исключения областей материального мира и его отражения в сознании людей. Этим и доказывается всеобщность данного закона диалектики»⁷⁸. Но в материалистической диалектике каждое завершение цикла не возвращает природу, общество и мышление к исходной точке. Прогресс «выводит» конец очередного цикла несколько выше исходного начала. Ячменное зерно, пройдя циклы отрицания, в результате становится качественно лучше. Это, по утверждению Ф. Энгельса⁷⁹, касается и орхидеи, и бабочки, и математической величины, и философии, и общества. А Б.М. Кедров даже продемонстрировал, что круговорот воды в природе не является «тривиальным движением по кругу». Для этого ему понадобилось рассмотреть не узкие лабораторные рамки цикла вода — пар — вода, а эволюцию небесного тела, на котором есть газообразное состояние вещества (хотя бы водяной пар). Вот как при этих особенностях диалектического мышления цикл превращается в спираль: «Возьмём историю какого-либо небесного тела: будучи вначале раскалённым, оно находится в газообразном состоянии. Его эволюция идёт в сторону постепенного охлаждения, в результате чего рано или поздно газы начинают сгущаться в жидкость, и хотя эта жидкость (например, вода) частично будет испаряться (круговорот воды в природе), но здесь не может быть и речи о полном возврате к исходному пункту: всё это происходит на фоне общей эволюции данного небесного тела в сторону постепенного охлаждения»⁸⁰.

Всё, повторяя в снятом виде прошлые моменты развития, становится, согласно марксистскому закону отрицания отрицания, лучше, прогрессивнее. Особенно это касается философии, достигшей в марксизме своего «апогея», и коммунистического общества, построенного на самом верном в мире учении. Именно марксизм, по мнению своих апологетов, впитав в себя всё лучшее из немецкой классической философии, английской политэкономии и французского утопического социализма, произвёл не только революцию в истории общественной мысли, но и привёл к коренному перелому в

⁷⁸ Морозов В.Д. О диалектическом отрицании и отрицании отрицания / Диалектика отрицания отрицания. - М.: Политиздат, 1983. С. 133.

⁷⁹ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведённый господином Евгением Дюрингом. - М., 1988. - 482 с.

⁸⁰ Кедров Б.М. Отрицание отрицания как один из основных законов материалистической диалектики / Диалектика отрицания отрицания. - М., 1983. С. 24.

освободительном движении рабочего класса и его союзников. При этом почему-то дальнейшего витка в спирали учений об обществе уже не может быть, т.к. предполагается, что марксизм в общем виде решил все задачи, стоящие перед человечеством, оставив своим последователям лишь возможность «частных» проектов. И если в истории предшествующей философии учения сменяли друг друга, то марксизм уже некому и нечем сменить, он может лишь совершенствоваться внутри себя. М.Г. Макаров в этой связи отмечает: «Как мировоззренческий синтез бурно прогрессирующих знаний, как метод, пронизывающий науки о природе и обществе, духовную жизнь и практику, марксистско-ленинская философия непрерывно обогащается и развивается на основе собственных принципов. В предшествующие же эпохи развитие философии осуществлялось в порядке смены учений, школ, направлений»⁸¹. Аналогично и с обществом — коммунизм завершает спираль развития. Г.И. Бондарев об этом говорит: «Безусловно, виток спирали, начавшийся с первобытного общества и идущий через антагонистические формации к коммунизму, означает определённую завершённость в развитии общества, как и всякий виток спирали, но завершённость лишь в рамках предыстории человечества. Завершение развития общества как смены способов производства означает, что данная спираль действительно продолжения иметь не будет»⁸². Спираль бесконечного развития закончилась? Нет, этого не может быть по определению. Просто «путеводная» спираль будет уже иной. И Г.И. Бондарев поясняет коллизию «закона» диалектического развития: «Однако, без сомнения, и с наступлением подлинной истории человечества развитие общества будет носить спиралевидный характер, но спираль эта будет разворачиваться на новой основе». И всё! Проще «заменить» спираль, оставив её как основополагающую метафору закона развития, нежели признать более адекватной метафору Гераклита.

Время обращения для различных явлений, в версии Гераклита, разное, но не произвольное. Определяет периоды и следит за их исполнением Солнце. Гераклит так и говорит: «Солнце — надсмотрщик периодов, дабы ограничивать перемены и годины, что всё нам приносят»⁸³. Для одних это

⁸¹ Макаров М.Г. Развитие понятий и предмета философии в истории учений. - Л.:Наука, 1982. С. 191.

⁸² Бондарев Г.И. Всеобщ ли закон отрицания отрицания? / Диалектика отрицанияотрицания. - М.: Политиздат, 1983. С. 119.

⁸³ Гераклит Эфесский. Там же. - С . 210.

время исчисляется минутами и часами, для других месяцами, годами и тысячелетиями. Так, в частности, период Великого года состоит из 10800 солнечных лет, а цикл рождений составляет, согласно Гераклиту, тридцать лет. «Тридцать лет — говорит Гераклит — генея или колесо рождений, в течение которого родитель получает дитя от собственного дитя и природа возвращается от осеменения к осеменению»⁸⁴. Аналогично и в диалектике марксистов - различные циклы имеют разную временную длительность. А.И. Игнатов, описывая прогресс живой природы как специфическое проявление закона отрицания отрицания, отмечает: «Бактерии осуществляют самоотрицание и воспроизведение своей жизни в потомках каждые 20 мин. У многоклеточных, особенно у высших животных и растений, время жизни особей удлиняется до десятков, сотен и тысяч лет за счёт усложнения цикла индивидуального развития, полового способа размножения и других приобретений. Но и здесь смерть остаётся неизбежным следствием их жизнедеятельности»⁸⁵. Признаёт материалистическая диалектика и другие временные промежутки при описании циклов.

Цикличность для Гераклита очевидна, как, собственно, и для его «несмышлённых» соотечественников-эфесян. День сменяет ночь, а за ночь обязательно будет день. Между ночью и днём есть фазы, содержащие в себе не только прошлое в «снятом» виде, но потенциальное будущее — утро и вечер. Аналогичным циклам подвержены и времена года. За летом приходит осень, за осенью идёт зима, которая переходит в весну и далее уже в лето, которое и начинает новый круг, ведь «совпадает конец и начало у ободка колеса». Почти столь же очевидным является и кругооборот воды в природе. В представлении Гераклита это выглядит следующим образом: «В то время как земля остаётся на месте, окружающая её влага под действием лучей и других верхних источников тепла превращается в пар и поднимается вверх. Но когда тепло, поднимающее влагу, покинуло её, тогда охлаждённый пар снова сгущается, а из воздуха образуется вода. Образовавшаяся вода вновь устремляется на землю. Ведь воспарение из воды — это пар, воспарение, точнее было бы сгущение из воздуха в воду — облако, а туман — остаток от сгущения в воду, т.е. от облака. Этот круг подражает кругу солнца, ибо вместе с его (солнца) движением по наклонной и он (круг влаги, точнее: сама влага)

⁸⁴ Гераклит Эфесский. Там же. - С. 198.

⁸⁵ Диалектика живой природы / Под ред. Н.П. Дубинина, Г.В. Платонова. - М.,

движется то вверх, то вниз. Это следует себе представить *в виде потока, который течёт по кругу и вверх и вниз и совмещает воздух и воду*. Когда солнце близко, поток пара течёт вверх, а когда удалено, поток воды течёт вниз. И это имеет склонность так происходить постоянно, согласно порядку»⁸⁶.

Однако, в отличие от «простых» тружеников Эфеса, которые «слушая, глухонемым подобны», Гераклит не только видит, он ещё и разумеет, внемля самому Речению. А внемля Речению, Гераклит усматривает причины, по которым в мире всё совершается согласно циклам: «День, ночь, месяцы, сезоны, годы, равно как и дожди, ветры и подобные явления — вызываются различными воспарениями». Есть свои причины и для смены фаз Луны. Гераклит это представляет следующим образом: «Месячные «затмения» Луны (=новолуния) происходят так же, как и солнечные, из-за поворота её чашеобразной колесницы. Месячные её фазы происходят вследствие медленного вращения её сосуда вокруг себя».

Но это ещё не всё. Гераклит почти на 2500 лет опережает открытие советских философов-марксистов, которые, применяя «системную методологию», пришли к заключению, что в системе возможно изменение лишь наличных элементов (количественное и/или качественное) и связей (отношений) между ними (см., например, монографию). С точки зрения Гераклита, постоянно изменяющийся мир, будучи составленным из счётного множества элементов и их состояний, не может выйти за пределы этого множества посредством Раздора и Розни, ведущих к рождению мироздания и Согласия и Мира, ведущих к воспламенению. Поняв это, Гераклит вполне осознанно говорит: «Элементы Всеселого — земля, вода и прочие — обращаются и обмениваются постоянно вдоль одного и того же пути вверх-вниз, прямого и кривого». Смерть огня рождает воздух, смерть воздуха рождает воду, смерть воды рождает землю — так завершается путь вниз. Смертью земли и рождением воды начинается путь вверх. Смерть воды рождает воздух, а смерть воздуха порождает огонь. Гераклит утверждает, что «путь вверх-вниз один и тот же: путь прямой». Есть и «кривой» путь изменения миростроя, но и он не выводит «колесо» истории за пределы наличных элементов бытия. Гераклит говорит: «Жив огонь земли смертью, воздух жив огня смертью, вода жива воздуха смертью, земля жива смертью воды: тот же путь кривой». И даже более того, «письмен (=элементов) путь прямой и

⁸⁶ Гераклит Эфесский. Там же. - С. 211.

кривой — один путь и тот же».

Да, у Гераклита циклы не вытягиваются в диалектико-материалистическую «спираль», ведь, с его точки зрения, совпадает конец и начало у ободка колеса. Но значит ли это, что Гераклит не признаёт развитие, столь важное для философов от (для) революции? Не вызывает сомнений, что Гераклит признаёт движение, ведь «всё течёт» и «ничто не стоит на месте», и даже, «отдых, — с его точки зрения, — в подвижности». Можно, конечно, признавать движение, но при этом не видеть изменений качественных, т.е. таких, которые, собственно, и определяют развитие. Но и это не про Гераклита, который полагает, что всё не просто течёт, всё — изменяется. Вот метафора Гераклита по этому поводу: «И в огонь обращается всё и огонь — во всё, так же, как червонцы в золото и золото в червонцы. И как червонцы — из оплавляемой золотины, так и все вещи из огня возникают и в огонь разрешаются». Всё, абсолютно всё изменяется, качественно изменяется, а, значит, развивается. Но бытие, «перебирая» в движении свои формы и состояния, не может выйти за свои пределы. И потому оно вынуждено быть зацикленным в себе. Гераклит в этой связи говорит: «Одно и то же для Единого живое и мёртвое, одно и то же бодрое и спящее, и юное, и старое. Ибо то, обернувшись, есть это, а это, вновь обернувшись, первое». И «обернуться», согласно Гераклиту, можно не только по направлению вверх или вниз, но ещё и пройти этот «круговорот» по прямому или кривому пути. Нельзя лишь выйти за пределы «круга» бытия.

Но тогда, быть может, мир развивается не по «спирали», а по «циклу», у которого, как у колёсного ободка совпадает конец и начало? И надо лишь дождаться, дождаться и увидеть, как «спираль» в верхней своей точке «обернётся» и сомкнётся со своим началом, со своей нижней точкой, пойдя вверх или вниз по «прямому» или «кривому» пути, образовав, тем самым, круг. И так изо дня в день, из года в год, от Великого года к великому году. Надо лишь дождаться и тогда, у того кто будет помнить, появится возможность увидеть и понять, что всё не только изменчиво, но ещё и циклично.

§2. О всеобщности диалектического закона отрицания отрицания

В начале 80-х годов XX века в советской философии почему-то произошла дискуссия о диалектическом законе отрицания отрицания, точнее, о его

статусе всеобщности. Одна группа участников диспута (В.К. Бакшутов⁸⁷, Б.М. Кедров⁸⁸, В.В. Орлов⁸⁹, В.И. Свидерский⁹⁰ и др.) отстаивала тезис классического марксизма о всеобщности закона отрицания отрицания. Другая, значительно меньшая по числу участников, группа этого диспута (Г.И. Бондарев⁹¹, Л.Е. Даниленко и Ф.Н. Рекунов⁹²) не считала закон отрицания отрицания всеобщим, т.к., с их точки зрения, этот диалектический закон распространяется лишь на прогрессивное развитие, оставляя в стороне регресс, хотя понятие развития включает в себя в качестве форм проявления и прогресс и регресс.

Следует отметить, что и классики диалектического материализма дали повод к некоторым разногласиям в связи со статусом всеобщности закона отрицания отрицания. Так Ф. Энгельс, характеризуя закон отрицания отрицания, не говорит напрямую о его всеобщности: «Весьма общий и именно потому весьма широко действующий и важный закон развития природы, истории и мышления; закон, который, как мы видели, проявляется в животном и растительном царствах, в геологии, математике, истории, философии...»⁹³. «Весьма общий» и «весьма широко действующий», пусть при этом и «важный», но всё же не всеобщий. В «Диалектике природы» Ф. Энгельс разъясняет своё понимание всеобщности на примере закона сохранения и превращения энергии. Утверждение, что трение производит теплоту, есть суждение единичное. Особенным суждением будет утверждение, согласно которому механическая (особенная) форма движения может переходить при особых обстоятельствах в другую особую форму движения (в теплоту). И, наконец, всеобщим суждением будет утверждение о том, что любая форма движения может превращаться в любую другую форму движения. Ф. Энгельс так говорит об этом: «Дойдя до этой формы, закон достиг своего последнего

⁸⁷ Бакшутов В.К. Методологическое значение закона отрицания отрицания / Диалектика отрицания отрицания. - М.: Политиздат, 1983. С. 72 - 89.

⁸⁸ Кедров Б.М. Отрицание отрицания как один из основных законов материалистической диалектики / Диалектика отрицания отрицания. - М.: Политиздат, 1983. С. 9-27.

⁸⁹ Орлов В.В. О всеобщем характере закона отрицания отрицания / Диалектика отрицания отрицания. - М.: Политиздат, 1983. С. 99 - 112.

⁹⁰ Свидерский В.И. О современном понимании закона отрицания отрицания / Диалектика отрицания отрицания. - М.: Политиздат, 1983. С. 59-71.

⁹¹ Бондарев Г.И. Всеобщ ли закон отрицания отрицания? / Диалектика отрицания отрицания. - М.: Политиздат, 1983. С. 113 - 120.

⁹² Даниленко Л.Е., Рекунов Ф.Н. О месте закона отрицания отрицания в системе законов диалектики / Диалектика отрицания отрицания. - М.: Политиздат, 1983. С. 28-38.

⁹³ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведённый господином Евгением Дюрингом. - М., 1988. С. 140.

выражения. Посредством новых открытий мы можем доставить ему новые подтверждения, дать ему новое, более богатое содержание. Но к самому закону, как он здесь выражен, мы не можем прибавить больше ничего. В своей всеобщности, в которой и форма и содержание одинаково всеобщи, он не способен ни к какому дальнейшему расширению: он есть абсолютный закон природы»⁹⁴.

Похоже, что у Ф. Энгельса всё же были сомнения по вопросу о всеобщности закона отрицания отрицания: либо у него были примеры, выходящие за наличную формулировку закона, либо форма и содержание закона были не в полной мере всеобщими (что, собственно, и давало шанс для «неудобных» фактов). Хотя Б.М. Кедров и не согласен с якобы имевшим место сомнением автора «Диалектики природы» и «Анти-Дюринга» в отношении всеобщности закона отрицания отрицания, т.к., по его утверждению, сам Энгельс «на этой же странице» признаёт, что диалектика и есть наука о всеобщих законах. По мнению Т.И. Ойзермана, противоречия во взглядах Ф. Энгельса на развитие всё же имеют место и объясняются они исходными теоретическими и идеологическими установками. «Энгельс, — утверждает своё мнение Т.И. Ойзерман, — по-видимому, полагал, что в процессе взаимодействия прогрессивных и регрессивных тенденций первая из них оказывается более мощной, преобладающей, так что в конечном счёте именно она, во всяком случае в общественном развитии, определяет его направление и результаты»⁹⁵. Признавая, как и положено марксисту, наличие прогресса в истории, Т.И. Ойзерман вместе с тем диалектически утверждает, что этот закон «вовсе не носит всеобщего характера, в особенности потому, что не только процесс развития, но и его результат заключают в себе как прогрессивные, так и регрессивные тенденции»⁹⁶. Хороший поворот мысли. Дескать, прогресс в истории имеет место, но этот же прогресс, точнее его результат, заключает в себе и регрессивные тенденции. Но в истории, несмотря на эти «регрессивные тенденции», мы и далее будем наблюдать прогресс, который будет включать в себя «регрессивные тенденции». И так до бесконечности. Почему же тогда прогрессивное развитие не является всеобщим законом?! Кое-что в «сомнениях» Ф. Энгельса косвенно проясняет

⁹⁴ Энгельс Ф. Диалектика природы. - М., 1982. С. 193.

⁹⁵ Ойзерман Т.И. Опыт критического осмысливания диалектического материализма /Вопросы философии. - 2000. - №2. С. 22.

⁹⁶ Там же.

и С.Г. Шляхтенко, замечая: «Уже при беглом обзоре историко- философского материала по данной проблеме выявляется интересное обстоятельство. Ни одно сколько-нибудь значительное направление материализма, включая античный материализм, не выдвигает и не защищает идею поступательного развития как всеобщего закона»⁹⁷. Интересно обстоятельство. Полагаю, что Ф. Энгельс не мог этого не знать. Преимущественное направление в развитии, если оно есть не самом деле, а не является выдумкой идеологов революции, должно иметь свои «законные» причины, которых не наблюдается среди движущихся атомов.

Но кроме схоластической традиции в поиске и преодолении сомнений были (и есть) и другие поводы и причины усомниться во всеобщности закона отрицания отрицания.

Так, по мнению Г.И. Бондарева, если принять официальную (согласно «каноническому» тексту «Философской энциклопедии») формулировку этого закона, в которой утверждается, что направление развития носит поступательный, прогрессивный характер, то вместе с всеобщностью закона придётся признать и всеобщность прогресса, а это не так. Г.И. Бондарев в этой связи отмечает: «Авторы, постулирующие всеобщность закона отрицания отрицания, постулируют и всеобщность прогресса. Между тем если безусловно можно утверждать, что общество в целом развивается прогрессивно, то о живой, а тем более о неживой природе этого сказать нельзя. И это признаётся сейчас всё большим числом авторов»⁹⁸. Более того, если признать прогрессивное развитие для мира в целом, тогда, с точки зрения Г.И. Бондарева, необходимо будет признать и начало мира во времени, а, следовательно, и его сотворимость. И хотя «железный» аргумент о начале, связанном, якобы сугубо с «сотворением» в стане воинствующих атеистов и мог иметь некую силу убеждения, но за пределами этого партийного сообщества вполне допускается, что начало может вполне обходиться и без «сотворения». В этой связи нет смысла в контексте нашего исследования брать во внимание такую «железную» аргументацию.

Совсем иначе выглядит аргумент об отсутствии прогресса в неживой природе. Сам Г.И. Бондарев, хотя и не приводит примеров регресса в неживой природе, вместе с тем утверждает: «Прогрессивные процессы развития в

⁹⁷ Шляхтенко С.Г. Категории качества и количества. - Л., 1968. С. 92.

⁹⁸ Бондарев Г.И. Всеобщ ли закон отрицания отрицания? / Г.И. Бондарев // Диалектика отрицания отрицания. - М., 1983. С. 118.

природе не являются преобладающими даже количественно, развитие там носит многонаправленный характер. Если в живой природе прогресс является по крайней мере базовым направлением развития, то в неживой природе и об этом говорить не приходится»⁹⁹.

За четверть века до Г.И. Бондарева на проблему прогресса в развитии неорганической материи обратил внимание С.Т. Мелюхин. Свою позицию по этому вопросу он высказал следующим образом: «Прежде всего, понятие прогресса, столь очевидное в обществе и даже в живой природе, здесь становится весьма неопределенным. Наблюдая различные превращения материи — переход диффузного вещества в звёзды и обратно, превращения одних элементарных частиц в другие и т.д., — трудно сказать, какая из рассматриваемых форм является более прогрессивной. К подавляющему большинству превращений в неорганической природе понятие прогресса вообще неприменимо»¹⁰⁰. Следует отметить, что и Г.И. Бондарев, и С.Т. Мелюхин, и другие философы, полагающие, что в неорганическом мире понятие прогресса является «весьма неопределенным», делают свои утверждения не на пустом месте. В астрономии, физике и химии известно довольно много явлений, которые, если даже и «укладываются» в формулу двойного отрицания, то к прогрессу не имеют никакого отношения.

Можно ли, к примеру, назвать прогрессом, явление отрицания днём ночи, или наоборот — ночью дня? Является ли зима прогрессивной по отношению к лету, а лето к зиме? Но, ведь, и они отрицают друг друга. В химии давно уже известны реакции агрегации и дезагрегации частиц. Но можно ли образовавшееся соединение (агрегат) считать прогрессивным по отношению к составившим его элементам? Если с этим согласиться, тогда придётся распад (дезагрегацию) соединения считать регрессом. Однако, приняв за прогресс агрегацию, а за регресс дезагрегацию, мы рискуем не увидеть всеобщности прогресса, который предполагается законом отрицания отрицания в неорганической природе, т.к. в химических системах энтропийному фактору, ведущему к дезагрегации частиц и рассеянию вещества, противостоит энталпийный фактор, ведущий частицы к агрегации за счёт межмолекулярного взаимодействия и «сброса» запасов энергии системы до минимума. При этом далеко не факт, что энталпийный фактор преобладает

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Мелюхин С.Т. Проблема конечного и бесконечного (философский очерк). - М., 1958. С. 202.

над энтропийным. Большинство физиков уверено в обратном.

С.Г. Шляхтенко вообще считает, что понятия «прогресс» и «ретресс» не могут применяться к описанию биологических или неорганических объектов, т.к. исторически они возникли для квалификации общественной жизни и включают в себя моральную и эстетическую оценку явлений. Если же по каким-то причинам эти понятия всё же используются для характеристики тех или иных биологических или неорганических процессов, тогда, по мнению С.Г. Шляхтенко, «содержание их будет существенно иным, нежели в общественных науках».

Но Б.М. Кедрову нет дела до таких мелочей. В результате он решительно всё ставит по своим местам. Для начала академик приводит ещё одну цитату из текста Ф. Энгельса, в которой речь идёт о всеобщем статусе всех законов диалектики: «Но диалектика и есть не более как наука о всеобщих законах движения и развития природы, человеческого общества и мышления». Не ограничиваясь ссылкой на авторитет, Б.М. Кедров обращает внимание на так называемые круговые процессы, которые якобы происходят в неорганической природе. Дескать, нет никакого развития при кругообороте воды в природе, или превращении жёсткого гамма-фотона в электрон и позитрон, а затем при их слиянии (аннигиляции) назад в гамма-фотон. Б.М. Кедров решительно отвергает эти примеры в качестве доказательства «топтания на месте» неорганической природы, т.к., с его точки зрения, «здесь вырывается лишь одно звено из всей цепи развития, исключается возможность перехода к следующему звену».

Всё, по мнению Б.М. Кедрова, происходит в полном согласии с законом диалектики, надо лишь расширить границы наблюдения. В эволюционирующем небесном теле, начиная с его раскалённого состояния, «рано или поздно газы начинают сгущаться в жидкость, и хотя эта жидкость (например, вода) будет частично испаряться (круговорот воды в природе), но здесь не может быть и речи о полном возврате к исходному пункту: всё это происходит на фоне общей эволюции данного небесного тела в сторону постепенного охлаждения». Замечательный пример развития! Замечательный пример эволюции! Тепловая смерть «небесного тела» — итог его прогресса. Об этом нам говорит диалектический закон отрицания отрицания?

В каноническом тексте речь, всё же, идёт о развитии, т.к. закон отрицания отрицания характеризует «направление процесса развития, единство

поступательности и преемственности в развитии, возникновения нового и относительной повторяемости некоторых моментов старого». При этом развитие, хотя и допускает «тупиковые» регрессивные линии, связанные с кратковременной деградацией, понижением уровня организации и пр., всё же в рамках более общей системы идёт по пути прогресса.

Но этот путь прогресса беспрекословно признавался советскими философами лишь для развития общества. В природе закон отрицания отрицания, с его устремлённостью к прогрессу, давал, по мнению некоторых философов-марксистов, «сбои», ведущие не только к регрессу, но даже и к тепловой смерти Вселенной. И.С. Кон, раскрывая суть прогресса в «Философском энциклопедическом словаре», отмечает: «Возникнув на почве социальной истории, понятие прогресса было в 19 в. перенесено и в естественные науки. Здесь, как и в общественной жизни, оно имеет не абсолютное, а относительное значение. Понятие прогресса неприменимо ко Вселенной в целом, т.к. здесь отсутствуют однозначно определённое направление развития, и ко многим процессам неорганической природы, имеющим циклический характер. Проблема критериев прогресса в живой природе вызывает споры среди ученых»¹⁰¹.

Складывается впечатление, что И.С. Кон, как и некоторые его коллеги, отошёл от идеалов оптимизма и всеобщего прогресса, принятых в марксизме.

Присоединяются к критике статуса всеобщности закона отрицания отрицания Л.Е. Даниленко и Ф.Н. Рекунов, по утверждению которых не только Вселенная в целом идёт в направлении деградации, но и звёзды и даже планеты. Вот их мнение в отношении эволюции планет: «Не является прогресс единственным и обязательным путём развития и для планет. Планетологи считают, что Земля — определённо нетипичный образец среди всех планет»¹⁰².

Не может не вызывать удивление «поражёнская» позиция некоторых советских философов, отказавшихся признать статус всеобщности в отношении диалектического закона отрицания отрицания, ссылаясь, как на аргумент, на «данные науки» и «споры среди учёных», ведь марксизм-ленинизм всегда был против позитивизма, который, «отняв» у философии право на самостоятельное существование, уходил от решения коренных

¹⁰¹ Кон И.С. Прогресс / Философский энциклопедический словарь. - М., 1983. С. 535.

¹⁰² Даниленко Л.Е., Рекунов Ф.Н. О месте закона отрицания отрицания в системе законов диалектики / Диалектика отрицания отрицания. - М., 1983. С. 33.

философских проблем, отдавая приоритет частным научным исследованиям. Тем более непонятным является отношение некоторых советских философов к «космологическим» идеям, которые, по утверждению И. Канта¹⁰³, собственно, и являются прерогативой диалектики. Такой взгляд некоторых советских философов-марксистов на статус закона отрицания отрицания аналогичен ереси в христианстве. В диалектике, созданной Г.В.Ф. Гегелем, в самих её основаниях заложена «непогрешимость». Её положения в принципе не могут быть не всеобщими. На меньшее, уже изначально, она и не претендовала. Диалектика имеет силу во всём — и в образованиях природного и духовного мира. Г.В.Ф. Гегель недвусмысленно охарактеризовал претензию диалектики: «Мы говорим, что все вещи (т.е. всё конечное как таковое) предстают перед её судом, и мы, следовательно, видим в диалектике всеобщую непреодолимую власть, перед которой ничто не может устоять, сколь бы обеспеченным и прочным оно себя ни мнило»¹⁰⁴.

В этой связи определённый интерес представляет точка зрения В.Л. Обухова^[24] на статус закона отрицания отрицания. С одной стороны, он «как бы» возвращается к истоку закона отрицания отрицания, который, по его мнению, связан с триадической формулой Гегеля. И, казалось бы, следуя логике объективного идеализма, мы вполне должны ожидать признания всеобщности закона отрицания отрицания. Но, отказавшись от «объективности» идеи, «объективности» мысли, В.Л. Обухов даёт собственную «материалистическую» характеристику этому закону диалектики, из которой следует, что в марксизме действие двойного отрицания должно рассматриваться сугубо на материале мышления¹⁰⁵. При этом на поверку оказалось, что В.Л. Обухов в своём ограничении статуса закона отрицания отрицания перешёл не на позиции материалистической диалектики, а на позиции субъективного идеализма.

В.В. Орлов в вопросе о всеобщем характере закона отрицания отрицания отстаивает диалектику, заодно демонстрируя беспрогрышную эффективность того метода, с помощью которого в ней конструируются понятия. Опираясь на «диалектический синтез», В.В. Орлов утверждает: «Развитие есть поэтому интегральный прогресс, т.е. движение от низшего к

¹⁰³ Кант И. Критика чистого разума. - М.: Эксмо, 2011. - 736 с.

¹⁰⁴ Гегель, Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. - М., 1974. С. 208.

¹⁰⁵ Обухов В.Л. Сущность триадической формы закона отрицания отрицания / Диалектика отрицания отрицания. - М.: Политиздат, 1983. С. 44 - 58.

высшему, включающее в себя подчинённые ему регресс, круговороты, «однoplоскостное изменение». Развитие — это прогресс, опосредованный регрессом¹⁰⁶. И всё! А если в «наблюдаемой нами Вселенной» условия радикально изменятся, тогда из «синтеза определений» доминирующими станет другая тенденция, и это не будет противоречить диалектике.

Не менее диалектично поступил и В.Д. Морозов¹⁰⁷, отстаивая всеобщность закона отрицания отрицания. Вероятно, понимая, что развитие «по Б.М. Кедрову» не может в своём итоге рассматриваться как прогрессивное, а ведёт лишь к тепловой смерти Вселенной, он, в традициях, идущих ещё от античной софистики, утверждает, что далеко не все отрицания могут быть признаны диалектическими, а лишь те из них, которые соответствуют закону двойного отрицания и ведут спиралеобразно к прогрессу. Вступая в дискуссию, В.Д. Морозов заявляет: «Мы не согласны с мнением некоторых авторов, которые пытаются представить любое отрицание как диалектическое на том основании, что в объективном мире все процессы диалектичны. Имеется ряд простых внешних отрицаний, которые не могут считаться необходимыми моментами развития какого-то конкретного системного объекта». В этом контексте превращения агрегатных состояний вещества, хотя и являются диалектическими, т.к. взимопереходы «противоположностей» происходят сообразно с законом перехода количественных изменений в качественные и обратно, вместе с тем не могут рассматриваться сообразно закону отрицания отрицания. Для того, чтобы отрицание было признано диалектическим, с точки зрения В.Д. Морозова, «необходимо ещё самоотрицание как результат внутренних противоречий, а также переход на более высокую ступень, создающий возможность для нового этапа развития». Тонко сработано. Закон отрицания отрицания является всеобщим, но эта всеобщность ограничена лишь теми процессами, которые могут быть описаны с помощью этого «всеобщего закона». По аналогии можно утверждать, что этот камень самый большой, но (при обнаружении, что это не соответствует действительности) лишь из тех камней, которые мы считаем меньшими по отношению к определённому нами в качестве «самого большого». И всё!

В некотором смысле позицию В.Д. Морозова об избирательной

¹⁰⁶ Орлов В.В. О всеобщем характере закона отрицания отрицания / Диалектика отрицания отрицания. - М., 1983. С. 99 - 112.

¹⁰⁷ Морозов В.Д. О диалектическом отрицании и отрицании отрицания / Диалектика отрицания отрицания. - М., 1983. С. 121 - 134.

всеобщности закона отрицания отрицания поддерживает из 1958 года С.Т. Мелюхин, который, как выше уже отмечалось, признаёт, что к «подавляющему большинству превращений в неорганической природе понятие прогресса вообще неприменимо»¹⁰⁸, при этом, вопреки «подавляющему большинству», прогрессивное развитие почему-то оказывается неизбежным. С.Т. Мелюхин резюмирует: «Что же касается самого факта развития неорганической материи, то он не подлежит сомнению». Почему? Почему к подавляющему большинству превращений в неорганической природе понятие прогресса вообще неприменимо, а неорганическая материя, тем не менее, развивается? Всё дело в диалектике?

На этом дискуссию о всеобщем статусе закона отрицания отрицания можно было бы и закончить, утвердив в качестве верной, точку зрения В.Д. Морозова. Диалектический метод, как известно, и разрабатывался Гегелем на основе позиций софистики и скептицизма¹⁰⁹. В результате, впитав в себя вместе с методологией и непобедимость этих философских доктрин, диалектика, как это некогда прокомментировал

К.Р. Поппер, превратилась в «непроницаемый догматизм, не воспринимающий никакой критики»¹¹⁰. Но своей «диалектикой» В.Д. Морозов подставил под критику диалектику материалистическую, согласно которой противоречия не являются сугубо результатом нашего мышления, противоречия «пронизывают» органическую и неорганическую природу, из них «соткана» вся природная реальность.

По сути, В.Д. Морозов встал на позиции Г.В.Ф. Гегеля, для которого всё действительное — разумно, а разумное — действительно. Ведь действительность, согласно точке зрения объективного идеализма, «так мало противостоит разуму, что она, наоборот, насквозь разумна, и то, что неразумно, именно поэтому не должно рассматриваться как действительное»¹¹¹. Очевидно, что и В.Д. Морозов, в своём отстаивании всеобщности закона отрицания отрицания, придерживается именно этой доктрины, ведь в диалектике материалистической, понятие действительности, как подлинной реальности, совпадает с понятием материи. Однако, если всё же последовательно стоять на позициях диалектики, ядром

¹⁰⁸ Мелюхин С.Т. Проблема конечного и бесконечного (философский очерк). - М., 1958. С. 202.

¹⁰⁹ При чём тут скептицизм?! — Warrax

¹¹⁰ Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т.2. - М., 1992. С. 50.

¹¹¹ Гегель, Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. - М., 1974. С. 314.

которой является закон единства и борьбы противоположностей, тогда мы не столкнёмся с интеллектуальным дискомфортом и при обнаружении противоречий не только между различными понятиями (и категориями) диалектики, а также и внутри каждого из понятий, но даже и между «всеобщими» законами самой диалектики. Надо лишь признать тотальность противоречий, их единство и борьбу. И уже далее, вслед за Ф. Энгельсом, можно утверждать, «что каждый прогресс в органическом развитии является вместе с тем и регрессом, ибо он закрепляет *одностороннее* развитие и исключает возможность развития во многих других направлениях»¹¹². Разве не гениально? И неважно, что вначале прогресс и регресс понимаются в одном смысле, а в конце в ином, главное - диалектическая мысль неопровергима.

В аналогичной методологической канве отстаивает всеобщность закона отрицания отрицания и В.К. Бакшутов^[35]. Признавая обратимость и необратимость качественными, но «относительными» изменениями материальных объектов, В.К. Бакшутов приходит к заключению: «Выход за пределы замкнутой системы двух противоположностей — обратимости и необратимости — имеет своим следствием абсолютный характер развития любой открытой системы»¹¹³. Но необратимость, в видении В.К. Бакшутова, почему-то в результате берёт верх над обратимостью. При этом речь идёт о необратимости прогрессивного развития. Ссылаясь на данные «современной науки», В.К. Бакшутов признаёт, что во вселенной наблюдаются два направления развития: прогрессивное и регрессивное. И в видимой нами вселенной прогресс, в силу закона отрицания отрицания, преобладает над регрессом. В.К. Бакшутов отмечает: «Если бы оба эти направления абсолютно уравновешивали друг друга, то никакого развития не было бы. Наш мир в таком случае оказался бы в положении буриданова осла, вечно выбирающего между прогрессом и регрессом и вечно остающегося в состоянии мёртвого оцепенения»¹¹⁴. Весомый аргумент. Мы, согласно В.К. Бакшутову, не можем признать равноправия прогресса и регресса в связи с тем, что в случае уравновешивания наша вселенная оказалась бы «в состоянии мёртвого оцепенения». Складывается впечатление, что В.К. Бакшутов как-то

¹¹² Энгельс Ф. Диалектика природы. - М., 1982. С. 270.

¹¹³ Бакшутов В.К. Методологическое значение закона отрицания отрицания / Диалектика отрицания отрицания. - М., 1983. С. 72 - 89.

¹¹⁴ Там же.

специфически трактует диалектические предписания и не допускает возможности разделения в пространстве и во времени прогрессивных и регрессивных процессов, как будто вселенная не может в какой-то промежуток времени двигаться в направлении прогресса, а затем наоборот, и так вплоть до тепловой смерти и/или следующего рождения-взрыва. Во вселенной Гегеля вполне «уживались» прогресс с регрессом, эволюция с эманацией. Вот что Гегель в этой связи утверждал: «Каждая из этих форм, взятая для себя, является односторонней, они существуют одновременно; вечный божественный процесс есть поток, текущий в двух направлениях, которые, однако, встречаются в одной точке и взаимно проникают друг друга»¹¹⁵. Впрочем, то же самое говорит и марксист С.Г. Шляхтенко, когда приходит к выводу, что в развитии материи отсутствует генеральное направление, а сама идея поступательного развития по отношению к материи как таковой и лишена смысла, и логически «эквивалентна противоположной ей идее всеобщего регрессивного развития»¹¹⁶.

В результате диспут советских философов не послужил началом для преодоления разногласий в споре о всеобщем статусе закона отрицания отрицания. Думаю, что консенсус и не мог быть достигнут, ведь участники дискуссии в отстаивании своих позиций стояли на различных методологических платформах. Одни в своём видении проблемы оставались приверженцами методологии диалектики и исходили и в понимании отрицания, и в понимании снятия из синтетических определений; мышление в этой методологической установке — спекулятивное мышление, «презирающее» требования формальной логики, которое если и останавливается на ограниченных определениях, то лишь для того, чтобы снять этот недостаток. Другие, хотя и причисляли себя к марксистам, вместе с тем смотрели на проблему с позиций рассудочного мышления и его конечных определений, подчиняющихся законам формальной логики, что и выводило их за пределы диалектики, т.к., согласно Гегелю, истинное «есть в себе бесконечное, которое не может быть выражено и осознано посредством конечного»¹¹⁷.

Заметить в диалектическом законе отрицания отрицания отсутствие признаков всеобщности возможно лишь в том случае, если на этот закон

¹¹⁵ Гегель, Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.2. Философия природы. - М.:Мысль, 1975. С. 41.

¹¹⁶ Шляхтенко С.Г. Категории качества и количества. - Л., 1968. С. 98.

¹¹⁷ Гегель, Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. - М., 1974. С. 135.

посмотреть исходя из представлений о научном законе, в содержание которого и его формулировку заложена возможность фальсификации. Но законы диалектики, прежде всего, являются диалектическими законами, а, следовательно, они исключают возможность фальсификации, т.к. будучи дизъюнкцией утверждения и отрицания, они говорят истину и только истину при любых обстоятельствах.

§3. Отрицание отрицания в живой природе

В советской философии общепринятой, «очевидной» и «безусловной» была точка зрения, идущая ещё от К. Маркса, о прогрессивном характере развития общества. Утверждалось, что развитие идёт «по спирали» в полном соответствии с диалектическим законом отрицания отрицания. Однако, несмотря на жёсткие требования принципа партийности, среди советских философов не было единого мнения в вопросе о применимости закона отрицания отрицания в неорганической природе. При этом в живой природе закон отрицания отрицания, хотя и с небольшими оговорками, но, согласно «общей» точке зрения, «работал», и «работал» на прогресс. А.И. Игнатов, описывая в 1984 году свою точку зрения на прогресс живой природы в качестве специфического проявления закона отрицания отрицания, отмечал: «Живой природе присуща ведущая роль прогрессивных линий развития в диалектике соотношения прогресса и регресса, направленность прогрессивного развития на наиболее полное проявление свойств и возможностей биотической организации, повышение уровня организации живой природы»¹¹⁸. Интересная теоретическая установка, хотя и напоминает своей внешностью эмпирическое обобщение с присущей ему претензией на закон природы. Так ли это? Наблюдаем ли в живой природе прогресс, и совершается ли он спиралеобразно в полном соответствии с законом отрицания отрицания?

У Г.В.Ф. Гегеля не было сомнений по этим вопросам. С его точки зрения очевиден и прогресс, и закон двойного отрицания, в полном согласии с которым этот прогресс происходит. Ведь природа, будучи идеей в форме и nobытия, в своём отрицании вновь порождает дух, пусть и человеческий. Истоком этих превращений духа служит сама божественная идея, которая «именно и состоит в том, что она решается положить из себя это иное и снова

¹¹⁸ Диалектика живой природы / Под ред. Н.П. Дубинина, Г.В. Платонова. - М., 1984. С. 159.

вобрать его в себя, чтобы стать субъективностью и духом»¹¹⁹. Но Гегель не был бы диалектиком, если бы ограничился лишь прогрессом. Наравне с прогрессом (эволюцией) Гегель признаёт и регресс (эманиацию). В одном направлении жизнь развивается как это описывается в эволюционном воззрении, т.е. от «несовершенного» и «бесформенного», от «влажных» и «водных» существ, через растения, рыб и земных животных до человека. На встречном «курсе» и одновременно с «первым» идёт эманитивный поток жизни, начальной ступенью которого «является совершенство, абсолютная тотальность, бог. Он (бог) был творцом, и от него исходили искры, молнии, отображения, так что первое отображение было наиболее похоже на него. Это первое произведение в свою очередь не осталось бездеятельным и породило другие создания, но эти создания были уже менее совершенны, и так продолжалось дальше в сторону ухудшения, так что каждое порождённое создение было в свою очередь порождающим, и, наконец, этот ряд завершился отрицанием, материей, вершиной зла»^{[1] [2] [3]}. И в эволюционном потоке, и в потоке эманитивном природа изменяется циклично.

Ступени природы, с точки зрения Г.В.Ф. Гегеля, с необходимостью сменяют друг друга, сохраняя в снятом виде ступень предыдущую. Закон отрицания отрицания ведёт природу в двух направлениях. Гегель поясняет: «Поскольку материя, например, как неистинное существование отрицает себя и возникает более высокое существование, то, с одной стороны, прежняя ступень снимается благодаря некоторой эволюции, но, с другой стороны, она продолжает существовать на заднем фоне и снова порождается посредством эманации. Эволюция есть, таким образом, также и инволюция (Involution), потому что материя свёртывает (involviert) себя в жизнь»¹²⁰. В этой связи Гегель формулирует задачу для объективного идеализма: «Природа должна быть рассмотрена как *система ступеней*, каждая из которых необходимо вытекает из другой и является ближайшей истиной той, из которой она проистекала, причём, однако, здесь нет естественного (natiirlich) процесса порождения, а есть лишь порождение в лоне внутренней идеи, составляющей основание природы»¹²¹. Но в отличие от духа, где основной формой необходимости является троичность, в природе «тотальность разделения

¹¹⁹ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.2. Философия природы. - М., 1975. С. 25.

¹²⁰ Гегель Г.В.Ф. Там же. - С.36.

¹²¹ Гегель Г.В.Ф. Там же. - С. 33.

понятия существует как четверичность»¹²², способная даже дойти до пятеричности.

Проникая друг в друга, эволюционный и эманитивный потоки представляют лишь игру отчуждённого от себя духа. Снятие-отрицание, равно как и снятие-сохранение творят формы живого без плана, описывающего прогресс. Гегель по этому поводу говорит: Природа есть отчуждённый (entfremdete) от себя дух, который в ней лишь *развивается*; он в ней вакхический бог, не обуздывающий и не постигающий самого себя; в природе единство понятия прячется»^[7].

Очевидно, что у Гегеля нет проблем в описании изменений жизни, т.к. в его диалектическом «ларце» есть всё для этого необходимое. Однако его материалистическим последователям оказалось сложнее, ведь, с одной стороны, позитивная наука вполне достоверно обнаруживает и подтверждает наличие в живой природе регресса, но с другой стороны, они не могут признать «эманацию», которая связана с богом и его творением. Более того, марксисты в силу своей мировоззренческой позиции, были приверженцами идеи *всеобщего* прогресса, без которого нельзя было убедительно обосновать движения общества к светлому коммунистическому будущему. Вот что по этому поводу говорил П.Н. Федосеев: «Необходимость социального обновления общества коренится во всеобщем мировом законе развития. Если в мире происходит постоянный процесс изменения, развития, то и формы общественной жизни не могут оставаться застывшими, неизменными»¹²³. Логично? Дело оставалось за малым — следовало убедительно доказать (продемонстрировать) наличие прогресса в природе. С этим оказалось сложнее, т.к. не все биологи склонны к спекуляциям и «методологическим» заигрываниям с диалектикой. Более того и философы выказывают скептическое отношение по вопросу обоснования и признания прогресса. С.Г. Шляхтенко вообще говорит «крамолу», утверждая: «Учение об абсолютности прогресса органически связано с идеализмом и телеологией и может быть обосновано исключительно с их помощью. Учение об абсолютности прогресса и относительности регресса несовместимо не только с диалектическим материализмом, но и с материализмом вообще»¹²⁴.

Ф. Энгельс предложил два решения проблемы прогрессивной эволюции

¹²² Гегель Г.В.Ф. Там же. - С. 32.

¹²³ Федосеев П.Н. Философия и научное познание. - М.: Наука, 1983. С. 36.

¹²⁴ Шляхтенко С.Г. Категории качества и количества. - Л., 1968. С. 95.

при наличии регресса. Оба решения исходят из очевидности и неизбежности прогресса. Наличие регресса не отрицается, но ему отводится в некотором смысле вспомогательная роль. В первом случае, используя обычную для софистики уловку, прогресс одновременно признаётся и регрессом. В формулировке Ф. Энгельса это выглядит так: «Главное тут то, что каждый прогресс в органическом развитии является вместе с тем и регрессом, ибо он закрепляет одностороннее развитие и исключает возможность развития во многих других направлениях»¹²⁵. Почему последующая ступень в развитии материи, включившая в себя в снятом виде всех своих предков, обладает меньшим количеством направлений (вариантов) дальнейшего развития, нежели её предыдущая ступень, Ф. Энгельс не объяснил.

Во втором случае Ф. Энгельс встаёт на позицию Гераклита и утверждает цикличность «миростроя», но цикличность не на отдельно взятой планете Земля, а уже в масштабах Вселенной. Мирьи неизбежно рождаются и так же неизбежно гибнут. Но как бы часто и безжалостно это не происходило, жизнь будет зарождаться вновь и вновь, ведь, согласно Ф. Энгельсу, «у нас есть уверенность в том, что материя во всех своих превращениях остаётся вечно одной и той же, что ни один из её атрибутов никогда не может быть утрачен и что поэтому с той же самой железной необходимостью, с какой она когда-нибудь истребит на Земле свой высший свет — мыслящий дух, она должна будет его снова породить где-нибудь в другом месте и в другое время»¹²⁶. У нас «есть уверенность». И всё. Следовательно, всё именно так, как думали себе марксисты, и случится. Земной цикл жизни закончится, но жизнь во Вселенной будет продолжаться, и продолжаться бесконечное множество раз зарождаться и погибать, и снова зарождаться, и снова погибать. И так бесчисленное количество раз. Но каждый раз на отдельно взятой планете, где зародится жизнь, на её основе возникнет мыслящее существо и будет создано общество, которое неизбежно дойдёт до коммунистического рая. Как будет завершаться коммунистический период жизни общества, Ф. Энгельс не описал. Вполне может случиться, что коммунизм, согласно диалектическому материализму, погибнет вместе с планетой, на которой он возник и звездой, которая питала его своей энергией.

Ещё в более сложной ситуации, нежели основоположники

¹²⁵ Энгельс Ф. Диалектика природы. - М., 1982. С. 270.

¹²⁶ Энгельс Ф. Диалектика природы. - М., 1982. С. 23.

материалистической диалектики, оказались советские философы, которые не только были вынуждены считаться с накопившимся в XX веке позитивным знанием, но одновременно и прежде всего должны были поддерживать официальную идеологию господствующего класса первого в мире социалистического государства. А это очень не просто, т.к. знания позитивных наук в значительно большей степени соответствуют действительности (в соответствии с критерием практики), нежели «знания» идеологические. В результате, учитывая зачастую разнонаправленные требования позитивных наук и идеологии, советские философы поступали мудро, утверждая методологию диалектики, а через неё и партийную истину. Вот, например, как себе представлял воплощение одного из основных законов диалектики в живой природе А.И. Игнатов: «Противоречивость результатов действия закона отрицания отрицания выражает диалектику изменения и сохранения, обратимости и необратимости развития. Диалектика изменения и сохранения такова: система сохраняется за счёт своего изменения (возврата к исходному состоянию). В то же время само это сохранение есть изменение, ибо оно означает возрождение прежнего. Изменение выступает как способ сохранения не только по функциям (продолжения бытия системы), но и организации»¹²⁷.

Закон отрицания отрицания проявляет свои «противоречивые результаты» на всех уровнях живой природы: от индивидуального развития организмов до биосферы. Об этом, в частности, говорит и А.И. Игнатов: «В живой природе закон отрицания отрицания проявляется в более богатых формах, чем в неживой. Он действует не только в каждом отдельном жизненном цикле, но и в их цепях, линиях развития. Образующиеся при этом тенденции развития подводят биосистемы к таким граням, где без нового типа возврата к старому самосохранение невозможно. Повторение таких циклов создаёт линии развития второго порядка, как бы спирали спиралей и т.д. Так, на базе жизненных циклов складывается индивидуальное развитие организмов, а на его основе образуется спираль развития видов, которые в свою очередь образуют линии развития биоценозов и биосферы»¹²⁸. В результате живая природа развивается спиралеобразно. А.И. Игнатов утверждает: «В последовательной смене этих циклов пробивает себе дорогу наиболее

¹²⁷ Диалектика живой природы. - М., 1984. С. 151.

¹²⁸ Диалектика живой природы. - М., 1984. С. 149.

значительные тенденции развития. Каждый из циклов выступает как своеобразный виток спирали, на новом уровне воспроизводящий прежний цикл. Отрицание отрицания при этом определяет ход жизнедеятельности всей биосистемы, её историческое развитие»¹²⁹. Звучит как заклинание. Но автор при этом не объясняет, почему развитие живой природы происходит по спирали. Нет и примеров, которые придали бы хоть какую-нибудь убедительность этому заклинанию.

В качестве наглядного примера, который часто предъявляли как доказательство применимости закона отрицания отрицания в живой природе и философы-марксисты, и биологи-эволюционисты был «плакат», изображавший взаимоотношения онтогенеза и филогенеза. Ссылаясь именно на эту «наглядность» филэмбриогенеза А.Н. Студитский отмечал в 1984 году: «Во взаимодействии между онтогенезом и филогенезом наглядно обнаруживается диалектический характер органического развития. Онтогенез воплощает в себе не только повторение формы путём её воспроизведения, но и частичное отрицание её путём изменения под влиянием отбора в новых условиях развития»¹³⁰. Удивительная интерпретация биологического факта (если исключить подтасовки в рисовании эмбрионов). Некоторая последовательность стадий в развитии зародыша, нарисованная (пусть даже и наблюдаемая) для некоторых позвоночных, не может однозначно свидетельствовать об эволюционном прогрессе, присущем всем живым организмам: во-первых, последовательность стадий эмбрионального развития вполне возможно интерпретировать и как потенциальные образы видов, которые будут появляться в ходе регрессивных изменений исходного вида (клюв у головастика лягушки вполне может свидетельствовать о прошлой, более высокоорганизованной птичьей стадии); во-вторых, нет оснований считать общие признаки эмбрионов, обусловленные онтогенезом прошедших (или будущих) ступеней филогенеза (жаберные щели присущи зародышам птиц, хотя они и не проходят через стадию рыб); в-третьих, для подавляющего большинства классов до сих пор не нарисованы стадии эмбриогенеза вообще, что не позволяет обоснованно говорить об эволюционных особенностях развития эмбрионов, как это сделано для некоторых хордовых. Л.В. Белоусов, описывая в 1987 году «возможные»

¹²⁹ Диалектика живой природы. - М., 1984. - С. 154.

¹³⁰ Там же. - С. 79.

механизмы «некоторых» филэмбриогенезов, заранее предупреждал: «По сути своей, реконструкция филэмбриогенезов представляет собой моделирование, причём такое, правильность которого никогда нельзя доказать; в лучших случаях приходится руководствоваться интуитивным правдоподобием»¹³¹. Более того, даже допустив, что «повторение формы путём её воспроизведения» и «частичное отрицание» свидетельствуют в пользу эволюции, мы, при всём желании, не сможем обнаружить в эмбриогенезе ни спирали, ни цикла.

Нет цикла, как нет и спирали в жизни особи. Хотя биологи и называют «циклом» время жизни от рождения до смерти, по сути это не цикл, а «отрезок», имеющий в «точке» начала рождение и в «точке» конца — смерть. Во временной «отрезок» укладывается и жизнь популяции, и жизнь вида. При этом, если жизнь особи ещё можно «натянуть» на круги потомков, получив «видимость» кругооборота генетического вещества (а не особей), то умерший вид чаще всего не «уходит» на следующий круг даже генетически (см., например, М. Сулей¹³²). Но для сторонников диалектики, изначально на уровне методологии привыкших играть в слова, цикл-отрезок без пояснений превращается в цикл-круг, а видимость воспроизводящейся жизни превращается в безусловный доказательный факт. Так, А.И. Игнатов, описывая процесс живой природы как специфическое проявление закона отрицания отрицания, отмечает: «Бактерии осуществляют самоотрицание и воспроизведение своей жизни в потомках каждые 20 мин. У многоклеточных, особенно у высших животных и растений, время жизни особей удлиняется до десятков, сотен и тысяч лет за счёт усложнения цикла индивидуального развития, полового способа размножения и других приобретений. Но и здесь смерть остаётся неизбежным следствием их жизнедеятельности»¹³³. Всё просто: в точке смерти, оказывается, происходит «самоотрицание» особи самой себя, и жизнь идёт по кругу, переходящему, благодаря прогрессу, в спираль. Но и в этом случае философы-марксисты не приводят причин, согласно которым прогресс берёт верх над регрессом.

А.М. Миклин, во избежание такого рода недоразумений, связанных с «превращением» отрезка в круг, возвращается к гегелевской ступенчатости, признавая её в качестве одной из форм «неспиралевидного» поступательного

¹³¹ Белоусов Л.В. Биологический морфогенез. - М.: Изд-во МГУ, 1987. С. 213.

¹³² Жизнеспособность популяций: Природоохранные аспекты / Под ред. М. Сулея. -М.: Мир, 1989.-224 с.

¹³³ Диалектика живой природы. - М., 1984. С. 150.

развития, которая нередко выпадает из поля зрения исследователей. В этой связи он говорит: «Однако в природе (например, в процессах эволюции живых организмов) и обществе (например, в прогрессивном развитии техники) феномен ступенчатого поступательного развития не менее распространён, чем спиралевидное развитие, и, очевидно, это полноправная форма диалектического развития»¹³⁴. И в очередной раз «форма» решает проблему материалистической диалектики. Не надо сводить закон отрицания отрицания лишь к одной форме. В этом случае закон может дать сбои, и всем станет понятно, что это вовсе и не закон. И А.М. Миклин предлагает свой вариант: «Следовательно, сущность закона отрицания отрицания состоит, вероятнее всего, в том, что в нём отражена сложная организация процесса развития, не сводимая к какой-либо одной форме повторяемости или преемственности»¹³⁵. Всё просто: развитие есть, но происходит оно существенно по-разному.

В рассуждениях о прогрессе и регрессе, в равной мере присущих живым организмам, философы-марксисты признавали: «Прогрессивные и регрессивные изменения — это диалектические противоположности, неотделимые друг от друга. Как прогресс, так и регресс необходимы для развития, они выступают как способы его осуществления. Возвраты возрождают нереализованные возможности развития»¹³⁶. Но далее, исходя уже из идеологемы всеобщего прогресса, ведущую, преобладающую роль из двух диалектически единых и противоборствующих тенденций, начинала играть лишь одна, именно та, которая «подкрепляла» на естественнонаучном материале установку на обоснованность скорого и научно обоснованного пришествия коммунизма. А.И. Игнатов, выражая диалектико-материалистическую точку зрения, без каких-либо объяснений отмечал по этому вопросу: «Живой природе присуща ведущая роль прогрессивных линий развития в диалектике соотношения прогресса и регресса, направленность прогрессивного развития на наиболее полное проявление свойств и возможностей биотической организации, повышение уровня организации живой природы»¹³⁷. Просто - живой природе «присуща». И всё. Есть, дескать, в живой природе и регресс, и прогресс, которые являются парой

¹³⁴ Миклин А.М. Категория развития: трудности объяснения / Вопросы философии.- 1978,-№3. С. 87.

¹³⁵ Миклин А.М. Там же.

¹³⁶ Диалектика живой природы. - М., 1984. - С. 154.

¹³⁷ Диалектика живой природы. - М., 1984. - С. 159.

диалектических противоположностей, но «ведущая роль» принадлежит прогрессивной линии развития. Почему? Вероятно, потому, что в природе «действует» диалектический закон отрицания отрицания. Поразительная ситуация. Оказалось, что прогресса нет в живой природе. И даже на Ч. Дарвина нельзя сослаться, ведь, как отмечает Ю.В. Чайковский, «многие вставки, добавленные Дарвином в книгу, в том числе принципиальные (например, всё понимание эволюционного прогресса), появились вовсе не в ходе обстоятельного анализа им фактов и теорий, а в качестве разрозненных эмоциональных реплик на упрёки критиков»¹³⁸. В результате, не имея «поддержки» со стороны живой природы, сторонникам материалистической диалектики больше ничего не остаётся, как высказываться в духе объективного идеализма: «Формирование прогрессивных тенденций происходит в ходе развития от этапа к этапу, путём превращения абстрактных возможностей в реальные, реальных - в действительность»¹³⁹. Абстрактные «возможности» превращаются в «реальные», которые, в свою очередь - в «действительность». Всё? Есть ли более убедительные аргументы в пользу того, что живой природе присуща «ведущая роль» прогрессивных линий развития в диалектике соотношения прогресса и регресса? Таких аргументов нет. И все ссылки на Ч. Дарвина оказываются лишь софистическими «ссылками на авторитет», ведь у самого Ч. Дарвина прогресс постулирован (подробно см. Ю.В. Чайковский¹⁴⁰). Материалисты, даже опираясь на методологию диалектики, так и не смогли уйти дальше Г.В.Ф. Гегеля в объяснении живой природы. Прогресс, с их точки зрения, необходим, т.к. закон отрицания отрицания является всеобщим, а всеобщим закон отрицания отрицания является лишь потому, что в живой природе, с их точки зрения, наблюдается прогресс. Всё остановилось на объективном идеализме, в строгом соответствии с которым Гегель утверждал:

«Изменение существует только в интересах понятия, есть только изменение инобытия понятия; и только в этом отрицании отрицательного, в этой абсолютной отрицательности, понятие может остаться при себе»¹⁴¹. Это и есть фундаментальные основы марксистской идеи прогресса. Других нет. И

¹³⁸ Чайковский Ю.В. Философия дарвинизма против философии эволюции / Вопросы философии. - 2007. - №9. С. 77.

¹³⁹ Диалектика живой природы. - М., 1984. С. 159.

¹⁴⁰ Чайковский Ю.В. О формировании концепции Ч. Дарвина (опыт междисциплинарного подхода) / Науки в их взаимосвязи. История. Теория. Практика. - М.: Наука, 1988. С. 111.

¹⁴¹ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.2. Философия природы. - М., 1975. С. 363.

даже те контраргументы, которые приводил С.Г. Шляхтенко в отношении применимости понятий «прогресс» и «ретресс» к биологическим объектам услышаны не были. А, ведь, точка зрения С.Г. Шляхтенко в отношении поступательного прогрессивного развития не менее марксистская, нежели у его оппонентов. Знать конечные пределы развития, чтобы, исходя из них, оценить «прогрессивность» поступательного движения, может либо Бог, либо Гегель. Другие, как например, Платон или Лейбниц могли лишь предполагать некую идею совершенства или верховную монаду. С.Г. Шляхтенко в этой связи и говорит: «Идея всеобщего поступательного развития предполагает, таким образом, знание конечных целей, к которым развитие стремится и либо достигает их, либо бесконечно приближается к ним. В любом случае допускается и предполагается познанным предел развития»¹⁴². Вероятно, что и большинство философов-марксистов знали, в чём заключается прогресс.

В результате, если отбросить иронию, следует признать, что на сегодняшний день нет убедительных аргументов, свидетельствующих в пользу развития живой природы по спирали в согласии с законом отрицания отрицания. Уже начиная с теории эволюции, предложенной Ч. Дарвином, для большинства не ангажированных той или иной идеологией биологов было понятно, что изменения в живой природе происходят *случайным (стохастическим)* образом. При этом изменения, происходящие с биологическим объектом, могут идти как по пути усложнения организации, так и по пути упрощения. Приоритетного или доминирующего направления в живой природе нет, как нет и развития по спирали. В каждый следующий момент вид, подверженный генетическим флюктуациям, может «поворнуть» в любую сторону в соответствии с требованиями среды. Среда может «принять» в себя с равной вероятностью и усложнившийся вид, и вид упростившийся. При этом истолковывать преемственность ступеней живой природы как развитие (прогрессивное развитие) и доказательство эволюции возможно лишь в рамках «партийного» выбора, или, иными словами, произвола, т.к. иная «партийная» позиция с таким же основанием увидит в «преемственности» доказательство регресса. В этой связи мы не можем использовать факт онтологического единства жизни как аргумент за эволюцию, эманацию, или инволюцию: прошлое будет всегда присутствовать в будущем, вне зависимости от упрощения или усложнения исходного

¹⁴² Шляхтенко С.Г. Категории качества и количества. - Л., 1968. С. 94.

организма.

Жизнь отдельной особи также представляет собой не спираль и даже не цикл. Жизнь отдельной особи укладывается в отрезок от точки рождения до точки смерти. А якобы возрождение или перерождение отдельной особи в последующих поколениях не может толковаться как цикл или спираль. В «лучшем» случае новый отрезок жизни начинает уже иная особь, в «худшем», дойдя до конца своего «отрезка», особь вообще заканчивает индивидуальную жизнь даже без перспектив на возрождение в потомках. При этом и филогенез, представляя собой генетический ряд онтогенезов, не демонстрирует цикличности или спиралевидности развития. Случайные «блуждания» форм жизни «рисуют» зигзаги, а не спираль. И эти «зигзаги» идут на встречных потоках, как в сторону усложнения организации, так и в обратную. Признание вечности жизни во Вселенной вполне допускает на равных наличие и прогресса, и регресса, причём без привлечения Творца.

§4. Идеальная диалектика «снятия»

«Снятие» является одним из основных понятий и в диалектике Гегеля, и уже далее во всей марксистской философии. Используя это диалектическое понятие, удаётся (но лишь в рамках принятого трафарета мысли) объяснить качественное изменение системы с одновременным сохранением прежнего её состава и/или формы. Для адептов исторического материализма сохранение «старого» во вновь образовавшейся системе представлялось и представляется особенно актуальным, но с оговоркой, согласно которой, сохранённое «старое» является «положительным». Вот, что по этому поводу говорит В.И. Свидерский: «Суть же диалектического отрицания состоит в том, что новое состояние включает в себя в снятом, преобразованном виде положительное содержание предшествующего состояния»¹⁴³. Почему из «старого», во вновь образовавшейся системе, должно сохраняться положительное ничем не объясняется — таков уж закон природы, общества и мышления. В результате таких изменений, с сохранением «положительного старого», развитие и происходит «по спирали», что находит своё выражение в диалектическом законе отрицания отрицания. С марксистским оптимизмом на будущее мира сквозь призму закона отрицания отрицания смотрят и Л.Е.

¹⁴³ Свидерский В.И. О современном понимании закона отрицания отрицания / Диалектика отрицания отрицания. - М., 1983. С. 60.

Даниленко с Ф.Н. Рекуновым. Вскрывая роль снятия в прогрессивной поступи истории, они отмечают: «Противоречивая природа диалектического отрицания получила своё выражение в категории снятие, означающей разрушение, уничтожение изжившей себя формы, некоторых элементов содержания и сохранение, приумножение всего положительного, что было с старом содержании, переход на высшую стадию»¹⁴⁴.

Снятие, как следует из приведённых выше пояснений, предполагает наряду с устранением наличной формы и сохранение, удержание «старого» в виде подчинённого «момента» во вновь образованной системе. И это «сохранение» во вновь образованной системе «старого» в виде некоего «момента» предлагается рассматривать не только как гарантию возвращения к предшествующей фазе развития на новом витке истории, но и, что особенно важно, как гарантию прогресса. Почему отрицание происходит «путём снятия» остаётся без пояснений, но снятие, начиная с Гегеля, есть «обогащённое» возвращение к уже пройдённой стадии развития.

При первоначальном знакомстве с проблематикой закона отрицания отрицания и содержательным ядром этого закона понятием «снятие» бросается в глаза явная омонимия немецкого слова Aufheben, которое и использовал Г.В.Ф. Гегель для содержательного объединения идей развития и преемственности. В этой связи следует выяснить, как и почему в XIX веке оказалось возможным возвращение к давно отброшенной в научном познании идее использования в философии (претендующей на статус научной) омонимов, со всеми возможностями этих «лингвистических тянитолкаев».

Как известно, использование многозначных слов и, построенных на их основе выражений, было излюбленной забавой некоторых античных философов. Но Аристотель, а позже и Хрисипп из школы стоиков не только вскрыли и детально описали «юмор» софистов, но и предложили «противоядие» интеллектуальной эквилибристики в виде логики. Аристотель начинает «Категории» с определения омонимов: «Одноименными (Συνώνυμα) называются те предметы, у которых только имя общее, а соответствующее этому имени речь о сущности (λόγος τῆς οὐσίας) — различное, как например, слово ζῶν означает и человека и изображение. У

¹⁴⁴ Даниленко Л.Е., Рекунов Ф.Н. О месте закона отрицания отрицания в системе законов диалектики / Диалектика отрицания отрицания. - М., 1983. С. 36.

этих предметов одно только имя общее, а соответствующее имени понятие <сущности> <в том и другом случае> различное: если указывать, что значит для каждого из них быть *ζῶον*, то в том и другом случае будет указано особое понятие»¹⁴⁵. В «Метафизике», перед тем как сформулировать закон тождества, Аристотель раскрывает полисемию терминов: «начало», «причина», «элемент», «природа», «необходимое», «единое», «многое», «сущность», «количество», «качество», «противоположное» и др. И лишь после этого формулирует сам закон, согласно которому для участия в разговоре и понимания собеседниками друг друга «каждое из имён должно быть понято и говорить о чём-нибудь, при этом — не о нескольких вещах, но только об одной; если же у него несколько значений, то надо разъяснить, которое из них <в нашем случае> имеется в виду»¹⁴⁶. И всё. Смыслов у слов может быть несколько, но в тексте, без специальной оговорки, необходимо использовать лишь один. Подмена понятий недопустима. Если происходит вынужденное изменение смысла слова, тогда следует об этом сообщить собеседнику.

Казалось бы, здравый смысл восторжествовал, заложены основы интеллектуальной ответственности и с софистикой покончено. Но нет. На смену релятивизму софистов приходит релятивизм скептиков. По уверениям скептиков следует воздерживаться от утвердительных высказываний в связи с тем, что нет и не может быть критерия истины, а также нет сколько-нибудь убедительных доказательств истинности того или иного доказательства. Секст Эмпирик в этой связи замечает: «Что не существует никакого выводного рассуждения, понять нетрудно. В самом деле, если они называют рассуждение выводным тогда, когда есть истинное умозаключение, начинающееся с соединения при помощи посылок и оканчивающееся выводом, то должно быть раньше того определено истинное умозаключение и уже после этого твёрдо принято зависящее от него выводное рассуждение. Но правильное умозаключение, по крайней мере до сих пор, не определено. Следовательно, не может стать понятным и выводное рассуждение»¹⁴⁷.

Отмечу, что недопустимо смешивать методологически многозначность терминов, т.е. нарушение первого закона логики $A=A$, и указание на невозможность абсолютного доказательства утверждения (кроме

¹⁴⁵ Аристотель. Категории. - М.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1939. С. 3.

¹⁴⁶ Аристотель. Метафизика. - М. - Л.: ОГИЗ, 1934. С. 187.

¹⁴⁷ Секст Эмпирик. Сочинения в двух томах. Т. 1. - М.: Мысль, 1975. С. 232.

математики) вследствие бесконечности редукции. Что такое скептицизм — у меня статья¹⁴⁸ есть. — Warrax

Этот уход мышления в бесконечность в попытке найти первооснову чего-то надёжно истинного хорошо понимал И. Кант и, понимая, наложил вполне определённые ограничения на чистый разум. Чтобы не затеряться в бескрайнем океане неведения и не погрязнуть в бесконечном разнообразии мнений, разум сам устанавливает себе вехи-ориентиры в виде соотнесения «чистых» понятий с эмпирической явью. Кант в этой связи отмечает: «Следовательно, категории посредством созерцания доставляют нам знание о вещах только через их возможное применение к эмпирическому созерцанию, т.е. служат только для возможности эмпирического знания, которое называется опытом. Следовательно, категории применяются для познания вещей, лишь поскольку эти вещи рассматриваются как предметы возможного опыта»¹⁴⁹.

Но решение проблемы поиска ориентиров для познания, предложенное И. Кантом, не устроило Г.В.Ф. Гегеля, с точки зрения которого истина не может заключаться в соответствие мысли миру вещей, а всё как раз наоборот, истина представляет собой соответствие мира вещей мысли. Гегель уточняет: «В философском смысле, напротив, истина в своём абстрактном выражении вообще означает согласие некоторого содержания с самим собой»¹⁵⁰. Под эту базовую гносеологическую идею выстраивается и логика, и методология. «Как и вся философия Аристотеля, — по утверждению Гегеля, — так и его логика нуждается в существенной переплавке»¹⁵¹. И Гегель «переплавляет». Встав на позиции «древних» скептиков, он без «метаний и сожалений» выбрасывает ненужный обременительный «хлам» законов формальной логики — закон тождества, закон (не)противоречия и закон исключённого третьего¹⁵². Конечное не может быть истинным, будь то хоть чувственный мир, или даже мир понятий, но понятий определённых. Одним из главных орудий новой диалектической методологии становится омонимия, некогда успешно используемая софистами для «шуток» и победы в спорах, а позже, поставленная Аристотелем под пристальный контроль формальной логики. Гегелю симпатичны софисты и он возвращает им доброе имя, утверждая, что

¹⁴⁸ <http://warrax.net/85/scepsis.html>

¹⁴⁹ Кант И. Критика чистого разума. - М., 2011. С. 138

¹⁵⁰ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. - М., 1974. С. 126.

¹⁵¹ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Книга вторая. - СПб.: Наука, 2006. С. 295.

¹⁵² Это когда скептики такое делали? — Warrax.

своим образованием «Греция была обязана софистам, так как они учили людей мыслить о том, что должно пользоваться у них признанием, и, таким образом, их образование было подготовкой как к философии, так и к красноречию»¹⁵³. Гегель приветствует и принимает также и позицию скептицизма, согласно которой «"противоположные определения", склонности, привычки и т.д. обладают "одинаковой силой"»¹⁵⁴.

Но Гегель, в отличие от софистов, уже не «шутит», ведь он впервые в истории человеческой мысли создаёт учение, которое не может быть опровергнуто. Его учение позволяет не только посмеяться над глупым юнцом, оно уже способно всё объяснить и всё предсказать. Для него больше нет тайн ни в прошлом, ни в настоящем, ни в будущем. На смену законам формальной логики, некогда созданной для борьбы с интеллектуальными «шутниками» и шулерами, приходят законы логики диалектической, в которой бытие то же самое, что и ничто, в которой количество переходит в качество, а потом обратно, в которой противоположности борются в своём единстве, и белое есть чёрное, и Пётр, со своей количественной стороны, есть четыре, а четыре равно шести. Как и скептики, Гегель уверен, что об одних и тех же вещах можно говорить противоположным образом, «ибо мужики знают, что все земные вещи преходящи и их бытие, следовательно, столь же хорошо, сколь и их небытие»¹⁵⁵.

Для создания такой всемогущей логики Гегель обращается за помощью к «народной» мудрости; именно в этом кладезе мысли черпает он свои идеи и не скрывает: «Задача философии состоит лишь в том, чтобы ясно осознать то, что люди издавна признавали правильным относительно мышления»¹⁵⁶. И уже нет смысла бороться с алогизмами и паралогизмами. Наоборот, всё это «народное» мышление должно стать методологическим арсеналом новой философии. И Гегель говорит: «Философия, таким образом, не устанавливает ничего нового; то, что мы получили здесь с помощью нашей рефлексии, есть непосредственное убеждение каждого человека»¹⁵⁷. А возможности «народного» мышления, запечатлённые в языке, безграничны. Гегель рад, что сам язык предоставляет такую методологическую возможность, и считает, что

¹⁵³ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Книга вторая. - СПб., 2006. С. 10.

¹⁵⁴ Там же. - С. 390. (некорректная интерпретация; скептицизм не оперирует «силой высказываний» и т.п.) — Warraх

¹⁵⁵ Там же. - С. 382.

¹⁵⁶ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. - М., 1974. С. 119.

¹⁵⁷ Там же.

это не просто случайность. Если омонимия есть в языке, прижилась в нём, то это отражает суть не только национально-народного мышления, или человеческого мышления, но и вообще мышления. «Эта двойственность в словоупотреблении, — говорит Гегель, — когда одно и то же слово имеет отрицательный и положительный смысл, не должна рассматриваться как случайная, и тем менее должны упрекать язык в путанице, а должны усмотреть здесь спекулятивный дух нашего языка, переступающего пределы голого рассудочного "или-или"»¹⁵⁸. Как и софисты, Гегель уверен -- можно всё доказать. Надо лишь быстро «схватить», объединить все точки зрения, а затем, по своей выгоде «непосредственно вызывать в уме эти богатства категорий, чтобы рассматривать согласно им какой-нибудь предмет»¹⁵⁹. И в отличие от скептиков, которые пользовались «своей диалектикой случайным образом, наталкиваясь на тот или иной материал»¹⁶⁰, Гегель омонимию слов осознанно ставит на службу своей методологии.

Возвращение в животворящую стихию «народной» мысли позволяет Гегелю найти подходящее слово для того, чтобы запечатлеть диалектическое единство противоположностей — *aufheben*. Гегель раскрывает философский потенциал этого слова: «*Aufheben* — значит, во-первых, устраниТЬ, отрицать, и мы говорим, например, что закон, учреждение и т.д. *seien aufgehoben* (отменены, упразднены). Но *aufheben* означает также *сохранить*, и мы говорим в этом смысле, что нечто сохранено (*aufgehoben sei*)»¹⁶¹. Вот это и есть сердцевина гегелевской диалектики -- омонимия, и не просто омонимия, которую следует иметь в виду при передаче мысли, а конгломерат смыслов сосредоточенных в одном слове и выдаваемых за понятие. Более того, из этого «мешка» смыслов в нужный момент актуализируется лишь подходящее случаю значение слова. Удобно. Удобно для интеллектуальных аферистов. Русское слово «брак» (от «брать» за себя замуж) можно вполне к случаю выдать за немецкое слово «брак» (изъян, дефект изделий). Это был изумительный брак, сегодня такого уже не встретишь. Следуя логике Гегеля, не должно рассматриваться как случайное совпадение в русском языке в одном слове «мат» немецкой мягкой подстилки, арабского поражения в шахматной игре и французского отсутствия блеска гладкой поверхности

¹⁵⁸ Там же. - С. 238.

¹⁵⁹ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Книга вторая. - СПб., 2006. С. 12.

¹⁶⁰ Там же. - С. 382.

¹⁶¹ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. - М., 1974. С. 238.

предмета. Это был мат, всем матам мат -- без блеска, но как эффектно. Следует заметить, что такими «лингвистическими» средствами можно вести за собой целые народы, особенно после уничтожения или запугивания его интеллектуальной элиты. Игра слов увлекает. Языковое (словесное) мышление берёт верх. И Гегель это хорошо понимает, понимает и использует для создания новой логики.

Язык, с точки зрения Гегеля, во всей красе синонимии и омонимии истинный источник всеобщего. Гегель об этом так и говорит: «Так как язык есть произведение мысли, то нельзя посредством него выразить ничего, что не являлось бы всеобщим»¹⁶². В отличие от метафизического догматизма, построенного на строгом *или-или*, диалектика Гегеля вполне совмещает в себе противоположности, причём одновременно принимая и то, и другое, и не принимая ни того, ни другого. «Истинное, спекулятивное есть, -- как утверждает Гегель, -- напротив, как раз то, что не имеет в себе таких односторонних определений и не исчерпывается ими, а как тотальность совмещает в себе те определения, которые догматизм признаёт незыблемыми и истинными в их раздельности»¹⁶³. И если догматизм «рассудочной метафизики» вынужден терзать себя выбором между односторонними определениями, полагая их незыблемыми, то диалектика, вобрав в свои понятия всю мудрость народа, запечатлённую в языке, без труда решает любую проблему, точнее, и проблем противоречия в этой методологии нет.

Вот как Гегель поясняет разницу в образовании понятий между метафизическими догматизмом и диалектическим идеализмом на примере: «Так, например, идеализм утверждает: душа не есть *только* конечное или *только* бесконечное, но она по существу есть *как* то, *так* и другое и, следовательно, не есть *ни* то, *ни* другое, т.е. такие определения в их изолированности не имеют силы, но получают её лишь как снятые»¹⁶⁴. В этой связи следует отказаться от односторонних определений, представляющих собой атавизмы «старой» логики. Определения новой логики должны быть свободны от проблем противоречия, а для этого их следует конструировать путём суммирования односторонних определений, и использование омонимов для этих целей представляет особый методологический интерес.

¹⁶² Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. - М., 1974. С. 114.

¹⁶³ Там же. - С. 139.

¹⁶⁴ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. - М., 1974. С. 139.

Вскрывая механизм образования диалектических понятий, Гегель поясняет: «Но понятие как нечто конкретное (и даже как всякая определённость вообще) существенно представляет в самом себе единство различных определений»¹⁶⁵. В результате такого конструирования понятий они все превращаются в космологические, т.е. в такие, о которых И. Кант сказал, что они «не допускают, чтобы им был дан соответствующий предмет в каком-нибудь возможном опыте; более того, они даже не допускают, чтобы разум мыслил их согласно с общими законами опыта...»¹⁶⁶. И если у Канта количество космологических идей ограничено («их может быть только четыре, ни более, ни менее, потому что существует именно четыре ряда синтетических предпосылок, а *priori* ограничивающих эмпирический синтез»¹⁶⁷), то у Гегеля любое понятие суть космологическое. Критикуя Канта по поводу количественного ограничения антиномий, Гегель вполне отчётливо высказывает свою точку зрения: «Кант обнаруживает («*Kritik der reinen Vernunft*», S. 320) здесь четыре противоречия, что, однако, слишком мало, ибо в каждом понятии имеются антиномии, так как оно не просто, а конкретно, содержит в себе, следовательно, различные определения, которые вместе с тем противоположны»¹⁶⁸.

Космологические понятия, как известно, приводят Канта к антиномиям, из невозможности решения которых, следуют ограничения наших суждений о мире. В свою очередь космологические понятия Гегеля отменяют все границы в суждениях не только о мире в целом, но и о любом конкретном явлении. При этом Кант выглядит вполне пессимистом, т.к. предлагает считать и тезис, и антитезис ложными, а явления вне наших представлений как «суть ничто»¹⁶⁹. А Гегель, превративший все понятия в космологические, настроен оптимистично, т.к. для него нет неразрешимых задач, ведь любое понятие представляет собой сумму всех возможных его «народных» определений, а, значит, по любому случаю есть возможность актуализировать из него нужный смысл. Но из круга не выйти, ведь дух, по утверждению Гегеля, «есть сознание, он свободен, потому что в нём начало и конец совпадают»¹⁷⁰. Перебирая, заложенные им же самим смыслы различных до противоположности

¹⁶⁵ Там же. - С. 140.

¹⁶⁶ Кант И. Критика чистого разума. - М., 2011. С. 364.

¹⁶⁷ Там же. - С. 365.

¹⁶⁸ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 3. - СПб.: Наука, 2006. С. 492.

¹⁶⁹ Кант И. Критика чистого разума. - М., 2011. С. 394.

¹⁷⁰ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 1. - СПб.: Наука, 2006. С. 87.

определений в содержание понятий, дух развивается. Он движется в круге смыслов, свободно, лишь по своему желанию, перебирая свои «подлинные убеждения». И это движение не по прямой, и даже не по спирали. Это движение по кругу. Гегель сам об этом говорит: «Это движение есть, в качестве конкретного движения, ряд процессов развития, которые мы должны представлять себе не как прямую линию, тянувшуюся в абстрактное бесконечное, а как возвращающийся в себя круг, который имеет своей периферией значительное количество кругов, совокупность которых составляет большой, возвращающийся в себя ряд процессов развития»¹⁷¹.

Если же кому-либо придёт желание утверждать, что сменяющие друг друга смыслы не тождественны, то у Гегеля и для этого случая есть беспрогрышный рецепт: «Нечто, находясь в отношении с другим, само уже есть некое другое по отношению к этому последнему. Так как то, во что нечто переходит, есть то же самое, что и само переходящее (оба имеют одно и то же определение, а именно быть *другим*), то в своём переходе в другое нечто лишь сливаётся с *самим собою*, и это отношение с *самим собою* в переходе и в другом есть истинная бесконечность»¹⁷². Это рассуждение Гегеля и есть момент истины в понимании единства противоположных смыслов в немецком слове «aufheben»: нечто, переходя в другое, не только становится другим, но и одновременно с этим превращает себя в прошлом в другое в ставшем настоящем! Снятие одновременно и отменяет прошлое, и сохраняет его. Именно так «работает» закон отрицания отрицания. И Гегель, продолжая свою мысль о тождестве *другого* в настоящем с *другим* в прошлом, отмечает: «Или, с отрицательной стороны, изменяется именно *другое*, оно становится *другим другого*. Таким образом, бытие снова восстановлено, но как отрицание отрицания и есть *для-себя-бытие*»¹⁷³. Это и есть диалектика снятия. Основы такой диалектики были заложены, как хорошо известно из истории философии, ещё софистами.

Гегель владеет истиной, и потому, как и дух, свободен в своём творчестве. Противоречия, из которых соткан дух, не страшны духу, и не страшны Гегелю. Гегель замечает в этой связи: «Всякое сознание, напротив, содержит в себе некоторое единство и некоторую разделённость и тем самым

¹⁷¹ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 1. - СПб., 2006. С. 90.

¹⁷² Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. - М., 1974. С. 234.

¹⁷³ Там же.

противоречие»¹⁷⁴. Всё в этом мире состоит из противоречий. Более того, именно сам дух привнёс в этот мир противоречия и он знает об этом, а потому и не беспокоится. Гегель так и говорит об этом: «Противоречие, однако, потому переносится духом, что этот последний не имеет в себе ни одного определения, про которое он не знал бы, что оно положено им самим и, следовательно, им же самим вновь может быть снято»¹⁷⁵. При этом «снято» определение может быть по желанию «духа» либо в смысле *отменено*, либо в смысле *сохранено*, ведь и в этом случае «власть духа над всем имеющимся в нём содержанием составляет основу свободы духа»¹⁷⁶. Снято и всё, без комментариев. Но обязательно снято, т.е. или отменено, или сохранено. А, как известно, предсказание, основанное на дизъюнкции утверждения и его отрицания, всегда сбудется! В этой связи закон отрицания отрицания, как, впрочем, и другие диалектические законы, является «беспрогрышным».

Дух в своём движении не может выйти за пределы себя, т.к. он един и тотален, а потому он может в движении лишь менять имеющиеся в наличии свои же формы и своё содержание, которые в духе тождественны друг другу, как едины и тождественны в «снятии» сохранение и отмена. Так, путём снятия, и происходит отрицание отрицания. Не может не происходить!

§4. Общественный прогресс: диалектический закон или идеологическая уловка?

Под прогрессом традиционно (см., например, И.С. Кон¹⁷⁷, Т. Шанин¹⁷⁸) в отечественной философии понималось (и понимают до сих пор) направление развития, которое характеризуется переходом от низшего к высшему, от менее совершенного к более совершенному. Более того, прогресс в марксистской философии признаётся неизбежным. К более совершенному и высшему, в силу какой-то внутренней потребности, стремится всё. Прогресс в мире элементарных частиц привёл к образованию атомов. Атомы, в своём устремлении к более совершенному и высшему, «переросли» в молекулы, а молекулы в клетки. Человек в рамках этой доктрины представляется результатом прогрессивного развития царства животных, а прогрессивная

¹⁷⁴ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.3. Философия духа. - М.:Мысль, 1977. С. 26.

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ Кон И.С. Прогресс / Философский энциклопедический словарь. - М., 1983. С. 534-535.

¹⁷⁸ Шанин Т. Идея прогресса / Вопросы философии. - 1998. - №8. С. 33 - 37.

смена общественных формаций привела в результате народы Земли к социализму — наилучшему общественно-политическому строю¹⁷⁹. И уже далее социализм, постепенно и без (антагонистических) конфликтов, должен (был) трансформироваться, «перерasti» в коммунизм, в ту общественно-экономическую формуацию, в которой исчезнет порабощающее человека разделение труда, противоположность между умственным и физическим трудом, когда сам труд перестанет быть лишь обязательным средством для существования, а превратится в первую жизненную потребность и будет приносить радость творчества и созидания, когда, наконец, будет реализована мечта всех тружеников Земли и, вливая свои способности в общую копилку труда человечества, каждый будет получать из этой копилки по своим потребностям. В Советском Союзе это общество всеобщего благоденствия должно было состояться к 1980 году.

Но, как выше уже было выявлено, до сих пор нет убедительных подтверждений прогресса в природе. Более того, вполне оправданно ставится под сомнение даже применимость самого понятия «прогресс» по отношению к изменениям, происходящим вне человеческого общества, а Г.С. Киселев вообще приходит к аморальному выводу: «Идея прогресса, таким образом, явно не подходит, для того чтобы оценить нравственную составляющую исторической жизни человечества. Более того, имея в виду нравственность, можно, похоже, говорить о явном движении сегодняшнего мира вспять, к варварству»¹⁸⁰. Но это уже XXI век... Оптимизма поубавилось.

В XIX веке К. Маркс, будучи по своим убеждениям революционером и последователем Гегеля, верит в прогресс и на основе этой веры формулирует закон, согласно которому «без антагонизма нет прогресса»¹⁸¹. С тех пор все марксисты верят во всемогущество антагонизмов, а если их нет — создают. Всё ради прогресса! На этот конструктивистский настрой поклонников диалектики в отношение к противоположностям обратил внимание и К.Р. Поппер, заметивший, что «в гегелевской диалектике отрицание равно ограничению, а следовательно, означает не только линию разделения,

¹⁷⁹ Бутенко А.П. Развитое социалистическое общество: сущность и проблемы /Вопросы философии. - 1976. -№6. С. 40.

¹⁸⁰ Киселев Г.С. «Тайна прогресса» и возможность истории / Вопросы философии. -2009. - №2. С. 4.

¹⁸¹ Маркс К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона. -М.: Политиздат, 1987. С. 32.

границу, но также создание противоположности, т.е. врага»¹⁸². Без войны нет и не может быть прогресса — вот формула диалектики.

Большевики в XX веке просто «горели» прогрессом. Ведь они, только они, на деле доказали возможность социального прогресса. В Советском Союзе, согласно «официальной» точке зрения, народ уже не угнетался, личность была истинно свободной (правда лишь в ленинско-сталинском понимании этого слова), а коммунистическая партия определяла верный курс к коммунизму. Этот курс и вёл, собственно, общество по пути прогресса, гармонично и всесторонне развивая человека. В этих условиях социализма развивались в сторону прогресса даже нормы нравственности. Вот что об этом говорил Л.М. Архангельский в 1978 году: «Говоря о диалектике развития нравственных норм, нельзя не отметить и такую характерную для социалистического общества тенденцию, как углубление взаимодействия между различными сторонами (системами) общего механизма социального регулирования. Право в социалистическом обществе впервые в истории реализует свою подлинную историческую сущность, поскольку становится действительным выражением справедливости и правды (истины, законности), представляя и защищая интересы всего народа, общества в целом»¹⁸³. Эту версию истории общественного прогресса отстаивали и некоторые «естествоиспытатели».

Так, В.И. Вернадский, будучи сторонником социалистических идей, утверждал, что понятие ноосферы, «которое вытекает из биогеохимических представлений, находится в полном созвучии с основной идеей, проникающей "научный социализм"»¹⁸⁴. Согласно взглядам В.И. Вернадского, с созданием социалистического государства началось сознательное воплощение ноосферы, что, собственно, и служит подтверждением неизбежного прогресса человечества. Успокаивая общественность по поводу грядущего «крушения цивилизации», В.И. Вернадский в качестве спасительных средств указывает на «связанность» отдельных поселений и «быстроту сношений» между людьми, растущую силу народных масс, появившуюся возможность сознательного регулирования размножения и продления жизни, интернациональность науки. «Всё сказанное выше, - с

¹⁸² Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т. 2. - М., 1992. С. 79.

¹⁸³ Архангельский Л.М. Природа нравственных норм и диалектика их развития /Вопросы философии. - 1978. -№3. С. 78.

¹⁸⁴ Вернадский В.И. Начало и вечность жизни. - М.: Сов. Россия, 1989. С. 147.

точки зрения В.И. Вернадского, — указывает, что реальная обстановка в наше бурное и кровавое время не может дать развиться и победить силам варваризации, которые сейчас как будто выступают на видное место. Все страхи и рассуждения обывателей, а также некоторых представителей гуманитарных и философских дисциплин о возможности гибели цивилизации связаны с недооценкой силы и глубины геологических процессов, каким является происходящий ныне, нами переживаемый, переход биосфера в ноосферу»¹⁸⁵. Оптимизм В.И. Вернадского, писавшего эти строки в 1938 году, вполне объясним и оправдан. Однако признать этот оптимизм биогеохимика в качестве выражения личной преданности вождю или идеологической уловки для народа, «не поворачивается рука». У В.И. Вернадского уверенность в прогрессивном будущем человечества зиждется вроде бы не на идеологии, у него иные резоны.

Впечатлённый событиями Первой мировой войны,

В.И. Вернадский, как известно¹⁸⁶, в корне изменил своё геологическое миропонимание. Теперь для него геология трансформировалась в биогеохимию, а «вечное» живое вещество, составляющее ничтожную часть планеты, превратилось в новом миропонимании

В.И. Вернадского в геологическую силу, меняющую лик Земли. При этом В.И. Вернадский убеждён, что «эволюция живого вещества идёт в определённом направлении»¹⁸⁷, а именно в сторону «цефализации» (Д.Д. Дана) или, что равнозначно, в сторону «психозойской эры» (Д. Ле Конт). Вслед за Д.Д. Дана В.И. Вернадский принимает как эмпирический факт скачкообразный рост мозга. При этом в обратном направлении, т.е. в сторону уменьшения размеров, мозг уже не может измениться. В.И. Вернадский говорит: «Раз достигнутый уровень мозга (центральной нервной системы) в достигнутой эволюции не идёт уже вспять, только вперёд»¹⁸⁸. Интересное утверждение, вселяющее оптимизм. Но не более. Ведь уже давно и хорошо известно (см., например, И.Л. Андреев¹⁸⁹), что объём головного мозга неандертальца (1600 см) превосходил объём головного мозга современного человека (1400 см). И разве не было в истории биосфера событий, когда не только отдельные популяции, но и целые виды с довольно развитым мозгом

¹⁸⁵ Вернадский В.И. Начало и вечность жизни. - М., 1989. С. 142.

¹⁸⁶ Вернадский В.И. Начало и вечность жизни. - М., 1989. С. 167.

¹⁸⁷ Вернадский В.И. Начало и вечность жизни. - М., 1989. С. 177.

¹⁸⁸ Вернадский В.И. Начало и вечность жизни. - М., 1989. С. 180.

¹⁸⁹ Андреев И.Л. Происхождение человека и общества. - М., 1988. С. 71.

(центральной нервной системой) исчезали с поверхности Земли?! А.А. Маслов, критикуя «размерный» критерий прогресса, говорит: «Хотя если что-то увеличивается в объёме, данный факт ещё автоматически не означает, что это эволюционирует. И вообще не значит, что существо «умнеет». Например, особняком стоит неандертальец, у которого объём мозга был больше объёма мозга современного человека почти на 15%, и хотя неандертальец был также «Человеком разумным», вряд ли кто-то серьёзно будет утверждать, что он был «прогрессивнее» кроманьонцев, то есть современных людей»¹⁹⁰.

Однако, принимая «доказанную» Д.Д. Дана «цефализацию» за одно из исходных положений своего биогеохимического миропонимания, В.И. Вернадский уверенно приходит к выводу о неизбежности прогресса человечества, прогресса, который, будучи обусловленным законом природы, обязательно выведет всё человечество в ноосферу. При этом всевозможные войны и катаклизмы не могут остановить, или более того, повернуть вспять движение человечества в сторону ноосферы. В.И. Вернадский уверенно провозглашает: «Сейчас мы переживаем новое геологическое эволюционное изменение биосферы. Мы входим в ноосферу. Мы вступаем в неё - в новый стихийный геологический процесс — в грозное время, в эпоху разрушительной мировой войны. Но важен для нас факт, что идеалы нашей демократии идут в унисон со стихийным геологическим процессом, с законами природы, отвечают ноосфере. Можно смотреть поэтому на наше будущее уверенно. Оно в наших руках. Мы его не выпустим»¹⁹¹. Пафос впечатляет, кого-то, может быть, он и вдохновлял (и даже, вдохновляет). Однако фактического подтверждения, как оказалось, идеи, высказанные В.И. Вернадским, до сих пор не получили. Многое оказалось иначе. В. Франкл¹⁹², Э. Фромм¹⁹³, Ф. Хайек¹⁹⁴, Г. Маркузе¹⁹⁵, М. Мамардашвили¹⁹⁶ и в XX веке смотрели на успехи Разума по-другому. Но могли ли «воинствующие» оптимисты-материалисты понять и принять то, о чём говорил М. Мамардашвили? М. Мамардашвили мыслил иначе (или просто мыслил?), он, вероятно, был «пропитан» чем-то иным, когда утверждал: «Мы — люди XX

¹⁹⁰ Маслов А.А. Другое человечество. Здесь кто-то побывал до нас... - Ростов н/Д., 2006. С. 88.

¹⁹¹ Вернадский В.И. Начало и вечность жизни. - М, 1989. С. 188.

¹⁹² Франкл В. Человек в поисках смысла. - М: Прогресс, 1990. - 368 с.

¹⁹³ Фромм Э. Бегство от свободы. - М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. - 284 с.

¹⁹⁴ Хайек Ф. Дорога к рабству. -М.: АСТ: Астрель, 2010. - 317 с.

¹⁹⁵ Маркузе Г. Критическая теория общества: Избранные работы по философии и социальной критике. - М.: АСТ: Астрель, 2011. - 382 с.

¹⁹⁶ Мамардашвили М.К. Сознание и цивилизация. - СПб.: Азбука-Аттикус, 2011. -288 с.

века, и нам не уйти от глобальности его проблем. А это есть прежде всего проблема современного варварства, одичания. Это угроза «вечного покоя», то есть возможность вечного пребывания в состоянии ни добра, ни зла, ни бытия, ни небытия. Просто ничего. Сокровища культуры здесь не гарантия. Такая катастрофа может произойти до атомной»¹⁹⁷. Не гарантия. С любой высоты можно упасть. А повторение оптимистических формул, по меткому выражению Э. Фромма, «столь же неадекватно и бесполезно, как ритуальный индейский танец для вызывания дождя»¹⁹⁸. Но о том, что при социализме возможны необратимые разрушения сознания трудящихся, говорить и даже думать было непозволительно.

П.Н. Федосеев, описывая успехи, достигнутые социализмом к 1983 году, стоял на своём, упорно заклиная всё «прогрессивное» человечество: «Никто из объективно мыслящих людей не в состоянии опровергнуть того факта, что реальный социализм выступает как самая динамичная система, полная жизненных сил и способная на осуществление величайших исторических преобразований. Действительные успехи стран социализма в развитии экономики и социальной жизни, в подъёме культуры воочию показывают поистине неисчерпаемые возможности нового строя, его решающие преимущества перед капитализмом»¹⁹⁹. Отдельные недостатки, конечно же, есть и при социализме, но это лишь «родимые пятна» капитализма, «пережитки прошлого», которые успешно, хотя и не автоматически, изживаются по мере продвижения общества к коммунизму. И если ты «мыслишь объективно», иного ты увидеть не можешь. Хороший аргумент! Но, как известно, лишь для тщеславных.

Мир капитализма на фоне успехов социализма загнивал и деградировал, демонстрируя регресс общества, духовное и культурное обнищание человека. Капитализм, как известно из текстов учёных-марксистов того периода, перейдя в свою монополистическую fazu, исчерпал резервы прогресса. Вот что по этому поводу говорил в 1983 году Г.Б. Ардаев: «В домонополистическую эпоху капитализм развивался по восходящей линии. В эпоху империализма капитализм развивается по нисходящей линии. Гигантски обобществляя производство, монополистический капитализм

¹⁹⁷ Мамардашвили М.К. Сознание и цивилизация. - СПб., 2011. С. 72.

¹⁹⁸ Фромм Э. Бегство от свободы. - М., 2009. С. 10.

¹⁹⁹ Федосеев П.Н. Философия и научное познание. - М., 1983. С. 428.

создаёт материальные предпосылки социализма. Социалистическая революция победила сначала в одной стране. В дальнейшем всемирно-исторический процесс смены капитализма социализмом протекает в виде отпадения всё новых стран от капиталистической системы»²⁰⁰. Несколько странный (и не только своей алогичностью) вывод о нисходящей линии развития монополистического капитализма, но «учёные-марксисты» уверенно произносили и писали о том, что глубокий и всесторонний анализ, осуществлённый всеми «братскими» коммунистическими партиями, «позволил сделать научно обоснованный вывод о дальнейшем углублении общего кризиса капиталистической системы»²⁰¹. При этом цинично и безжалостно выжимая из трудящихся и природы все ресурсы, капиталисты, по утверждению учёных-марксистов, могли лишь прикрываться одеялом идеологии и пропаганды. П.Н. Федосеев в этой связи отмечал: «Кризис капиталистического общества и его системы ценностей, разрушительные последствия бесконтрольной экспансии капиталистического промышленного производства для окружающей среды и самого человека, убогость и опустошительное действие всё более дискредитирующей себя в глазах широких масс трудящихся и молодёжи потребительской «философии жизни» и морали стали столь явными, что в последние годы имели место настойчивые попытки буржуазных идеологов выработать более притягательный заменитель набившей оскомину «модели» буржуазного потребительского образа жизни»²⁰². Понятно, что без социалистической революции такой мир неизбежно деградировал и разрушался. Спасение было возможно, по мнению марксистов, лишь на пути к социализму и коммунизму. Вот что по этому поводу в 1976 году писал академик Ф.В. Константинов: «История, общественное развитие идут по пути, предсказанному марксизмом-ленинизмом. Будущее человечества определяется ходом строительства нового общества. Нет более важной проблемы, чем строительство развитого социализма в социалистических странах и построение коммунизма в нашей стране.

От успехов этого строительства зависят судьбы народов, будущее все- го

²⁰⁰ Ардаев Г.Б. Капитализм / Философский энциклопедический словарь. - М., 1983. С. 248.

²⁰¹ Федосеев П.Н. Философия и научное познание. - М., 1983. С. 287.

²⁰² Федосеев П.Н. Философия и научное познание. - М., 1983. С. 415.

человечества»²⁰³.

Сомневались в прогрессе и говорили о кризисе человеческого сообщества и «буржуазные» философы, «обслуживающие» интересы капиталистов. Ф. Ницше в 1888 году «упаднически» признавал: «Человечество *не* развивается в направлении лучшего, высшего, более сильного — в том смысле, как думают сегодня. "Прогресс" — это просто современная, то есть ложная, идея. Европеец наших дней по своей ценности несравненно ниже европейца Ренессанса; поступательное развитие отнюдь *не* влечёт за собой непременно возрастания, возвышения, умножения сил»²⁰⁴. В 1947 году Л. Витгенштейн писал: «Истинно апокалиптический взгляд на мир состоит в том, что вещи не повторяют себя. Поэтому не абсурдно верить, что эпоха науки и технологий есть начало конца человечества. Что идея великого прогресса обманчива, заодно с идеей о том, что истина постижима; что в научном познании нет ничего хорошего и желательного, и что человечество, взыскуя познания, попадает в ловушку»²⁰⁵. С точки зрения Л. Витгенштейна, даже умнейшие не знают законов, по которым развивается общество. Из чего, собственно, и его призыв: «Если бьёшься — бейся. Если надеешься — надейся»²⁰⁶.

О превратностях истории человечества говорил и Э. Фромм: «Когда фашизм пришёл к власти, люди в большинстве своём не были к этому готовы. Ни теоретически, ни практически. Они были не в состоянии поверить, что человек может проявить такую предрасположенность к злу, такую жажду власти, пренебрежение к правам слабых и такое стремление к подчинению»²⁰⁷.

В критикуемых учёными-марксистами работах Римского клуба «за слабость теоретико-методологической базы исследований, их апологетический в ряде случаев характер, игнорирование необходимости коренных социальных преобразований для эффективного решения глобальных проблем»²⁰⁸, ещё в 1968 году были вскрыты пределы роста человечества. Обращаясь к советскому читателю своей книги, изданной в 1977 году в Оксфорде (а через три года в СССР), организатор и президент Римского

²⁰³ Константинов Ф.В. Исторический материализм и современность / Вопросы философии. - 1976. - №3. С. 35.

²⁰⁴ Ницше Ф. Антихристианин. Опыт критики христианства / Сумерки богов. - М.: Политиздат, 1990. С. 20.

²⁰⁵ Витгенштейн Л. Культура и ценность. О достоверности. - М.: АСТ: Астрель, 2010. С. 89.

²⁰⁶ Витгенштейн Л. Там же. С. 94.

²⁰⁷ Фромм Э. Бегство от свободы. - М., 2009. С. 12.

²⁰⁸ Бестужев-Лада И.В. Римский клуб / Философский энциклопедический словарь. - М., 1983. С. 585.

клуба А. Печчеи писал: «Нынешняя, полная чудес и противоречий, фаза прогресса, принеся человеку множество щедрых подарков, в то же время глубоко изменила всю нашу маленькую человеческую вселенную, поставила перед человеком невиданные доселе задачи и грозит ему неслыханными бедами»²⁰⁹. На что в духе и стиле партийной философии академик Д.М. Гвишиани в послесловии к «Человеческим качествам» А. Печчеи заметил: «С точки зрения марксистско-ленинской методологии новая работа А. Печчеи чрезвычайно уязвима для критики»^[35]. Смею предположить, что Д.М. Гвишиани в 1980 году не говорил о марксистско-ленинской методологии со стороны третьего лица, а считал её единственно верной, опираясь на которую удаётся не только избежать кризисов, обусловленных капитализмом, но и вести социалистическое общество по пути прогресса. По мнению Д.М. Гвишиани, А. Печчеи «со свойственным буржуазному мировоззрению неадекватным видением мира предлагает частичные, паллиативные, а порой и просто неверные решения»²¹⁰. По убеждению учёных-марксистов, кардинально «глобальные проблемы» решаются одним, но уже апробированным средством — социалистической революцией. Всё остальное — утопия. Н.Н. Моисеев в 1978 году даже утверждал, что «объективно исследования Форрестера направлены против стихии капиталистического развития, обосновывают необходимость перехода к плановой, управляемой экономике, а значит, в конечном счёте к социализму»²¹¹.

Идеология делает своё пошлое лицемерное дело. Учёные-марксисты уверены в своей правоте и настаивают на том, что все беды от капиталистов, которые даже научно-техническую революцию используют лишь узко эгоистически: с выгодой для себя и во вред трудящимся.

В 1978 году В.С. Семенов убеждён, что научно-техническая революция, противоречиво воздействуя на человека при капитализме, в условиях реального социализма движет общество по пути прогресса. «Возникшее противоречие между новой средой, сформированной научно-технической революцией, и «старым» человеком, — с точки зрения В.С. Семенова, — может быть успешно разрешено и действительно разрешается в условиях социализма в процессе подъёма человека на новый уровень целостного

²⁰⁹ Печчеи А. Человеческие качества. - М.: Прогресс, 1980. С. 6.

²¹⁰ Гвишиани Д.М. Послесловие к книге Печчеи А. Человеческие качества. - М.:Прогресс, 1980. С. 292-294.

²¹¹ Моисеев Н.Н. Актуальные вопросы экологической эволюции и «мировая динамика» Джая Форрестера / Вопросы философии. - 1978. - №7. С. 177.

выявления, на новую ступень культуры и тем самым — путём обогащения, новации его человеческой сущности»²¹². Понятно, что развитие техники на основе научных достижений в капиталистическом мире не ведёт к общественному прогрессу, а лишь, используя достижения объективных исследований, всё более и более через «изощрённый механизм эксплуатации»²¹³ «выжимает» людей, повышая степень их напряжённости и закабаления (см. также И.И. Исаченко и др.²¹⁴). И только социализм, как первая фаза коммунизма и, соответственно, единственно справедливый строй, позволяет человеку развиваться, а обществу прогрессировать, для этого лишь надо отдать всего себя общему делу, делу строительства коммунизма. В.С. Семенов так и говорит: «Человек в полной мере отдаёт людям, всему обществу свой труд в соответствии со своими способностями, то есть исчерпывая их полностью, и в столь же полной мере он получает от общества, создающего все условия для удовлетворения его потребностей, для цельного и свободного выявления им своей сущности»²¹⁵. В результате прогресс окажется неизбежным. Главное «в полной мере отдать» обществу свой труд, «исчерпывая полностью» свои способности. Более того, социализм, неизбежно победив во всём мире, приведёт человечество к прогрессу и полному благоденствию. П.Н. Федосеев так описывал видимую и понимаемую им эпоху перехода от капитализма к коммунизму: «Обострение общего кризиса капитализма и упрочение мирового социализма, изменение соотношения сил на международной арене в пользу коммунизма — главные исторические процессы современности, в свете которых особенно чётко выявляются сила марксистско-ленинского учения и бессилия буржуазного обществоведения»²¹⁶. И это П.Н. Федосеев пишет в 1983 году, т.е. уже после того, как в СССР три года «бушует» коммунизм и каждый отдаёт себя общему делу по своим возможностям, а получает по потребностям. Но страна продолжает верить в свои силы и успехи социализма, хотя для удовлетворения потребностей трудящихся в продуктах питания

²¹² Семенов В.С. Научно-техническая революция и проблема целостного и свободного развития человека / Вопросы философии. - 1978. - №7. С. 87.

²¹³ Соболевская А.А. Изощрённый механизм эксплуатации. - М.: Экономика, 1988. -167 с.

²¹⁴ Исаченко И.И., Кочетков Г.Б., Могилевкин И.М. Наука и техника против человека. - М.: Мысль, 1985. - 238 с.

²¹⁵ Семенов В.С. Научно-техническая революция и проблема целостного и свободного развития человека / Вопросы философии. - 1978. - №7. С. 87.

²¹⁶ Федосеев П.Н. Философия и научное познание. - М., 1983. С. 67.

разрабатывается Продовольственная программа. Станный «зигзаг» для страны, в которой не только уже построен развитой социализм, но даже создана материально-техническая база коммунизма, обеспечивающая изобилие материальных и культурных благ для всего населения СССР. Однако на эти странности мало кто обращает внимание. Главное верить, верить и строить коммунизм, отдавая этому делу все свои силы «без остатка».

Работают и идеологи. Они уже понимают, что не по царской дороге проложен путь к коммунизму. Понимают и вносят коррективы в свои «теоретические» построения, дописывая и уточняя «законы» диалектики. В этих уточнённых законах уже допускаются зигзаги и «кружные» пути по дороге к прогрессу и коммунизму, но это лишь временные явления, возможность которых «заложена в самой противоречивой сущности исторического процесса». «Реакционные классы и силы могут на какое-то время возобладать над прогрессивными силами (периоды реакции, рост фашизма). Однако эти регрессивные явления не прерывают процесса развития в рамках более общей системы»²¹⁷.

Общественный прогресс, как уверяют себя, своих слушателей и читателей советские философы, есть, и есть он, несмотря на отдельные регрессивные явления, которые не могут (почему-то) прервать прогрессивного развития «в рамках более общей системы».

Учёные-марксисты верят в прогресс, полагая себя оптимистами, и прилагают максимум усилий для того, чтобы передать эту веру всем строителям коммунизма. Но, обладая всего лишь обыденным сознанием, советские люди могли неверно интерпретировать происходящие изменения в стране и в мире, усмотрев в «нисходящем развитии» капитализма прогресс, а в «некоторых исключениях из правил» в целом прогрессивного движения к коммунизму — регресс. И чтобы нельзя было «поймать» или «уличить» диалектико-материалистических сторонников прогресса во лжи и идеологической предвзятости, они, следуя традициям диалектической методологии, использовали эффективное средство, которое, как и во многих других случаях, их выручало. Прогресс есть, считают они. Более того, он предопределён законом, прежде всего диалектическим законом отрицания отрицания. «Однако, — подстраховывается И.С. Кон, — процесс этот

²¹⁷ Регресс / Философский энциклопедический словарь. - М., 1983. С. 575.

противоречив, а типы и темпы его различны»²¹⁸. Противоречивость прогресса предполагает, что «развитие» системы не всегда и не обязательно идёт по нарастающей. Возможно и попятное движение. Но так как это попятное движение предполагается «законом», хотя и не прогнозируется, то сам «закон» приобретает форму дизъюнкции утверждения и его отрицания, что, собственно, и даёт стопроцентную гарантию «эффективности» закона. Многообразие типов прогресса и различие его темпов позволяет сторонникам диалектики применять свой «закон» вообще к любым изменениям. Изменения в сторону упрощения, от более совершенного к менее совершенному, от высшего к низшему, и даже стагнации почему-то представляются как подчинённые этому закону подготовительные этапы прогресса. Партийный оптимизм «давит» своей предвзятостью и не даёт даже минимальной возможности посмотреть на взаимоотношения прогресса и регресса с «другой стороны», принимая регресс в качестве закона (направления) развития общества (и природы), а прогресс лишь как временный и всецело подчинённый этому закону подготовительный этапы к последующему регрессу.

Однако время идеологического «разгула» оказалось для учёных-марксистов ограниченным. Декларируемые преимущества социализма в прогрессивном развитии общества не прошли испытаний строительством «мирной жизни», закончившись на этапе «развитого социализма», перешедшего в «гласность» и «перестройку». В 90-е годы XX века ко многим постмарксистским учёным приходит «прозрение» и они начинают понимать, что прогресс не связан с социализмом и даже более того, по мнению В.Л. Иноземцева: «Попытка коммунистической трансформации на долгие десятилетия выключила Советский Союз из естественного хода мирового хозяйственного прогресса»²¹⁹. Однако вера и есть вера. Её сила в том и состоит, что человеку верующему значительно легче извратить факты, подогнать их под догмы убеждения, нежели изменить сами догмы. Факты, которые противоречат вероучению, подвергаются рационализации (феномен рационализации, выявленный в исследованиях Л. Фестингера, описан Л. Слейтер²²⁰). В этой связи крах социализма в СССР (и большинстве других стран

²¹⁸ Кон И.С. Прогресс / Философский энциклопедический словарь. - М., 1983. С. 535.

²¹⁹ Иноземцев В.Л. Трансформации в современной цивилизации: постиндустриальное и постэкономическое общество (материалы «круглого стола») / Вопросы философии. - 2000. - № 1. С. 8.

²²⁰ Слейтер. Л. Открыть ящик Скиннера. - М.: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. -317с.

«народной демократии»), хотя и продемонстрировал некоторую уязвимость коммунистического вероучения, но, тем не менее, не «убил» окончательно веру в прогресс человечества у истинно верующих.

Так в 2007 году В.С. Семенов²²¹ всё ещё продолжает верить в прогресс, причём (тут произошла какая-то метаморфоза) даже вне социалистических условий управления обществом. При этом, как и ранее прогресс, с точки зрения В.С. Семенова, может быть обеспечен напряжённым трудом народа, но уже не под руководством коммунистической партии. В XXI веке, с его точки зрения, «решающей активной и направляющей силой народа в современных российских условиях может реально выступить народная интеллигенция в прочном и тесном союзе с другими слоями и группами трудящихся». Вот что сам В.С. Семенов говорит о роли и силе народа в обеспечении прогресса: «В любом случае именно и только российский народ своим напряжённым трудом, творчеством, делом и социальным действием способен и может надёжно и устойчиво обеспечить России и российской цивилизации подлинно прогрессивное и социально справедливое, гуманное и человеческое будущее на весь XXI век и далее». Большая и светлая мечта. Она всегда была путеводной для людей, готовых пожертвовать собой ради всеобщего благоденствия. Но чаще всего, массово эту идею эксплуатировали лицемеры. И именно лицемеры, под маской добропорядочности и заботы о ближнем (и даже о человечестве) изъедали доверие людей. Лицемеры до сих пор оказывались в передовиках не только мирной жизни, но и при получении наград за «ратные» (а на самом деле «паркетные») подвиги. Г.С. Киселев, «обуздывая» оптимизм, говорит в этой связи: «Колоссальные бедствия XX в., обернувшиеся невиданным торжеством сил зла, в полной мере показали наивность оптимизма в отношении будущего человечества, оптимизма, столь характерного для XIX в. Сегодня - несмотря на то что человечество достигло многоного в деле освобождения, - появляется всё больше оснований усомниться в том, что история так или иначе ведёт к уменьшению зла в мире»²²². А Т. Шанин говорит ещё более откровенно, а, следовательно, и едко для лицемеров: «Наиболее зримым «материальным» воплощением и инструментом идеи прогресса стало современное государство с его узаконенным представлением общенациональных интересов, претензий на

²²¹ Семенов В.С. О путях прогрессивного развития российского общества и цивилизации в XXI веке / Вопросы философии. - 2007. - №4. С. 94 - 113.

²²² Киселев Г.С. Мир человека: туниковая ветвь эволюции? / Вопросы философии. -2007. - №4. С. 11.

безусловную целесообразность бюрократического устройства, на объективную необходимость управлять людьми во имя прогресса и связанное с этим право распределять привилегии, навязывать пути и способы функционирования»²²³.

Понимая слабую убедительность идеологических аргументов, сторонники идеи прогресса, опираясь на некоторые эмпирические обобщения и философско-мировоззренческие взгляды «естественников» прошлых веков, продолжили поиск доказательств прогрессивной эволюции. Признавая отсутствие общепринятой точки зрения относительно направления эволюционных изменений, С.Д. Хайтун, вместе с тем, утверждает свой оптимистический взгляд на направленность вселенских изменений: «Единое рассмотрение неорганической, органической и социальной эволюции в рамках универсального эволюционизма позволяет выработать более определённый взгляд на вектор эволюции. Этот вектор безусловно существует, образуя мутовку, которая включает в себя: 1) интенсификацию энергообмена и обмена веществ, 2) интенсификацию и расширение круговоротов энергии и вещества, 3) рост целостности (системности) структур, 4) рост связанности «всего со всем» и открытости систем (системы становятся всё более автопойетическими), 5) «поэтажное» возрастание сложности и разнообразия форм, 6) нарастание степени фрактальности эволюционирующих систем и Вселенной в целом и т.д.»²²⁴. Думаю, что описанная С.Д. Хайтуном «мутовка» вектора «универсальной» эволюции, будучи антропоцентрической, может и, лишь в той или иной мере, быть применима только при рассмотрении социального прогресса, а не Вселенной и, тем более, «Вселенной в целом».

Принимая в качестве основополагающей биосферно-ноосферную концепцию В.И. Вернадского, С.Д. Хайтун в контексте материалистической диалектики утверждает: «Чтобы не получить превратных выводов о реальном направлении органической эволюции, в общем случае приходится учитывать, что эволюционная максимизация метаболизмов происходит не только и не столько на уровне организмов, сколько на уровне более крупных систем, в состав которых они входят»²²⁵. В качестве подтверждения своей точки зрения

²²³ Шанин Т. Идея прогресса / Вопросы философии. - 1998. - №8. С. 35.

²²⁴ Хайтун С.Д. Человечество на фоне универсальной эволюции: сценарии энергетического будущего / Вопросы философии. - 2005. - №11. С. 93.

²²⁵ Хайтун С.Д. Там же. - С. 95.

С.Д. Хайтун приводит пример ограниченного лишь особыми регресса паразитов по сравнению с их собратьями, живущими свободно (не паразитически) и пещерных животных по сравнению с собратьями, живущими на поверхности земли. В целом же, на уровне «более общей системы» наблюдается прогресс. Диалектическая формула позволяет С.Д. Хайтуну утверждать: «Поселяясь в пещерах, органические формы регрессируют, зато интенсифицируются (прогрессируют) метаболизмы во всей экосистеме «пещера» по сравнению с тем, что в ней было до её заселения живыми формами. Эволюцию паразитов также некорректно рассматривать в отрыве от эволюции среды их обитания, суммарная интенсивность метаболизмов которой с появлением в ней паразитов возрастает»²²⁶. Хорошее, диалектическое понимание прогресса. Согласно этой формуле, любая концентрация деградировавших людей может рассматриваться как прогресс. Более того, целенаправленная концентрация людей с иным взглядом на мир, с иным цветом кожи или разрезом глаз теперь может быть оправдана именно прогрессом, но не личным, а «более общей системы».

Хорошо, что сегодня не все так понимают общественный прогресс. Так, например, Г.С. Киселев видит прогрессивное развитие общества как раз в обратном, а именно в предоставлении всё больших личностных свобод. С его точки зрения, «противостоять одичанию способен лишь свободный, нравственно и интеллектуально развитой человек»²²⁷. При этом, Г.С. Киселев не разделяет безудержного оптимизма сторонников общественного прогресса и полагает, что далеко не все страны окажутся способными построить «очеловеченный» социум. Более того, социальные издержки глобализации, отрицающей основные гуманистические ценности открытого общества Запада, вообще «могут быть очень велики: сложившееся в мире небывалое социальное и имущественное расслоение способно в будущем обернуться грозной опасностью»²²⁸.

Н.Н. Моисеев, хотя и признавал в 1990 году личную (для себя) привлекательность социализма, вместе с тем отмечал и «удивительную жизнеспособность»²²⁹ капитализма. Будучи приверженцем универсального

²²⁶ Хайтун С.Д. Там же. - С. 95.

²²⁷ Киселев Г.С. Шанс на свободу (о перспективах открытого общества) / Вопросы философии. - 2004. - №9. С. 3.

²²⁸ Киселев Г.С. Шанс на свободу (о перспективах открытого общества) / Вопросы философии. - 2004. - №9. С. 7.

²²⁹ Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. - М.: Молодая гвардия, 1990. С. 233.

еволюционизма, Н.Н. Моисеев видел проявление закона дивергенции на всех уровнях организации материи, в связи с чем утверждал, что «он столь же справедлив для процессов эволюции общественных структур, как и в эволюции живого вещества и мира неживой материи»²³⁰.

Продолжая естественнонаучную линию Шардена-Вернадского, Н.Н. Моисеев в то же время не разделял их оптимистического взгляда на безусловный прогресс человечества. «Биосфера, — говорил он, — существовала до появления на Земле человека, может существовать и без него. Но человек вне биосферы существовать не может — это аксиома»²³¹. С уважением высказываясь об исследованиях Римского клуба и не отрицая их заслуг, Н.Н. Моисеев понимал сам, как крупный специалист в области глобального моделирования, и принимал выводы А. Печеи и Дж.У. Форрестера о зыбкой грани, отделяющей человечество от своего гибельного конца.

Н.Н. Моисеев отчётливо понимал силу человечества, вооружённого научными технологиями и, в то же время, ограниченность самого разума. Разум, с точки зрения Н.Н. Моисеева, не всесилен, «это не джин, выпущенный из бутылки, которому в нашем мире подвластно выполнение любых желаний»²³². Из необходимости согласования активности разума с законами мироздания, которое некогда само и создало разум, и рождается концепция коэволюции Н.Н. Моисеева. С одной стороны, нельзя уповать на разум, т.к. цивилизация, построенная на разумных началах, лишь тонким слоем лежит на "неандертальской" природе человека. С другой стороны, лишь разум может предложить выход из вселенской опасности, которая ожидает человечество в ближайшее время. Разлад Разума может привести не только к окончанию прогресса, но и гибели самого человечества. И это не страшилка для маленьких детей, это, с точки зрения Н.Н. Моисеева, если не договориться о совместном проживании, реальная и не очень отдалённая перспектива — середина XXI века. Г.С. Киселев из XXI века поддерживает точку зрения Н.Н. Моисеева на возможную деградацию Разума и его опасные для человечества решения: «В отношении того, на что способно человечество, не может быть никакой определённости — поскольку в конечном счёте всё зависит от его свободной воли. Ведь само по себе наличие коллективного разума ничего не

²³⁰ Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. - М., 1990. С. 232.

²³¹ Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. - М., 1990. С. 24.

²³² Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. - М., 1990. С. 247.

гарантирует. Прислушается ли человечество к своему разуму? История полна примеров того, как люди не только не слушали своих мудрецов, но и ненавидели их, лишали их жизни»²³³. Ненависть к мудрецам и просто нравственным людям стала, со времён казни Сократа, чуть ли не всенародным чувством, а борьба со свободой превратилась в жизнь большинства.

В самом конце XX века Н.Н. Моисеев возвращается к идеи исчезновения человечества, но теперь, в новых условиях нашего существования он понимает сам и хочет донести до нас, что современный мир не гарантирован на вечное существование и прогресс. Мир, с его точки зрения, стал гораздо опаснее, и прежде всего, потому что **«человечество обрело возможность не военного, а "мирного" самоуничтожения! На первый план теперь выходит не угроза одномоментной гибели людей в результате ядерного катаклизма, а вероятность ещё более мучительного исчезновения всего рода человеческого»**²³⁴. Человечество, с точки зрения Н.Н. Моисеева, как биологический вид смертно. Причём не в каком-нибудь бесконечно отдалённом и совершенно неопределённом будущем, а вполне обозримом, может быть, уже в середине XXI века. Мы не застрахованы от освенцимов и в XXI веке, причём не только локальных, но и глобальных.

Однако и сегодня в XXI веке далеко не все «естественники» согласны с точкой зрения Н.Н. Моисеева на общественное развитие. Так, например, С.П. Капица считает, что позиция Н.Н. Моисеева обусловлена лишь пессимизмом, который, в свою очередь, «связан с его возрастом, с состоянием его души и тела»²³⁵. В подтверждение не то всесилия оптимизма, не то закона диалектики С.П. Капица говорит о том, что у человечества всегда была возможность самоистребиться, а оно до сих пор живёт и процветает. Не взяли его ни чума, ни «чудовищные» оружия разрушения. И даже более того, в настоящее время «человечеству не угрожает и глобальная экологическая катастрофа»²³⁶. По «твёрдому» убеждению С.П. Капицы, ресурсов на Земле хватит для всех. Главная проблема заключается в их распределении. «Проблема питания — акцентирует С.П. Капица — состоит не в ограниченности ресурсов, а в **неспособности распределять ресурсы** как в масштабах человечества, так и в пределах одной страны. Иными словами мы имеем дело с социаль-

²³³ Киселев Г.С. Свобода и эволюция / Вопросы философии. - 2005. - №10. С. 4.

²³⁴ Моисеев Н.Н. Быть или не быть... человечеству? - М., 1999. С. 16.

²³⁵ Капица С.П. «Круглый стол» журнала «Вопросы философии», посвящённый обсуждению книги Н.Н. Моисеева «Быть или не быть... человечеству?» / Вопросы философии. - 2000. - №9. С. 10.

²³⁶ Капица С.П. Там же. - С. 9.

экономической проблемой, а не с ресурсными ограничениями»²³⁷. Спасти человечество от стихии рынка и пессимистических страшилок средств массовой информации, которые повинны в «чудовищном моральном преступлении», согласно точке зрения доктора физико-математических наук С.П. Капицы, может, по одной версии²³⁸, христианство, по другой²³⁹ — культура и наука.

Л.А. Микешина, солидаризируясь с позицией Н.Н. Моисеева и, оппонируя С.П. Капице, утверждает, что в настоящее время всё человечество столкнулось с проблемой вырождения нравственности. При этом в экстремизме, войнах и гибели людей повинны не только атеисты, но и люди верующие. По мнению Л.А. Микешиной, «хотя мировые религии обладают немалым потенциалом для решения проблемы нравственного воспитания человека, но этого оказывается сегодня недостаточно»²⁴⁰.

С тем, что уже на протяжении многих десятилетий происходит деградация биосфера согласен и А.П. Огурцов. С его точки зрения в этой деградации повинна наука с её установкой на силу и власть знания. В этой связи А.П. Огурцов говорит: «Знание — не просто сила, как у нас обычно переводят афоризм Ф. Бэкона. Знание — феномен власти, власти над природой, над обществом, над другими людьми»²⁴¹. Другое дело средние века. Там не было и не могло быть деградации, ведь тогда знание было ориентировано на «спасение человека». По мнению А.П. Огурцова, пессимистический сценарий мировой динамики, представленный Н.Н. Моисеевым, связан с моделью эволюции на основе селектоценеза. Если же на мир посмотреть через, вероятно, правильные «очки» традиции «русской мысли», представленной в модели номогенеза Л.С. Берга, тогда всё будет выглядеть уже не столь трагично. Хороший методологический изворот, хотя и не новый. Дескать, если не можешь изменить реальность, измени свой взгляд на неё. Однако при этом следует иметь в виду, что, набирающий популярность номогенез, во многом продолжая линию Ламарка во взглядах на эволюцию, не может объяснить (не прибегая к замыслу всевышнего) истоков телесо-логизма и/или телеономизма

²³⁷ Капица С.П. Парадоксы роста: Законы развития человечества. - М.: Альпина нон-фикшн, 2010. С. 114.

²³⁸ Капица С.П. «Круглый стол» журнала «Вопросы философии», посвящённый обсуждению книги Н.Н. Моисеева «Быть или не быть... человечеству?» / Вопросы философии. - 2000. - №9.

²³⁹ Капица С.П. Парадоксы роста: Законы развития человечества. - М., 2010.

²⁴⁰ Микешина Л.А. «Круглый стол» журнала «Вопросы философии», посвящённый обсуждению книги Н.Н. Моисеева «Быть или не быть... человечеству?» / Вопросы философии. - 2000. - №9. - С. 11.

²⁴¹ Огурцов А.П. Там же. - С. 14.

(см., например, В.И. Назаров²⁴²).

С зыбкой надеждой смотрит в будущее Н.В. Мотрошилова. Она полагается на историю и говорит: «Я убеждена, что современное человечество пока в полной мере не осознало и не признало, что история господства- подчинения, несмотря на огромные цивилизационные достижения, находится в самом опасном из всех своих кризисов. Единственную надежду на будущее я вижу, пожалуй, в том, что эта цивилизация и раньше двигалась через перманентные и очень глубокие кризисы и, жертвуя полностью или частично какими-то локальными цивилизационными образованиями, всё-таки умудрялась сохранить историческую целостность человечества»²⁴³. Можно, конечно, надеяться. Чудо случается. В него всегда верили и язычники, и христиане, и марксисты. И чудо иногда случалось. Но на Земле, и особенно в человеческом сообществе заканчиваются ресурсы, которые могли бы подпитать чудо. А без потенции чудо не свершается. Оно не может свершиться без скрытого (потому и чудо) резерва.

Взвешенно подходит к оценке перспектив человечества М.Н. Руткевич²⁴⁴. Соединяя идеи «теоретического естествознания» В.И. Вернадского, марксизм (+ реальный социализм) и «гуманный социализм» Римского клуба, М.Н. Руткевич приходит к оригинальной идее глобального управления. «Концепция устойчивого развития, — утверждает М.Н. Руткевич «свою» точку зрения, — и в этом её главное достоинство — ставит проблему перехода к глобальному управлению отношениями между людьми и природой и одновременно отношениями между людьми и их сообществами»²⁴⁵. Весьма «оригинальная» идея. И воплощаться в жизнь эта идея, по мнению М.Н. Руткевича, должна с помощью «оригинальной» методологии — диалектической.

На основе «глубокого анализа» проблемы устойчивого развития М.Н. Руткевич пришёл к двум «оригинальным» фундаментальным философским выводам. Согласно первому из этих двух выводов, «путь человечества в будущее должен лежать через сохранение и улучшение среды обитания нынешнего и последующих поколений *всего* человечества, а также

²⁴² Назаров В.И. Эволюция не по Дарвину: Смена эволюционной модели. - М.: Изд-во ЛКИ, 2007. - 520 с.

²⁴³ Мотрошилова Н.В. Варварство как оборотная сторона цивилизации / Вопросы философии. - 2006. - №2. С. 51.

²⁴⁴ Руткевич М.Н. Философское значение концепции устойчивого развития / Вопросы философии. - 2002. - №11. С. 24 - 35.

²⁴⁵ Руткевич М.Н. Там же. - С. 31.

постепенной ликвидации колоссального и пока что *возрастающего неравенства* в условиях существования между континентами, регионами, странами, народами»²⁴⁶. Второй вывод «философского характера», который сделан М.Н. Руткевичем «касается соотношения общественного сознания, его высшего проявления — науки — и общественного бытия, путей его преобразования на научных началах, иначе говоря, *управления обществом в глобальном масштабе*»²⁴⁷. Очевидно, что страстное желание управления обществом (тем более, в глобальном масштабе!) до сих не покидает адептов марксизма-ленинизма, которые теперь уже «под терминологией» выживания человечества готовы вести общество к социализму и коммунизму (= тоталитаризму). Людьми надо управлять, считают они, иначе произвол и анархия, ведущие к варваризации и гибели цивилизации. При этом о критериях и процедурах выбора субъектов и объектов управления умалчивается.

Г.С. Киселев, вскрывая «человеческое» начало в выборе субъектов и объектов управления, отмечает: «То, что люди в целом эгоистичны, представляется нормой. Природное начало в человеке требует признания субъектом лишь его самого (своей общности), все прочие люди (чужие общности) — объекты. Объектами же управляют с помощью насилия; при этом прямое и косвенное принуждение сопровождается манипуляцией сознанием. Понятно, что именно отсюда и ведёт начало та всеобщая вражда («война всех против всех», «человек человеку волк»), которая составила едва ли не основное содержание истории»²⁴⁸. Не спасёт от насилия управления и социализм. Ф. Хайек, описывая великую утопию, которая может оказаться конечным пунктом дороги к рабству, отмечал во время Второй мировой войны: «Теперь редко вспоминают, что вначале социализм был откровенно авторитарным. Французские мыслители, заложившие основы современного социализма, ни минуты не сомневались, что их идеи можно воплотить только с помощью диктатуры. Социализм был для них попыткой «довести революцию до конца» путём сознательной реорганизации общества на иерархической основе и насильственного установления «духовной власти». Что же касается свободы, то основатели социализма высказывались о ней совершенно недвусмысленно. Корнем всех зол общества XIX столетия они

²⁴⁶ Руткевич М.Н. Там же. - С. 32.

²⁴⁷ Руткевич М.Н. Там же. - С. 33.

²⁴⁸ Киселев Г.С. Мир человека: тупиковая ветвь эволюции? / Вопросы философии. -2007,-№4. С. 10.

считали свободу мысли. А предтеча нынешних adeptов планирования Сен-Симон предсказывал, что с теми, кто не будет повиноваться указаниям предусмотренных его теорией плановых советов, станут обходиться "как со скотом"»²⁴⁹. Об этом же говорит и П. Элен, называя социальные утопии Нового времени тоталитарными. С его точки зрения, в этих утопиях человеческой свободе не остаётся места. Всё за всех знают и решают вожди. Человеку необходимо лишь строго следовать предписаниям и законам, которые, по своему усмотрению, начертал авангард партии. В отношении к отдельному человеку нет особой разницы в различных социалистических доктринах.

Увы. Диалектика, материалистическая диалектика, марксизм даже после крушения социализма не были похоронены и забыты вместе со своим «законным» произведением. Законы диалектики продолжают впечатлять «диалектически мыслящих» своим всесилием и в XXI веке. Сохранилась в XXI веке и методология демонстрации всесилия диалектики, её законов, хотя «профессионалы» уже нередко прибегают к новомодной терминологии.

Так, например, А.В. Бузгалин, отстаивая «диалектический метод», утверждает: «Что же касается возникновения новых систем, то для этого процесса характерны не только нелинейность прогресса нового качества, но и мульти-сценарность развития новой системы в условиях её революционного генезиса»²⁵⁰. Заменив традиционные «различные темпы и типы» на «мультисценарность», которая в обновлённой на основе критического переосмыслиения диалектике предполагает и стагнацию, и даже (!) регресс, А.В. Бузгалин вместе с тем идёт, как это всегда было принято в советском (и не только) марксизме, на идеологическую уловку, «растягивая» во времени диалектические скачки, ведущие, пусть и к отдалённому в бесконечность, но к прогрессу. Характеризуя диалектику перехода одной системы в другую, А.В. Бузгалин говорит: «Социальная диалектика в лице своих лучших представителей ещё в прошлом веке показала, что этот переход предполагает, во-первых, достаточно длительное существование и нелинейное нарастание элементов новой системы внутри старой и, во-вторых, достаточно долгое и нелинейное отмирание элементов старой системы внутри новой»²⁵¹. Замечательная уловка, вполне работоспособная,

²⁴⁹ Хайек Ф. Дорога к рабству. - М., 2010. С. 64 - 65.

²⁵⁰ Бузгалин А.В. Диалектика: реактуализация в мире глобальных трансформаций /Вопросы философии. - 2009. -№5. С. 25.

²⁵¹ Бузгалин А.В. Там же. С. 26.

хотя в России ещё не все забыли постоянно отодвигающийся «горизонт» коммунизма.

Похоже, что диалектика «в лице своих лучших представителей», утверждая «мультисценарность» развития систем, вышла на новые высоты, которые недосягаемы для критики. Ведь, если в развитии систем «возможно всё», тогда и любое критическое замечание легко устраниется. Но эта идея не оригинальна. Ещё в середине XX века К.Р. Поппер, критикуя Гегеля и Канта, Маркса и Милля за их безудержную веру в прогресс, а Платона и Шпенглера за пессимистический историцизм, утверждал, что «необходимо признать одним из принципов всякого непредвзятого подхода к сфере политики, что в человеческих делах возможно всё и, в частности, что нельзя исключать никакой мыслимый вариант развития на тех основаниях, что он может нарушать так называемую тенденцию человеческого прогресса или какую-нибудь другую из закономерностей, якобы свойственных "природе человека"»²⁵². Но К.Р. Поппер, как известно, был активно против диалектики в любом её обличии.

Формула «возможно всё», провозглашённая А.В. Бузгалиным в качестве «обновлённой» доктрины диалектики, хотя и противоречит «исходному» диалектическому взгляду (Гегеля, Маркса и Ленина) на развитие систем (особенно социальных), тем не менее позволяет восстановить некогда утерянное в Программах КПСС и советского государства всесилие диалектики. А для верующих апологетов главным является именно это - восстановление статуса. И теперь с помощью «обновлённой» диалектической формулы будущее становится «абсолютно» предсказуемым. Ведь, чтобы в этом будущем не случилось, оно окажется предсказанным. Случился прогресс — хорошо. Мы предсказывали. Стагнация — бывает и так. И это мы предсказывали. Регресс тоже может случиться. Но и он предполагается формулой «возможно всё». Хорошая диалектика. Конкретная. Действенная. Диалектика XXI века. Используя её в качестве методологии науки и практики можно привести общество к такому благоденствию, которое даже не снилось утопистам прошлых веков.

Однако, оставаясь во влиянии гегелевской диалектики, пусть даже и «обновлённой», мы вместе с тем остаёмся и внутри изначальной спекулятивной доктрины, которая предполагает прогресс, верит в прогресс,

²⁵² Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т. 2. - М., 1992. С. 227.

ищет подтверждений этой веры и отмечает все факты, идущие в разрез с этой верой. Идеологическая уловка, позволяющая манипулировать людьми, поддержанная диалектическим законом, который всегда и при любом исходе событий оказывается «истинным», гарантируют нам «общий» прогресс, а вместе с ним и счастливое будущее, если, конечно, мы будем активно участвовать в массовом движении за социализм. Таковы диалектические условия и материалистические гарантии общественного прогресса. Иных в материалистической диалектике не было, и нет.